

Учреждение образования
«Барановичский государственный университет»

Вестник БарГУ

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 г.

Выпуск 8, декабрь, 2020.

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала Кочурко Василий Иванович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического образования, академик Международной академии наук педагогического образования, академик Академии экономических наук Украины, заслуженный работник образования Республики Беларусь, ректор учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Заместитель главного редактора журнала Климук Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор серии

Климук Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Ответственный секретарь серии

Прудникова Аксана Николаевна, магистр экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Редактор текстов на английском языке

Шило Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры профессиональной иноязычной подготовки, ведущий специалист факультета славянских и германских языков учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Андрияшко Марина Васильевна (*ответственный за направление «Юридические науки»*), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Демидович Анатолий Викторович (*ответственный за направление «Исторические науки и археология»*), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой педагогики и социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лизакова Роза Алексеевна (*ответственный за направление «Экономические науки»*), кандидат экономических наук, доцент, доцент секции маркетинга и менеджмента кафедры теоретической и прикладной экономики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Андреева Ольга Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра стратегических исследований социально-экономического развития Юга России федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

Астратова Галина Владимировна, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Екатеринбург, Российская Федерация).

Безуглая Виктория Александровна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета экономики и права учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (Тамбов, Российская Федерация).

Биглова Гузель Фатиховна, доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований федерального государственного бюджетного научного учреждения «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация).

Быков Алексей Александрович, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь).

Вишневецкий Алексей Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», заслуженный работник образования Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь).

Горбатова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Гурский Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент, директор государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Демичев Дмитрий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Ермакович Леонид Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Житкевич Галина Яковлевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа, аудита и статистики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Закирова Элина Рафиковна, кандидат экономических наук, доцент, директор Института дополнительного образования федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Российская Федерация).

Захарченко Людмила Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Звирибуле Андра, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Латвийского сельскохозяйственного университета (Елгава, Латвийская Республика).

Карев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Касич Алла Александровна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и публичного администрирования Киевского национального университета технологий и дизайна (Киев, Украина).

Колядко Иван Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Куган Светлана Федоровна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Кузнецова Юлия Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке (Новокузнецк, Российская Федерация).

Лабейко Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной экономики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Лосев Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, ректор учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”» (Минск, Республика Беларусь).

Лученко Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономического регулирования и финансовой политики государственного научного учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь).

Людвикевич Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Манкевич Ирина Петровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Матвеев Ярослав Николаевич, доктор юридических наук, кандидат наук, уполномоченный ректора Университета в Белостоке по делам сотрудничества с университетами Восточной Европы (Белосток, Польша).

Медведева Гульнара Борангалиевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и логистики учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Момот Татьяна Валерьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансово-экономической безопасности, учета и аудита Харьковского национального университета городского хозяйства имени А. Н. Бекетова (Харьков, Украина).

Нечухрин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и славянской истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Гродно, Республика Беларусь).

Омельянюк Александр Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор учреждения образования «Брестский государственный технический университет» (Брест, Республика Беларусь).

Острогляд Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, проректор по научной работе частного высшего учебного заведения «Университет Короля Данила» (Ивано-Франковск, Украина).

Рябова Ксения Игоревна, кандидат экономических наук, доцент, доцент секции экономической теории кафедры теоретической и прикладной экономики учреждения образования «Барановичский государственный университет» (Барановичи, Республика Беларусь).

Солодовников Сергей Юрьевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь).

Таранова Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Терзиев Венелин Кръстев, доктор наук (экономика), доктор наук (национальная безопасность), доктор наук (социальная деятельность), профессор Военной академии имени Георгия Раковского, Русенского университета имени Ангела Кънчева (Руссе, Болгария).

Функ Ян Иосифович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

Шалаев Владимир Павлович, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет» (Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация).

Шаркова Антонина Васильевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента отраслевых рынков федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация).

Шевлюков Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и финансового менеджмента в отраслях народного хозяйства учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» (Гомель, Республика Беларусь).

Яковчик Николай Степанович, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Института повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет» (Минск, Республика Беларусь).

Адрес редакции:

ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.

Телефон: +375 (163) 64 34 77.

E-mail: vestnik@barsu.by .

Подписные индексы: 00993 — для индивидуальных подписчиков; 009932 — для организаций.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № 1533 от 30.07.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки» включён в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии, экономическим наукам, юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ» включён в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), лицензионный договор № 06-1/2016.

Издатель: учреждение образования «Барановичский государственный университет».

Выходит на русском, белорусском и английском языках.

Журнал распространяется на территории Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской группой А. Ю. Сидоренко

Технический редактор Л. Н. Щербук

Компьютерная вёрстка С. М. Глушак

Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 17.12.2020. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 28,00. Уч.-изд. л. 24,10. Тираж 100 экз. Заказ

Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Слонимская типография». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/203 от 07.03.2014, № 2 от 25.02.2014.

Адрес: ул. Хлюпина, 16, 231800 Слоним, Гродненская обл.

Установа адукацыі
«Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт»

Веснік БарДУ

Штоквартальны навукова-практычны часопіс

Выдаецца з сакавіка 2013 г.

Выпуск 8, снежань, 2020.

Серыя «Гістарычныя навукі
і археалогія. Эканамічныя навукі
Юрыдычныя навукі»

Заснавальнік: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар часопіса Качурка Васіль Іванавіч, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, акадэмік Беларускай інжынернай акадэміі, акадэмік Міжнароднай акадэміі тэхнічнай адукацыі, акадэмік Міжнароднай акадэміі навук педагагічнай адукацыі, акадэмік Акадэміі эканамічных навук Украіны, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь, рэктар установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Намеснік галоўнага рэдактара часопіса Клімук Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ СЕРЫІ

Галоўны рэдактар серыі

Клімук Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Адказны сакратар серыі

Пруднікава Аксана Мікалаеўна, магістр эканамічных навук, старшы выкладчык кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Рэдактар тэкстаў на англійскай мове

Шыла Алена Валер'еўна, старшы выкладчык кафедры прафесійнай іншамоўнай падрыхтоўкі, вядучы спецыяліст факультэта славянскіх і германскіх моў установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Андрыяшка Марына Васільеўна (*адказны за напрамак «Юрыдычныя навукі»*), кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры агульнаправавых дысцыплін і дзяржаўнага кіравання ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Дзедзідовіч Анатолій Віктаравіч (*адказны за напрамак «Гістарычныя навукі і археалогія»*), кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры педагогікі і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Лізакова Роза Аляксееўна (*адказны за напрамак «Эканамічныя навукі»*), кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт секцыі маркетынгу і менеджменту кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Андреева Вольга Валянцінаўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, кіраўнік Цэнтра стратэгічных даследаванняў сацыяльна-эканамічнага развіцця Поўдня Расіі федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Растоўскі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (РІНХ)» (Растоў-на-Доне, Расійская Федэрацыя).

Астратава Галіна Уладзіміраўна, доктар эканамічных навук, кандыдат тэхнічных навук, прафесар кафедры інтэгральных маркетынговых камунікацый і брэндунгу Уральскага федэральнага ўніверсітэта імя Б. М. Ельцына, ганаровы работнік вышэйшай прафесійнай адукацыі Расійскай Федэрацыі (Екацярынбург, Расійская Федэрацыя).

Бязуглая Вікторыя Аляксандраўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дэкан факультэта эканомікі і права ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Бялянская Вольга Віктараўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Інстытута права і нацыянальнай бяспекі федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Тамбоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Г. Р. Дзяржавіна» (Тамбоў, Расійская Федэрацыя).

Біглова Гузель Фаціхіяўна, доктар эканамічных навук, дацэнт, намеснік дырэктара па навуковай рабоце Інстытута сацыяльна-эканамічных даследаванняў федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай навуковай установы «Уфімскі федэральны даследчы цэнтр Расійскай акадэміі навук» (Уфа, Рэспубліка Башкартастан, Расійская Федэрацыя).

Быкаў Аляксей Аляксандравіч, доктар эканамічных навук, прафесар, прарэктар па навуковай рабоце ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Васілевіч Рыгор Аляксеевіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, загадчык кафедры канстытуцыйнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Вішнеўскі Аляксей Фёдаравіч, доктар гістарычных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ўстанова адукацыі «Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь», заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Гарбатава Марына Анатольеўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага права і працэсу Санкт-Пецярбургскага інстытута (філіял) федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Усерасійскі дзяржаўны ўніверсітэт юстыцыі (РПА Мінюста Расіі)» (Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя).

Гурскі Васіль Леанідавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дырэктар дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Дземічаў Дзмітрый Міхайлавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі права ўстанова адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Ермаковіч Леанід Іванавіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагогікі і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Жыткевіч Галіна Якаўлеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры бухгалтарскага ўліку, аналізу, аўдыту і статыстыкі ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Закірава Эліна Рафікаўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дырэктар Інстытута дадатковай адукацыі федэральнай дзяржаўнай бюджэтайнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Уральскі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Екацярынбург, Расійская Федэрацыя).

Захарчанка Людміла Анатольеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Звірбуле Андра, доктар эканамічных навук, прафесар, дэкан эканамічнага факультэта Латвійскага сельска-гаспадарчага ўніверсітэта (Елгава, Латвійская Рэспубліка).

Караў Дзмітрый Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, дырэктар Цэнтра міждысцыплінарных даследаванняў дыяспар і замежнага беларусазнаўства ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Касіч Ала Аляксандраўна, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры менеджменту і публічнага адміністравання Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта тэхналогій і дызайну (Кіеў, Украіна).

Калядка Іван Мікалаевіч, кандыдат юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Куган Святлана Фёдараўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры менеджменту ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Кузняцова Юлія Аляксандраўна, кандыдат эканамічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік філіяла федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай адукацыйнай установы вышэйшай адукацыі «Кузбаскі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт імя Т. Ф. Гарбачова» ў г. Навакузнецку (Навакузнецк, Расійская Федэрацыя).

Лабейка Вольга Анатольеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Літвінскі Аляксандр Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры педагогікі і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Лосеў Уладзімір Уладзіміравіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, рэктар установы адукацыі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі «Міжнародны ўніверсітэт "MITCO"» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Лучанок Аляксандр Іванавіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык аддзела макраэканамічнага рэгулявання і фінансавай палітыкі дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Людвікевіч Вольга Мікалаеўна, кандыдат юрыдычных навук, загадчык кафедры грамадзянскіх і крымінальна-прававых дысцыплін установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Манкевіч Ірына Пятроўна, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Матвянюк Яраслаў Мікалаевіч, доктар юрыдычных навук хабілітаваны, упаўнаважаны рэктара Універсітэта ў Беластоку па справах супрацоўніцтва з універсітэтамі Усходняй Еўропы (Беласток, Польшча).

Мядзведзева Гульнара Барангаліеўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі і лагістыкі ўстанова адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Момат Таццяна Валер'еўна, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры фінансава-эканамічнай бяспекі, уліку і аўдыту Харкаўскага нацыянальнага ўніверсітэта гарадской гаспадаркі імя А. М. Бекетава (Харкаў, Украіна).

Нячухрын Аляксандр Мікалаевіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай і славянскай гісторыі ўстанова адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы» (Гродна, Рэспубліка Беларусь).

Амельянюк Аляксандр Міхайлавіч, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, першы прарэктар установы адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт» (Брэст, Рэспубліка Беларусь).

Астрагляд Аляксандр Васільевіч, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце прыватнай вышэйшай навучальнай установы «Універсітэт Караля Данііла» (Івана-Франкоўск, Украіна).

Рабава Ксенія Ігараўна, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт секцыі эканамічнай тэорыі кафедры тэарэтычнай і прыкладной эканомікі ўстанова адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» (Баранавічы, Рэспубліка Беларусь).

Саладоўнікаў Сяргей Юр'евіч, доктар эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканомікі і права Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Таранова Таццяна Сяргеёўна, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Церзіеў Венелін Кр'сцёў, доктар навук (эканоміка), доктар навук (нацыянальная бяспека), доктар навук (сацыяльная дзейнасць), прафесар Ваеннай акадэміі імя Георгія Ракаўскага, Русенскага ўніверсітэта імя Ангела Кънчавы (Русе, Балгарыя).

Функ Ян Іосіфавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, прафесар кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Шабанаў Вячаслаў Барысавіч, доктар юрыдычных навук, прафесар, загадчык кафедры крыміналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Шалаеў Уладзімір Паўлавіч, доктар філасофскіх навук, прафесар, дэкан факультэта сацыяльных тэхналогій федэральнай дзяржаўнай бюджэтай адукацыйнай установы вышэйшай прафесійнай адукацыі «Паволжскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт» (Іашкар-Ала, Рэспубліка Марый Эл, Расійская Федэрацыя).

Шаркова Антаніна Васільеўна, доктар эканамічных навук, прафесар, кіраўнік дэпартамента галіновых рынкаў федэральнай дзяржаўнай адукацыйнай бюджэтай установы вышэйшай адукацыі «Фінансавы ўніверсітэт пры Урадзе Расійскай Федэрацыі» (Масква, Расійская Федэрацыя).

Шаўлюкоў Аляксандр Пятровіч, доктар эканамічных навук, прафесар, загадчык кафедры бухгалтарскага ўліку і фінансавага менеджменту ў галінах народнай гаспадаркі ўстановы адукацыі «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі» (Гомель, Рэспубліка Беларусь).

Якоўчык Мікалай Сцяпанавіч, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, дырэктар Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў аграпрамысловага комплексу ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт» (Мінск, Рэспубліка Беларусь).

Адрас рэдакцыі:

вул. Войкава, 21, 225404 г. Баранавічы.

Тэлефон: +375 (163) 64 34 77.

E-mail: vestnik@barsu.by.

Падпісныя індэксы: 00993 — для індывідуальных падпісчыкаў; 009932 — для арганізацый.

Пасведчанне аб рэгістрацыі сродкаў масавай інфармацыі № 1533 ад 30.07.2012, выдадзенае Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 21 студзеня 2015 г. № 16 навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» серыя «Гістарычныя навукі і археалогія. Эканамічныя навукі. Юрыдычныя навукі» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук і археалогіі, эканамічных навук, юрыдычных навук.

Навукова-практычны часопіс «Веснік БарДУ» ўключаны ў РІНЦ (Расійскі індэкс навуковага цытавання), ліцэнзійны дагавор № 06-01/2016.

Выдавец: установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Выходзіць на рускай, беларускай і англійскай мовах.

Часопіс распаўсюджваецца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь.

Загадчык рэдакцыйна-выдавецкай групы Г. Ю. Сідарэнка

Тэхнічны рэдактар Л. М. Шчарбук

Камп'ютарная вёрстка С. М. Глушак

Карэктар Н. М. Каладко

Падпісана да друку 17.12.2020. Фармат 60 × 84 1/8. Папера афсетная. Друк лічбавы. Гарнітура Таймс. Ум. друк. арк. 28,00. Ул.-выд. арк. 24,10. Тыраж 100 экз. Заказ . . .

Кошт свабодны.

Паліграфічнае выкананне: Гродзенскае абласное ўнітарнае паліграфічнае прадпрыемства «Слоніўская тыпаграфія». Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/203 ад 07.03.2014, № 2 ад 25.02.2014.

Адрас: вул. Хлопіна, 16, 231800 Слонім, Гродзенская вобл.

Institution of Education
“Baranovichi State University”

BarSU Herald

A quarterly scientific-and-practical journal

Published since March 2013

Volume 8, December, 2020

Series “Historical Sciences
and Archaeology. Economics.
Law”

Promoter: Institution of Education “Baranovichi State University”.

EDITORIAL BOARD

The editor-in-chief of the journal is Vasily I. Kochurko, Grand PhD in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, Academician of the International Academy of Pedagogical Education, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, Honoured Worker of Education of the Republic of Belarus, Rector of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

The deputy editor-in-chief is Vladimir V. Klimuk, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Scientific Research of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Editor-in-chief of the Series

Vladimir V. Klimuk, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Scientific Research of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Executive secretary of the Series

Aksana N. Prudnikova, Master of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus)

English Texts Editor

Elena V. Shilo, Senior Lecturer of the Department of Professional Foreign Language Training, Leading Specialist of the Faculty of Slavic and Germanic Languages of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Marina V. Andriashko (*responsible for the topic area “Law”*), PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Anatoliy V. Demidovich (*responsible for the topic area “Historical Sciences and Archaeology”*), PhD in Historical Sciences, Head of the Department of Pedagogy and Socio-Humanitarian Disciplines Humanities of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Roza A. Lizakova (*responsible for the topic area “Economics”*), PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Marketing and Management Section of the Department of Theoretical and Applied Economics of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Olga V. Andreeva, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia of RSUE (Rostov, Russian Federation).

Galina V. Astratova, Grand PhD in Economic Sciences, PhD in Engineering, Professor, Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, Honoured Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation).

Victorya A. Bezugla, PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law of the Institution of Education “Baranavichy State University” (Baranavičy, Republic of Belarus).

Olga V. Belyanskaya, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and National Security of Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation).

Guzel F. Biglova, Grand PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Socio-Economic Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science “Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences” (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation).

Aleksey A. Bykov, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Vice-rector for Scientific Research of the Institution of Education “Belarusian State Economic University” (Minsk, Republic of Belarus).

Grigoriy A. Vasilevich, Grand PhD in Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Aleksey F. Vishnevskiy, Grand PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institution of Education "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", Honoured Worker of Education of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus).

Marina A. Gorbatova, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Saint Petersburg Institute (Branch) of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (Russian Academy of Justice of the Ministry of Justice of Russia)" (Saint Petersburg, Russian Federation).

Vasily L. Gurskiy, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Director of State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus" (Minsk, Republic of Belarus).

Dmitriy M. Demichev, Grand PhD in Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law of the Institution of Education "Belarusian State Economic University" (Minsk, Republic of Belarus).

Leonid I. Ermakovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Socio-Humanitarian Disciplines of the Institution of Education "Baranavichy State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Galina Y. Zhitkevich, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, Audit and Statistics of the Institution of Education "Baranavichy State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Elina R. Zakirovna, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Continuing Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University" (Yekaterinburg, Russian Federation).

Ludmila A. Zaharchenko, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Logistics of the Institution of Education "Brest State Technical University" (Brest, Republic of Belarus).

Andra Zvirbule, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Economics and Social Development of Latvia University of Life Sciences and Technologies (Jelgava, Republic of Latvia).

Dmitriy V. Karev, Grand PhD in Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Inter-disciplinary Studies of Diasporas and Foreign Belarusian Studies of the Institution of Education "Yanka Kupala State University of Hrodna" (Hrodna, Republic of Belarus).

Alla A. Kasich, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Public Administration of Kyiv National University of Technologies and Design (Kyiv, Ukraine).

Ivan N. Kolyadko, PhD in Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Process and Labour Law of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Svetlana F. Kugan, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management of the Institution of Education "Brest State Technical University" (Brest, Republic of Belarus).

Yulia A. Kuznetsova, PhD in Economic Sciences, Leading Researcher of the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University" in Novokuznetsk (Novokuznetsk, Russian Federation).

Olga A. Labeyko, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Economics of the Institution of Education "Baranavichy State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Aleksandr V. Litvinskiy, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Socio-Humanitarian Disciplines of the Institution of Education "Baranovichi State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Vladimir V. Losev, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Rector of the Institution of Education of the Federation of Trade Unions of Belarus "International University 'MITSO'" (Minsk, Republic of Belarus).

Aleksandr I. Luchenock, PhD in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Macroeconomic Regulation and Financial Policy of the State Research Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus" (Minsk, Republic of Belarus).

Olga N. Liudvikevich, PhD in Juridical Sciences, Head of the Department of Civil and Criminal-Law Disciplines of the Institution of Education "Baranavichy State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Irina P. Mankevich, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil-Law Disciplines of the Institution of Education "Belarusian State Economic University" (Minsk, Republic of Belarus).

Yaroslav N. Matveyuk, Dr hab., Vice-Rector for Development of the University of Bialystok (Bialystok, Poland).

Gulnara B. Medvedeva, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Logistics of the Institution of Education "Brest State Technical University" (Brest, Republic of Belarus).

Tatyana V. Momot, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Financial and Economic Security, Accounting and Audit of O. M. Beketov National University of Urban Economy in Kharkiv (Kharkiv, Ukraine).

Aleksandr N. Nechuhryn, Grand PhD in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World and Slavic History of the Institution of Education "Yanka Kupala State University of Hrodna" (Hrodna, Republic of Belarus).

Aleksandr M. Omelyanyuk, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector of the Institution of Education "Brest State Technical University" (Brest, Republic of Belarus).

Aleksandr V. Ostroglyad, PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Vice-rector for Research of the Private Higher Educational Institution "King Danila University" (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Ksenia I. Ryabova, PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Section of Economic Theory of the Department of Theoretical and Applied Economics of the Institution of Education "Baranavichy State University" (Baranavičy, Republic of Belarus).

Sergey Y. Solodovnikov, Grand PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Law of the Belarusian National Technical University" (Minsk, Republic of Belarus).

Tatyana S. Taranova, Grand PhD in Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil-Law Disciplines of the Institution of Education "Belarusian State Economic University" (Minsk, Republic of Belarus).

Venelin Terziev, PhD, D.Sc. (National Security), D.Sc. (Economics), D.Sc. (Social Activities), Georgi Rakovski Military Academy, Sofia, Bulgaria Kaneff University Hospital, Rousse, Bulgaria University of Rousse (Rousse, Bulgaria).

Yan I. Funk, Grand PhD in Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activities of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Vyacheslav B. Shabanov, Grand PhD in Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Vladimir P. Shalaev, Grand PhD in Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies of the Federal State Budgetary Educational Institution of High Professional Education “Volga State University of Technology” (Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, Russian Federation).

Antonina V. Sharkova, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Sectoral Markets of the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Moscow, Russian Federation).

Aleksandr P. Shevlyukov, Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting and Financial Management in Industries of the National Economy of the Institution of Education “Belarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperatives” (Homieli, Republic of Belarus).

Nikolay S. Yakovchik, Grand PhD in Economic Sciences, Grand PhD in Agriculture, Professor, Director of the Institute for Advanced Training and Retraining of the Institution of Education “Belarusian State Agrarian Technical University” (Minsk, Republic of Belarus).

Editorial address:

21 Voykova Str., 225404 Baranovichi.

Phone: +375 163 64 34 77.

E-mail: vestnik@barsu.by.

Subscription indexes: 00993 — for individual subscribers; 009932 — for companies.

The certificate of the registration of mass media № 1533 of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus on January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal “BarSU Herald”, the series “History of science and archaeology. Economics. Laws” was included on the list of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research History of science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal “BarSU Herald” is included into RSCI (Russian Science Citation Index), license agreement № 06-01/2016.

Published: educational institution “Baranovichi State University”.

Issued in Russian, Belarusian and English.

The journal is distributed on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko

Technical editor L. N. Scherbuk

Desktop Publishing S. M. Glushak

Proofreader N. N. Kolodko

Signed to print 17.12.2020. Format 60 × 84 ¹/₈. Offset paper. Digital printing. Headset Times. Cond. print. 28,00. Acc.-pub. l. 24,10. Circulation: 100 copies. Order .

Free price.

Printing performance: Grodno Regional Printing Unitary Enterprise “Slonim printing establishment”. The state registration certificate of the publisher, manufacturer and publications distributor № 1/203 of 07.03.2014, № 2 of 25.02.2014.

Address: 16 Hlyupin Str., 231800 Slonim, Grodno region.

© BarSU, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Булаты П. Ю. Отношения Хадкевичей и дворянина Свицерского по делу о заставе двора Павлюковщина (1590) . . .	13
Ганчар А. И. Реформирование римско-католических духовных консисторий в Российской империи	18
Колтаченко А. И. Методологические аспекты изучения образовательных путешествий XVI—XVIII веков на примере образования Якуба Собеского	27
Концевой П. А. Некоторые особенности демонстрационных мероприятий в советской зоне оккупации Германии и Австрии (1945—1948)	32
Котусев Е. Н. Проблематика отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках в творчестве Н. Н. Любовича	37
Кривуть В. И. Марш «Свитязянский шлях»: из истории развития спорта в Барановичском повете в межвоенный период	50
Кручковский Т. Т., Котусев Е. Н. Основная проблематика российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX века в оценке русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века (на примере Герцогства Варшавского и Царства Польского)	55
Лишик В. В. Деятельность рода Урсын-Немцевичей на территории Беларуси во второй половине XVIII века	71
Скорб М. Г. Российская и австрийская модели автономизации белградского пашалыка на начальном этапе Первого сербского восстания (1804—1806)	77
Спиридонова Т. А. Действия уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров БССР в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года (1961—1965)	82
Стурейко Н. А. Роль государственных праздников в формировании гражданского общества в Республике Беларусь	88

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куньпэн Х. Институциональные рамки и план активного участия Китая в деятельности Всемирной организации здравоохранения	94
Безуглая В. А., Костюкевич Е. А. Компетентностная модель образования 3.0: мировой и отечественный опыт	101
Зазерская В. В. Социальные аспекты развития интеллектуального потенциала в экономике знаний	106
Климук В. В. Факторы активизации инновационного развития промышленных предприятий в условиях пандемии и в постпандемический период	113
Климук В. В., Климук Е. В. Развитие методики оценки уровня инновационного развития промышленного сектора экономики в стратегии неоиндустриализации	120
Курбеко Н. А. Теоретические аспекты трактовки сущности реального сектора экономики	128
Лизакова Р. А. Внедрение принципов маркетинга взаимодействия в бизнес-процессы отечественных предприятий	133
Наранович О. И., Горбач Ю. Е., Ермакова А. А. Разработка имитационной модели решения оптимизационной задачи с учетом ограниченности ресурсов	138
Платоненко Е. И., Рутман Е. Я. Система маркетинга образовательных услуг учреждения образования «Барановичский государственный университет»	148
Тозик М. В. Основные проблемы в деятельности небанковских финансовых организаций в условиях макроэкономической стабилизации в Республике Беларусь (1996—2001)	154
Трич Ю. А. Управление отходами стекла как элемент ресурсосберегающей деятельности	159
Харкевич И. С. Использование социологических инструментов для оценки факторов, влияющих на инновационное развитие предприятий Республики Беларусь	164

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Василевич Г. А. Комплексный подход к противодействию коррупции — залог успеха	170
Горбатова М. А. Группа лиц по предварительному сговору: некоторые вопросы теории и практики	181
Дзик П. Р. Система и классификация гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта	185
Кирмель А. Г. Семейно-правовые последствия изменения половой принадлежности лиц, состоящих в браке	190
Петровский Н. А. Государственно-управленческий концепт в современных условиях развития Республики Беларусь	194
Резюк В. И. Уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности: становление и развитие, особенности современного состояния	198
Рузанова В. Д. Проблемы формирования информационного законодательства в аспекте теории систем	204
Рутман Е. Я. Правовой статус несовершеннолетнего: некоторые межотраслевые аспекты	209
Скок О. И., Шуленкова И. В. Уголовно-правовая трактовка особой жестокости в составе убийства	215
Соловьёв П. В. Реализация принципа конституционности на стадиях планирования нормотворческой деятельности и нормотворческой инициативы	219

ЗМЕСТ

ГІСТАРЫЧНЫЯ НАВУКІ

Булаты П. Ю. Адносіны Хадкевічаў і шляхціца Свядэрскага ў справе заставы двара Паўлюкоўшчына (1590)	13
Ганчар А. І. Рэфармаванне рымска-каталіцкіх духоўных кансісторый у Расійскай імперыі	18
Калтачэнка А. І. Метадалагічныя аспекты вывучэння адукацыйных падарожжаў XVI—XVIII стагоддзяў на прыкладзе адукацыі Якуба Сабескага	27
Канцавы П. А. Некаторыя асаблівасці дэмантажных мерапрыемстваў у савецкай зоне акупацыі Германіі і Аўстрыі (1945—1948)	32
Котусеў Я. М. Праблематыка адносін германскага свету і славянства ў XIII—XVI стагоддзях ў творчасці М. М. Любавіча	37
Крывуць В. І. Марш «Свіцязянскі шлях»: з гісторыі развіцця спорту ў Баранавіцкім павеце ў міжваенны перыяд	50
Кручкоўскі Т. Т., Котусеў Я. М. Асноўная праблематыка расійскай палітыкі ў Цэнтральнай Еўропе ў першай трэці XIX стагоддзя ў ацэнцы рускай гістарычнай навукі другой паловы XIX — пачатку XX стагоддзя (на прыкладзе Герцагства Варшаўскага і Царства Польскага)	55
Лішчык У. В. Дзейнасць роду Урсін-Нямцэвічаў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVIII стагоддзя	71
Скорб М. Г. Расійская і аўстрыйская мадэлі аўтанамізацыі бялградскага пашалыка на пачатковым этапе Першага сербскага паўстання (1804—1806)	77
Спірыдонава Т. А. Дзеянні ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў БССР у адпаведнасці з пастановай Савета Міністраў СССР ад 16 сакавіка 1961 года (1961—1965)	82
Стурэйка М. А. Роля дзяржаўных святаў у фарміраванні грамадзянскай супольнасці ў Рэспубліцы Беларусь	88

ЭКАНАМІЧНЫЯ НАВУКІ

Куньпэн Х. Інстытуцыйныя рамкі і план актыўнага ўдзелу Кітая ў дзейнасці Сусветнай арганізацыі аховы здароўя	94
Бязуглая В. А., Касцюкевіч А. А. Кампетэнтнасная мадэль адукацыі 3.0: сусветны і айчыны вопыт	101
Заверская В. В. Сацыяльныя аспекты развіцця інтэлектуальнага патэнцыялу ў эканоміцы ведаў	106
Клімук У. У. Фактары актывізацыі інавацыйнага развіцця прамысловых прадпрыемстваў ва ўмовах пандэміі і ў постпандэмічны перыяд	113
Клімук У. У., Клімук Я. В. Развіццё метадыкі ацэнкі ўзроўню інавацыйнага развіцця прамысловага сектара эканомікі ў стратэгіі неаіндустрыялізацыі	120
Курбека Н. А. Тэарэтычныя аспекты трактоўкі сутнасці рэальнага сектара эканомікі	128
Лізакова Р. А. Укараненне прынцыпаў маркетынгу ўзаемадзеяння ў бізнес-працэсы айчынных прадпрыемстваў	133
Нарановіч А. І., Горбач Ю. Я., Ермакова Г. А. Распрацоўка імітацыйнай мадэлі рашэння аптымізацыйнай задачы з улікам абмежаванасці рэсурсаў	138
Платоненка А. І., Рутман А. Я. Сістэма маркетынгу адукацыйных паслуг установы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт»	148
Тозік М. В. Асноўныя праблемы ў дзейнасці нябанкаўскіх фінансавых арганізацый ва ўмовах макраэканамічнай стабілізацыі (1996—2001)	154
Трыч Ю. А. Упраўленне адходамі шкла як элемент рэсурсаабаротнай дзейнасці	159
Харкевіч І. С. Выкарыстанне сацыялагічных інструментаў для ацэнкі фактараў, якія ўплываюць на інавацыйнае развіццё Рэспублікі Беларусь	164

ЮРЫДЫЧНЫЯ НАВУКІ

Васілевіч Г. А. Комплексны падыход да процідзеяння карупцыі — залог поспеху	170
Гарбатава М. А. Група асоб па папярэдняй змове: некаторыя пытанні тэорыі і практыкі	181
Дзік І. Р. Сістэма і класіфікацыя грамадзянска-прававых дагавораў у сферы прафесійнага спорту	185
Кірмель А. Г. Сямейна-прававыя наступствы змены палавой прыналежнасці асоб, якія знаходзяцца ў шлюбе	190
Пятроўскі М. А. Дзяржаўна-кіраўнічы канцэпт у сучасных умовах развіцця Рэспублікі Беларусь	194
Рэзюк В. І. Крымінальная адказнасць за злоўжыванне ўладай або службовымі паўнамоцтвамі, здзейсненае службовай асобай пры раздзяржаўленні, прыватызацыі дзяржаўнай уласнасці: станаўленне і развіццё, асаблівасці сучаснага стану	198
Рузанова В. Д. Праблемы фарміравання інфармацыйнага заканадаўства ў аспекце тэорыі сістэм	204
Рутман А. Я. Прававы статус непаўналетняга: некаторыя міжгаліновыя аспекты	209
Скок А. І., Шулянкова І. В. Крымінальна-прававая трактоўка асаблівай жорсткасці ў складзе забойства	215
Салаўёў П. В. Рэалізацыя прынцыпу канстытуцыйнасці на стадыях планавання нарматворчай дзейнасці і нарматворчай ініцыятывы	219

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Bulaty P. Yu. The relations between the Hadkievičs and the nobleman Sviaderski in the case of the leasing of Paŭliukoŭščyna estate (1590)	13
Hanchar A. I. Reformation of Roman catholic ecclesiastical consistories in the Russian empire	18
Kaltachenka A. I. Methodological aspects of the study of educational travel XVI—XVIII centuries on the example of the education of Jakub Sobieski	27
Kantsavoi P. A. Some features of dismantling measures in the soviet zone of occupation of Germany and Austria (1945—1948)	32
Kotusev E. N. The problematics of the relations of the german peace and the slavery in the XIII—XVI centuries in the works of N. N. Lyubovich	37
Krivut V. I. March “Svityazyanskiy shlyakh”: from the history of sport development in the Baranovich region in the interwar period	50
Kruchkovsky T. T., Kotusev E. N. The main problems of russia’s policy in Central Europe in the first third of the XIX century in the assessment of russian historical science in the second half of the XIX — early XX century (on the example of the Duchy of Warsaw and the Kingdom of Poland)	55
Lishyk V. V. The family of Ursyn-Nemtsevich in the territory of Belarus in the second half of the XVIII century	71
Skorb M. G. Russian and Austrian models of autonomy of the pashalik of Belgrade at the initial stage of the First serbian uprising (1804—1806)	77
Spiridonova T. A. Actions of the commissioners of the Council for the affairs of Russian orthodox church under the Council of Ministers the BSSR in accordance with the resolution of the Council of Ministers of the USSR of march 16, 1961 (1961—1965)	82
Stureiko N. A. The role of public holidays in the formation of civil society in the Republic of Belarus	88

ECONOMICS

Kunpeng H. Institutional framework and plan for China’s active participation in the activities of the world health organization	94
Bezuglaya V. A., Kostyukevich E. A. Competence education model 3.0: world and domestic experience	101
Zazerskaya V. V. social aspects of intellectual potential development in the knowledge economy	106
Klimuk V. V. Redictors of effective collaboration of the educational, scientific and business sectors in terms of digital economy	113
Klimuk V. V., Klimuk E. V. Development of the methodology for assessing the level of innovative development of the industrial sector of the economy in the strategy of neo-industrialization	120
Kurbeka N. A. Theoretical aspects of the interpretation of the essence of the real sector of the economy	128
Lizakova R. A. Implementation of interaction marketing principles in the business processes of domestic enterprises	133
Naranovich O. I., Gorbach Y. E., Ermakova A. A. Development of a simulation model for the solution of an optimization problem taking into account the restriction of resources	138
Platonenko E. I., Rutman E. Y. Marketing system for educational services in the educational institution “Baranovich State University”	148
Tozik M. V. The main problems in the activities of non-bank financial institutions in the context of macroeconomic stabilization in Belarus (1996—2001)	154
Trych Yu. A. Glass waste management as an element of resource-saving activities	159
Kharkevich I. S. Use of sociological instruments for the estimation of factors, influencing innovative development of the enterprises of the Republic of Belarus	164

LAW

Vasilevich G. A. An integrated approach to anti-corruption — a success for success	170
Gorbatova M. A. A group of persons by prior collusion: some issues of theory and practice	181
Dzik I. R. System and classification of civil contracts in the field of professional sports	185
Kirmel A. G. Family and legal consequences of changing the gender of married persons	190
Piatrouski N. A. State management concept in modern conditions of the development of the Republic of Belarus	194
Rezyuk V. I. Criminal liability for the abuse of power or official authority committed by an official during the denationalization and privatization of state property: formation, development, features of the current state	198
Ruzanova V. D. Problems of the formation of the information legislation in the aspect of the systems theory	204
Rutman E. Y. Legal status of a juvenile: some cross-sectoral aspects	209
Skok O. I., Shulenkova I. V. Criminal law interpretation of special cruelty in murder	215
Soloviev P. V. Implementation of the principle of constitutionality at the stages of planning rule-making activity and rule-making initiative	219

УДК 94(476)"15"

П. Ю. Булаты

Институт менеджменту спорту і турызму ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт фізкультуры»,
Міністэрства спорту і турызму, пр. Пераможцаў, 105, 220020 Мінск, Рэспубліка Беларусь,
+375 (29) 576 03 86, pawelbulaty@gmail.com

**АДНОСІНЫ ХАДКЕВІЧАЎ І ШЛЯХІЦЦА СВЯДЭРСКАГА
Ў СПРАВЕ ЗАСТАВЫ ДВАРА ПАЎЛЮКОЎШЧЫНА (1590)**

Артыкул прысвечаны разгляду маёмаснай справы, якая мела месца паміж прадстаўнікамі магнатэрыі графамі Аляксандрам і Янам Каралям Хадкевічамі і шляхціцам С. Свядэрскім. Прадмет справы — дамова аб перадачы ў трыманне двара Паўлюкоўшчына, які ўваходзіў у склад буйнога магнатэрскага маёнтка Ляхавіцкае графства. Увага надаецца ўмовам, на якіх Свядэрскі трымаў маёнтка ў заставе, а таксама акалічнасцям яго перадачы ва ўладанне шляхціца. У артыкуле прыводзіцца падрабязнае апісанне двара Паўлюкоўшчына і вёсак, якія ўваходзілі ў яго склад, акрэсліваюцца яго межы, згадваецца мясцовая тапаніміка. На падставе дакументаў з фондаў Архіва Патоцкіх у навуковы зварот уведзены новыя звесткі аб уладаннях Хадкевічаў, іх узаемаадносінах з павятовай шляхтай у рэчышчы кліентарна-патранальных стасункаў.

Ключавыя словы: магнатэрыя; шляхта; застава; Хадкевічы; кліентарна-патранальныя адносіны; Ляхавіцкае графства.
Мал. 1. Бібліягр.: 10 назваў.

P. Yu. Bulaty

Institute of Sports and Tourism Management of the Belarusian State University of Physical Culture,
Ministry of Sport and Tourism, 105 Pieramożcaŭ Ave., 220020 Minsk, Republic of Belarus,
+375 (29) 576 03 86, pawelbulaty@gmail.com

**THE RELATIONS BETWEEN THE HADKIEVIČS AND THE NOBLEMAN SVIADERSKI
IN THE CASE OF THE LEASING OF PAŪLIUKOŪŠČYNA ESTATE (1590)**

The article is devoted to the consideration of the property case, which took place between the representatives of the magnate counts Alexander and Jan Karol Hadkiewicz and the nobleman S. Swiaderski. The subject of the case is an agreement on the transfer of the Paŭliukoŭščyna manor, which was a part of a large magnate's estate in Lachavičy county. Attention is paid to the conditions under which Swiaderski kept the estate in pledge, as well as the circumstances of its transfer to the possession of the nobleman. The article provides a detailed description of the Paŭliukoŭščyna estate and the villages that were part of it, outlines its boundaries, and mentions local names. Based on documents from the funds of the Patotski Archive, new information about the Hadkiewicz estates and their relations with the county nobility in the field of client-patronage relations introduced into the scientific appeal.

Key words: magnate; gentry; rent; Hadkiewicz; client-patronage relations; Lachavičy county.

Fig. 1. Ref.: 10 titles.

Уводзіны. У Вялікім княстве Літоўскім існавала такая форма маёмасных узаемаадносін паміж прадстаўнікамі магнатэрыі і шляхты, як «уладар-трымальнік». У сістэме гэтых адносін распаўсюджанай іх формай, пры якой маёмасць перадавалася ад уладара іншым асобам (трымальнікам), называлася заставай. Трымальнікі — шляхціцы, якія пазычалі наяўныя грошы ўладару пад заставу яго зямель (двароў). Пры перадачы маёмасці ў заставу да крэдытора звычайна пераходзілі ўсе правы на землеўладанне і перададзеных яму разам з маёмасцю людзей. Для ўладара маёнтка застава была істотнай крыніцай даходу, для крэдытора — перспектыва набыцця зямель, якія ён трымаў у заставе. Апроч прыбыткавага складніку ў заставе меўся складнік узаемавыгадных сацыяльных адносін паміж уладаром і трымальнікам. Як адзначае гісторык А. Радаман, гэтак званыя «крэдыторы», якія пазычалі наяўныя грошы пад заруку зямель, уваходзілі ў блізкае кола кліентэлы магната [1]. Даследчык У. Падалінскі адзначае,

што аказваючы паслугі па крэдытаванні патронаў (сярод іншых паслуг трэба адзначыць вайсковую службу, дзейнасць на соймаках і соймах, прадстаўленне інтарэсаў у судах і г. д., якія шчыльна перапляталіся паміж сабой), кліенты, апроч атрымання грошаў, маглі разлічваць на забеспячэнне пасадамі і землямі, атрыманне адукацыі і выхаванне пры магнаткім двары [2].

Матэрыялы і метады даследавання. Прыкладам узаемаадносін узроўню «ўладар-трымальнік» з’яўляюцца адносіны, якія мелі месца паміж прадстаўнікамі магнатэрыі Аляксандрам Хадкевічам (пам. 1624; граф, ваявода троцкі), яго братам Янам Каралем Хадкевічам (1560—1621; граф, вялікі гетман літоўскі, ваявода віленскі) з аднаго боку і шляхціцам Сымонам Свядэрскім з іншага. Акалічнасці справы аб заставае апісаныя ў дакуменце пад загалоўкам “Akta dotyczące zastawy dóbr pawlikowskich z klucza Lackowicze przez Chodkiewiczów i oddania ich na własność za wierną służbę Szymonowi Świdierskiemu” [3, арк. 5—7]. Адзначаны дакумент захоўваецца ў фондах Архіва Патоцкіх з Радзына (фонд № 334, Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie). Гэты акт быў складзены 9 лістапада 1590 года на пасяджэнні гродскага суда ў Слоніме, куды былі пададзены лісты ад братаў Хадкевічаў (датуюцца 8 кастрычніка 1590 года) для занясення ў актавыя кнігі. З самім дакументам у архіўнай установе магчыма пазнаёміцца толькі ў фармаце мікрафільму.

Пры падрыхтоўцы артыкула выкарыстоўваліся агульнанавуковыя і спецыяльныя гістарычныя метады даследавання.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Фармальныя адносіны паміж братамі Хадкевічамі і шляхціцам Свядэрскім у межах ляхавіцкага маёнтка ўзніклі ў 1589 годзе, але дзеля бачання поўнай карціны акрэсленых узаемаадносін адначым вяхі падзей, якія папярэднічалі гэтаму.

Род Хадкевічаў у асобе Яна Гераніма Хадкевіча (1537—1579; маршалак вялікі) пачаў валодаць ляхавіцкім маёнткам ад 10 красавіка 1572 года, калі ў Варшаве падчас вольнага сойма быў аформлены дагавор з вялікім князем Жыгімонтам Аўгустам на абмен яго маёнтка Ляхавічы на маёнтка Свіслач з уладання Хадкевіча. Аднак канчаткова ўступіць ва ўладанне ляхавіцкім маёнткам Хадкевіч змог толькі ў 1576 годзе, што звязана было з нявырашанасцю рознагалосся з былым ляхавіцкім дзяржаўцам Уладзімірам Забалоткім, які меў дамаганні адносна ляхавіцкіх уладанняў. Так, з 1576 года род Хадкевічаў ужо бесперашкодна валодаў ляхавіцкім маёнткам. Пасля смерці Я. Г. Хадкевіча ў 1579 годзе яго маёнткамі сумесна распарадзіліся сыны Аляксандр і Ян Караль. Паміж сабой яны раздзялілі бацькоўскую спадчыну толькі ў 1592 годзе, саставіўшы 18 мая адпаведны акт падзелу зямель [4, с. 73]. Аднак ляхавіцкім маёнткам да сваёй смерці ў 1588 годзе распараджалася ўдава Яна Гераніма Крысціна са Збароўскіх [5].

Прадметам узаемаадносін братаў Хадкевічаў і Свядэрскага з’яўляліся правы на ўладанне дваром Паўлюкоўшчына, які ўваходзіў у склад ляхавіцкага маёнтка. Упершыню на старонках справаводства Вялікага княства Літоўскага Паўлюкоўшчына адзначаецца яшчэ ў 1520 годзе, калі, набыўшы ў баярына Наваградскага павета В. Паўлюковіча як «землю Павликовщину», яе да ляхавіцкага маёнтка далучыў Альбрэхт Гаштольд (пам. 1539 г.; вялікі канцлер літоўскі) [6, с. 68]. У сваім ляхавіцкім маёнтку ў 1535 годзе Гаштольд фундаваў каталіцкі касцёл, вылучыўшы на яго ўтрыманне двор Паўлюкоўшчына (налічвалася 8 дымоў [7, с. 102—105]) [8, арк. 195—200]. Аднак праз некалькі дзесяцігоддзяў гэты двор ужо не знаходзіўся ва ўладанні мясцовай парафіі, ім распараджаўся ўладар ляхавіцкага маёнтка. Так, у перыяд паміж 1576 і 1579 гадамі Ян Геранім Хадкевіч пад заставаў ў 500 коп грошай перадаў «фольварк ляховицкий Павлюковский» шляхціцу Мацвею Воўку [5]. Пасля смерці Хадкевіча яго ўдава Крысціна ў 1584 годзе мела непаразуменні і судовыя разбіральніцтвы з панам Воўкам. Звяртае на гэта ўвагу мемуарыст Фёдар Еўлашоўскі (1546—1616; падсудак наваградскага земскага суда), які знаходзіўся на службе Хадкевічаў. Ён адзначае, што Воўк падрабіў дакументы, зрабіўшы сабе яшчэ адзін застаўны ліст Хадкевіча на суму ў 500 коп грошай [5]. Вынікала, што ўдава Хадкевіча была павінна выплаціць Воўку суму ў 1 000 коп грошай. Па словах Еўлашоўскага, удава на прадмет падробкі дакументаў і змены сумы заставы вяла судовыя працэсы ў земскім і гродскім судах. У выніку судовых спраў Воўк ад складзенага ім ліста на дадатковую суму ў 500 коп адступіў [5]. Трэба меркаваць, што пасля гэтага разбіральніцтва браты Хадкевічы вырашылі спыніць адносіны з Воўкам і перадаць Паўлюкоўшчыну іншаму трымальніку — Сымону Свядэрскаму.

Вывучыўшы змест маёмаснага акта, які быў складзены ў гродскім судзе Слоніма ў 1590 годзе, адначым, што тыя звесткі, якія ў ім утрымліваюцца, можна размеркаваць на тры асноўныя інфарматыўныя рубрыкі: 1) звесткі аб Сымоне Свядэрскім; 2) умовы і абставіны перадачы маёнтка; 3) апісанне межаў маёнтка.

Асоба трымальніка. Сымон Свядэрскі — прадстаўнік земскай шляхты. Гэта група падпарадкаванага ўладару маёнтка ваеннаслужылага насельніцтва, якая жыла на тэрыторыі ляхавіцкага маёнтка і мела надзел зямлі. Першапачаткова С. Свядэрскі (хутчэй за ўсё са згоды ўладара ляхавіцкага маёнтка) распараджаўся пэўнай маёмасцю (дакладныя звесткі ў акце не акрэсліваюцца) на ўмовах выканання вайскавай службы ў шляхецкім апалчэнні, знаходзячыся ў васальнай залежнасці ад уладара маёнтка.

У сярэдзіне XVI стагоддзя мела месца патрабаванне ляхавіцкай земскай шляхты пераводу яе пад «земскае права» Наваградскага павета. Абумоўлена гэта было тым, што прававое становішча баяраў-шляхты, якія жылі ў прыватных і княжацкіх маёнтках, было значна горшым, чым так званай павятовай шляхты [9]. Назіралася агульная тэндэнцыя: ужо з сярэдзіны XVI стагоддзя на соймах Вялікага княства Літоўскага ўсё часцей падымалася пытанне аб ураўнаванні шляхты ў правах. Але захады ляхавіцкай шляхты былі беспаспяховыя. Так, выдадзены вялікім князем Жыгімонтам Аўгустам загад ад 5 лютага 1567 года падкрэсліваў, што ляхавіцкія баяры-шляхта не падлягаюць юрысдыкцыі павятовых судов у без спецыяльнага яго дазволу [10, арк. 94]. Тым не менш некаторым шляхціцам у перыяд 1560-х удалося атрымаць прывілеі на выхад пад прысуд Наваградскага павета [4, с. 66], але ў той жа час частка васальнай шляхты ляхавіцкага маёнтка не здолела дамагчыся вызвалення ад вотчыннай юрысдыкцыі Жыгімонта Аўгуста і ў выніку абмену ў 1572 годзе апынулася ў васальнай залежнасці ад Яна Гераніма Хадкевіча.

У шэрагах ляхавіцкай земскай шляхты знаходзіўся і С. Свядэрскі. Са звестак, прадстаўленых у акце 1590 года, можна прасачыць асноўныя моманты яго службы. Адзначаецца, што Свядэрскі знаходзіўся на службе ў Хадкевічаў з маладых сваіх гадоў [3]. Адсюль вынікае, што на момант складання дакумента шляхціц быў ужо ў досыць сталым узросце. Спачатку ён служыў у Яна Гераніма Хадкевіча. У перыяд з 1579 па 1588 год знаходзіўся на службе ў яго ўдавы Крысціны, а затым, урэшце, верна служыў братам Аляксандру і Яну Каралю Хадкевічам [3]. Аднак у дакуменце няма звестак аб кар'еры шляхціца. Застаецца невядомым, на якой службе ён знаходзіўся, якія функцыі пры дварах Хадкевічаў выконваў. Разам з перадачай Свядэрскаму маёмасці змяніўся яго сацыяльны статус. Так, пасля зацвярджэння акта браты Хадкевічы «выпускалі» шляхціца пад прысуд Наваградскага павету, што азначала вызваленне яго ад васальнай залежнасці [3].

Умовы і абставіны перадачы маёнтка. Галоўным прадметам складзенага акта з'яўляўся працэс перадачы ва ўладанне С. Свядэрскага. Гэта перадача суправаджалася шэрагам акалічнасцей і ўмоў.

У акце 1590 года адзначаецца, што С. Свядэрскі ў 1589 годзе маёнтка Паўлюкоўшчыну выкупіў у Мацвея Воўка і яго жонкі Падарэўскай. Пад выкупам трэба разумець, што Свядэрскі ўнёс Воўку суму, на якую быў застаўлены маёнтка (500 коп грошаў) [3]. Так, пазыка, пад якую быў застаўлены двор, была пагашаная, Хадкевічы маглі перадаць маёнтка у заставу іншаму трымальніку на зусім іншых умовах. Па рашэнні Аляксандра Хадкевіча (ва ўсіх месцах згадваюцца два браты, у гэтым — толькі Аляксандр) двор Паўлюкоўшчына быў перададзены ў заставу С. Свядэрскаму пад суму 1 000 коп грошаў (трэба меркаваць, з улікам выплаты Воўку). Далей адзначаецца, што браты Хадкевічы вырашаюць не выкупаць (не вяртаць 1 000 коп грошай) Паўлюкоўшчыну ў Свядэрскага, а перадаць гэты двор яму за службу на вечныя часы [3]. На нашу думку, адзначаны працэс — пагашэнне Свядэрскім пазыкі Хадкевічаў і далейшая перадача яму двара — быў загадзя абгавораны, гэтыя дамоўленасці мелі месца паміж магнатамі і шляхціцам. Тут прасочваецца імкненне Свядэрскага займець уласны маёнтка (характэрнае для прадстаўніка земскай шляхты), а папярэдні канфлікт Хадкевічаў з Воўкам стварыў спрыяльныя для Свядэрскага ўмовы, каб гэта здзейсніць.

У дакуменце акрэслівалася, што перададзеным маёнткам Свядэрскі мог свабодна распараджацца па сваім жаданні: прадаць яго, аддаць, падарыць, перадаць у заставу, замяніць, запісаць на касцёл. Пры тым Хадкевічы гарантавалі шляхціцу акрэсленую свабоду дзейнасці, выдаўшы як са свайго боку, так і з боку сваіх нашчадкаў заруку. Адзначалася, што ў выпадку дзеянняў Хадкевічаў (ці іх нашчадкаў) у адносінах да маёмасці Свядэрскага, якая б шкодзіла маёмасці ці парушала правы шляхціца свабодна ёю распараджацца, яны мусяць заплаціць таму суму памерам 3 000 коп грошаў літоўскіх [3].

Апісанне маёнтка. Аб'ектам акта 1590 года з'яўляецца маёмасць, якая перадавалася Хадкевічамі шляхціцу Свядэрскаму. Перададзеная маёмасць, яе склад і межы падрабязна апісваюцца ў дакуменце. Адзначым, што ўсе тэрыторыі, якія пераходзілі ва ўладанне шляхціца, уваходзілі ў склад ляхавіцкага маёнтка. Пры гэтым у дакуменце падаецца цікавая акалічнасць («гісторыя» маёнтка): зафіксавана, што маёнтка перайшоў айцу Аляксандра і Яна Каралю Хадкевічаў ад вялікага князя Жыгімонта Аўгуста [3]. Таксама паведамляецца, што межы перададзенага двара і вёсак былі вымераны рэвізорамі Дзмітрыем Са-

пегам і Вацлавам Сутынскім як раз у часы, калі ляхавіцкім маёнткам уладарыў Жыгімонт Аўгуст. Па гэтых замерах, здзейсненых у 1560-я [4, с. 67], вызначаўся памер зямлі ў валоках, які перадаваўся Свядэрскаму.

Са складзенага акта вынікае, што браты Хадкевічы перадавалі ў вечнае карыстанне двор Паўлюкоўшчына, сяло Паўлюкоўшчына і сяло Русінавічы, каб, як адзначаецца ў дакуменце, Свядэрскі ў маёнтку карыстаўся пажыткамі і паспяхова іх памнажаў. У дакуменце адзначаюцца памеры кожнай часткі, перададзенай шляхціцу: 1) пры двары Паўлюкоўшчына мелася 13 валок і 20 моргаў зямлі; 2) да сяла Паўлюкоўшчына было дапасавана аселых і пустых 18 валок; 3) да другога сяла — Русінавічы — належала 33 валокі зямлі [3].

Вышэй акрэслена маёмасць, якая раней знаходзілася ў заставе шляхціца М. Воўка і пасля працэдуры пагашэння пазыкі братаў Хадкевічаў перадавалася С. Свядэрскаму. Па «сваёй добрай волі» [3] Хадкевічы дадалі да гэтых зямель дадатковы надзел (яго замеру праводзіў мернік Хадкевічаў Пётр Забэла), які падрабязна апісваецца ў акце 1590 года.

Так, Свядэрскаму перадавалася ва ўладанне гэтак званая «чаркасаўская» зямля памерам у 4 валокі і 27 моргаў, якую першапачаткова трымаў ляхавіцкі зямлінін Андрэй Чаркас. Хадкевічы замянілі яму надзел на іншы, а адзначаныя валокі далучылі да двара Свядэрскага. Далучаныя землі знаходзіліся як раз паміж сёламі Паўлюкоўшчына і Русінавічы. Апісваюцца межы гэтага надзела: з аднаго боку надзел мяжуе з Замкавым Борам і з маёнткам ляхавіцкіх зямлян Мазуркоў (іх сёлом Ганчары); па другі бок землі сягаюць да броду Баравога пры сяле Русінавічы; з трэцяга боку надзел даходзіць да канцавой сценкі (трэба меркаваць, да межаў ляхавіцкага маёнтка); з чацвёртага боку зямля ўпіраецца ў зямлю двара Паўлюкоўшчына [3].

Да гэтых жа зямель мернікам Забэлам было дададзена 18 моргаў і 60½ прутаў зямлі.

Акрамя таго, Свядэрскаму перадавалася 12 валок зямлі ляхавіцкіх зямлян Грыцковічаў. У дакуменце адзначаецца, што першапачаткова гэтыя валокі знаходзіліся ў трыманні зямлян Міхны, Ваські, Фёдара і Сцяпана Грыковічаў, а таксама шляхціцаў Валодкоўскага і Галаўні. Пазней усе гэтыя землі былі перададзеныя ў трыманне службоўцу Хадкевічаў Івану Крэчэтайскаму. З дазволу Хадкевічаў Крэчэтайскі саступіў землі Свядэрскаму (гэта працэдура была завераная асобным лістом Крэчэтайскага, спасылка на які маецца ў акце 1590 года) [3].

Такім чынам, шляхціцу Свядэрскаму перадавалася: двор, 2 сяла і зямля, агульны памер якой складаў 88 валок і 5 моргаў і 60½ пруты (схема маёнтка прадстаўлена на малюнку 1). Зямля перадавалася, як адзначаецца ў дакуменце, з селішчамі, засценкамі, людзьмі і рознымі пажыткамі. Для параўнання адзначым, што памер ляхавіцкага маёнтка па стане на 1560-я складаў 363 валокі і 1 морг і 18 прутаў [4, с. 67]. Выведзеныя з яго складу 88 валок — істотны зямельны надзел.

Малюнак 1. — Схема маёнтка шляхціца С. Свядэрскага (1590)

Заўвага. Умоўная мадэль, складзеная аўтарам.

У дакуменце, які намі разглядаецца, цікавасць уяўляюць таксама звесткі, якія змяшчаюцца ў канцы ліста, дасланага Хадкевічамі ў Слонім. З гэтай часткі акта становіцца вядома, што ліст на перадачу маёмасці быў складзены ў Ляхавічах, пры гэтым прысутнічаў асабіста Сымон Свядэрскі. Ліст быў уласна ручна падпісаны братамі Аляксандрам і Янам Каралем Хадкевічамі і завераны пячаткамі. Пры напісанні ліста прысутнічалі сведкі, якія таксама ўласна ручна яго падпісалі і прыціснулі пячаты. Сведкамі з'яўляліся: прадстаўнікі земскай шляхты Марцін Скрашынскі, Беньяш Чарноўскі, Фёдар Еўлашоўскі, Крыштаф Гзоўскі, Ян Магільніцкі, возны наваградскага павету Андрэй Елаза [3].

Заклучэнне. Разгледзеўшы маёмасную справу, якая мела месца паміж прадстаўнікамі магнатэрыі графамі Аляксандрам і Янам Каралем Хадкевічамі і шляхціцам С. Свядэрскім у 1590 годзе, можна абагульніць яе асноўныя моманты і адзначыць акалічнасці.

Падзеі, апісаныя ў даследаваным дакуменце, адбываліся ў межах ляхавіцкага маёнтка, якім з 1576 года валодаў род Хадкевічаў. Як вынікае, на момант перадачы двара Паўлюкоўшчына ляхавіцкім маёнткам сумесна валодалі браты Аляксандр і Ян Караль Хадкевічы.

Сымон Свядэрскі — тыповы прадстаўнік земскай шляхты, які распараджаўся пэўнай маёмасцю на ўмовах выканання службы ў Хадкевічаў. Служыў (род службы не вызначаны) Яну Гераніму, яго ўдаве Крысціне, братам Аляксандру і Яну Каралю Хадкевічам. Пасля зацвярджэння акта перадачы маёмасці вызваліўся пад прысуд Наваградскага павету, што азначала вызваленне яго ад васальнай залежнасці перад Хадкевічамі.

Каб атрымаць маёнтак, С. Свядэрскі мусіў шляхціцу М. Воўку ўнесці суму, на якую Хадкевічамі быў застаўлены маёнтак (500 коп грошаў). Спрыяў перадачы маёнтка канфлікт, які меў месца паміж Воўкам і Хадкевічамі (судовая цяжба). Пасля перадачы маёнтка Свядэрскаму Хадкевічы гарантавалі шляхціцу недатыкальнасць яго маёнтка і свабоду дзейнасці, выдаўшы заруку на 3 000 коп грошаў літоўскіх.

Шляхціцу Свядэрскаму перадаваўся маёнтак істотных памераў: двор, 2 сяла і зямля, агульны памер якой складаў 88 валок 5 моргаў і 60½ пруты.

Разгледжаная справа — прыклад таго, як за мнагага летнюю адданую службу шляхціц здолеў атрымаць ад магнатаў права валодаць сваім маёнткам, выйшаўшы з васальнай залежнасці.

Спіс цытаваных крыніц

1. Радаман, А. Патранальна-кліентальныя адносіны ў Навагародскім павеце і іх уплыў на палітыку і дзейнасць органаў шляхецкага самакіравання ў другой палове XVI — пачатку XVII ст. / А. Радаман // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV—XVIII ст.): зб. навук. прац / рэдкал.: А. М. Янушкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2014. — С. 252—294.
2. Падалінскі, У. А. Тэстамент троекага ваяводы Яна Глябовіча (1590 г.) як крыніца па вывучэнню кліентальных адносін у Вялікім княстве Літоўскім / У. А. Падалінскі // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV—XVIII ст.): зб. навук. прац / рэдкал.: А. М. Янушкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 2014. — С. 158—171.
3. Archiwum Główne Akt Dawnych. — Z. 334. — S. 401.
4. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI—XVIII ст.) / П. Ю. Булаты. — Мінск: БДУФК, 2020. — 217 с.
5. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1990. — 121 с.
6. Lithuanian Metrica. Літоўская Метрыка. Lietuvos Metrika. — Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidybos institutas, 1997. — Kn. Nr. 10 (1440—1523). — 179 p.
7. Ochmański, J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu / J. Ochmański. — Poznań, 1972. — 118 s.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Ф. 1738. Воп. 1. Спр. 1.
9. Спірыдонаў, М. Ф. З сёвай даўніны / М. Ф. Спірыдонаў // Памяць: гіст.-дакумент. хроніка Ляхав. р-на. — Мінск: БелСЭ, 1989. — С. 29—42.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. — Калекцыя мікрафільмаў 18. Воп. 1. Спр. 266.

Паступіў у рэдакцыю 15.06.2020

УДК 272:930.25(476)«1772/1917»

А. И. Ганчар

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Терешковой, 28, 230008 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (152) 62 36 30, gancharandre1@yandex.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Проводимая в Российской империи политика по отношению к римско-католическим духовным консисториям (далее — РКДКон) способствовала ограничениям в действиях управляющих римско-католическими епархиями. С точки зрения Римско-католической церкви (далее — РКЦ) консистории не должны были обладать столь значительной независимостью от епископа, являвшегося в епархии начальником и единственным судьей по духовным делам. Высшее руководство Церкви в империи стремилось реформировать данный светско-духовный институт, проявляя, однако, заботу и о самих членах консисторий. В представленной статье рассматриваются проекты реформирования римско-католических духовных консисторий, осуществлявших свою деятельность в Российской империи. Обосновываются причины изменений в деятельности учреждений, характеризуются противоположные позиции, раскрываются мотивы активных участников процесса. Исследование основано на архивных материалах, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь; Российская империя; консистория; епископ; канцелярия; XVIII век; XIX век; XX век.

Табл. 1. Библиогр.: 17 назв.

A. I. Hanchar

Grodno State Agrarian University, Ministry of Education of Belarus, 28 Tereshkova St., 230008 Hrodna,
Republic of Belarus, +375 (152) 62 36 30, gancharandre1@yandex.ru

REFORMATION OF ROMAN CATHOLIC ECCLESIASTICAL CONSISTORIES IN THE RUSSIAN EMPIRE

The policy pursued in the Russian Empire towards Roman Catholic ecclesiastical consistories contributed to restrictions on the actions of the administrators of Roman Catholic dioceses. According to Roman Catholic Canon law, consistories should not have had as much independence from the Bishop as they did in the Empire. The Bishop in the diocese was to be the sole superior and judge of spiritual Affairs. The highest leadership of the Church in the Empire sought to reform this organization. The article deals with the reform projects of the Roman Catholic ecclesiastical consistories that carried out their activities in the conditions of the Russian Empire. The author of the study substantiates the reasons for changes in the activities of institutions, characterizes opposite positions, and reveals the motives of active participants in events. The archival materials, on which the research is based, are introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Roman Catholic Church; Russian Empire; Consistory; Bishop; Chancery; XVIII century; XIX century; XX century.

Table 1. Ref.: 17 titles.

Введение. В исторической литературе по проблеме реформирования РКДКон в Российской империи содержатся лишь некоторые фрагментарные сведения [1—13]. Пожалуй, это объясняется отсутствием должного интереса к избранной автором данной статьи теме. Наиболее значимой работой по этой проблеме является исследование З. Антонович, в котором отражены создание и структура РКДКон в Могилевской и Минской римско-католических епархиях в конце XIX — начале XX века. Основное внимание автор уделила организации делопроизводства в консисториях и анализу сохранности в этих учреждениях архивных дел [14].

В статье впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматриваются проекты изменений РКДКон в Российской империи, проблемы и пути их решения, закономерный итог их реформирования. Особое внимание уделено позиции высшего руководства РКЦ в Российской империи по данному вопросу.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, которые позволяют рассматривать деятельность РКДКон как один из важнейших видов духовно-светских учреждений в Российской империи. Принцип объективности

дает возможность избежать политизации и тенденциозности при освещении его деятельности на белорусских землях. Также применялись и общенаучные методы: анализ, синтез, систематизация.

Важными источниками по данной тематике являются материалы Российского государственного исторического архива, размещенные в Санкт-Петербурге (Российская Федерация), которые впервые вводятся в научный оборот.

Хронологические рамки статьи ограничены периодом нахождения белорусских территорий в составе Российской империи — 1772—1917 годы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ноябре 1916 года управляющему Могилевской римско-католической архиепархией (далее — МРКА) епископу И. Цепляку стало известно о готовящемся в Министерстве внутренних дел (далее — МВД) преобразовании РКДКон путем усиления консисторских штатов (таблица 1). Так как эта мера, требовавшая значительных материальных затрат, коснулась бы одной стороны, а именно улучшения материального положения служащих, оставляя без внимания само устройство консисторий, равно как и устаревший порядок делопроизводства, то управляющий МРКА епископ И. Цепляк предложил вместо частичного изменения штатов преобразовать РКДКон в духе, отвечавшем как постановлениям канонов РКЦ, так и требованиям жизни, причем с соблюдением возможно большей экономии денежных средств. 2 декабря 1916 года епископ И. Цепляк передал в МВД соответствующую записку о преобразовании РКДКон [15, л. 1].

Т а б л и ц а 1. — Проект штатов РКДКон, канцелярии могилевского архиепископа-митрополита и секретарей епископов (1916)

Должности	Число лиц	Содержание в год			Классы и разряды	
		одному		Всего	по должности и шитью мундира	по пенсии
		жалованья	столовых			
		рубли				
<i>Могилевская архиепархия</i>						
Присутствие консистории						
официал	1	1 200	—	1 200	—	—
вице-официал	1	1 000	—	1 000	—	—
заседатели	2	900	—	1 800	—	—
визитатор монастырей (он же заседатель консистории)	1	900	—	900	—	—
Канцелярия консистории						
секретарь	1	850	850	1 700	VIII	VI
столонячики старшего оклада	2	650	650	2 600	IX	VI
столонячики младшего оклада	2	550	550	2 200	IX	VII
архивариус	1	600	600	1 200	IX	VII
регистратор	1	550	550	1 100	X	VIII
канцелярские служители, сторожа, материалы и освещение	—	—	—	5 560	—	—
По консистории	12	—	—	19 260	—	—
Канцелярия митрополита						
секретарь (духовное лицо)	1	1 200	—	1 200	—	—
письмоводитель (светское лицо)	1	600	600	1 200	IX	VII
канцелярские служители, канцелярские и хозяйственные расходы	—	—	—	2 800	—	—
По канцелярии митрополита	2	—	—	5 200	—	—
Всего	14	—	—	24 460	—	—

Продолжение таблицы 1

Должности	Число лиц	Содержание в год			Классы и разряды	
		одному		Всего	по должности и шитью мундира	по пенсии
		жалованья	столовых			
рубли						
<i>Виленская епархия</i>						
Присутствие консистории оффицал	1	900	—	900	—	—
вице-оффицал	1	800	—	800	—	—
заседатели	2	600	—	1 200	—	—
визитатор монастырей (он же заседатель консистории)	1	600	—	600	—	—
Канцелярия консистории секретарь	1	600	600	1 200	VIII	VI
столонячки старшего оклада	2	500	500	2 000	IX	VI
столонячки младшего оклада	2	400	400	1 600	IX	VII
архивариус	1	450	450	900	IX	VII
регистратор	1	400	400	800	X	VIII
канцелярские служители, сторожа, материалы и освещение	—	—	—	6 000	—	—
По консистории	12	—	—	16 000	—	—
Секретарь епархиального начальника	1	900	—	900	—	—
Всего	13	—	—	16 900	—	—
<i>Тельшевская епархия</i>						
Присутствие консистории оффицал	1	900	—	900	—	—
заседатели	2	600	—	1 200	—	—
визитатор монастырей (он же заседатель консистории)	1	600	—	600	—	—
Канцелярия консистории секретарь	1	600	600	1 200	VIII	VI
столонячки старшего оклада	1	500	500	1 000	IX	VI
столонячки младшего оклада	2	400	400	1 600	IX	VII
архивариус	1	450	450	900	IX	VII
регистратор	1	400	400	800	X	VIII
канцелярские служители, сторожа, материалы и освещение	—	—	—	4 900	—	—
По консистории	10	—	—	13 100	—	—
Секретарь епархиального начальника	1	900	—	900	—	—
Всего	11	—	—	14 000	—	—
<i>Луцко-Житомирская епархия</i>						
Присутствие консистории оффицал	1	900	—	900	—	—
заседатели	2	600	—	1 200	—	—
визитатор монастырей (он же заседатель консистории)	1	600	—	600	—	—

Окончание таблицы 1

Должности	Число лиц	Содержание в год			Классы и разряды	
		одному		Всего	по должности и шитью мундира	по пенсии
		жалованья	столовых			
		рубли				
Канцелярия консистории						
секретарь	1	600	600	1 200	VIII	VI
столоначальники старшего оклада	1	500	500	1 000	IX	VI
столоначальники младшего оклада	1	400	400	800	IX	VII
архивариус (он же регистратор)	1	450	450	900	IX	VII
канцелярские служители, сторожа, материалы и освещение	—	—	—	3 850	—	—
По консистории	8	—	—	10 450	—	—
Секретарь епархиального начальника	1	900	—	900	—	—
Всего	9	—	—	11 350	—	—
<i>Тираспольская епархия</i>						
Присутствие консистории						
официал	1	900	—	900	—	—
заседатели	2	600	—	1 200	—	—
Канцелярия консистории						
секретарь	1	600	600	1 200	VIII	VI
столоначальники старшего оклада	1	500	500	1 000	IX	VII
столоначальники младшего оклада	1	400	400	800	IX	VII
архивариус (он же регистратор)	1	450	450	900	IX	VIII
канцелярские служители, сторожа, материалы и освещение	—	—	—	2 390	—	—
По консистории	7	—	—	8 390	—	—
Секретарь епархиального начальника	1	600	—	600	—	—
Всего	8	—	—	8 990	—	—
ИТОГО	55	—	—	75 700	—	—

Примечание. Источник: [15, л. 14—16, 19—20].

Круг действий РКДКон, определенный еще ст. IV конкордата 1847 года, подтверждался ст. 65 действовавшего Устава. Консистория являлась коллегиальным учреждением при епископе, имевшем лишь совещательный голос. Она состояла под председательством официала из вице-официала, визитатора монастырей и штатного числа членов епархиальной консистории, непременно духовных, определение и увольнение которых зависело от начальствующего в епархии архиепископа или епископа с утверждения министра внутренних дел (ст. 34 Устава иностранных исповеданий). При консистории состояла канцелярия под начальством секретаря, которая определялась МВД из лиц римско-католического исповедания (ст. 35 Устава иностранных исповеданий).

Штаты РКДКон существовали на основании высочайшего повеления от 17 июля 1842 года. При этом виленская римско-католическая духовная консистория (ВРКДК) отнесена была к 1-му разряду, тельшевская римско-католическая духовная консистория — ко 2-му, луцко-житомирская римско-католическая духовная консистория и тираспольская римско-католическая духовная консистория — к 3-му разряду. Могилевская римско-католическая духовная консистория (МогРКДК) пользовалась особым штатом, согласно высочайшему указу от 9 марта 1873 года. В 1884 году римско-католическая духовная коллегия (далее — РКДК) ходатайствовала об увеличении штата ВРКДК до 6 300 р. (вместо

5 300), но ходатайство оставлено было без последствий («иметь в виду при составлении общих штатов» — *А. И. Ганчар*). Два виленских генерал-губернатора (Оржевский и Святополк-Мирский) находили необходимым увеличение штатов, но и это было оставлено без последствий: штатным и канцелярским чиновникам консисторий и так отпускались по ходатайству епископа пособия.

Еще в 1906 году департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) отклонил ходатайство тираспольского епископа об отпуске 2 000 р., составлявших содержание вакантной должности тираспольского епископа-суффрагана, на пособие духовным и светским чинам консистории. Вместе с тем, так как тираспольский епископ возбудил вопрос о составлении новых штатов для консистории, то ДДДИИ ответил, что таковые уже подвергнуты были разработке. 20 марта 1906 года МВД предложило РКДК озаботиться разработкой проекта новых штатов вместе с указанием суммы, которую представлялось бы возможным отпустить из процентов от вспомогательного капитала римско-католического духовенства в Российской империи в дополнение к штатному содержанию. РКДК представила проект штатов РКДКон в 1908 году. Согласно этому проекту, на содержание консисторий империи испрашивалось 73 660 р., т. е. более, чем отпускалось казной (22 310 р.), на 51 350 р. При этом РКДК пояснила, что если допустить, что выдаваемые консисториям до этих пор в виде пособий и других выданных из процентов от вспомогательного капитала римско-католического духовенства 24 295 р. будут обращены в постоянное подспорье казны на содержание консисторий, то и в таком случае последней придется прибавлять к отпускаемым 22 310 р. еще 27 055 р., т. е. всего 49 365 р. Ввиду того, что РКДК тут же возбудила ходатайство об отнесении отпускаемых из процентов от вспомогательного капитала 24 295 р. на консистории на другую цель (пенсии для лиц по духовно-учебной службе), она просила в случае принятия проектированных штатов об отпуске из казны 39 850 р. в добавок к выдаваемым казной 22 310 р. и затем недостающие до исчисленной ею суммы на содержание консистории (73 680 р.) 12 000 р. отпускать из процентов от вспомогательного капитала. Проект РКДК был помечен «к сведению до разработки штатов всех консисторий», т. е. также и Царства Польского.

По правилам РКЦ единственным духовным начальником, имевшим право ведать, в должном подчинении Главе Церкви, Римскому Первосвященнику, всеми делами епархии, являлся епископ. Консистория же представляла собой не что иное как “*Curia Episcopalis*”, т. е. епископскую канцелярию, ведавшую делопроизводством епархиального управления по указаниям епископа и от его имени. В силу этого консистории, как “*Curia Episcopalis*”, совместно с существующим при ней духовным судом не являлись с точки зрения РКЦ учреждениями самостоятельными и существующими особо от епископа, а всецело должны были подчиняться епископам, как епархиальным начальникам и единственным в епархиях судьям по духовным делам (“*Iudex Ordinarius, Ordinarius loci*”), действуя от его имени и составляя с ним одно целое. Эта связь консистории с епископом являлась до такой степени тесной, что консистория сохраняла свои полномочия лишь на время, пока находился у власти составивший ее епархиальный начальник, поэтому должности членов консистории прекращались со смертью епископа или в случае сложения им своей должности с прекращением управления вакантной епархии викарием, и первым делом нового начальника епархии являлось немедленное составление вновь консистории, как этого, впрочем, и требовал договор со Святым престолом 1847 года (ст. 20), а также отмененная ст. 29 Устава иностранных исповеданий, изданного в 1857 году [15, л. 1 об.—2 об., 12—13; 16, с. 10].

Между тем РКДК в Российской империи хотя и были подчинены епископам, но являлись полусветскими коллегиальными учреждениями, существовавшими особо от епископа и до некоторой степени самостоятельными. Епископ даже не принимал непосредственного участия в рассмотрении и решении дел в консистории.

Во всех епархиях католического мира консистории, а равно консисторские канцелярии, применительно к правилу “*laicus ecclesiastica negotia tractare non potest*”, состояли из духовных лиц. Признаваемый отчасти и законодательством Российской империи этот порядок находил себе применение в РКДКон Царства Польского. Такое устройство римско-католической консистории основывалось на соображениях как принципиального, так и практического характера. Нельзя упускать из вида, что многие дела, подлежащие компетенции консистории (соединенные с тайной исповеди), а также дела духовных лиц не могли быть передаваемы ведению мирян по самой своей природе. Другие же, как, например, судебные дела и в особенности брачные, нередко затрагивавшие самые интимные стороны частной и семейной жизни человека, являлись менее тягостны для лиц заинтересованных, если им приходилось давать показания и иметь дело в консистории только с духовными лицами, которые уже в силу своего сана пользовались нравственным авторитетом и доверием у верующих. К тому же духовные лица, как знавшие каноническое право и богословие и притом владевшие необходимым в цер-

ковном делопроизводстве латинским языком, были более пригодны к ведению духовных дел, чем светские лица, не обладавшие подобной подготовкой.

Всецело подчиняя консистории власти епархиального начальника, канонические правила в соответствии с этим ставили в непосредственную зависимость от епископа и личный состав консистории, а также назначение на все консисторские должности.

Между тем реальное положение РКДКон в Российской империи не вполне отвечало приведенным выше требованиям канонического права. Нося наименования духовных, консистории тем не менее состояли в большинстве из светских лиц, так как духовными являлись лишь члены присутствия консистории, числом от 3 до 6. Все же служащие консисторской канцелярии в количестве, значительно превышавшем количество духовных членов, состояли исключительно из светских лиц, не только не знакомых с каноническим правом, а зачастую и с латинским языком, но нередко не получивших должного образования.

Определение членов консистории к должностям было обусловлено по закону (ст. 34 Устава иностранных исповеданий) утверждением министра внутренних дел, причем секретари консистории назначались непосредственно МВД (ст. 35 Устава иностранных исповеданий). В связи с отменой ст. 29 Устава иностранных исповеданий, изданного в 1857 году, о чем было упомянуто выше, консистории в Российской империи продолжали существовать и функционировать даже в том случае, когда епархиальный начальник скончался или сложил свою должность и когда таким образом не имелось налицо епископа, от имени которого консистория уполномочена действовать.

Нарушение канонических правил коснулось также и компетенции консисторий, из ведения которых были изъяты дела по жалобам и искам на духовных лиц (п. 3 раздела I ст. 64 Устава иностранных исповеданий).

Естественным последствием указанных отступлений от требований канонического права явилось сосредоточение епархиальными начальниками в епископских канцеляриях главнейших дел, а именно дел чисто духовных, дел, связанных с непосредственным управлением епархиями, и вообще всех актов так называемой духовной юрисдикции, равно как всех отношений со Святым престолом и высшими государственными властями.

Необходимо отметить, что епископские секретариаты предусматривались и действовавшим законом (ст. 26 Устава иностранных исповеданий), по силе которого особая канцелярия состояла, однако, лишь при архиепископе, а при каждом из епископов полагался только секретарь. Но определяя ближайшим образом компетенции епископских секретариатов, закон ограничивался лишь общим указанием, что секретари при епархиальных начальниках состоят для их официальной и частной переписки. В соответствии с этим избрание и назначение таких секретарей было предоставлено по закону исключительно власти епископа (ст. 38 Устава иностранных исповеданий) [15, л. 111—112].

В связи с вышеизложенным управляющий МРКА И. Цепляк выступил за преобразование РКДКон в соответствии с канонами РКЦ, что явилось бы, по его мнению, лишь следствием той религиозной свободы, которая была провозглашена 17 апреля 1905 года. С другой стороны, консистории были перегружены работой, что объяснялось как увеличением числа римско-католического населения, так и разнообразием решаемых ими дел. Консистории физически не справлялись с массой поступавших в них дел. Происходившая отсюда задержка в решении дел часто вызывала жалобы как заинтересованных лиц, так и правительственных учреждений.

Особым бременем на консистории ложились дела об актах состояния: выдача и освидетельствование метрических выписей, исправление метрических актов, восстановление не внесенных своевременно в метрические книги записей, освидетельствование метрических книг в случае разрыва шнуров и т. п.

Так как все акты состояния вообще, в том числе и метрические акты, являлись документами, имевшими государственное значение, то епископ И. Цепляк находил справедливым освободить духовные учреждения, какими являлись консистории, от дел, касавшихся метрических актов, в частности от исправления метрических записей, и передать таковые дела в ведение подлежащих государственных установлений, как это и было устроено в римско-католических епархиях Царства Польского, где РКДК от ведения дел о метрических актах были совершенно свободны, тем более, что это вполне отвечало указу Правительствующего сената от 29 мая 1898 года за № 1462 по департаменту герольдии. При этом, однако, чтобы облегчить населению составление и получение метрических актов, епископ И. Цепляк ратовал за оставление за приходским римско-католическим духовенством лежавшей на нем обязанности вести метрические книги и выдавать из оных выписки с тем, чтобы, как это происходило в Царстве Польском, выдаваемым приходскими римско-католическими священниками из метрических

книг выпискам и без заверения консисторией была предоставлена сила нотариальных актов. Только тогда по заверению епископа И. Цепляка РКДКон могли быть разгружены от непосильного труда по освидетельствованию, выдаче, исправлению и восстановлению метрических актов, и само производство по этим делам не будет подвержено тем затруднениям, которые вынуждены были испытывать заинтересованные лица и учреждения.

Немаловажным препятствием к успешному исполнению РКДКон лежавших на них задач являлась материальная необеспеченность служащих в консистории лиц. Вследствие материальной необеспеченности служащие консисторской канцелярии вынуждены были принимать посторонние занятия или даже заниматься ремеслами, не могли посвящать консистории все свое время.

Этот последний вопрос уже давно обращал на себя внимание духовных и гражданских властей, неоднократно предпринимались попытки к улучшению материального положения служащих консисторий. Но одно лишь увеличение окладов членов и чинов консисторий не решало проблему. Целесообразным епископу И. Цепляку представлялось осуществление следующих мероприятий:

1) сделать РКДКон действительно «духовными», т. е. состоящими из духовных лиц, не исключая должностей по консисторской канцелярии;

2) соединить с консисториями существующие епископские канцелярии;

3) упростить консисторское делопроизводство и отменить действующую инструкцию;

4) устройство консистории в подробностях и внутренний в ней распорядок предоставить усмотрению епископа;

5) изъять из ведения консистории дела о метрических актах, оставив за консисториями лишь выдачу и скрепу метрических книг;

6) предоставить выдаваемым римско-католическими приходскими священниками выпискам полную законную силу и без освидетельствования консистории или в крайнем случае требовать от консистории лишь заверения собственноручности подписи священника по метрике;

7) хранение копий метрических книг за неимением в Российской империи ипотечных отделений возложить на заменяющие их учреждения, а именно на нотариальные архивы под заведыванием старших нотариусов (ст. 219 и 234 Положение о нотариальной части) или на другие государственные учреждения;

8) дела об исправлении и восстановлении метрических актов поручить подлежащим окружным судам, для чего соответственным образом пополнить и распространить на всю империю ст. 1647 Устав гражданского судопроизводства в соответствии с указом Правительствующего сената от 29 мая 1898 года за № 1462;

9) на содержание каждой консистории в зависимости от нужд каждой епархии определить приблизительно следующие минимальные суммы: официалу или генеральному викарию в год — 3 000 р., вице-официалу или провикарию только в МРКА — 2 700 р., трем заседателям — по 2 500 р. каждому; регенсу (правителю) канцелярии — 2 400 р., I секретарю (делопроизводитель, он же нотариус по брачным делам) — 1 800 р., II секретарю (делопроизводитель, он же архивариус) — 1 800 р., III секретарю (делопроизводитель) — 1 800 р., регистратору и экспедитору — 1 800 р., фискальному прокурору — 900 р., защитнику таинства брака — 600 р., бухгалтеру — 1 500 р., юрисконсульту — 1 000 р., I рассыльному сторожу — 360 р., II рассыльному сторожу — 360 р., на канцелярские нужды, отопление, освещение и пр. — 3 000 р.; всего для МогРКДК — 30 520 р., а для каждой из прочих консисторий — 27 820 р. в год.

Указанные И. Цепляком оклады являлись минимальными, а потому понижение их представлялось для епископа невозможным, тем более что предполагалось членам консисторий не предоставлять никаких других должностей, за исключением званий прелатов и каноников, чтобы таким образом они имели возможность посвящать все свое время консистории и не были вынуждены для обеспечения своего существования прибегать к посторонним занятиям.

Подобное преобразование РКДКон, по убеждению управляющего МРКА епископа И. Цепляка, с одной стороны, принесло бы громадное удовлетворение католическому населению, дав ему возможность иметь консистории в полном соответствии с требованиями канонов РКЦ, с другой стороны, значительно сократило бы расходы на содержание духовных учреждений, так как, во-первых, упразднились епископские канцелярии, во-вторых, уменьшалось количество служащих [15, л. 4—7].

Возвешенные Временным правительством начала вероисповедной свободы вызвали необходимость согласования с действовавшими в стране по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи при МВД были образованы под председательством комиссара Временного прави-

тельства профессора С. А. Котляровского Особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение РКЦ в Российской империи.

Присоединяясь к предположениям комиссии, МВД полагало в изменение и дополнение действовавших законоположений постановить нижеследующие правила:

1) при архиепископе и при каждом из епископов состоит консистория под председательством официала, при ней канцелярия с секретарем во главе, а также канцелярия епархиального начальника;

2) назначения, перемещения и увольнения членов и секретарей консистории, а равно служащих консисторской и епископской канцелярий, производятся епархиальными начальником, причем секретари консисторий и служащие консисторских канцелярий могут быть избираемы как из светских, так и духовных лиц римско-католического исповедания;

3) о распоряжениях своих, касающихся членов и секретарей консисторий, епархиальный начальник одновременно сообщает местной гражданской власти;

4) метрики подписываются под ответственностью за верность их старшего по управлению приходом священника;

5) духовный суд и управление церковными делами в каждой епархии принадлежат епископу;

6) епархиальный епископ, как главный начальник всех в его епархии духовных установлений римско-католического исповедания, ответственен пред высшим правительством по исполнению правил о надзоре за действиями состоящих в епархии духовных мест и лиц;

7) голос консистории — только совещательный; епископ не обязан объяснять основания своих решений даже тогда, когда бы мнение его было не согласно с заключением консистории;

6) духовные консистории под главным ведением епархиального епископа содержат именные списки всем подведомственным им лицам духовного звания.

Данные материалы 19 июня 1917 года за № 3049 под заглавием «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России» были представлены на «уважение» Временного правительства министром внутренних дел князем Львовым, скрепил же их комиссар Временного правительства С. Котляровский, резолюцию «верно» поставил исполнявший должность директора департамента духовных дел МВД, вице-директор Тарановский [17, л. 3].

26 июля 1917 года за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России». В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого их этих обрядов в законодательном порядке [15, л. 138—149].

Заключение. РКДКон в Российской империи не обладали полной свободой в своих действиях. Управляющие РКЦ в империи стремились к снятию ограничений и расширению функций подведомственным их управлению учреждениям. Возвещенные Временным правительством начала вероисповедной свободы вызвали необходимость согласования действовавших в отношении РКДКон правил с действовавшими в стране по делам веры законоположениями. РКДКон были предоставлены права и обязанности в соответствии с каноническими нормами РКЦ. Дальнейший ход событий помешал осуществлению принятых на государственном уровне мер.

Список цитируемых источников

1. Толстой, Д. А. Римский католицизм в России. Историческое исследование : в 2 т. / Д. А. Толстой. — СПб. : Тип. В. Ф. Демакова, 1876—1877. — [578], 585 с.
2. Nagrodzki, Z. Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białej Rusi (1863—1883) / Z. Nagrodzki. — Wilno : Znicz, 1935. — 274 s.
3. Petrani, A. Kollegium Duchowne w Petersburgu / A. Petrani. — Lublin : Wyd. TN KUL, 1950. — 152 s.
4. Kumor, B. Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772—1918 / B. Lumor. — Kraków : Polskie Tow-wo Teologiczne, 1980. — 700 s.
5. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. — Lublin : Oddział Lubelski Stowarzyszenia „Wspólnota Polska”, 1994. — 150 s.

6. *Radwan, M.* Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // *Nasza przeszłość*. — 2001. — Т. 95. — S. 197—240.
7. *Stopikowski, R.* Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim w świetle polskiej prasy katolickiej drugiej połowy XIX wieku / R. Stopikowski; pod red. ks. E. Walewandra. — Warszawa : Stowarzyszenie współpracy Polska-Wschód, 2001. — 385 s.
8. *Лиценберг, О. А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О. А. Лиценберг. — Саратов : Поволж. акад. гос. службы, 2001. — 384 с.
9. *Walicki, A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. — Warszawa : Prószyński i S-ka, 2002. — 312 s.
10. *Lewalski, K.* Kościoły chrześcijańskie w królestwie Polskim wobec żydów w latach 1855—1915 / K. Lewalski. — Wrocław : Fundacja na rzecz nauki Polskiej, 2002. — 348 s.
11. *Тихонов, А. К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. / А. К. Тихонов. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 368 с.
12. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.) / А. Ю. Бендин. — Минск : БГУ, 2010. — 439 с.
13. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск : Беларус. навука, 2015. — 496 с.
14. *Антановіч, З. В.* Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.) / З. В. Антановіч. — Мінск : Экоперспектива. — 224 с.
15. Российской государственной исторический архив (РГИА). — Ф. 821. Оп. 150. Д. 186.
16. Сводъ законовъ Россійской имперіи, изданія 1857 года. Томъ одиннадцатый. Часть I. Уставы духовныхъ дель иностранныхъ исповѣданій. — СПб. : Тип. Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1857. — 266 с.
17. Российской государственной исторический архив (РГИА). — Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 94(474/476)“15/17”:338.482:37

А. І. Калтачэнка

Дзяржаўная ўстанова адукацыі «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы»,
Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, вул. Маскоўская, 15, 220007 Мінск, Рэспубліка Беларусь,
+375 (29) 270 62 11, koltachenkoalina@gmail.com

МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ВЫВУЧЭННЯ АДУКАЦЫЙНЫХ ПАДАРОЖЖАЎ XVI—XVIII СТАГОДДЗЯЎ НА ПРЫКЛАДЗЕ АДУКАЦЫІ ЯКУБА САБЕСКАГА

У артыкуле аналізуюцца метады гістарычных даследаванняў, найбольш прыдатныя для вывучэння адукацыйных падарожжаў шляхты XVI—XVIII стагоддзяў на прыкладзе выхаваўчых інструкцый і дыярыуша падарожжа Якуба Сабескага — дзяржаўнага і ваеннага дзеяча Рэчы Паспалітай, бацькі караля Рэчы Паспалітай Яна III Сабескага. Асноўная ўвага надаецца спецыяльна-гістарычным і міждысцыплінарным метадам, сярод якіх разглядаюцца нарратыўны, гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны метады і кантэнт-аналіз. Ужываючы названыя метады, разгледзілі замежную адукацыю Якуба Сабескага, яе геаграфію, асаблівасці і ўплыў на кар’еру шляхціца.

Ключавыя словы: метады гістарычнага даследавання; Якуб Сабескі; замежная адукацыя; нарратыўныя крыніцы; дыярыуш.

Бібліягр.: 17 назв.

A. I. Kaltachenka

State Educational Institution “Republican Institute of Higher Education”, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
15 Moscovskaya St., 220007 Minsk, Republic of Belarus, +375 (29) 270 62 11, koltachenkoalina@gmail.com

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF EDUCATIONAL TRAVELLINGS IN THE XVI—XVIII CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATION OF JAKUB SOBIESKI

The article analyzes the methods of historical research that are most suitable for studying the educational travels of the nobility of the 16th—18th centuries on the example of the preserved teaching instructions and the travel diary of Jakub Sobieski — statesman and military leader of the Polish-Lithuanian Commonwealth, father of the King of the Polish-Lithuanian Commonwealth Jan III Sobieski. The main attention is paid to special historical and interdisciplinary methods, including narrative, historical genetic, historical comparative methods and content analysis. With the help of these methods, the foreign education of Jakub Sobieski, his geography, features and influence on the career of a nobleman are examined.

Key words: methods of historical research; Jakub Sobieski; foreign education; narrative sources; diary.

Ref.: 17 titles.

Уводзіны. Сучасны этап развіцця беларускай гістарычнай навукі характарызуецца павышанай цікавасцю не толькі да палітычнай ці эканамічнай гісторыі, але і да вывучэння гісторыі культурнага і прыватнага жыцця, у тым ліку да адукацыі. Беларускія гісторыкі распрацоўваюць у гэтым напрамку такія тэмы, як гісторыя этыка-педагагічнай думкі [1], этнаканфесійныя і сацыяльныя асаблівасці адукацыі ў розныя гістарычныя перыяды [2], роля манаскіх ордэнаў у гісторыі асветы [3]. Тэма замежнай адукацыі шляхты і магнатаў, геаграфія і асаблівасці адукацыйных падарожжаў таксама ўяўляюць цікавасць, але разглядаліся толькі асобныя прыклады гэтай з’явы [4; 5].

Метадалогія і метады даследавання. Даследаванні замежнай адукацыі вядуцца па такіх архіўных дакументах, як дыярыушы, прыватныя лісты маладых людзей да дому ці сябрам, справаздачы суправаджаючых дарослых губернераў ці слуг, адукацыйныя інструкцыі да выхавацеляў і саміх падарожнікаў, тэстаменты і г. д. Праца з такім тыпам дакументаў патрабуе выкарыстання спецыяльных метадаў, якія дазваляць апрацаваць матэрыял найбольш якасна. Таму мэтай артыкула з’яўляецца аналіз тэарэтыка-метадалогічнай базы для пошуку метадаў, прыдатных пры даследаванні адукацыйных падарожжаў шляхты XVI—XVIII стагоддзяў на прыкладзе дыярыуша Якуба Сабескага (1591—1646) — дзяржаўнага і ваеннага дзеяча Рэчы Паспалітай, бацькі караля Рэчы Паспалітай Яна III Сабескага.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Вывучэнне дыярыушаў, лістоў, інструкцый і іншых нарратыўных крыніц мае пэўныя метадалогічныя асаблівасці. Даследчык можа аналізаваць інфармацыю толькі відавочную або вывучаць латэнтны, схаваны змест. Але якую б стратэгію вывучэння зместу

не выбраў гісторык, ён павінен здзейсніць адбор інфармацыі з наратыўных крыніц, зрабіць адпаведныя высновы, тэарэтычныя абагульненні.

У дадзеным артыкуле разгледзім метадалогію вывучэння замежных падарожжаў з мэтай адукацыі на прыкладзе дыярыуша Якуба Сабескага, які пісаўся падчас падарожжаў 1607—1613 і 1638 гадоў [6]. Пры неабходнасці звернемся да інструкцыі Якуба Сабескага пану Архоўскаму, які суправаджаў сыноў Якуба (будучага караля Яна III і Марэка Сабескіх) у адукацыйных падарожжах [7], і інструкцыі Якуба Сабескага, напісанай сваім сынам перад іх падарожжам у Францыю (1645) [8]. Гэтыя дакументы — выдатнае адлюстраванне праграмы навучання маладых дваран у XVII стагоддзі. Якуб Сабескі ў сваіх дыярыушах апісвае ўражанні і прыгоды падчас знаходжання ў Еўропе, а ў інструкцыях тлумачыць, чаму неабходна набываць веды і якія вобласці навукі варта паглыбляць, дае парады па арганізацыі дня, акцэнтуюе ўвагу на неабходнасці чытання якасных кніг і нават прыкладае спіс для чытання, раіць, як бавіць вольны час.

Важна адзначыць, што ў Якуба Сабескага была звычка апісваць на паперы ўсе важныя падзеі свайго жыцця. Такім чынам, пасля яго засталася добрая пісьмовая спадчына, у якую ўваходзяць вялікая колькасць лістоў, некалькі дыярыушаў, розныя інструкцыі і каментары. Акрамя ўжо названых дакументаў ён напісаў дыярыуш маскоўскай кампаніі каралевіча Уладзіслава Вазы ў 1617 годзе, які не быў апублікаваны пры жыцці Якуба з-за рэакцыі на яго Жыгімонта III [8, с. 8]. У 1621 годзе быў напісаны і ў 1646-м апублікаваны “*Commentariolum Chotinensis belli libri tres*” — дыярыуш бітвы пад Хацінам [9, с. 484], які мае высокую гістарычную каштоўнасць. У 1633 годзе Якуб Сабескі напісаў дыярыуш каранацыйнага сойма ў Кракаве, які быў апублікаваны ў 2008 годзе [10]. Такім чынам, пісьмовая спадчына Якуба Сабескага дазваляе нам сфарміраваць даволі поўны партрэт жыцця шляхціца XVII стагоддзя.

Аналіз метадаў даследавання. У сучасных гістарычных даследаваннях выкарыстоўваюць вялікую колькасць метадаў: метады лагічнага пазнання, агульнанавуковыя, спецыяльна-гістарычныя і між-дысцыплінарныя, але не кожны з іх падыходзіць для працы з наратыўнымі крыніцамі. Далей прааналізуем некалькі метадаў, якія будуць карыснымі пры вывучэнні падарожжаў з мэтай замежнай адукацыі.

Наратыўны, ці апісальна-апаведальны, метады прадугледжвае збор звестак у архівах і іх мантаж у адзінае апаведанне. Расказ павінен адпавядаць логіцы саміх падзей, а гісторык інтэрпрэтуе дадзены ланцуг, зыходзячы з пэўных прычынна-выніковых сувязяў, устаноўленых фактаў [11, с. 387]. Зробім мантаж гісторыі адукацыі Якуба Сабескага.

Якуб Сабескі (1590—1646) каля 1604 года быў адпраўлены ў школу Кракаўскай акадэміі, праз год пераехаў у Замойскую акадэмію, дзе вучыўся да канца 1606 года [9, с. 483]. У 1607 годзе з’ехаў у Парыж, дзе знаходзіўся да 1611 года. Першыя два гады вучыўся прыватна ў Ісаака Касабона, гуманіста і філолага, астатнія два гады — у Каралеўскім калегіуме (*Collège Royal*). За гэты час вывучыў французскую, іспанскую, італьянскую, лацінскую мовы і прайшоў курс гуманітарных навук. Знаёміўся з жыццём Францыі — наведваў двор французскага караля Генрыха IV, прысутнічаў пры яго пахаванні і каранацыі Людовіка XIII. У гэтыя ж гады здзяйсняў розныя падарожжы. Так, у 1609 годзе наведаў Англію, Нідэрланды, Галандыю, Герцагства Брабант, нямецкія землі. У 1610 годзе падарожнічаў па Францыі. Пасля заканчэння навучання здзейсніў падарожжа па Іспаніі і Партугаліі, у 1612-м доўгі час заставаўся ў Рыме і адтуль выязджаў да найбольш буйных італьянскіх гарадоў. У сярэдзіне 1612 года рушыў дамоў, па дарозе наведаў італьянскія Ларэту, Балонню, Ферару, Венецыю, аўстрыйскія Карынтыю і Штырыю. На некалькі тыдняў затрымаўся ў Вене для знаёмства з дваром імператара Маціяса I. Дадому вярнуўся ў 1613 годзе [7, с. 3—4].

Такое сціслае апісанне падарожжа Якуба Сабескага важна для першааснага аналізу гістарычнай з’явы. Але для глыбокага пранікнення ў сутнасць падзей гэтага, відавочна, недастаткова, трэба выкарыстоўваць іншыя метады, якія дазваляюць праводзіць больш глыбокі аналіз інфармацыі.

Гісторыка-генетычны метады — вывучэнне паходжання і развіцця розных гістарычных з’яў. Мэта — выяўленне асаблівасцей развіцця, аналіз прычын і наступстваў, тлумачэнне фактаў [12, с. 153]. Гісторыка-генетычны метады з’яўляецца адным з асноўных пры вывучэнні адукацыйных падарожжаў шляхты, бо дазволіць прасачыць генезіс адукацыйных замежных падарожжаў, вызначыць асаблівасці геаграфіі такіх падарожжаў, уплыў канфесіянальных адрозненняў сям’і на выбар універсітэта і г. д.

Калі разглядаць прыклад адукацыйнага падарожжа аднаго чалавека, дадзены метады можна прымяніць для аналізу таго, наколькі тыпічным было падарожжа Якуба Сабескага для свайго часу, ці пра-

сачыць, як з'ява замежных адукацыйных падарожжаў мянялася ў часе, як адрознівалася адукацыя продкаў і нашчадкаў Якуба Сабескага. Фармат і тэма артыкула не дазваляюць правесці поўны аналіз з'явы адукацыйных замежных падарожжаў, таму разгледзім падабенства і адрозненне адукацыі Сабескіх ад прынятых у той час падарожжаў, бо іх адукацыя была не зусім тыпічна для свайго часу.

Па-першае, да сярэдзіны XVII стагоддзя сярод шляхты і магнатаў Рэчы Паспалітай былі распаўсюджаны акадэмічныя паездкі, так званыя перэгрынацыі (*peregrinatio academica*), якія не прадугледжвалі турыстычнага аспекту ў падарожжах [13]. Толькі з другой паловы XVII стагоддзя пачынае звяртацца ўвага на пазнавальны аспект падарожжаў. Па запісам Якуба бачна, што ён апыраўся на час. Вось, напрыклад, што піша Якуб пра Арлеан: "...idzie pod niēm rzeka sławna we Francyi, Loire, na niéj jest piękny most murowany, miasto wesołe, piękne, kościoły w niēm piękne, ale bardzo zrujnowane przez Hugenotów..." [6, с. 92].

Акрамя таго, незвычайным для свайго часу выглядае і выбар месца навучання Якуба і яго сыноў. З Кракаўскай акадэміяй зразумела — да ўзнікнення Віленскай акадэміі гэта быў адзіны вялікі адукацыйны цэнтр у краіне. А вось выбар Парыжу прадстаўляе цікавасць. У першай палове XVII стагоддзя найбольш папулярныя і дарагія цэнтры адукацыі знаходзіліся ў нямецкіх і галандскіх землях. Адным з самых папулярных быў Страсбург, які, нягледзячы на вялізныя кошты, прывабліваў прадстаўнікоў Кароны Польскай і Вялікага княства Літоўскага [14, с. 12].

Парыж жа вабіў сваёй рыцарскай школай, у якой рыхтавалі да будучай службы ў арміі. Улічваючы, што кожны шляхціц быў абавязаны служыць, зразумела, што рыцарскія школы давалі карысныя веды. У іх вучылі фехтаванню, верхавой яздзе, ваеннай інжынерыі, сучасным мовам. Класічныя мовы, права, тэалогія і іншыя навукі давалі ў скарачаным выглядзе. Тым цікавей выглядае выбар месца навучання Сабескіх — Парыжскі Каралеўскі калегіум. Адказам на пытанне выбару месца навучання можа быць, па-першае, адсутнасць вялікіх грошай для навучання ў папулярных адукацыйных цэнтрах, па-другое, добрыя ўмовы для навучання ў Парыжы. Наконт гэтага мы можам прачытаць у інструкцыі, напісанай Якубам Сабескім сваім сынам. Ён піша, што "...a to dla tego że tam spokojno na ustroniu, i nie masz tak wiele Polaków i cudzoziemców, jako gdzie indziej stoja..." таму гэта цудоўнае месца для навучання, дзе нішто не адцягвае ўвагу ад навук [6, с. 38].

Гісторыка-параўнальны метада — параўнанне агульнага і асаблівага ў развіцці розных краін, народаў, падзей ці аб'ектаў, якія маюць розныя прасторава-часавыя характарыстыкі.

У межах артыкула можна зрабіць параўнанне адукацыі Якуба Сабескага ў Парыжы, які быў там у самым пачатку XVII стагоддзя, і Януша Радзівіла (1579—1620), які некаторы час навучаўся ў рыцарскай школе Парыжа ў апошнія гады XVI стагоддзя. Калі адукацыю Сабескага мы вывучаем па напісанаму ім дыярышы, то падрабязнасці адукацыйнага падарожжа Я. Радзівіла знаходзяцца ў лістах да бацькі (Крыштафа Радзівіла «Пяруна» (1547—1603)) [15], дзядзькі (Мікалая Крыштофа Радзівіла «Сіроткі» (1549—1616)) [16] і стрыечнага брата (Яна Юрыя Радзівіла (1588—1625)) [17], якія былі праналізаваны Войцехам Сакалоўскім [14, с. 7].

З пісем Я. Радзівіла бачна, што малады магнат быў дзейным чалавекам. Яго не праваблівала вывучэнне моў, гісторыі, права і іншых навук, ён прагнуў апынуцца ў рыцарскай школе. Да ваеннай навукі Януш Радзівіл паставіўся сур'езна, нават прымаў удзел у ваенных кампаніях (удзельнічаў у аблозе Амьена (1597) і бітвах з іспанцамі падчас апошняй рэлігійнай вайны ў Францыі (1562—1598) на баку Генрыка IV) [14].

Якуб Сабескі жа, наадварот, меў спакойны характар, быў схільным да навук, у сваім дыярышы шмат пісаў пра наведванне двара Генрыка IV, сустрэчу там з рознымі людзьмі. Падрабязна апісваў тэмы, на якія размаўлялі пры двары, знешні выгляд і паводзіны людзей. Сустрэўся там Якуб і з Янушам Радзівілам, якога назваў "człowiek humoru bardzo grzecznego i na odpowiedź prędki" [5, с. 10].

Вынікам шасцігадовага падарожжа Я. Сабескага стала азнаямленне з заканадаўствам еўрапейскіх дзяржаў, знаёмства з уплывовымі і выбітнымі людзьмі таго часу (французскія каралі Генрых IV і Людовік XIII, ангельскі кароль Якуб I Сцюарт, намеснік Нідэрландаў Морыц Аранскі, іспанскі кароль Філіп III, Папа Рымскі Павел V, імператар Свяшчэннай Рымскай імперыі Маціяс I, вучоныя, духоўныя асобы, палітыкі, творчыя людзі), удасканаленне валодання замежнымі мовамі. Атрыманьня веды дазволілі Якубу Сабескаму пабудаваць добрую кар'еру ў Рэчы Паспалітай і пад канец жыцця зрабіцца прыкладам дабрачыннасці, вучонасці, дыпламатычнай мудрасці. А Януш Радзівіл праявіў свой дзейны характар: удзельнічаў у вайне са Швецыяй (1600—1629), узначаліў рокаш 1606—1607 гадоў супраць Жыгімонта III Вазы, бараніў роўныя правы пратэстантаў і праваслаўных з католікам і г. д.

Зразумела, што такое параўнанне мае карысць толькі для напісання партрэтаў тых асоб, якіх параўноўваюць. Для больш грунтоўнага даследавання карысна параўноўваць больш вялікія групы людзей, напрыклад, прадстаўнікоў адной сям'і з прадстаўнікамі іншай ці адукацыйныя падарожжы ў другой палове XVI стагоддзя з падарожжамі ў другой палове XVII стагоддзя. Такія параўнанні заслугоўваюць асобнага артыкула, таму не будзем на гэтым засяроджвацца.

Сярод метадаў, якія выкарыстоўваюцца ў гістарычнай навуцы, асобна вылучаюцца міждысцыплінарныя метады гістарычнага даследавання. Адным з іх з'яўляецца *кантэнт-аналіз*. Гэты метада прыйшоў у гістарычную навуку з сацыялогіі. Даследчык робіць падлік частаты з'яўлення ў тэксце пэўных характарыстык, што дазваляе зрабіць некаторыя высновы адносна намераў стваральніка дадзенага тэксту.

Мы зрабілі скарачаны варыянт аналізу і разгледзелі тое, што цікавіла нашага героя падчас падарожжа. У дыярышы практычна нічога не напісана пра навучанне, больш апісаны вандрэўкі. Таму быў праведзены пошук слоў, якія пацвярджалі б цікавасць да турыстычных аб'ектаў. Так, слова «горад» (*miasto*) сустракаецца часцей за ўсе астатнія — 161 раз, што не дзіўна, бо з яго пачынаюцца ўсе апісанні новых месцаў. Наступным па папулярнасці з'яўляецца слова «касцёл» (*kościół*) — 141, што адпавядае важнаму месцу рэлігіі ў часы падарожжа. Далей згадваюцца «замкі» (*zamek*) — 17, «цытадэлі» (*cytadel*) — 15, «масты» (*most*) — 12. Пра ўнутранае ўбранства названых пабудов практычна нічога не сказана. Можна было б палічыць і словы, якімі Я. Сабескі апісвае гэтыя архітэктурныя аб'екты, але цяжкасць у тым, што самым сустракаемым прыметнікам з'яўляецца «прыгожы» (*piękny*) — 175 разоў. І апісвае гэтым словам Якуб і людзей, і гарады, якія праязджае. Такім чынам, нават невялікі аналіз тэксту выявіў, што падарожнік цікавіўся разнастайнымі рэчамі, але аб'екты сакральнай архітэктуры былі найбольш цікавымі.

Метадаў, якімі можа карыстацца даследчык гісторыі адукацыйных падарожжаў шляхты і магнатаў XVI—XVIII стагоддзяў, існуе значна больш. Напрыклад, не былі асветлены такія асноўныя гістарычныя метады, як гісторыка-тыпалагічны і дыяхраічны. Не апісваліся магчымасці метадаў матэматычнай статыстыкі, дыскурса-аналізу, метады псіхгаісторыі, якія карысна выкарыстоўваць пры апісанні партрэтаў гістарычных асоб ці дапаўняць імі гісторыка-генетычны даследаванні. Не былі разгледжаны і метады паліталогіі, якія дапамагаюць пры апісанні пэўных падзей і ролі гістарычных асоб у падзеях. Але разгледжаных метадаў ужо дастаткова, каб убачыць шырокія магчымасці працы з нарматыўнымі крыніцамі і складання партрэтаў гістарычных асоб.

Заклучэнне. Сучасны стан тэарэтыка-метадалагічнай базы гістарычнай навуцы прапануе даследчыку вялікі шэраг метадаў, якія дазваляюць дасягнуць мэты даследавання максімальна поўна.

Як паказана на прыкладзе адукацыі Якуба Сабескага (1591—1646) — дзяржаўнага і ваеннага дзеяча Рэчы Паспалітай, бацькі караля Рэчы Паспалітай Яна III Сабескага, прыдатнымі для вывучэння адукацыйных падарожжаў шляхты XVI—XVIII стагоддзяў з'яўляюцца: метады лагічнага пазнання, апісальна-апаздальны, гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны метады, кантэнт-аналіз і інш.

Важна адзначыць, што ўсё больш сціраецца мяжа паміж метадалогіямі розных ізаляваных навук і ўсё больш развіваюцца міждысцыплінарныя метады, якія дазваляюць праводзіць комплексны аналіз аб'ектаў вывучэння, пераадолюючы межы традыцыйнай гістарычнай рэканструкцыі, даючы магчымасць атрымання больш поўных і грунтоўных вынікаў даследавання.

Спіс цытаваных крыніц

1. Болбас, В. С. Канцэпцыя развіцця этыка-педагагічнай думкі Беларусі X—XVIII стст. / В. С. Болбас // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. — 2017. — № 1 (49). — С. 77—81.
2. Сцебурака, А. М. Развіццё адукацыі ў Беларусі ў 1569—1648 гг.: традыцыі поліканфесійнасці і сацыяльнай абумоўленасці / А. М. Сцебурака // Выш. шк. — 2009. — № 4. — С. 50—53.
3. Самусік, А. Ф. Дзейнасць манаскіх ордэнаў у галіне асветы на Беларусі ў першай трэці XIX стагоддзя / А. Ф. Самусік // Гісторыя: праблемы выкладання. — 1998. — № 1. — С. 37—46.
4. Скеп'ян, А. А. Лісты маладых князёў Аселькавічаў з Італіі / А. А. Скеп'ян // Архіварыус. Сер. «Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства». — 2009. — № 7. — С. 55—74.
5. Самусік, А. Ф. Князі Радзівілы ў пратэстанцкіх навучальных установах Еўропы ў сярэдзіне XVI — першай палове XVII ст. / А. Ф. Самусік // Выш. шк. — 2017. — № 3. — С. 53—56.
6. *Sobieski, J. Dwie podróże Jakuba Sobieskiego ojca króla Jana III. Odbyte po krajach europejskich w latach 1607—1613 i 1638 / J. Sobieski. — Poznań : Pompejusza i Spółki, 1833. — 227 s.*

7. *Sobieski, J.* Instrukcja Jakuba Sobieskiego kasztelana krakowskiego, oycy króla Jana III. Dana Panu Orchowskiemu z strony synów. Z manuskryptu przedrukowana / J. Sobieski. — Warszawa : Drukarnia Narodowa J. K. Mci, 1784. — 68 s.
8. *Sobieski, J.* Instrukcja JW. JM. Pana wojewody ruskiego (Jakuba Sobieskiego oycy króla Jana III) Ichmościom Panom Synom. Do cudzych krajów jadacym / J. Sobieski. — Warszawa : Drukarnia Józefa Ungra, 1865. — 53 s.
9. *Długosz, J.* Jakub Sobieski / J. Długosz // Polski Słownik Biograficzny / Zespół redakcyjny: H. Markiewicz [i inni]. — Warszawa-Kraków, 2000. — T. XXXIX/4, zeszyt 163. — С. 483—490.
10. *Sobieski, J.* Diariusz sejmu koronacyjnego w Krakowie w 1633 roku / J. Sobieski. — Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008. — 324 s.
11. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — Изд. 2-е., доп. — М. : Наука, 2003. — 486 с.
12. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / А. О. Чубарьян [и др.] ; под ред. А. О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — 576 с.
13. Polski Grand Tour w XVIII i początkach XIX wieku : materiały z badan / Regionalna Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie ; red. A. Ročko. — Warszawa : Regionalna Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2014. — 466 s.
14. *Sokołowski, W.* Studia i peregrynacje Janusza i Krzysztofa Radziwiłłów w latach 1595—1603: model edukacji syna magnackiego na przełomie XVI i XVII w. / W. Sokołowski // Rozprawy z Dziejów Oświaty. — 1992. — T. 35. — S. 3—35.
15. Адзел рукапісаў бібліятэкі Вільнюскага ўніверсітэта (BUWil). — Ф. 3. Воп. 273. Арк. 15—16.
16. Галоўны архіў старажытных актаў г. Варшавы (AGAD). — Ф. 354. Воп. 4. Спр. 35. Арк. 507—509.
17. Галоўны архіў старажытных актаў г. Варшавы (AGAD). — Ф. 354. Воп. 4. Спр. 18. Арк. 213.

Паступіў ў рэдакцыю 25.09.2020

Репозиторий Барн

УДК 658.511.5+94

П. А. Концевой

Частное учреждение образования «БИП — Институт правоведения», Могилевский филиал,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Комсомольская, 5а, 212030 Могилев, Республика Беларусь,
+375 (25) 548 70 25, pkonz@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОНТАЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СОВЕТСКОЙ ЗОНЕ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ (1945—1948)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с демонтажными мероприятиями на промышленных предприятиях в советской зоне оккупации Германии и Австрии. Отмечается, что демонтированное промышленное оборудование являлось важнейшей составляющей репарационных поставок в Советский Союз. По итогам статьи делается вывод о том, что СССР, включая БССР, получив законное право на взыскание репараций с Германии и ее союзников, на достаточно высоком уровне организовал мероприятия по демонтажу промышленного оборудования, что позволило в кратчайшие сроки использовать его в восстановлении разрушенного народного хозяйства страны.

Ключевые слова: репарации; репарационное оборудование; промышленные предприятия; демонтаж; Германия; Австрия; восстановление и дальнейшее развитие промышленности СССР, включая БССР.

Библиогр.: 19 назв.

P. A. Kantsvoi

Private educational establishment “BIP — Institute of Law”, Mogilev Branch,
Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5a Komsomolskaya St., 212030 Mahilioŭ,
Republic of Belarus, +375 (25) 548 70 25, pkonz@mail.ru

SOME FEATURES OF DISMANTLING MEASURES IN THE SOVIET ZONE OF OCCUPATION OF GERMANY AND AUSTRIA (1945—1948)

The article deals with issues related to dismantling activities at industrial enterprises in the Soviet zone of occupation of Germany and Austria. It is noted that the dismantled industrial equipment was the most important component of reparation deliveries to the Soviet Union. According to the final results, the article makes the conclusion that the USSR, including the BSSR, having received the legal right to recover reparations from Germany and its allies, organized at a rather high level the measures to dismantle industrial equipment, that allowed to use it in the shortest time in the reconstruction of the destroyed national economy of the country.

Key words: reparations; reparation equipment; industrial enterprises; dismantling; Germany; Austria; restoration and further development of the USSR industry, including the BSSR.

Ref.: 19 titles.

Введение. Итоги работы Крымской и Потсдамской конференций 1945 года стали одним из важных достижений советской дипломатии, когда в том числе были определены форма и порядок репарационных возмещений у Германии и ее сателлитов. Советской стороне удалось убедить союзников по антигитлеровской коалиции в том, что размер причиненного в период Великой Отечественной войны СССР ущерба во много раз превышал размер предложенных репарационных возмещений. Причем репарационные выплаты должны были осуществляться в натуральной форме, что давало возможность быстро произвести их изъятие и оперативно использовать в восстановлении промышленности и сельского хозяйства пострадавших регионов страны. Решения, принятые на международных конференциях, позволили обосновать правомерность произведенных ранее советских трофейных изъятий из германской экономики.

Репарационные поставки в определенной мере компенсировали материальные потери СССР, включая БССР, но они ни в коей мере не смогли возместить те жертвы и страдания, которые понес белорусский народ в результате нацистской агрессии.

Методология и методы исследования. В основе данной статьи лежат принципы объективности, историзма и системности. Автором были использованы традиционные специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный. Также применялись приемы математической обработки количественных данных.

Результаты исследования и их обсуждение. По итогам работы Крымской и Потсдамской международных конференций 1945 года и в соответствии с принятыми на них решениями Советский Союз должен был получить с Германии и ее союзников репарации, которые среди прочего включали демонтированное с немецких и австрийских заводов промышленное оборудование. Причем поставки промышленного оборудования в СССР, включая БССР, являлись наиболее значимой составляющей из всего массива полученных репараций.

Советские демонтажные мероприятия на территории Германии и ее союзников развернулись в начале 1945 года. 25 февраля 1945 года был образован Особый комитет при Государственном комитете обороны (ГКО) СССР под председательством Г. М. Маленкова. Задачами Особого комитета являлись вопросы координации демонтажных мероприятий в советской зоне оккупации Германии [1, с. 110]. В связи с ликвидацией 3 сентября 1945 года ГКО СССР Особый комитет перешел в подчинение СНК СССР, а вопросы репараций также вошли в компетенцию Экономического управления Советской военной администрации в Германии во главе с генерал-майором интендантской службы С. И. Шабалиным. В декабре 1945 года его функции перешли к заместителю Главного начальника Советской военной администрации в Германии по экономическим вопросам К. И. Ковалю [2, с. 39].

Демонтажные работы выполняли советские военные и гражданские специалисты, а также привлекалась рабочая сила, набранная на месте, прежде всего немецкие гражданские лица и военнопленные. Например, при демонтаже суконной фабрики «Гербрудер Фрич» в городе Гроссенхайне для консервации оборудования были созданы бригады из «женщин местного населения» [3, л. 13]. После демонтажа оборудование этой фабрики было направлено на Гродненский тонкосуконный комбинат [4, л. 4, 49]. О привлечении к демонтажу военнопленных также свидетельствуют воспоминания советского инженера-полковника А. П. Казанцева, руководившего демонтажом промышленного оборудования в австрийской федеральной земле Штирия. Он отмечал, что к демонтажу промышленных предприятий привлекались немецкие и венгерские военнопленные. В список демонтируемых объектов были включены и предприятия концерна Германа Геринга. Для вывоза с них тяжелого оборудования, по его сведениям, пришлось вновь запустить паровозо- и вагоноремонтные заводы в Штирии. На этих заводах восстанавливался подвижной состав австрийских и немецких железных дорог, который после этого использовался для вывоза оборудования в СССР [5, с. 506—507].

При проведении демонтажных работ оккупированная советскими войсками территория подвергалась тщательной проверке в целях выявления промышленных предприятий, оборудования, сырья, материалов, научно-исследовательских учреждений и других объектов [6, л. 10]. Все материалы произведенных обследований направлялись в Особый комитет. Как правило, демонтаж предприятия начинался после принятия Правительством СССР соответствующего постановления. Исключение из этого правила составлял лишь демонтаж в западной части Берлина, где 180 предприятий были демонтированы без постановления правительства [6, л. 13].

По данным на 1 ноября 1946 года, приведенным в «Отчете уполномоченного Особого комитета при Совете министров СССР по Германии», отмечается, что советскими специалистами было обследовано 6 000 германских промышленных предприятий, на которых имелось около 1,5 млн единиц различного оборудования. По 4 361 предприятию были внесены предложения в Особый комитет о демонтаже оборудования. На основании постановлений ГКО и Совета Министров СССР было демонтировано 3 472 предприятия с 1 млн 118 тыс. 751 единицей промышленного оборудования. К 1 ноября 1946 года было отгружено в СССР 6 млн 190 тыс. тонн оборудования и материалов, что по другой классификации сопоставимо с объемом грузов, перевезенным 496 246 двухосными вагонами. В числе отгруженного оборудования и материалов следует выделить: 339 тыс. металлорежущих станков; 44 тыс. прессов и молотов; 202 тыс. электромоторов; 4 мощных отвальных моста для бурогоугольной промышленности; турбогенераторы суммарной мощностью 4,05 млн кВт; трансформаторы суммарной мощностью 10 млн кВт; железнодорожные рельсы общей протяженностью 6 000 км [6, л. 5, 13]. В Австрии должны были демонтировать 206 предприятий [7, с. 123]. В отчете Центрального статистического управления при Совете Министров СССР отмечается, что на 1 июля 1948 года на советские заводы было завезено оборудование с 4 775 германских и японских предприятий в количестве 1 млн 238,9 тыс. единиц [8, л. 1].

В отчете уполномоченного при Совете Министров СССР по Германии «Экономический обзор советской зоны оккупации Германии за 1947 г.» отмечается, что доля демонтированного СССР оборудования в сопоставлении с производственными мощностями всей Германии по ряду отраслей являлась следующей: авиационная — около 50 %; боеприпасов — 50 %; танкостроения — 35 %; паровозострое-

ния — 46 %; станкостроения — 45 %; резиновая промышленность — 12 %; электропромышленность — 48 %; автостроения — 25 %; производство серной кислоты — 52 %; производство соды каустической — 54 %; электростанции — 50 %; бумажная промышленность — 50%; цветная металлургия — 65 %; производство ферросплавов — 44 %; текстильная промышленность (включая производство искусственного волокна): трикотажная — более 20 %, швейная — 2 %, лентоткацкая — 25 %; пищевая — 20 %; стекольная (оконное стекло) — 10 %; стекольная (товары широкого потребления) — 20 %; керамическая — 10 %; деревообрабатывающая и мебельная — 3 % [9, л. 122—123]. Из приведенных данных видно, что демонтаж затронул в большей степени военную и тяжелую промышленность. Тем самым произведенный СССР демонтаж отвечал требованиям ликвидации германского военного потенциала.

Советская зона оккупации, включая Берлин, охватывала около $\frac{1}{3}$ промышленности всей Германии и свыше 40 % германской военной промышленности, поэтому произведенный демонтаж можно считать крупным вкладом в дело ликвидации военного потенциала Германии [9, л. 7]. Из полностью военных заводов в советской зоне было демонтировано 67, уничтожено — 170, переоборудовано для выпуска мирной продукции — 8 [10]. Что касается западных зон, то в условиях начавшейся «холодной войны» англо-американские оккупационные власти всячески тормозили здесь советский демонтажный процесс. Советскому Союзу все же было выделено 35 особо ценных заводов, находившихся на западе Германии [11, л. 24—25]. Однако большинство оборудования было демонтировано именно из советской зоны оккупации Германии и Австрии.

Следует отметить, что при обследовании и выявлении предприятий демонтажным бригадам приходилось встречаться со значительными трудностями. Большое количество крупных германских заводов военного значения было тщательно замаскировано. Например, много предприятий и оборудования было обнаружено в лесных массивах, горах, подвалах, торговых помещениях, жилых зданиях, шахтах, пещерах и специальных подземных сооружениях. Также часто для маскировки военных производств использовались кирпичные заводы. Как правило, на них обнаруживали оборудование машиностроительной промышленности. Еще одной трудностью, выявившейся при демонтаже промышленного оборудования, стало то, что некоторые предприятия имели лишь сборочные цеха, а изготовление отдельных узлов машин было сосредоточено по небольшим предприятиям, расположенным в малых населенных пунктах сельскохозяйственных районов. Например, металлургический завод «Мемефа» в провинции Западная Померания и Мекленбург занимал территорию площадью свыше 56 тыс. м², в том числе производственной — 38,9 тыс. м². Этот завод был расположен в большом лесном массиве, который находился в 4—5 км от г. Варен и был искусно замаскирован. Производственные постройки имели вид сельскохозяйственных строений. Подъезды к заводу и внешнее оформление походило на помещичье владение. В Берлине же много промышленных предприятий было расположено в подвалах, во внутренних дворах жилых домов. Также при обследовании выяснилось, что на отдельных германских предприятиях часть станков, уникальное или ценное оборудование было разукomплектовано или повреждено их владельцами перед приходом Красной Армии. На ряде же крупных заводов ценные агрегаты оказались вывезенными в другие населенные пункты. Склады предприятий часто были скрыты в торговых помещениях городов. Важные приборы и инструменты были закопаны в землю. Например, на одном из оптических заводов «Аскания Берке» в Берлине наиболее ценные лабораторные приборы были розданы некоторым служащим завода для хранения их дома. Советская сторона принимала всевозможные меры для розыска спрятанного оборудования, приборов и технической документации. Владельцы германских предприятий свою техническую документацию часто хранили вдалеке от завода. Например, техническая документация заводов искусственного жидкого топлива после долгих поисков была обнаружена на территории Верхней Силезии в населенном пункте Шпандау в одном из сараев. Техническая же документация и архив другого демонтированного завода «Осрам» были найдены в пещере в 50 км от Берлина. На всех предприятиях, взятых на учет и намеченных к демонтажу, устанавливалась военная охрана, которая оставалась на объекте до полного демонтажа и вывоза оборудования [6, л. 11—13].

Важнейшим экономическим центром Германии являлась ее столица — Берлин. В довоенное время 48 % электротехнической промышленности Германии было сосредоточено именно в Берлине, главным образом в западной его части. Почти все наиболее крупные ведущие предприятия электротехнической промышленности и научно-исследовательские учреждения располагались именно здесь. В этом городе значительное развитие получили и другие отрасли промышленности: станкостроение, паровозостроение, производство турбогенераторов, котлостроение, оптическая промышленность.

В период войны Берлин занимал важное место и в выпуске военной продукции: танков, самолетов, боеприпасов, оптических и других приборов [6, л. 23].

В июне 1945 года демонтаж производился главным образом на территории западного Берлина. Это решение в первую очередь было связано с тем, что эта часть города вскоре должна была отойти под контроль США и Великобритании [12, с. 110]. Причем в мае—июне 1945 года обследование и демонтаж в Берлине проводились одновременно. Чтобы своевременно завершить все работы по демонтажу предприятий в западной зоне Берлина, было принято решение сосредоточить там все средства, а в восточной части города производить лишь подготовительные работы. Для переброски демонтируемого оборудования из западной в восточную часть Берлина в сжатые сроки были организованы так называемые «железнодорожные вертушки» — поезда, которые курсировали между двумя частями немецкой столицы. Кроме того, ежедневно на перевозке оборудования было занято более 6 000 автомашин. Причем одновременно проходила погрузка оборудования в железнодорожные вагоны и на баржи для вывоза в СССР. В течение мая—июня 1945 года из Берлина было отгружено около 10 тыс. вагонов с оборудованием и материалами. В это время в целом по Берлину был закончен демонтаж 640 предприятий со 193 тыс. единиц оборудования, из них 76 тыс. металлорежущих станков. На долю западной части Берлина приходилось 600 демонтированных предприятий со 182 тыс. единиц оборудования, среди которых 73 тыс. металлорежущих станков и около 6 тыс. прессов и молотов. В целом на долю Берлина пришлось 37,7 % всех демонтированных металлорежущих станков в советской зоне оккупации Германии [6, л. 23—24].

Часть демонтированного в Берлине оборудования была отправлена в БССР. Например, с берлинской электростанции «Вильмерсдорф» на БелГРЭС имени Сталина был вывезен турбогенератор мощностью 12 500 кВт, а с электростанции «Вест» — турбогенератор мощностью 12 000 кВт. На Витебский машиностроительный завод «Коминтерн» был вывезен станкостроительный завод «Гее и К°». На МАЗ пришло оборудование завода коробок скоростей. Академия наук БССР получила с военного склада различное лабораторное оборудование и приборы на общую сумму 98 500 немецких марок. В Новогрудок на трикотажную фабрику было отправлено оборудование берлинской трикотажной фабрики фирмы «Лейтман» [4, л. 17, 50, 52, 62]. Направлялось в БССР также и австрийское оборудование. Так, уже в конце мая 1945 года на Минский автозавод (будущий МАЗ) поступило 590 единиц оборудования из Вены [13, л. 94] с автозавода «АвстроФиат» [14, л. 133].

Успешный демонтаж предприятий во многом зависел от того, насколько умело проводились подготовительные работы. Важнейшей первоначальной операцией при демонтаже был сбор и составление всей технической документации демонтируемого производства. Во многих случаях, особенно на новых и сложных производствах, отсутствовала документация по технологическому процессу. Поэтому приходилось организовывать эксплуатацию производства для освоения, изучения и воссоздания документации по технологическому процессу [6, л. 17—18]. На суконной фабрике в г. Гроссенхайне оказалось некоторое количество шерсти. Перед демонтажем она была пущена в эксплуатацию и выработала 46 300 м сукна и 31 975 одеял. Сукно и одеяла были отправлены Белглавснабу, который оплатил работу опергруппы по плановой цене — 17 р. 50 к. за 1 м. После переработки шерсти фабрика была демонтирована и отправлена в Гродно, где и была восстановлена. На Гродненский тонкосуконный комбинат из Гроссенхайна прибыло 196 вагонов с 394 единицами технологического оборудования [4, л. 4, 49].

Среди демонтированного Советским Союзом оборудования имелось значительное количество единиц уникального оборудования как с точки зрения совершенства конструкции, так и производственной мощности. Например, Министерством авиационной промышленности СССР был демонтирован вертикальный гидравлический штамповочно-кузнечный пресс давлением 30 тыс. т производства фирмы «Шлоеман» [6, л. 125]. Министерством электропромышленности СССР на заводе «Динамо-верке» фирмы «Сименс» был демонтирован уникальный тяжелый карусельный металлорежущий станок производства фирмы «Шиппс-Лефриц». Станок был предназначен для обработки металлических деталей весом до 250 т и диаметром до 20 м [6, л. 129—130].

Еще одним ценным объектом для демонтажа стал подземный завод в Нордхаузене, который в годы Второй мировой войны производил выпуск ракет Фау-2, а также другой техники. Завод состоял из двух больших, идущих параллельно штолен, соединенных между собой 46 перпендикулярными залами (штольнями). Площадь каждого зала равнялась 1 500 м². Производство Фау-2 было расположено в 22 залах [6, л. 14]. Территория, на которой находился завод, первоначально была занята американскими войсками, но по договоренности должна была передаваться советской стороне. Американцами

за это время было вывезено все специальное чисто ракетное испытательное технологическое оборудование, но универсальные станки общего назначения во всех цехах остались нетронутыми [15, с. 247, 257]. Производственные цехи в значительной мере были укомплектованы универсальным оборудованием, как например, двумя мощными парогидравлическими прессами (мощностью 1 000 и 600 т), специальными электросварочными точечными машинами, предназначавшимися для сварки оболочки ракеты Фау-2, и др. [6, л. 15]. Завод был восстановлен, на нем были собраны пять ракет Фау-2, которые были отправлены на испытания в СССР. По мнению известного советского ученого Б. Е. Чертока, работа этого завода в период 1945—1946 годов с привлечением немецких специалистов позволила СССР сэкономить колоссальные средства и время для становления советской ракетной техники [16, с. 47].

Основные демонтажные работы на германских и австрийских предприятиях проходили в 1945—1946 годах. Работы, связанные с ликвидацией военных и военно-промышленных объектов в советской зоне оккупации, были завершены к 1 июля 1948 года [7, с. 124]. Следует обратить внимание на то, что демонтаж промышленных предприятий в счет репараций был болезненным для германских рабочих, которые теряли свою работу. В целях смягчения этих трудностей руководство Советской военной администрации Германии уже в начале 1947 года приняло решение на базе 119 крупных предприятий, предназначавшихся для демонтажа, создать советские акционерные общества (САО), которые оставались бы на территории Восточной Германии. Было создано 31 САО с общим уставным капиталом 4,2 млрд марок [17, с. 333]. Со временем число САО достигло 200. Они давали около 20 % промышленного производства Восточной Германии. Наиболее известное из них — «Висмут» в Тюрингии — занималось добычей урановой руды и внесло значимый вклад в реализацию советского ядерного проекта [18, с. 167]. Продукция, производимая САО в Германии, поставлялась в СССР в счет репараций [19, л. 35].

Заключение. Демонтажные работы на германских и австрийских предприятиях проходили с 1945 по 1948 год. Причем СССР, включая БССР, получив законное право на взыскание репараций, несмотря на тяжелые условия послевоенного времени, организовал на достаточно высоком уровне полномасштабную операцию по демонтажу и изъятию промышленного оборудования, что позволило в кратчайшие сроки использовать данную технику в восстановлении разрушенного народного хозяйства страны.

Список цитируемых источников

1. Государственный Комитет Обороны в системе чрезвычайных органов стратегического руководства страной и вооруженными силами // Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. / М-во обороны Рос. Федерации ; под общ. ред. А. Э. Сердюкова, С. К. Шойгу. — М., 2015. — Т. 11 : Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны / В. В. Герасимов [и др.]. — С. 91—157.
2. *Барабаш, Н. В.* Рэпарацыі з Германіі ў Беларусь у 1945—1948 гг. / Н. В. Барабаш // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. — 2015. — № 4. — С. 38—42.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 899. Оп. 1. Д. 13.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. Оп. 62. Д. 58.
5. *Казанцев, А. П.* Пунктир воспоминаний / А. П. Казанцев // Лды возвращаются / А. П. Казанцев. — М., 1981. — С. 473—539.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2155.
7. *Семиряга, М. И.* Как мы управляли Германией: политика и жизнь / М. И. Семиряга. — М. : РОССПЭН, 1995. — 351 с.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2805.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4520.
10. *Катасонов, В. Ю.* Репарации по итогам Второй мировой войны. Щедрый жест Сталина [Электронный ресурс] / В. Ю. Катасонов // Фонд стратегической культуры. — Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/07/reparacii-po-itogam-vtoroj-mirovoj-vojny.-shedryj-zhest-stalina-33210.html>. — Дата доступа: 24.10.2019.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-7317. Оп. 4. Д. 27.
12. *Гарипов, Р. Ф.* Послевоенные платежи Германии Советскому Союзу / Р. Ф. Гарипов // Экономика и упр. — 2015. — № 6. — С. 109—114.
13. Государственный архив Минской области (ГАМино). — Ф. 2363. Оп. 1. Д. 10.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 30. Оп. 6. Д. 72.
15. *Черток, Б. Е.* Ракеты и люди. От самолетов до ракет / Б. Е. Черток. — М. : РТСофт, 2010. — 352 с.
16. *Черток, Б. Е.* Ракеты и люди. Подлипки — Капустин Яр — Тюратам / Б. Е. Черток. — М. : РТСофт, 2011. — 656 с.
17. *Коваль, К. И.* Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне / К. И. Коваль. — М. : РОССПЭН, 1997. — 448 с.
18. *Ватлин, А. Ю.* Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. — М. : Директ-Медиа, 2015. — 490 с.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 413. Оп. 24. Д. 373.

УДК 930.1

Е. Н. Котусев

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ОТНОШЕНИЙ ГЕРМАНСКОГО МИРА И СЛАВЯНСТВА В XIII—XVI ВЕКАХ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. ЛЮБОВИЧА

Н. Н. Любович — широко известный в свое время российский историк, профессор русского Варшавского Императорского университета, занимающийся всеобщей историей, исторической славистикой и полонистикой. Статья посвящена проблематике отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках в творчестве названного историка. Н. Н. Любович рассматривал эти отношения в компромиссной схеме доктрин российской консервативной историографии славянофильской направленности и либеральной западной историографии общего противостояния двух миров. Оценочный подход Н. Н. Любовича к заявленной проблематике рассматривается автором статьи на сравнительном фоне общих оценок современной ученому российской историографии. Данная проблематика в историческом наследии Н. Н. Любовича не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Ключевые слова: Н. Н. Любович; историография; российская историография второй половины XIX — начала XX века; германский мир; славянство; борьба миров; цивилизационное влияние; Грюнвальд; Польша; ВКЛ; Пруссия; западно-русские земли.

Библиогр.: 60 назв.

E. N. Kotusev

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5 Oktyabrskaya St.,
230023 Hrodna, Republic of Belarus, +375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

THE PROBLEMATICS OF THE RELATIONS OF THE GERMAN PEACE AND THE SLAVERY IN THE XIII—XVI CENTURIES IN THE WORKS OF N. N. LYUBOVICH

N. N. Lyubovich was a well-known Russian historian at one time, professor of the Russian Imperial University of Warsaw, engaged in general history, historical Slavic studies and Polon studies. The article is devoted to the problems of relations between the Germanic world and the Slavs in the XIII—XVI centuries in the work of the named historian. N. N. Lyubovich considered these relations in the compromise scheme of the doctrines of the Russian conservative historiography of the Slavophile orientation and the liberal Westernizing historiography of the general confrontation between the two worlds. The evaluative approach of N. N. Lyubovich to the stated problems is considered by the author of the article against a comparative background of general assessments of the modern scientist of Russian historiography. This issue in the historical heritage of N. N. Lyubovich did not become the subject of separate studies and is considered in this context for the first time.

Key words: N. N. Lyubovich; historiography; Russian historiography of the second half of the XIX — beginning of the XX century; the Germanic world; Slavism; the struggle of the worlds; civilizational influence; Grunwald; Poland; the Grand Duchy of Lithuania; Prussia; Western Russian lands.

Ref.: 60 titles.

Введение. В данной статье автор ставит цель представить вклад и оценочные позиции Н. Н. Любовича в рамках российской историографии в целом в разработку проблематики отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках. Эти взгляды и вклад Н. Н. Любовича представлены на фоне развития современной ему российской историографии в целом и российской исторической славистики в частности.

Методология и методы исследования. В историографическом плане заявленная тематика отдельно не изучалась. Ряд ее проблем затрагивался косвенно в современной белорусской и российской исторической науке (Т. Т. Кручковский [1; 2], Л. М. Аржакова [3; 4], Р. Б. Гагуа [5—7], Л. П. Лаптева [8; 9]) и польской историографии (К. Блаховска [10; 11]). Т. Т. Кручковский рассматривает некоторые аспекты проблематики отношений германского мира и Польши, в том числе упоминая и вклад в разработку тематики Н. Н. Любовича [1; 2]. Л. М. Аржакова, рассматривая польский вопрос и его пре-

ломление в российской исторической полонистике XIX века, отмечала исследования и Н. Н. Любовича в тематике польско-германских отношений [3; 4]. Л. П. Лаптева, описывая развитие российской исторической славистики, отмечала научный вклад Н. Н. Любовича [8; 9]. Наибольший вклад в белорусской историографии в исследовании заявленной проблематики сделал Р. Б. Гагуа, который занимался изучением истории Великой войны и Грюнвальдской битвы, в том числе и в историографическом плане [5—7]. Однако и у него отсутствует анализ научного наследия Н. Н. Любовича по исследуемой нами проблематике. Некоторые аспекты заявленной проблематики в творческом наследии российской историографии затрагивались в работах К. Блаховской [10; 11]. Однако заявленная проблематика не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. Основной источниковой базой нашей статьи являются работы Н. Н. Любовича, посвященные заявленной проблематике. Это в первую очередь «Грюнвальдская битва и ее историческое значение» [12]. Это была одна из немногих работ в российской историографии, посвященная этому событию. Данная работа Н. Н. Любовича не была оригинальным исследованием, хотя опиралась на широкую источниковую базу: автор использовал не только хронику Длугоша, но и исследования по истории Польши, Тевтонского ордена современных ему польских и немецких историков. Основное значение этой работы для российской науки — это, скорее, подведение итогов данного события и попытки его оценки с объективных позитивистских позиций, попытка отхода от господствующего славянофильского взгляда.

Теоретико-методологические основы данного исследования опираются как на основополагающие принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Одним из способов исследования творческого наследия Н. Н. Любовича является предложенный группой современных исследователей (А. Л. Самович и др.) междисциплинарный подход. Он позволил автору на примере исследуемого историка показать его общественно-политические и историософские позиции, отношение к истории Польши, роль личности и ценностных установок в развитии творческого наследия Н. Н. Любовича.

В решении поставленных исследовательских задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Принцип историзма, который требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, позволяет избежать модернизации изучаемых явлений с точки зрения современности. Принцип объективности является сознательной ориентацией исследователя на воздержание от критических оценок познаваемой действительности, от привнесения ценностных суждений в научное познание. Ценностный подход позволяет дополнить установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. К общенаучным методам относятся методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод восхождения от конкретного к абстрактному, метод классификации и типологизации, метод концептуального анализа. Наиболее используемыми специально-историческими методами являются: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективного и перспективного анализа, метод диахронического анализа, метод контент-анализа и т. д.

Вместе с тем эти общенаучные методы в отношении творческого наследия Н. Н. Любовича значительно упрощают и обедняют оценочные подходы российской исторической полонистики, не позволяют представить всей оригинальности подходов отдельных исследователей. Проявлением их в исторических исследованиях являются специально-исторические методы:

– историко-типологический и историко-системный. Они рассматривают историю исторической науки как определённую систему со всеми её составляющими и взаимодействующими элементами — с творчеством историка, деятельностью научных центров (исторических школ и направлений) и т. д.;

– историко-сравнительный. Позволяет выявить место отдельных ученых и историографических направлений в ряду других, определить их сходства и различия во взглядах. Сравнительно-историографический метод использовался автором для сравнения различных исторических взглядов изучавших данные проблемы исследователей. Это позволило увидеть вклад Н. Н. Любовича в развитие исторической науки России и Польши;

– проблемно-хронологический. Позволяет сконцентрировать внимание на рассмотрении того или иного компонента исторической концепции в динамике. Таким компонентом исторической по-

лонистики, проявляющимся во всех концепциях российской науки является тезис о цивилизационном противостоянии России и Польши, о религиозном характере их противоборства и т. д.;

– метод исторической периодизации является важным элементом нашей исследовательской работы. В его применении мы использовали нескольких уровней: периодизация научного творчества отдельных ученых, научных направлений, исторической мысли в целом или значительного отрезка времени.

К числу сложных методов исторического познания относится структурно-функциональный анализ. Этими компонентами являются совокупность трудов творческого наследия Н. Н. Любовича. На основании этого метода можно делать выводы о принадлежности ученого к какой-либо «исторической школе» или направлению, об общественной значимости работ ученого, его вкладе в историческую полонистику.

Все эти требования к вышеуказанным принципам и методам исторического исследования, как показывает представленный материал, особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет изучения столь «чувствителен» к субъективным оценкам. Их использование позволило решить намеченные цели и задачи исследования. В связи с ограниченным объемом статьи более подробно описать применение этих принципов и методов историографического исследования не представляется возможным.

Н. Н. Любович частично затронул проблематику противостояния германского мира и славянства (в первую очередь в лице Польши) в статье «Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше» [13]. Ранее, еще в 80-е годы XIX века, фактор противостояния германского мира и славянства был отмечен им в ряде работ, посвященных Реформации в Польше и ВКЛ [14—16]. Заявленная проблематика также поднималась ученым в его общих курсах по всеобщей истории, читаемых для студентов историко-филологического факультета Варшавского университета. Однако их тексты не сохранились.

Проблема отношений романо-германской Европы и славянской Центрально-Восточной Европы как противостояния двух миров, как борьбы германского мира и славянства была актуальна в российской историографии XIX — начала XX века. О борьбе с Тевтонским орденом писали российские историки, начиная от Н. М. Карамзина и заканчивая Н. И. Кареевым и А. Л. Погодиным [1; 2; 17; 18].

Специально посвященных этому событию работ было немного: статья 1887 года А. И. Барбашева [19]. А. И. Барбашев, как и М. О. Коялович [20], рассматривал эту битву с позиций славянофильства. Перу А. И. Барбашева принадлежат еще две работы, посвященные этой теме [21; 22]. В них рассматривается проблема противостояния романо-германской Европы и славянства в более широкой исторической панораме. Популярный характер имела статья Д. Довгялло [23]. Наиболее подробное описание событий Великой войны представил П. А. Гейсман [24]. Статья Н. Н. Любовича «Грюнвальдская битва» входила в общий тренд российской историографии и была попыткой подведения итогов этого события и одновременно попыткой оценки его с объективных позитивистских позиций.

Для того чтобы представить общий оценочный подход Н. Н. Любовича к проблематике отношений германского мира и славянства в XIII—XVI веках, необходимо рассмотреть его оценочные подходы и вклад в изучение заявленной тематики в целом в российской историографии XIX — начала XX века. основополагающие оценочные подходы российской историографии имперского периода к исторической полонистике определены в современной науке как ее фундаментальные идеи [1; 17; 25—28]. Основная их суть сводилась к определению ущербности общественно-государственного устройства польско-литовской государственности, отказе ее от миссии противостояния романо-германскому миру, ее исторической обреченности в противостоянии с Москвой [25—28]. В определении этих фундаментальных идей во многом совпадали оценочные позиции консервативной историографии славянофильской ориентации и либеральной историографии прозападной ориентации [25—28]. Эти особенности российской историографии нашли свое преломление в оценках заявленной тематики у Н. Н. Любовича.

Традиционно Н. Н. Любович воспринимается как исследователь-позитивист [29—33]. Наивысшего расцвета либеральная позитивистская историография достигла в лице русской исторической школы всеобщей истории [29—31]. Теоретико-методологической основой концепции этой школы был позитивизм, именно основой, так как они испытали определенное влияние марксизма, народнических идей и внесли в них собственную интерпретацию [17, с. 157]. Важной проблемой позитивистской теории, относящейся к Н. Н. Любовичу, была экономическая сфера. Эта сторона исторического процесса стала объектом изучения для целого ряда медиевистов и историков нового времени [29, с. 45]. Проявление этого фактора особенно заметно у Н. Н. Любовича в интерпретации тематики ряда его исследований.

В отношении общественно-политических взглядов и деятельности Н. Н. Любовича принято считать, что ученый оставался в стороне от политической и общественной деятельности [34; 35].

В основном это положение верно, если сравнивать с деятельностью его коллег Н. И. Кареева, А. С. Будиловича или Е. Ф. Карского. В ряде случаев Н. Н. Любович выступал с активной позицией, хотя бы по причине занимаемых им постов. Следует учесть, что эта деятельность протекала в основном в специфических условиях русской Польши [17, с. 134]. О либеральных взглядах ученого свидетельствуют материалы его исследований, дружественные контакты с польскими учеными и с тем же Н. И. Кареевым [36]. Это можно проследить в исследованиях как Н. А. Казаровой [34], так и Ю. Ф. Иванова [35].

Н. Н. Любовича нельзя назвать однозначным либералом. В работах, связанных с деятельностью иезуитского ордена на территории Речи Посполитой, он делал выводы о том, что иезуиты привлекались не для борьбы с протестантизмом (вслед за С. М. Соловьевым [37]), а для привлечения в католичество православных [38]. Такие идеи горячо воспринимались сторонниками западноруссизма, но сам Н. Н. Любович стремился занимать нейтральную позицию. Не приветствовал он и революционные события, понимая по накопленному материалу исследований, каковы будут ее последствия [34]. Н. Н. Любович был крайне осторожен в высказывании своих политических и идеологических ориентиров [39, с. 89].

Н. Н. Любович, несмотря на позитивистские методологические установки, остался на оценочных позициях консервативной (или компромиссных с либерально-западнической) части российской науки в ряде важнейших проблем истории Западной Европы, Польши, ВКЛ: в оценке Реформации в Польше (на исследовании этой тематики он сделал себе научную репутацию в России и в Европе в целом), проблематики западного цивилизационного влияния посредством католической Польши на западнорусские земли. Так, общим положением для него было определение отношений в Речи Посполитой между православием и католичеством как постоянного религиозного противостояния [40]. Это положение касалось и славянофильского тезиса о враждебности и борьбе германского мира и славянства, проявившихся наиболее остро в период XIII—XVI веков.

Для представления оценочной позиции ученого к проблематике отношений германского мира и славянства, а также характеристики места и роли германского мира, славянства, Польши в общеевропейском контексте следует вспомнить мнение ученого об исторической миссии Польши и России. Тезис об отказе Польши от общеславянского дела впервые был отмечен еще А. С. Хомяковым и стал общепринятым в российской историографии славянофильской направленности [41, с. 294—300]. Впоследствии это положение было поддержано наиболее известным историком второй половины XIX века, относящимся к либерально-западнической историографии, — С. М. Соловьевым. Он утверждал: «Из двух отраслей славянского племени, восточной и западной, двум самым сильным народам, русскому и польскому, история вначале предоставила две борьбы для охраны славянства: русскому — борьбу с восточными азиатскими хищниками, польскому — с немцами» [42, с. 315]. Говоря об успешно выполненной исторической миссии России, ученый представлял Россию как единственный оплот против кочевой Азии, а затем и германского мира [27, с. 143, 149].

В российской историографии либеральной направленности противостояние германского мира и славянства и ведущая роль в нем Польши виделась подобным образом, хотя и с выделением ряда существенных акцентов (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский) [27, с. 180, 187, 201—205]. Наиболее отличительную позицию занимал здесь А. Л. Погодин. Он видел историческую миссию Польши в качестве государства, разделяющего Западную и Восточную Европу и играющего огромную роль в становлении исторической роли России [43, с. 25].

Начало борьбы поляков с Тевтонским орденом Н. Н. Любович традиционно относил к XIII веку с приглашения Конрада Мазовецкого, довольно кратко описывая это событие [12, с. 2]. В целом российские историки сходились во мнении, что призыв тевтонцев для борьбы с пруссами обернулся для Польши появлением нового опасного врага. Интерпретация Н. Н. Любовичем начального этапа борьбы Польши с Орденом является, по сути, кратким пересказом этих событий из «Истории» С. М. Соловьева [44, с. 136].

Н. Н. Любович, согласно славянофильской традиции, считал, что крестоносцы имели целью своих действий завоевание славянского мира в Центрально-Восточной Европе и Прибалтике. Он утверждал, что все действия Ордена имели заранее определенный план агрессии с привлечением всего германского мира. Он писал: «Тевтонский орден не удовольствовался, однако, тем, что этот князь предоставил ему Кульмскую землю, но выхлопотал себе у императора Фридриха II грамоту, “в силу которой все земли, завоеванные Орденом, должны ему принадлежать”. Орден шел уже обдуманно: во-первых, создать государство на берегу Балтийского моря, а, во-вторых, получить себе самостоятельность и быть независимым от поляков» [12, с. 2]. Ученый неоднократно подчеркивал, что

периодически поступали пополнения рыцарей из Германии и других западных земель, отмечая, что Орден, «не порывал связей со Священной Римской Империей» [12, с. 3]. Это положение поддерживалось и в либеральной историографии. А. Л. Погодин указывал, что крестоносцам помогали деньги европейских стран и большое количество рыцарей [43, с. 44].

Н. Н. Любович соглашался с мнением российской историографии, что основной целью создания Ордена меченосцев было желание укорениться в Прибалтике для завоевания новых территорий и массового крещения местного населения [12, с. 2—3]. Он писал: «За борьбу с литовцами Орден принялся очень энергично. Вновь приобретенные земли заселялись колонистами, пришедшими по преимуществу из Германии» [12, с. 3]. «Быстро стали вырастать теперь на прежних литовских землях, — продолжал ученый, — на восток от Вислы города и деревни, основывались они на немецком праве» [12, с. 3]. Это Орденское государство историк считал немецким, отмечая, что «выстроенный в Мариенбурге замок принадлежал к числу красивейших и обширнейших во всей Германии» [12, с. 4]. Эта его оценочная позиция была общей с мнением, высказанным ранее в российской науке. Н. А. Полевой писал, что тевтонцы покорили Пруссию и завладели множеством других территорий, оказывая сильное влияние на Польшу и Литву [45, с. 124].

Как считал далее Н. Н. Любович, в связи с таким усилением Ордена он стал опасен не только для язычников, но и для католической Польши [12, с. 4]. Следующей, как показывал Н. Н. Любович, в экспансии Ордена стала Польша. Он писал: «Тевтонские рыцари совершенно отрезали Польшу от моря» [12, с. 3]. Однако Польша в данном случае, по мнению Н. Н. Любовича, столь отличного от мнения большинства российских историков, «не осознала опасности идущей от германского натиска» [12, с. 17]. Эта оценочная позиция Н. Н. Любовича, как увидим далее, объяснялась убеждением историка в том, что Польша оказалась в плену цивилизационного влияния германского мира, из которого она уже не имела сил вырваться.

Положение об опасности романо-германского мира для славян, балтов и западно-русских земель было общей позицией российской историографии исследуемого периода независимо от ее направлений. Так, Н. И. Кареев утверждал, что немецкий «напор на Восток» и борьба славян с германизмом составляют одну из важных сторон средневековой и новой их истории [46, с. 133]. Польско-германские противоречия, считал он, сохранились и после принятия Польшей католичества в форме геополитического соперничества: продолжался немецкий натиск на Польшу посредством духовно-рыцарских орденов [46, с. 135].

Н. Н. Любович рассматривая процесс натиска германского мира на славянскую Центрально-Восточную Европу и Литву и утверждал, что его главный удар приходился на Польшу, Прибалтику, а затем и западно-русские земли [12, с. 17]. Это была общая позиция для большинства российских историков. Так, В. О. Ключевский утверждал, что литовцы смогли оказать сопротивление немецкому Ордену, усилившись западно-русскими княжествами и беглецами из Пруссии. Поэтому, по его мнению, «для борьбы с немцами, ставшими опасными для Польши, явилась для последней нужда в соединении с Литвой» [47, с. 26].

Н. Н. Любович поднял проблему не только завоеваний Ордена, но и немецкого цивилизационного влияния на восток от Лабы, весьма противоречиво решаемую в российской историографии того периода [27, с. 151, 178, 185]. Однако интерпретация этой проблемы у Н. Н. Любовича была довольно ограниченной: военно-политическая борьба и подавляющее немецкое цивилизационное влияние. В наиболее концентрированном виде оценочные позиции о немецком цивилизационном влиянии в Польше представил М. Ф. Владимирский-Буданов [48], откуда, как видно из текста его статьи, были взяты аргументы Н. Н. Любовичем. Однако историк использовал только часть этой аргументации, относящуюся к негативным моментам немецкого влияния, в то время как российская историография либеральной направленности подчеркивала неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому и правовому прогрессу, а с другой — деградации политического строя [27, с. 203].

Положения и аргументы Н. Н. Любовича в данном вопросе в основном укладываются в схему российской историографии славянофильской направленности. В этом случае историк допускал исключения. Так, Н. Н. Любович, описывая насильственный характер проникновения в Прибалтику, признавал огромные цивилизационные успехи Ордена: «Управление во владениях Ордена было хорошо организовано. Он заботился, чтобы чиновники усердно и добросовестно исполняли свои обязанности» [12, с. 4]. Историк отмечал прекрасную социально-экономическую ситуацию немецкого населения Пруссии: местные крестьяне пользовались полной личной свободой, и в XV веке не было прикрепления к земле [12, с. 5].

Отдельно и в превосходной степени Н. Н. Любович описывал социально-экономические успехи Ордена, уделяя им значительно больше внимания, чем это было принято в российской историографии [12, с. 5—7]. Так, описывая общие успехи хозяйственного развития Пруссии, он отмечал, что во владениях Тевтонского ордена насчитывалось 98 городов, 1 400 деревень. Хозяйственная деятельность Ордена в Пруссии, по мнению Н. Н. Любовича, это образцовое западно-европейское хозяйство, основанное на немецком праве: «Орден принимал все меры к тому, чтобы развить земледелие: осушались болота, устраивались плотины, чтобы увеличить площадь годных для обработки земель <...>. Скотоводство также было развито» [12, с. 5]. Города Ордена, считал историк, достигли высокой степени экономического процветания. Орден вел крупную торговлю, продолжал он, «ведя хозяйство самостоятельно в принадлежавших ему громадных имениях, он имел массу хлеба, которого не только с избытком хватало для его собственных надобностей, но еще оставалось огромное количество для продажи» [12, с. 5].

Результатом такой успешной социально-экономической деятельности Ордена, заключал Н. Н. Любович, была его экономическая мощь и богатство не только на фоне его соседей, но и в общеевропейском масштабе. «Как был богат Тевтонский орден можно заключить уже из того, что доходы этого государства в момент наивысшего расцвета, его могущества, достигали почти до 2 миллионов талеров на современные немецкие деньги, а доходы богатейшего в XV веке в Европе торгового государства — Венеции, — писал историк, сравнивая показатели, — превышали только на сколько 3 миллиона» [12, с. 6].

Н. Н. Любович, ссылаясь на Длугоша, утверждал, что «поляки во время войны 1410 г. и военных походов в Пруссию удивлялись богатству и благосостоянию этого государства» [12, с. 6]. Польша, утверждал ученый, в экономическом и в культурном и отношении значительно отставала от Ордена [12, с. 4]. В описании этой социально-экономической характеристики Ордена Н. Н. Любович ссылался на немецкую и польскую историографию предмета, в частности, на Длугоша и Зибеля [12, с. 5—6].

В представлении путей и механизмов следования германского влияния на земли Прибалтики и Польши Н. Н. Любович следовал за С. М. Соловьевым. Однако в сносках Н. Н. Любовича на используемую научную литературу по данному вопросу труды С. М. Соловьева отсутствуют. Н. Н. Любович по вопросу немецкой колонизации в Польше ссылался на немецкую и польскую историографию [12, с. 18].

В качестве примера последствий немецкой колонизации С. М. Соловьев приводил силезских князей, которые не только испытали немецкое влияние, но и стали приглашать немецких колонистов [44, с. 180]. Процессу немецкой колонизации способствовала и Церковь: монастыри, наполненные немецкими монахами, рыцарские ордена стали вызывать немецких колонистов, и «скоро и города начали также наполняться немцами, причем важно было то, что последние сохраняли свою народность» [44, с. 180].

Немецкая колонизация и вместе с нею немецкая культура хлынули сильною волною, писал Н. Н. Любович, в Польшу еще в XIII веке. По мнению ученого, немецкая культура проникала в Польшу тремя путями: «Во-первых, путем колонизации свободных земель немецкими крестьянами и основанием деревень на немецком праве; во-вторых, основанием городов на немецком праве (обыкновенно на Магдебургском). В особенности с конца XIII века стал заметен значительный прилив немцев в города и деревни <...>. В третьих, немецкая культура пускала глубокие корни в Польше вследствие наплыва немецких монахов в польские монастыри. Вскоре они совершенно завладели ими и старались вытеснить из них польский элемент» [12, с. 18—19]. Как продолжение этой политики вытеснения польского элемента с протестантской церкви и замены его немецким Н. Н. Любович рассматривал деятельность герцога Альбрехта в период Реформации [13, с. 175]. Историк в исследовании, посвященном Реформации в Польше, утверждал, что «ввиду того влияния и значения, которыми пользовались немцы в городах Польши, они достигли того, что проповеди во многих костелах произносились исключительно на немецком языке» [14, с. 51]. Это положение он поддержал, ссылаясь на исследования польских историков, и в работе 1910 года [12, с. 20].

Ссылаясь на исследования польских историков (А. Прохаска, С. Кутшеба), Н. Н. Любович представил положение польских городов и торговли в контексте влияния немецкого элемента. По его мнению, в особенности сильно сказывалось влияние немцев в городах. Многие из них стали немецкими по своему характеру. «В Кракове, — писал историк, ссылаясь на польские статистические данные, — заправляют всеми делами исключительно немцы, и они даже численно превышали польское население» [12, с. 20].

Подобным было, как отмечал Н. Н. Любович, положение и в торговле: «Вся крупная торговля была сосредоточена в немецких руках. Акт об основании этой краковской купеческой гильдии составлен по-немецки» [12, с. 19]. В качестве дополнительного свидетельства в пользу этой точки зрения Н. Н. Любович приводил цитату из труда С. Кутшебы [12, с. 20]. Ссылаясь на работы немецких

и польских историков, Н. Н. Любович для дополнительной аргументации в пользу высказанного положения отмечал попытку, сделанную Ягайло, направить польскую торговлю через землю Поморских герцогов. «Эта попытка была сделана с целью освободить торговлю от опеки Пруссии, — писал российский историк, ссылаясь на А. Прохаску [50, с. 334], — и нанести последней в экономическом отношении сильный ущерб. Но для приведения в исполнение указанного проекта у поляков не оказалось ни умения, ни сил» [12, с. 18].

В результате стечения всех этих факторов, по утверждению Н. Н. Любовича, Польша к концу XIV века уже попала под влияние германского мира. «Немцы играли в ней, — писал он, — очень видную и важную роль, и она была пропитана немецкой культурой» [12, с. 18]. Итог этих заключений однозначен: «Это ясно показывает, в какой громадной зависимости находились поляки и от немцев, и от их культуры» [12, с. 18].

Эти оценочные позиции Н. Н. Любовича ближе к славянофильским идеям, чем либерально-западническим взглядам. Так, по утверждению известного сторонника славянофильских идей И. П. Филевича, немецкое влияние привело к перерождению славянского организма поляков. «В результате Польша не стала Германией, но свое собственное, кроме языка, понемногу растеряла, или оно приняло в своем развитии такие уродливые формы, что под ними уже не узнать первоначальной основы» [51, с. 29], в то время как сторонники либерально-западнической ориентации подчеркивали сохранение Польшей, несмотря на романо-германское влияние, оригинальных славянских черт (Н. И. Кареев, А. Л. Ногодин) [27, с. 122]. Так, М. К. Любавский утверждал, что поляки сохранили свои славянские черты: «К счастью, польская народность оказалась достаточно сильной, чтобы ассимилировать, претворить в себе инородные элементы, и в Польше славяне не утонули в немецком море, а наоборот — немцы в польском» [52, с. 16].

В силу геополитических обстоятельств, по мнению Н. И. Кареева, отношения Пруссии и Польши должны были завершиться либо победою Пруссии (а это была смерть для Польши), либо ее поражением, что равнозначно чуть ли не гибели Пруссии как государства [53, с. 383]. В такой оценке польско-германских отношений Н. И. Кареев был близок к другим российским либералам [27, с. 204]. Подобной была оценка отношений германского мира и Польши С. М. Соловьева: «Между ними сложилась застарелая ненависть, которая означала существовала между Польшей и Немецким Севером» [49, с. 7].

Как видим, Н. Н. Любович в русле славянофильской традиции подчеркивал существование польско-немецкого антагонизма, однако вслед за либерально-западнической традицией считал, что это было не цивилизационное, а военно-политическое противостояние. Н. Н. Любович вполне в духе российской историографии славянофильской направленности (как и С. М. Соловьев) объяснял такое положение тем обстоятельством, что Польша к этому времени уже попала под влияние германского мира. Все эти доводы должны были подтвердить главную идею историка: «Ни до Грюнвальда, ни после него культура Польши не была оплотом славянства против германизации» [12, с. 20].

Исходя из завоевательных устремлений Ордена, столкновение его с Польшею, продолжал Н. Н. Любович, становилось с началом XV века неизбежным. Государство Тевтонских рыцарей, писал ученый, «все увеличиваясь и разрастаясь <...>. Оно отрезало Польшу совершенно от Балтийского моря» [12, с. 7]. С конца XIV и в начале XV века Польше стала грозить новая опасность, так как Орден начал проявлять стремление расширить свои границы за ее счет. Историк связывал свой тезис о неизбежности столкновения Ордена с Польшею и с проблемой отношений крестоносцев и ВКЛ [12, с. 7]. Не рассматривая комплекса причин польско-литовской унии, он отметил только, что «воля исторических судеб начала связывать в его лице политическую жизнь литовско-русских земель с Польшею» [12, с. 8].

Н. Н. Любович акцентировал, прежде всего, аспект общей военной угрозы и соединения сил Польши и ВКЛ против общего врага. Это была общая позиция российской историографии рассматриваемого периода. «Польский король, литовец Ягайло, тем смелее мог ринуться в борьбу с сильным своим соседом, — писал историк, — что располагал теперь большими военными силами» [12, с. 8]. «Только соединение Польши в конце XIV века, — писал Н. И. Кареев, — с Литовско-русским государством значительно ее усилило и позволило ей вступить в более успешную борьбу с германизмом» [54, с. 135]. С. М. Соловьев утверждал, что важным следствием Кривской унии для Восточной Европы было сокрушение Немецкого ордена [44, с. 374]. Ученый обрисовал эти последствия для польско-германских отношений следующим образом: «Последовала смертельная борьба, кончившаяся, после вековых войн, полным покорением Ордена» [49, с. 7]. Историк рассматривал польско-германские противоречия и на общеевропейском фоне [42, с. 316].

Основой оценочного подхода российской историографии к Великой войне в целом и Грюнвальдской битве в частности стала работа А. И. Барбашева «Танненбергская битва». При её написании

использовались различные источники, а также достижения зарубежной, в первую очередь немецкой историографии. А. И. Барбашев утверждал: «Это не было столкновением двух народов, это была борьба германо-романского запада со славянским востоком» [19, с. 151]. В историографической традиции (не только российской, но и польской) рассматриваемого периода Грюнвальдская битва показывалась как пример эффективности единения славян. Впоследствии это акцентировалось в советской, а также в значительной части современной белорусской, российской и польской исторической науке. Разница заключалась лишь в том, что польские историки определяющую роль в победе приписывали польским хоругвям, а российские и советские историки — трём смоленским полкам [6, с. 60]. Отличное мнение можно найти у Н. И. Кареева, А. Л. Погодина и М. К. Любавского, которые признавали победу за Польшей и Литвой [27].

Оценочные подходы Н. Н. Любовича к этим событиям в определенной мере отличались от мнения большинства российских дореволюционных историков. А. И. Барбашев придавал огромное значение Великой войне и считал ее «борьбой германо-романского запада с славянским востоком» [22, с. 34]. В части фактологического материала выводы Н. Н. Любовича опирались не только на немецкую и польскую историографию, но и работы А. И. Барбашева. Для представления объективной картины хода событий или численности войск историк сопоставлял данные российской, немецкой и польской науки [12, с. 11—14].

Н. Н. Любович признавал, что Великая война обратила на себя внимание всей Западной Европы. Одновременно он утверждал, что «придавать ей чуть ли не мировое значение, как склонны это делать некоторые историки, <...> или видеть в ней борьбу германо-романского запада со славянским востоком нет никакого основания» [12, с. 9]. Н. Н. Любович подверг критике точку зрения А. И. Барбашева по поводу значения Великой войны как «борьбу германо-романского запада со славянским востоком» [12, с. 9]. Свою точку зрения Н. Н. Любович обосновывал рядом аргументов. Во-первых, он считал, что «отсутствовало у тогдашних народов, прежде всего у поляков, славянское самосознание». Зачатки рождающегося славянского самосознания историк увидел только у чехов [12, с. 9]. Такой подход Н. Н. Любовича объясняется господствующим в российской историографии славянофильской направленности мнением о гусизме (набирающей тогда силу в Чехии — *Е. К.*) как о попытке возвращения в православие.

Отсутствие в Польше славянского самосознания Н. Н. Любович объяснял, как уже отмечалось автором, господствующим влиянием немецкой культуры и принятием католичества. Эти аргументы были классическими положениями в этом вопросе российской консервативной историографии славянофильской направленности и, как видим, были приняты либералом-позитивистом Н. Н. Любовичем. «Ни до Грюнвальда, ни после его, — писал он, — Польша не была оплотом для славянства против германизма» [12, с. 18]. «Нет основания искать проявления этого чувства у литовцев Ягайлы и Витовта, — продолжал он свою мысль, — не видно сколько-нибудь заметного, сознательного проявления славянского патриотизма и в Силезии, и в Поморье, которые были онемечены» [12, с. 9].

Во-вторых, Н. Н. Любович считал, что аргументом в пользу отсутствия славянского самосознания является национальный состав войск. Он писал: «Если взглянуть на то, кто были союзниками Ульриха Фон Юнгингена с одной стороны и союзниками Ягайло с другой, то станет ясно, что никакие национальные соображения не имели ничего общего с группировкою союзников воюющих сторон» [12, с. 9]. Историк, говоря о разнообразии состава войска Ягайло, основной упор делал на наличие в составе войск ВКЛ из различных православных земель княжества. «Особенно много знамен (семь) было из русских земель, — писал он, — а именно: холмской, подольской (целых три), львовской и других» [12, с. 11]. Историк говоря, что «русские были в войске Витовта в громадном количестве» [12, с. 12], не соглашался с А. И. Барбашевым, что «число русских и поляков в Грюнвальдской битве было равное» [22, с. 58].

Известность на Западе Великой войны Н. Н. Любович объяснял тем, что «католическое государство Польша отважилась вступить в борьбу с католическим духовным орденом» [12, с. 10]. Упоминания об этой войне, о Грюнвальдской битве во многих западно-европейских хрониках, продолжал он, объясняются и тем обстоятельством, что в войне столкнулись огромные военные силы [12, с. 10]. Н. Н. Любович обращал внимание на то обстоятельство, что «в войске гофмейстера Ульриха фон Юнгингена было много прибывших со всех концов Европы рыцарей <...>. Эти рыцари немало способствовали тому, — заключал историк, — что рассказы о Грюнвальдской битве разошлись широко по всей Европе» [12, с. 10].

Н. Н. Любович показывал, что Орден представлял серьезную опасность для Польши и Литвы не только с военной точки зрения, но и по причинам политическим и конфессиональным. По поводу

военно-политических обстоятельств он писал: «Ягайло, однако, прекрасно понимал, что Тевтонский орден противник очень серьезный <...>. Не мог не опасаться Ягайло и того, что Германия может выступить с помощью Ордену» [12, с. 8]. Историк отмечал попытки крестоносцев привлечь материальными выгодами еще и других союзников: «Известно было Ягайле, что Орден, обладающий не малыми запасами золота, старался купить себе помощь разных государей, как, например, Сигизмунда, короля венгерского» [12, с. 9].

Н. Н. Любович, как один из немногих российских историков, акцентировал конфессиональный фактор в отношениях Польши и Ордена: «Война с ним требовала большой осмотрительности, так как Орден был в глазах всей Европы борцом за христианскую религию» [12, с. 8]. «Христианскому государству, начинавшему войну с Тевтонскими рыцарями, — писал он, — нужно быть готовым к тому, что общественное мнение Европы будет против него, что побуждения к войне будут неверно истолкованы» [12, с. 8].

Н. Н. Любович отмечал пропагандистские обвинения Ордена в адрес Польши и Литвы перед западными дворами: «Ягайло знал, что Орден старается <...> изобразить его и Витовта врагами христиан, обвиняя их в том, что они действуют вместе с язычниками» [12, с. 8]. В результате действий Ордена и сведений о составе войск ВКЛ, писал историк, «католический западно-европейский мир особенно был возмущен тем, что поляки в борьбе с Тевтонским орденом воспользовались не только помощью схизматиков, т. е. православных, но и язычников — татар, которые находились в войсках Витовта» [12, с. 12].

Представлены были Н. Н. Любовичем ответные меры на эти действия Ордена: «Поэтому, чтобы не дать веры распространяемым Орденом Европе, Ягайло должен был направить в сентябрь 1409 г. разным западно-европейским дворам мемуары, где он изложил действительные причины столкновений с Орденом <...> и в свою очередь обвинял их в том, что они действуют во вред католической религии» [12, с. 8—9]. Однако подробно этот аспект историк не развивал в отличие от современной ему польской историографии.

Н. Н. Любович, отметив, что не ставил своей задачей отдельное описание Грюнвальдской битвы, сделал в отношении ее некоторые общие замечания со ссылками на немецкую и польскую историографию. При подсчете численности войск сторон в битве он, приводя расчеты ученых, считал наиболее вероятными расчеты А. Прохаски и пришедшего к тем же результатам немецкого историка Л. Крольмана [12, с. 12].

Традиционно для российской науки Н. Н. Любович оценивал участие в этом сражении различных народов польско-литовского государства и его союзников. Д. И. Иловайский, отмечая большое значение в победе народного славянского ополчения, главным образом смоленского, подчеркивал, что основную лепту в победу внесли поляки [55]. М. О. Коялович отдал всю честь победы смоленским полкам, которые в самый критический момент доблестно выдержали все удары, дав оправиться литовским и польским войскам [20, с. 15]. По мнению А. И. Барбашева, эта битва по значению для славянства может быть сравнимой с Куликовской [19, с. 152]. В свою очередь Н. Н. Любович утверждал: «Весь успех в блестящем исходе сражения поляки приписывают себе, забывая, что значительная часть войска состояла из русских, литовцев, чехов и татар» [12, с. 1]. «Только три смоленские полка проявили необыкновенное мужество и устояли против немцев, — писал он, — хотя большая часть одного полка была уничтожена, два другие <...> соединились потом с польским войском» [12, с. 13]. «После ожесточенной битвы счастье склонилось на сторону Поляков, — заключал он, — и они одержали решительную и блестящую победу» [12, с. 14].

Исследователь в русле российской историографической традиции считал, что после Грюнвальдской победы крестоносцев можно было полностью разбить. Н. Н. Любович утверждал: «Некоторые королевские советники убеждали Ягайло немедленно двинуться к Мариенбургу <...>, но король склонился к мнению тех советников, которые убеждали его отдохнуть» [12, с. 14]. Подобным образом рассуждало большинство российских историков. Д. И. Иловайский утверждал: «В первые дни после победы крестоносцев можно было полностью разбить, однако из-за медлительности Ягайло этого не произошло» [55]. А. Л. Погодин говорил, что Ягайло помедлил, чем упустил время и дал немцам оправиться, потому «последствия Грюнвальдской битвы оказались не так велики, как можно было ожидать» [43, с. 46]. Также итогом Грюнвальдской победы, по мнению А. Л. Погодина, стало объединение Польши и Литвы «крепкими нравственными узами» [43, с. 47]. Последний фактор в отношениях Польши и ВКЛ Н. Н. Любовичем вообще не поднимался.

Н. Н. Любович прямо обвинял польского короля в том, что он не смог использовать результаты победы под Грюнвальдом как в военном, так и в политическом аспекте. В отношении военного ас-

пекта последствий выигранной битвы он представил широкую картину нереализованных возможностей: «Ягайло упустил удобный момент захватить Мариенбург и окончательно использовать победу при Грюнвальде. <...> все плоды победы при Грюнвальде были потеряны» [12, с. 14]. В политическом аспекте последствий для Польши ученый отмечал: «Заключенный <...> мир в Торуне не принес, сколько особенно заметных выгод, на которые она была в праве была рассчитывать» [12, с. 15]. Для дополнительной аргументации Н. Н. Любович ссылался на негативную оценку результатов Торуньского мира Длугошем [12, с. 15].

Заключительный итог Н. Н. Любовича по итогам Великой войны для польско-литовской стороны был в общем негативным: «О том же, чтобы этим миром был нанесен Ордену какой-нибудь ощутительный ущерб или удар, об этом не может быть и речи. Поляки из этой войны не выходили настоящими победителями» [12, с. 15]. Это оценочная позиция Н. Н. Любовича была характерной для большинства российских историков. Д. И. Иловайский писал, что, согласно Торуньскому миру, Орден сохранил почти все свои территории. Однако Д. И. Иловайский, в отличие от Н. Н. Любовича, считал, что Грюнвальдская битва — «это одна из тех битв, которыми решалась участь целых государств» [55].

Происшедшее впоследствии ослабление Ордена Н. Н. Любович не связывал не только с результатами Великой войны, но и последующей победной для Польши 13-летней войны. Отметив, что в 1454 году вспыхнуло восстание, которое охватило всю Пруссию, он писал, что «руководители его обратились к польскому королю Казимиру Ягеллончику с предложением принять эту страну под его власть» [12, с. 16]. В отличие от Н. Н. Любовича многие историки отмечали важность этой войны в противостоянии славянского и романо-германского миров. Н. А. Полевой упоминал ее значение во взятии части Пруссии [56, с. 533]. Тринадцатилетнюю войну Д. И. Иловайский оценивал как «новую и еще более решительную, чем-то было при Ягайле и Витовте» [55]. Н. И. Кареев считал эту войну значимой, результатом которой было как территориальное приращение, так и получение ею широкой известности на Западе [57, с. 197].

«Упадок Ордена был результатом того антагонизма, — писал историк, — который с конца XIV века стал заметнее и резко проявился между дворянством и городами Пруссии, с одной стороны, и Тевтонскими рыцарями, с другой» [12, с. 16]. «Как бы то ни было, — подводил он итог, — разгром Ордена, который произошел после тринадцатилетней войны, окончившейся присоединением к Польше Западной Пруссии и признанием остальных земель тевтонских рыцарей в ленной зависимости от польского короля, был результатом того движения, которое происходило в землях самого Ордена с конца XV века» [12, с. 16].

Отдельно Н. Н. Любович приводил причины такого внешнего хода событий: присоединение к Польше Западной Пруссии и признание остальных ее земель в ленной зависимости от польского короля [12, с. 16]. Эти причины историк рассматривал как в общем, так и для различных социальных групп: прусских городов и прусского дворянства [12, с. 17]. «Так как Западная Пруссия была присоединена к Польше на началах личной унии, — писал он, — то патриотическое чувство немецкого населения края нисколько не страдало» [12, с. 17]. Н. Н. Любович выделял политические, культурные и экономические причины добровольного присоединения Пруссии к Польше: «пруссские земли были всегда чрезвычайно связаны с Польшею экономическими интересами <...>, политическая связь с нею могла их только радовать, так как теперь они могли рассчитывать на ничем не стесняемое развитие своего благосостояния <...>. Немецкое население земель, желавших присоединения к Польше, прекрасно знало, что его языку и культуре не угрожает и не может угрожать никакая опасность со стороны поляков» [12, с. 17]. Более того, по утверждению историка, после присоединения к Польше на этой территории сохранялось общественное устройство и социально-экономические и юридические права населения [12, с. 16].

Важно отметить, что Н. Н. Любович, представив столь умиротворенную картину присоединения и сосуществования Ордена с Польшей, совершенно обошел стороной вопрос: как это могло произойти в условиях борьбы германского мира и славянства, а также (по его же мнению — *Е. К.*) полной зависимости Польши от романо-немецкой цивилизации. Не только ответа на этот вопрос, но и обсуждения вариантов ответа на него Н. Н. Любович не давал. В современной Н. Н. Любовичу российской историографии имелся ответ на данный вопрос, весьма близкий к оценочным позициям современной историографии.

«Притягательность духа свободы, высокий уровень политической и религиозной свободы, — утверждал Ф. М. Уманец, — способствовали присоединению к польскому королевству Пруссии и Ливонии» [58, с. 74]. Основой политического и культурного могущества Речи Посполитой Ф. М. Уманец, вопреки традиции современной ему русской историографии, считал политическую и религиоз-

ную свободу, основанную на шляхетском общественно-государственном устройстве [59, с. 51]. Такая постановка вопроса о польской политической свободе как основе добровольного присоединения ВКЛ, Пруссии и Ливонии к Польше Ф. М. Уманца весьма редка в русской историографии и ближе всех в своих оценках к современной польской историографии (Ю. Бардах, Я. Мацшевски, Е. Охманьски, Х. Виснер и др.).

Однако научное творчество Ф. М. Уманца было забыто в русской и советской историографии и не оказало существенного влияния на формирование оценочных подходов к ряду проблем истории Речи Посполитой. В способе постановки ряда проблем истории Польши, польско-немецких отношений, в том числе в аспекте проблематики германского натиска на славянский Восток, он выступил с рядом оценок и идей, которые были не только новыми для русской историографии, но и впоследствии часть из них была принята в русской либеральной историографии конца XIX — начала XX века [59, с. 52]. Однако Н. Н. Любич (в отличие от Н. И. Кареева, А. Л. Погодина) в отношении проблематики отношений романо-германского мира и западного и восточного славянства этих новых идей не воспринял.

По мнению Н. Н. Любича, поляки не осознали серьезности германской опасности и после Великой войны. В качестве доказательства историк приводил последующие факты политики Польши относительно Пруссии. «Иначе, зачем было признавать в XVI веке за бранденбургскими курфюрстами право получения в лен Прусского герцогства, — спрашивал он, — создавшего после секуляризации Тевтонского ордена? Казалось бы, — утверждал историк, — что в интересах Польши было стремиться к непосредственному слиянию Прусского герцогства со своими владениями, а не усиление в будущем немецкого государства за свой счет. Между тем поляки поступили как раз наоборот» [12, с. 17].

Н. Н. Любич для подтверждения этого положения припоминал свое мнение о сути итогов Великой войны, ставил принципиальные вопросы и сам давал на них ответ. Эти вопросы были сформулированы весьма патетически. «Мы видели, что не поляки нанесли смертельный удар могуществу Ордена, и говорить о том, — утверждал он, — что движение германского мира на славянский было остановлено в XV веке благодаря битве при Грюнвальде, нет никакого основания» [12, с. 18]. Историк категорически спрашивал: «Может быть, следует признать, что в это время Польша начинает проникаться сознанием необходимости бороться с немецким элементом внутри собственного государства и стремиться к тому, чтобы высвободиться из-под немецкого влияния в экономическом отношении?» [12, с. 18]. «Быть может Польша с этого времени начала принимать меры к тому, чтобы ее города получили чисто польский характер, — продолжал историк, — и в них начала развиваться польская промышленность и торговля вместо немецкой?» [12, с. 18]. «На все эти вопросы приходится — констатировал он, — дать отрицательный ответ» [12, с. 18].

Следующим эпизодом польско-германского противостояния Н. Н. Любич считал период Реформации в Польше и Пруссии, находящейся в то время в вассальной зависимости от польского короля. Альбрехт, герцог Прусский, используя Реформации в Польше, попытался освободиться от вассальной зависимости [13, с. 177]. Для ослабления влияния польского элемента в католической и протестантской церкви ВКЛ герцог Прусский содействовал переводу и распространению церковной литературы на литовском языке [13, с. 175]. Н. Н. Любич прямо утверждал, что следующей целью герцога Альбрехта было онемечивание польского и литовского духовенства [13, с. 177].

Согласно мнению Н. Н. Любича, провалу этих планов помешало несколько факторов. Первым из них русский историк называл старую враждебность между немцами и поляками, которая перенеслась также на польский и немецкий протестантизм [13, с. 179]. Противником этой политики, отмечал Н. Н. Любич, выступила и католическая церковь Польши [13, с. 189]. Особую роль кардинала Гозия в польской католической церкви Н. Н. Любич подчеркивал вслед за П. Н. Жуковичем [60].

Все это привело к жалобам на герцога Альбрехта польскому королю [13, с. 200]. Сигизмунд, продолжал историк, направил в Пруссию королевскую комиссию, которая обвинила герцога в нарушении вассальной присяги [13, с. 200]. В итоге «дело всей жизни герцога Альбрехта рухнуло в результате событий 1566 года» [13, с. 200]. «Польша неизбежно торжествовала победу, — констатировал Н. Н. Любич, — в результате событий 1566 г. <...> Но более всех имел право торжествовать блестящую победу кардинал Гозий — единственный столб католицизма в Польше в ту эпоху» [13, с. 202].

Заключение. Н. Н. Любич в определении характера противостояния германского мира и славянства занял компромиссную позицию доктринам российской консервативной историографии славянофильской направленности и либеральной западнической историографии. Его оценочные позиции в комплексе проблем этой тематики весьма разнообразны и порой противоречивы. В выработке своих оценок ученый опирался на широкий спектр научной литературы и источников, в том числе немецких и польских.

Основное внимание при описании процесса противостояния германского мира и славянства Н. Н. Любович уделял Великой войне Ордена, а в этой войне — Грюнвальдской битве. Проблема натиска германского мира на западно-русские земли у него хоть и обозначена, но явно в описании событий теряется, за исключением Грюнвальдской битвы. В изложении хода этого решающего сражения Великой войны Н. Н. Любович придерживался традиционных оценок российской историографии.

Список цитируемых источников

1. *Кручковский, Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии II пол. XIX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно, 1994. — 198 с.
2. *Кручковский, Т. Т.* Польско-германское противостояние X—XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX — начале XX века (на примере С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Кареева) / Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — 2015. — № 2. — С. 53—59.
3. *Аржакова, Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. — 343 с.
4. *Аржакова, Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 543 с.
5. *Гагуа, Р. Б.* Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410» / Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2009. — 208 с.
6. *Гагуа, Р. Б.* Грюнвальдская битва в отечественной и зарубежной историографии / Р. Б. Гагуа // Беларус. думка. — 2010. — № 8. — С. 58—67.
7. *Гагуа, Р. Б.* Российская и белорусская историография сражения при Грюнвальде / Р. Б. Гагуа // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. : Гуманітар. навукі. — 2003. — № 2 (20). — С. 15—22.
8. *Лаптева, Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
9. *Лаптева, Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
10. *Włachowska, K.* Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. — 350 s.
11. *Włachowska, K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Włachowska. — Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2009. — 410 s.
12. *Любович, Н. Н.* Грюнвальдская битва и ее историческое значение / Н. Н. Любович. — Варшава, 1911. — 21 с.
13. *Любович, Н. Н.* Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше / Н. Н. Любович // ЖМНП. — 1885. — Ч. ССХІІ. — С. 173—220.
14. *Любович, Н. Н.* История реформационного движения в Польше. Кальвинисты и антиринитари / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. Земкеевича и Новаковского, 1883. — 376 с.
15. *Любович, Н. Н.* К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI веке / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. — 28 с.
16. *Любович, Н. Н.* Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н. Н. Любович. — Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1890. — 400 с.
17. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
18. *Кручковский, Т. Т.* Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
19. *Барбашев, А. И.* Танненбергская битва / А. И. Барбашев // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1887. — Т. 154. — № 12. — С. 151—193.
20. *Коялович, М. О.* Грюнвальденская битва 1410 года / М. О. Коялович. — СПб., 1885. — 20 с.
21. *Барбашев, А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы / А. И. Барбашев. — СПб., 1886.
22. *Барбашев, А. И.* Витовт. Последние двадцать пять лет княжения (1410—1430) / А. И. Барбашев. — СПб., 1891.
23. *Довгялло, Д. И.* Битва при Грюнвальде 15 июля 1410 г. / Д. И. Довгялло. — Вильна, 1909.
24. *Гейсман, П. А.* Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию / П. А. Гейсман // Воен. сб. — Киев, 1910. — № 7. — С. 14—20.
25. *Якубский, В. А.* Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В. А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. — Вып. 2. — С. 3—15.
26. *Кручковский, Т. Т.* Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков: историографический обзор / Т. Т. Кручковский // Идеолог. аспекты воен. безопасности. — 2016. — № 2 (25). — С. 29—37.
27. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 с.
28. *Кручковский, Т. Т.* Фундаментальные идеи русской либеральной полонистики второй половины XIX — начала XX вв. / Т. Т. Кручковский // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : зб. навук. арт. / А. А. Каваленя (гал. рэд.). — Гродна : ГрДУ, 2019. — Ч. 1. — С. 45—48.

29. *Нечухрин, А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003. — 349 с.
30. *Хмылёв, Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. / Л. Н. Хмылёв. — Томск : Изд-во ТГУ, 1978. — 172 с.
31. *Могильницкий, Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 1969. — 408 с.
32. *Мягков, Г. П.* Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 218 с.
33. *Шкуринов, П. С.* Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. — М. : Наука, 1980. — 416 с.
34. *Казарова, Н. А.* Историк Н. Н. Любович к 160 летию со дня рождения [Электронный ресурс] / Н. А. Казарова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-so-dnya-rozhdeniya>. — Дата доступа: 19.02.2018.
35. *Иванов, Ю. Ф.* Научная деятельность Н. Н. Любовича / Ю. Ф. Иванов // Совет. славяноведение. — 1980. — № 4. — С. 82—93.
36. *Кареев, Н. И.* Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. — 384 с.
37. *Кручковский, Т. Т.* История Польши в исторической концепции С. М. Соловьёва / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
38. *Попазова, А. М.* Изучение деятельности ордена иезуитов XVI в. на территории восточнославянского региона в последней трети XVI начале XVII вв. : исслед. рос. чиновников [Электронный ресурс] / А. М. Попазова // Киберленинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-obespechenie-kollegiy-ordena-iezuitov-v-vostochnoslavjanskom-regione>. — Дата доступа: 09.09.2018.
39. *Лаптева, Л. П.* Русский историк Н. И. Кареев и его взаимоотношения с политическими режимами / Л. П. Лаптева // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. — Брянск, 2000. — Вып. 2. — С. 88—95.
40. *Котусев, Е. Н.* Оценки реформации в Польше в русской историографии XIX — начала XX века (на примере оценочных подходов Н. Н. Любовича и Н. И. Кареева) / Е. Н. Котусев, Т. Т. Кручковский // ИАВБ. — Минск. — 2019. — № 1 (29). — С. 49—55.
41. *Хомяков, А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5.
42. *Соловьёв, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьёв. — М. : Мысль, 1991. — Кн. 9. : История России с древнейших времен. — Т. 17—18. — 701 с.
43. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Меншова, 1909. — 132 с.
44. *Соловьёв, С. М.* Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьёв ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. — М. : Мысль, 1988. — Кн. 2. : История России с древнейших времен. — Т. 3—4. — 765 с.
45. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М., 1833. — Т. 4. — 465 с.
46. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
47. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М., 1988. — Т. 2 : Курс русской истории. — 447 с.
48. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. — СПб. : Печатня В. Головина, 1868. — 302 с.
49. *Соловьёв, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : Тип. Грачева и компании, 1863. — 369 с.
50. *Prochaska, A.* Król Władysław Jagiełło / A. Prochaska. — 1908. — 414 s.
51. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. — М., 1894. — 104 с.
52. *Любавский, М. К.* Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915. — 27 с.
53. *Кареев, Н. И.* Падения Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М., 1888. — 413 с.
54. *Кареев, Н. И.* Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
55. *Иловайский, Д. И.* История России [Электронный ресурс] / Д. И. Иловайский. — М., 1896. — Т. 2. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_istoriya_rossii_t2_html. — Дата доступа: 12.04.2020.
56. *Полевой, Н. А.* История русского народа / Н. А. Полевой. — М. : Тип. Августа Семена при Император. Медико-хирург. акад., 1833. — Т. 5. — 687 с.
57. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время / Н. И. Кареев. — СПб., 1904. — Т. 1.
58. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб. : Тип. М. А. Хана, 1872. — 341 с.
59. *Кручковский, Т. Т.* Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ, 2007. — № 2. — С. 47—53.
60. *Жукович, П. Н.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. — СПб., 1882. — 557 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020

УДК 94(476)«1921/1939»

В. И. Кривуть

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (33) 673 26 60, krivut@mail.ru

**МАРШ «СВИТЯЗЯНСКИЙ ШЛЯХ»: ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СПОРТА
В БАРАНОВИЧСКОМ ПОВЕТЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Статья посвящена исследованию такой малоизученной в белорусской историографии проблеме, как деятельность Стрелцкого союза по развитию физической культуры и спорта на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Данная проблематика рассматривается в региональном разрезе на примере Барановичского повета Новогрудского воеводства. Подчеркивается, что спортивная деятельность являлась одним из основных направлений уставной деятельности Стрелцкого союза, что полностью соответствовало концепции реализации официальной молодежной политики. В статье характеризуется организация, проведение и состав участников марша «Свитязянский шлях», являвшегося наиболее значительным спортивным мероприятием, проводившимся на территории Барановичского повета в межвоенный период. Сделан вывод о том, что главным препятствием для эффективной спортивной деятельности Стрелцкого союза, в том числе и в сфере проведения спортивно-массовых мероприятий, являлось тяжелое материальное положение региона. В ходе работы над статьей был использован широкий спектр документальных источников, часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Западная Беларусь; межвоенный период; спорт; массовые мероприятия; молодежная политика; Стрелцкий союз.

Библиогр.: 17 назв.

V. I. KrivutBaranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavičy, Republic of Belarus, +375 (33) 673 26 60, krivut@mail.ru**MARCH “SVITYAZYANSKIY SHLYAKH”: FROM THE HISTORY OF SPORT DEVELOPMENT
IN THE BARANOVICHI REGION IN THE INTERWAR PERIOD**

The article is devoted to the study of the activities of the Riflemen Association for the development of physical culture and sports on the territory of Western Belarus in the interwar period. This activity has not received proper coverage in the Belarusian historiography. This issue is considered in a regional context, using the example of Baranovichi region, Novogrudok voivodeship. It is emphasized that sports activity was one of the main directions of the statutory activities of the Riflemen Association and fully corresponded to the concept of the implementation of the official youth policy. The article describes the organization, conduct and composition of the participants of the march “Svityazianski Shlyakh”, which was the most significant sporting event, held on the territory of Baranovichi region during the interwar period. It is concluded that the main obstacle for the effective sports activity of the Riflemen Association, including in the field of sports events, was the difficult financial situation of the region. In the course of work on the article, a wide range of documentary sources was used, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Western Belarus; the interwar period; sport; public events; youth policy; Riflemen Association.

Ref.: 17 titles.

Введение. Молодежная политика относится к важным сферам деятельности правящих кругов любого государства и связанных с ними общественных организаций, работающих в молодежной среде. В свою очередь, пропаганда и развитие физической культуры и спорта в молодежной среде является одним из направлений данной политики.

В полной мере это касается и молодежной политики польских властей и проправительственных молодежных союзов и объединений на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Проявлением их активности в этой сфере, помимо прочего, стала организация и проведение многочисленных спортивных мероприятий и соревнований. Одним из них стал марш «Свитязянский шлях», проводившийся на рубеже 1920—1930-х годов на территории тогдашних Барановичского и Новогрудского поветов местными госструктурами, военными властями и отделением Стрелцкого союза «Стрелец».

К сожалению, данная проблематика до сих пор не нашла должного отражения в отечественной историографии, не уделявшей серьезного внимания изучению спортивного аспекта польской молодежной политики в Западной Беларуси. Что касается работ польских историков, посвященных развитию спорта на территории западно-белорусских воеводств межвоенного польского государства, то в них многие конкретные спортивные мероприятия, проводившиеся местными властями и проправи-

тельственными союзами, освещаются лишь косвенно, подробная их характеристика попросту отсутствует. Так, например, «Свитязянский шлях» только упоминается наряду с другими мероприятиями в качестве примера деятельности Стрелецкого союза по развитию маршевого спорта в межвоенной Польше [1, с. 34].

Целью данной статьи является ликвидировать этот пробел. Это позволит не только дать более подробную характеристику официальной польской молодежной политики на территории Западной Беларуси с использованием конкретных примеров ее реализации, но и будет способствовать созданию более полного и объективного представления об общественно-политической жизни региона в межвоенный период в целом. Кроме того, на современном этапе, несомненно, будет полезным изучение практического опыта работы в молодежной среде, имевшего место в прошлом.

Материалы и методы исследования. В ходе работы над статьей был использован достаточно широкий спектр документальных источников, часть которых вводится в научный оборот впервые. Важным источником по теме исследования являются отчеты и инструкции Новогрудского округа Стрелецкого союза, относящиеся к организации и проведению марша «Свитязянский шлях», а также публикации местной и центральной польской прессы, посвященные развитию спорта на территории Барановичского повета. По нашему мнению, весь комплекс документальных источников позволяет достигнуть поставленную перед исследованием цель.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности, историзма, всесторонности и конкретности. Для достижения поставленной цели и решения задач исследования были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, систематизация), так и ряд специально-исторических методов. Среди последних следует назвать историко-генетический, историко-системный и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Барановичский повет Новогрудского воеводства межвоенной Польши приблизительно охватывал территорию современных Барановичского и Ляховичского районов Брестской области Республики Беларусь. По состоянию на 1 января 1936 года повет включал 2 города — Барановичи и Ляховичи, а также 12 сельских гмин — Дарево, Добромысль, Городище, Ястрембель, Кривошин, Ляховичи, Молчадь, Медведичи, Новая Мышь, Остров, Столовичи, Вольно [2, с. 297]. По данным переписи населения 1931 года, в Барановичах — самом крупном городе Новогрудского воеводства — проживало 22 818 человек, а все население повета составляло 161 038 человек [3, с. 24]. Из них 31 011 человек, или около 20 %, находились в возрасте от 15 до 24 лет [3, с. 34—35]. Люди именно в этом возрасте официально считались в тогдашнем польском государстве молодежью и являлись объектом официальной молодежной политики, активно проводившейся государственными и общественными структурами.

Среди последних большую роль играли разного рода проправительственные молодежные организации и объединения. Наиболее известным из них был Стрелецкий союз «Стрелец», уставные документы которого объявляли главной задачей его деятельности «умножение качества и силы нации для развития державной силы Государства». Достичь этого планировалось через гражданское воспитание членов организации, подготовку их к военной службе, а также через физическое воспитание и спорт [4, с. 9]. Что касается последнего направления деятельности, то для его реализации, среди прочего, планировалось «проведение спортивных клубов, кружков и консультаций, курсов, занятий, лагерей, а также спортивных мероприятий» [4, с. 10].

Одновременно следует отметить, что поддержка и развитие физической культуры и спорта являлась важной частью официальной молодежной политики, особенно после установления в польском государстве «санационного» режима в мае 1926 года. Лидер «санации» маршал Ю. Пилсудский считал физическую силу важным фактором боеспособности армии. Так, в соответствии с его мнением задачи в сфере развития физической культуры возлагались не только на школу и армию, но и на местное самоуправление и молодежные организации [5, с. 111]. Разумеется, что ведущее «санационное» молодежное объединение — Стрелецкий союз — не могло оставаться в стороне и должно было вернуть спортивную деятельность. Это в полной мере относилось и к стрелецким организациям на территории Западной Беларуси, где существовали два округа организации — «Гродно» и «Полесье».

Барановичи и Барановичский повет относились к Новогрудскому подокругу «Стрельца», входившего в состав округа «Полесье». В Барановичах отряд Стрелецкого союза возник в начале 1922 года и уже 15 февраля 1922 года приступил к военному обучению своих членов [6, с. 10—11]. Перво-

начально в городе существовал только мужской отряд «Стрельца», но уже к декабрю 1927 года тут действовал и женский подотряд организации [7, с. 8]. Параллельно шло создание стрелецких структур и в сельских гминах повета. К 1928 году действовали отряды в Столовичах, Острове, Крошине, Полонке, Городище [8, с. 11]. В дальнейшем, ко второй половине 1930-х годов, согласно отчету руководства Новогрудского подокруга «Стрельца», на его территории, т. е. и в Барановичском повете, не было ни одной сельской гмины, где не существовало бы стрелецких подотрядов [9, с. 94]. Членами «Стрельца» являлись в первую очередь дети польских чиновников и осадников, но присутствовало и значительное количество польских крестьян и белорусов-католиков. Например, в мае 1931 года на территории Барановичского повета белорусы составляли около 30 % местных стрельцов и 15 % членов правления отрядов союза [10, с. 356].

Стрелецкие отряды Барановичей и Барановичского повета уделяли большое внимание развитию спорта и участвовали в разного рода спортивных мероприятиях, в организации которых принимали самое активное участие. В качестве примера можно привести их участие в развитии так называемого маршевого спорта, весьма популярного в стрелецкой среде.

Первым маршевым соревнованием стал «Марш шляхом Кадрувки». Впервые он был организован Стрелецким союзом в 1924 году в 10-ю годовщину выступления 1-й кадровой роты («кадрувки») легионов Ю. Пилсудского. Потом марш проходил ежегодно на маршруте «Краков—Кельце» (120 км) на протяжении трех дней, с 6 по 8 августа. Так «Стрелец» отдавал дань памяти «историческому подвигу Строителя Польши и своему верховному покровителю маршалу Юзефу Пилсудскому». Подобные марши начали проводиться и на территории Западной Беларуси. В 1927 году тут прошел «Майский марш» по маршруту «Белосток—Гродно» (82 км). В 1928 году провели «Надбужанский марш» по маршруту «Бяла-Подляска—Брест» (44 км) и «Марш шляхом Батория» по маршруту «Константинов—Вильно» (86 км) [11, с. 5].

Одним из таких соревнований являлся и марш «Святязянский шлях», проводившийся по маршруту «Барановичи—Новогрудок» и ставший важным событием в местной спортивной жизни. Инициатором его проведения в 1927 году стал комендант Новогрудского подокруга Стрелецкого союза Л. Музычко [12, с. 5].

Согласно инструкции, соревнования проводились с целью отдать честь подвигу 1-й кадровой роты и проверить физическую подготовку войск и организаций, занимавшихся военным обучением населения. Марш носил командный и военно-спортивный характер. Маршрут соревнований составлял 58 км и был разделен на два этапа. Первый этап: «Барановичи—Валевка» в Новогрудском повете (42 км); второй этап: «Валевка—Новогрудок» (16 км). Участвовать в марше имели право команды (дружины) Стрелецкого союза, полков Войска Польского, спортивных клубов и организаций, занимавшихся военной подготовкой населения. Мужская команда должна была состоять из 13 человек, женская — из 7. Каждый член команды обязан был иметь соответствующую экипировку (для мужской команды — фуражка, блуза, брюки, ботинки, ремень, патронташ, армейский карабин, ранец) [13, с. 3—4].

Первоначально соревнование было общим, но затем команды были разделены на несколько категорий: армейские, стрелецкие, команды других организаций, женские команды «Стрельца» и других организаций. Мужские команды должны были пройти два этапа марша, для женских команд предусматривалось участие только во втором этапе. Команда должна была пройти контрольные пункты (Столовичи, Городище) и прийти к финишу в полном составе с сохранением всей экипировки и в колонне. В противном случае она дисквалифицировалась. Общее руководство соревнованием осуществлялось Главным комиссаром марша, которого назначал комендант Новогрудского подокруга Стрелецкого союза. Комендант подокруга «Стрельца» являлся главой Судейской комиссии, состоявшей из трех человек [13, с. 5—12].

Первый марш «Святязянский шлях» прошел 5—6 августа 1927 года. Первоначально заявки на участие в нем подала 21 команда (4 армейские команды, 11 дружин «Стрельца» и 6 команд от спортивных и других организаций) [12, с. 6]. Но в самих соревнованиях приняли участие 13 команд: стрелецкие дружины из Новогрудка, Слонима, Столовичей, Новоельни, Барановичей, Лиды, Свиринова-Мира, Дятлова, армейские команды 78-го пехотного полка (Барановичи), 79-го пехотного полка (Слоним), 20-го полка полевой артиллерии (Барановичи), 8-го батальона Корпуса охраны пограничья, КОП (Столбцы), а также команда пожарной стражи из Новогрудка [12, с. 9]. В официальных отчетах указывалось, что многие отряды «Стрельца» из сельской местности не смогли принять участие в соревнованиях, поскольку были заняты в уборке урожая. Также первоначально заявку подала еврейская команда

«Маккаби», но затем она снялась из-за «дня траура по разрушенному Иерусалиму». Тем не менее признавалось, что по меркам Новогрудского воеводства, где не было традиций спортивной работы, даже участие в марше только 13 команд является очень хорошим показателем [12, с. 6—9; 14, с. 8].

Победителем первого «Свитязянского шляха» стала команда 78-го пехотного полка (общее время двух этапов — 7 ч 31 мин 58 с). Второе место заняла команда «Стрельца» из Новогрудка (8 ч 19 мин 41 с), третье — армейская дружина 79-го пехотного полка (8 ч 27 мин 18 с). Команда «Стрельца» из деревни Столовичи Барановичского повета заняла четвертое место (9 ч 28 мин 32 с) и получила призы от Барановичского бургомистра и Воеводского совета военных осадников. Команда же Барановичей смогла пройти только первый этап [12, с. 9; 14, с. 9].

Второй «Свитязянский шлях» прошел 21—22 июля 1928 года. На этот раз в нем приняли участие 23 команды. 11 дружин выставил Стрелецкий союз, в том числе из Новогрудка, Барановичей (мужская и женская), Слонима, Альбертина, Лиды (мужская и женская), Крошина (женская). 7 команд представляли армию: 42-й пехотный полк (Белосток), 77-й пехотный полк (Лида), две дружины 78-го пехотного полка (Барановичи), 79-й пехотный полк (Слоним), две дружины 8-го батальона КОП (Столбцы). Также в соревнованиях участвовали 4 команды от Пожарной стражи и 1 команда Государственной полиции. Как показали результаты, уровень физической подготовки в Войске Польском был выше, чем в Стрелецком союзе. Первое место заняла команда 42-го пехотного полка (кстати, в 1927 году она победила на общегосударственном «Марше шляхом Кадрувки»). Второе и третье места заняли, соответственно, 78-й и 77-й пехотные полки [15, с. 3; 16, с. 28—30].

Третий «Свитязянский шлях» прошел 14 сентября 1930 года. В нем приняли участие 19 команд. Учитывая предыдущий опыт, они уже были разделены на категории: стрелецкие, армейские, команды других организаций. Среди команд «Стрельца» лидером стала дружина из Бяло-Подляски. Ей немного уступила команда из Вильно. Среди военных первое место заняла команда 22-го пехотного полка (Седльце). В третьей категории лидировала маршевая дружина Государственной полиции из Новогрудка [17, с. 2]. «Свитязянский марш» постепенно начал выходить за рамки регионального, воеводского мероприятия: в нем уже принимали участие команды из Белостокского, Виленского и Люблинского воеводств. Но, к сожалению, эта тенденция не получила развития. Третий марш оказался последним: в результате финансовых трудностей, связанных с экономическим кризисом, проведение «Свитязянского марша» в 1930-х годах было прекращено.

Заключение. В межвоенный период Стрелецкий союз в ходе реализации официальной молодежной политики проводил значительную деятельность по пропаганде и развитию спорта, в том числе и на территории Барановичского повета Новогрудского воеводства. Одним из основных направлений работы «Стрельца» в соответствии с положениями его уставных документов являлась организация и проведение разного рода спортивных мероприятий. Наиболее заметным из них стал проводившийся на рубеже 1920—1930-х годов по инициативе руководства локальных стрелецких структур на территории Барановичского и Новогрудского поветов марш «Свитязянский марш», в котором принимали участие не только местные отряды «Стрельца», но и представители подразделений Войска Польского. Постепенно марш начал выходить за региональные, воеводские рамки. Однако последствия экономического кризиса и вообще тяжелое материальное положение западно-белорусских воеводств стали серьезным препятствием для развития спортивной деятельности «Стрельца», которая не смогла приобрести по-настоящему массового характера. Одним из следствий этого было и прекращение проведения марша «Свитязянский шлях».

Список цитируемых источников

1. Wywiał, P. Związek Strzelecki w tworzeniu bezpieczeństwa narodowego Polski. Tradycja i wyzwania XXI wieku / P. Wywiał. — Łódź : Wydawnictwo Związku Strzeleckiego, 2009. — 175 s.
2. Dział informacyjny // Rocznik Ziemi Wschodnich i Kalendarz na rok 1937 / pod. red. L. Grodzickiego. — Warszawa : Wydawnictwo Zarządu Głównego T.R.Z.W., 1936. — S. 292—313.
3. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII. 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo Nowogródzkie. — Warszawa : Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. — 238 s.
4. Statut i regulaminy Związku Strzeleckiego. — Warszawa : Wydawnictwo Centralnego Instytutu Wydawniczego Związku Strzeleckiego, 1933. — 178 s.
5. Jabłonowski, M. Wychowanie fizyczne i przysposobienie wojskowe w opiniach Józefa Piłsudskiego 1926—1935 (wybrane zagadnienia) / M. Jabłonowski // Echa Przeszłości VI. — Olsztyn : Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2005. — S. 107—118.

6. Z życia Organizacji. Strzelec w Baranowiczach // Strzelec. — 1922. — № 5. — S. 10—11.
7. Pierwszy Okręgowy Zjazd Związku Strzeleckiego w Baranowiczach // Życie Nowogródzkie. — 1927. — 24 grudnia. — S. 8.
8. Imieniny Komendanta Piłsudskiego w Baranowiczach // Strzelec. — 1928. — № 14. — S. 10—11.
9. Gajl, A. Na pograniczu Rzeczypospolitej / A. Gajl // Strzelec. — 1936. — № 50—52. — S. 93—95.
10. Bogalecki, T. Związek Strzelecki wobec słowiańskich mniejszości narodowych w II Rzeczypospolitej / T. Bogalecki // Przegląd Historyczny. — 1995. — № 3—4. — S. 351—359.
11. Wiśniewski, K. O sporcie pieszym / K. Wiśniewski // Stadjon. — 1929. — № 24. — S. 5.
12. II Marsz „Szlakiem Świteziańskim”. Zawody piesze na trasie Baranowicze — Nowogródek, dnia 21 i 22 lipca 1928 r. — Nowogródek : Drukarnia E. Ginzburga, 1928. — 28 s.
13. Regulamin Marszu Strzeleckiego „Szlakiem Świteziańskim” Baranowicze — Nowogródek. — Nowogródek : Drukarnia Wydziału Pow. w Nowogródku, 1930. — 16 s.
14. Przebieg Marszu Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. — 1927. — 13 sierpnia. — S. 7—9.
15. Marsz Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. — 1928. — 19 lipca. — S. 3.
16. Drugi Marsz Szlakiem Świteziańskim // Strzelec. — 1928. — № 31—32. — S. 28—30.
17. III Marsz Szlakiem Świteziańskim // Życie Nowogródzkie. — 1930. — 14 września. — S. 2.

Поступила в редакцию 29.07.2020

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский¹, Е. Н. Котусев²

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Октябрьская, 5, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com, ²+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГЕРЦОГСТВА ВАРШАВСКОГО И ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО)

В статье ставится задача представления основных оценочных подходов русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века по истории российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX века. В статье основные оценочные подходы русской исторической науки заявленного периода российской политики первой трети XIX века в Центральной Европе рассматриваются на примере истории создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского и связанных с ними проблем внешней и внутренней политики Франции и России. Заявленная проблематика не стала предметом отдельных историографических исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Ключевые слова: российская историография; Н. И. Кареев; Н. Н. Любович; А. Л. Погодин; М. К. Любавский; Центральная Европа; Польша; Россия; историческая полонистика; польский вопрос; польско-русские отношения; Герцогство Варшавское; Царство Польское.

Библиогр.: 62 назв.

T. T. Kruchkovsky¹, E. N. Kotusev²

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 5 Oktyabrskaya St.,
230023 Hrodna, Republic of Belarus, ¹+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com,
²+375 (29) 881 73 58, evgenii.kotusev@mail.ru

THE MAIN PROBLEMS OF RUSSIA'S POLICY IN CENTRAL EUROPE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENT OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE DUCHY OF WARSAW AND THE KINGDOM OF POLAND)

The article sets the task of presenting the main evaluative approaches of Russian historical science of the second half of the 19th — early 20th centuries on the history of Russia's politics in Central Europe in the first third of the 19th century. In the article, the main evaluative approaches of Russian historical science of the declared period of Russia's politics of the first third of the XIX century in Central Europe are considered on the example of the history of the creation and existence of the Duchy of Warsaw and the Kingdom of Poland and related problems of foreign and domestic policy of France and Russia. The stated problems did not become the subject of separate historiographical studies, and in this context is considered for the first time.

Key words: Russian historiography; N. I. Kareev; N. N. Lubovic; A. L. Pogodin; M. K. Lubavsky; Central Europe; Poland; Russia; historical polonistics; the Polish question; Polish-Russian relations; Duchy of Warsaw; Kingdom of Poland.

Ref.: 62 titles.

Введение. В статье ставится задача представить основные оценочные подходы русской исторической науки второй половины XIX — начала XX века к основной проблематике российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX века. К числу основных тем истории региона в интерпретации русской историографии второй половины XIX — начала XX веков относились: Наполеоновские войны и Центральная Европа, российская политика в Центральной Европе, польский вопрос в контексте политики Наполеона и России и др. Польский вопрос первой трети XIX века в регионе рассматривался в контексте Наполеоновских войн, создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского. Польская проблематика занимала особое место в русской исторической науке XIX — начала XX века также по причине особо взаимосвязанной истории России и Польши. Дополнительная сложность исследуемой тематике придавалась фактом принадлежности большей части этнической Польши власти российских императоров и сохраняющейся остротой польского вопроса на всем про-

тяжении рассматриваемого периода [1]. В статье основные оценочные подходы русской исторической науки заявленного периода российской политики первой трети XIX века в Центральной Европе по причине ограниченности объема исследования рассматриваются на примере создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского. Данная проблематика включает в себя ряд сложных и взаимосвязанных научных проблем. В рамках данного историографического исследования предполагается в первую очередь выделение следующих основных проблем: истории создания Герцогства Варшавского и Царства Польского, вопрос Центральной Европы на Венском конгрессе, оценка конституционного устройства Царства Польского, Царство Польское как определенная модель решения польского вопроса в России первой трети XIX века.

Методология и методы исследования. В качестве источников интересующей нас проблематики в русской историографии оговариваемого периода следует отнести труды обобщающего характера по истории России, Польши, Литвы, Западной Европы [2—18]. К ним в первую очередь относится история Западной Европы нового времени Н. И. Кареева [2] и курс лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории Западной Европы [6]. Началу XIX века посвящен пятый том истории Западной Европы нового времени Н. И. Кареева и первый том курса лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории Западной Европы. Источниками являются и специальные работы русских историков, посвященные отдельным вопросам истории Центральной Европы в первой трети XIX века, дипломатическим отношениям, польскому вопросу в России этого периода и др. [19—28].

По проблематике истории Герцогства Варшавского и Царства Польского как наиболее знаковых элементов французской и российской политики в Польше в оценке российской историографии исследуемого периода имеется ряд специальных исследований, в первую очередь Н. Н. Любовича [29], Ф. М. Уманца [30], М. К. Любавского [31; 32].

В историографическом плане заявленная тематика отдельно не изучалась. Ряд ее проблем затрагивался косвенно в современной историографии (Т. Т. Кручковский [1; 33—36], Л. М. Аржакова [37; 38]. Т. Т. Кручковский рассматривает некоторые аспекты исторической полонистики Н. И. Кареева, Ф. М. Уманца, М. К. Любавского, в том числе в отношении истории польского вопроса в России первой трети XIX века, отмечая его характерные черты и особенности. Некоторые аспекты заявленной проблематики польского вопроса в России первой трети XIX века в творческом наследии Н. И. Кареева затрагивались, прежде всего, в работах Л. М. Аржаковой. Следует отметить, что даже в современном российском коллективном исследовании, посвященном Царству Польскому, отсутствует историографический обзор [39]. Только фрагментарно упоминаются труды таких историков исследуемого периода, как Н. И. Кареев, Н. К. Шильдер, А. А. Корнилов, великий князь Николай Михайлович. Это относится и к более ранней работе Л. А. Обушенковой, посвященной Царству Польскому [40]. Однако заявленная проблематика не стала предметом отдельных исследований и в этом контексте рассматривается впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. До 60-х годов XIX века не представляется возможным говорить об исследовании рассматриваемой нами проблематики в русской исторической науке. Имелись отдельные оценки русско-французского соперничества на польских землях (Герцогство Варшавское), а также и Царства Польского, его конституционного строя в общем контексте изучения истории России, Польши, в исторической публицистике 20—50-х годов XIX века [41—44]. Негативную оценку Н. М. Карамзина созданию Царства Польского [45] как весьма ошибочного и крайне вредного для интересов Российской империи, по его мнению, способа решения польского вопроса Александром I следует, по нашему мнению, отнести к области политической публицистики тех лет. Роль Н. М. Карамзина в польском вопросе в России не ограничивалась его исторической полонистикой, его «Историей» или даже политической интерпретацией польского вопроса в меморандумах «Записка о древней и новой России» и «Записка о Польше», а, прежде всего, заключалась в той воспитательной роли придворного историографа в отношении поляков, в негативном отношении Н. М. Карамзина с оппозиционной группой в отношении реформистских и «полонофильских» увлечений императора Александра I [1, с. 89]. Этот эпизод весьма ярко освещен еще А. Н. Пыпиным [46], а в современной российской историографии — А. Н. Сахаровым [47].

Теоретико-методологические основы данного исследования опираются как на основополагающие принципы и методы научного исследования, так и на ряд новых теоретико-методологических положений, выдвигаемых в последние десятилетия. Одним из использованных способов исследования творче-

ского наследия Н. Н. Любовича является предложенный группой современных исследователей (А. Л. Самович и др.) междисциплинарный подход. Он позволил автору на примере исследуемого историка показать его общественно-политические и историософские позиции, отношение к истории Польши, показать роль личности и ценностных установок в развитии творческого наследия Н. Н. Любовича.

В решении поставленных исследовательских задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Принцип историзма, который требует изучения всякого явления в его генезисе и развитии, позволяет избежать модернизации изучаемых явлений с точки зрения современности. Принцип объективности является сознательной ориентацией исследователя на воздержание от критических оценок познаваемой действительности, от привнесения ценностных суждений в научное познание. Ценностный подход позволяет дополнить установленную связь фактов в эволюционном процессе их значимостью для культурного человечества. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. К общенаучным методам относятся: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, метод восхождения от конкретного к абстрактному, метод классификации и типологизации, метод концептуального анализа. Наиболее используемыми специально-историческими методами являются: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективного и перспективного анализа, метод диахронического анализа, метод контент-анализа и т. д.

Вместе с тем эти общенаучные методы в отношении творческого наследия Н. Н. Любовича значительно упрощают и обедняют оценочные подходы российской исторической полонистики, не позволяют представить всей оригинальности подходов отдельных исследователей. Проявлением их в исторических исследованиях являются специально-исторические методы: историко-типологический и историко-системный. Они рассматривают историю исторической науки как определённую систему со всеми её составляющими и взаимодействующими элементами — с творчеством историка, деятельностью научных центров (исторических школ и направлений) и т. д.:

– историко-сравнительный метод позволяет выявить место отдельных ученых и историографических направлений в ряду других, определить их сходства и различия во взглядах. Сравнительно-историографический метод использовался автором для сравнения различных исторических взглядов изучавших данные проблемы исследователей. Это позволило увидеть вклад Н. Н. Любовича в развитие исторической науки России и Польши;

– проблемно-хронологический метод позволяет сконцентрировать внимание на рассмотрении того или иного компонента исторической концепции в динамике. Таким компонентом исторической полонистики, проявляющимся во всех концепциях российской науки, является тезис о цивилизационном противостоянии России и Польши, о религиозном характере их противоборства и т. д.;

– метод исторической периодизации является важным элементом нашей исследовательской работы. В его применении мы использовали нескольких уровней: периодизация научного творчества отдельных ученых; научных направлений; исторической мысли в целом или значительного отрезка времени.

К числу сложных методов исторического познания относится структурно-функциональный анализ. Этими компонентами являются труды творческого наследия Н. Н. Любовича. На основании этого метода можно делать выводы о принадлежности ученого к какой-либо «исторической школе» или направлению, об общественной значимости работ ученого, о его вкладе в историческую полонистику.

Все эти требования к вышеназванным принципам и методам исторического исследования особенно важны в отношении историографического исследования, когда предмет его столь «чувствителен» к субъективным оценкам. Использование таких принципов и методов исторического исследования позволило решить намеченные цели и задачи. В связи с ограниченным объемом более подробно описать применение этих принципов и методов историографического исследования не представляется возможным.

Исследования польской историографии по проблематике истории Герцогства Варшавского и Царства Польского, как и вообще истории Польши, а тем более истории России, длительное время не использовались в русской историографии по причине слишком больших, часто диаметральных различий в оценках весьма тесно взаимосвязанной истории Польши и России. Использование работ польской историографии начинается в русской исторической науке со времен публикаций историков краковской консервативной исторической школы. На работы польских историков этого направления любили ссылаться русские историки как консервативного, так и либерального направления [1].

Н. И. Кареев в своей истории Западной Европы нового времени, изданной уже в начале XX века, приводил для общей характеристики Царства Польского оценки из работы Х. Лисицкого об Александре Велепольском. Он использовал, прежде всего, тезис польского историка о не использованных поляками для их общественно-политического, культурного развития возможностях конституционного строя Царства Польского, характеризуя при этом этот труд польского историка как достаточно объективный [2, с. 22]. Н. И. Кареев также отмечал, что в русской историографии, несмотря на использование исследований польской историографии, истории Царства Польского, до сих пор нет еще полной истории Царства Польского, ее создание необходимо еще подождать [2, с. 22].

Это положение еще в большей степени следует отнести к истории Герцогства Варшавского, которая так и не дождалась специального исследования в русской историографии. Отдельные элементы проблематики истории Герцогства Варшавского в русской науке в некоторой степени отмечены, прежде всего, в обобщающих трудах по истории Западной Европы. Это относится к истории Западной Европы нового времени Н. И. Кареева, изданной в начале XX века [2] и курсе лекций Н. Н. Любовича по новейшей истории [6]. Н. Н. Любовичу принадлежит фактически единственная работа по истории Герцогства Варшавского [29], хотя и формально посвященная иной проблематике — русской политике в отношении польских земель в 1812 году. Вместе с тем в данной работе Н. Н. Любович опирался на широкую источниковую базу: архивные материалы, мемуары французских, польских и российских деятелей той эпохи, польскую и французскую прессу того времени, а также французскую, польскую и российскую историографию проблематики и т. д. Н. Н. Любович не ограничился тематикой событий 1812 года на польских землях, но и представил их на фоне широкого контекста событий начала XIX века в Центральной и Западной Европе, а также и западно-русских земель (т. е. восточных территорий бывшей Речи Посполитой, современных территорий Беларуси, Литвы и Украины).

В 1915 году в России была опубликована работа известного польского историка Ш. Аскенази «Царство Польское» [48]. Предисловие к ней написал известный русский либеральный историк А. А. Кизеветтер. Он отмечал, что данная работа о Царстве Польском весьма полезна для русского читателя по многим причинам: объективность подачи материала с опорой на исторические источники, небольшой объем материала для читателя. «Несмотря на то, — писал далее русский историк, — что этот труд носит научно-популярный характер, вообще он нужен и для русского читателя, хотя и был написан для английского издателя» [48, с. 17].

Далее мы видим весьма интересный и вместе с тем типичный для русской, а потому и советской историографии прием в отношении к переводным историческим работам. Так, А. А. Кизеветтер утверждал, что для удобства русского читателя при переводе этой работы опущена первая часть труда Ш. Аскенази, которая посвящена характеристике истории России того периода и «является избыточной для русских читателей, знакомых с фактами отечественной истории» [48, с. 9—10].

Значительная часть русских либеральных историков (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, Н. Н. Любович, А. Л. Погодин, М. К. Любавский, А. А. Корнилов) видели причины русской либеральной политики начала XIX века в отношении поляков к необходимости противопоставления Франции и польской политике Наполеона. По мнению Н. Н. Любовича, Наполеоновские войны изменили Европу, особенно Центральную, имея в виду Польшу и Германию [6, с. 108]. «Можно утверждать, — продолжал он, ссылаясь на работу Фурнье, но без страничных ссылок, — что Наполеону принадлежит честь создания Германии» [6, с. 108]. В числе наиболее важных преобразований Наполеона в регионе были: ликвидация феодальных отношений, территориальные и политические изменения в Центральной Европе, особенно изменение политической системы в Польше и Германии [6, с. 143].

По утверждению А. Л. Погодина, в начале XIX века Франция и Россия разыгрывали польскую карту в Центральной Европе: Наполеон в 1807 году предлагал Александру I новый раздел Польши посредством передачи польских земель прусской части Польши. Александр I отказался в связи с тем, что хотел сохранить Пруссию как возможного будущего союзника [5, с. 54]. Согласно мнению А. Л. Погодина, русско-польские отношения были столь сложными, что даже гений Наполеона не смог представить план решения польского вопроса [5, с. 49]. «Наполеон, образуя Герцогство Варшавское, — по утверждению А. Л. Погодина, — хотел просто использовать поляков, но не понял, что Россию пугать Польшей нужно не только с Варшавой и Познанью, но также с Краковым и Вильно» [5, с. 49].

Н. Н. Любович в свою очередь представлял другую сторону этого процесса: отмечая надежду поляков на Наполеона как «воскресителя Польши» и рассмотрение создания им Герцогства Варшавского как первый шаг к полному восстановлению Польши [29, с. 4]. При этом большинство поляков не

понимали политики Наполеона в польском вопросе, считая, что их пролитая кровь за Наполеона приведет к восстановлению польского королевства [29, с. 4]. Поляки сражались за интересы Наполеона во всей Европе и за ее пределами, лишая свободы иные народы [29, с. 4]. Однако Наполеон избегал связывать себя обязательствами в отношении к Польше [29, с. 2]. Более того, Н. Н. Любович оценивал польскую политику Наполеона как ловкую дипломатию использования Польши, истощения ее военных и финансовых ресурсов и отказывал французскому императору в роли «воскресителя Польши», как считало большинство поляков [6, с. 119]. Эту роль Н. Н. Любович, как большинство русских историков, определял за российским императором. «Александр же, — писал Н. Н. Любович, — лелеял мысль восстановления польского королевства под своим скипетром», оговариваясь далее, что непонятно только, в какой форме [6, с. 120]. При этом, критикуя наполеоновскую легенду в польской историографии, он ссылаясь на мнение известного польского историка Ш. Аскенази [6, с. 120].

А. А. Корнилов подчеркивал, что польская карта в дипломатической игре Наполеона и Александра I привела к их попыткам привлечь поляков обещаниями на свою сторону. Однако ученый не поддерживал всеобщее негодование в русской историографии относительно «предательства» Адама Чарторыйского. А. А. Корнилов писал, что А. Чарторыйский никогда не скрывал от царя, что действует также на пользу польского вопроса. Вообще, по мнению А. А. Корнилова: «...и Наполеон и Александр I, обещая полякам покровительства и образование государственности, в итоге должны были получить плоды своей непоследовательной политики» [23, с. 16].

В свою очередь В. Ф. Францев считал, что политика Александра I создала в польском обществе еще до 1812 года сильные прорусские настроения, что даже во Франции стали сомневаться в поляках как союзниках [7, с. 17]. А. Л. Погодин не поднимал вопроса о недоверии к полякам русского царя в этот период. Этот вопрос у Александра I, утверждал А. Л. Погодин, появился уже только в 1812 году: «...в России была большая подозрительность к полякам, в этой ситуации поверили евреям, хотя и следили за ними, опасаясь их слишком чрезмерной услужливости» [5, с. 54]. Н. Н. Любович также считал, что большинство польского общества до 1812 года поддерживало Наполеона, и сторонники пророссийской ориентации были немногочисленны [29, с. 30].

По мнению Н. Н. Любовича, Герцогство Варшавское в период кампании 1812 года по плану Наполеона должно было стать очагом польского восстания на восточных территориях бывшей Речи Посполитой [29, с. 2]. Однако император, принимая польскую делегацию уже в Вильно, не дал ей ожидаемого обещания о провозглашении восстановления Польши, но отстаивая свои интересы и обязательства, заявил о сохранении за Австрией Галиции. Он призвал поляков действовать в таком же патриотическом духе в Литве, Витебске, Украине, Подолии, как в свое время в Великой Польше [29, с. 35]. Наполеон для укрепления надежд поляков накануне войны 1812 года передал права управления от курфюрста саксонского Совету министров Герцогства Варшавского и назначил в Варшаву своего посла, что обозначало признание его независимости [29, с. 17]. Однако фактически герцогством управлял французский посол де Прадт, бывший духовник Наполеона [29, с. 18].

В этом случае император хотел решить сразу две задачи: поощрить поляков для организации антироссийских восстаний на западно-русских территориях и одновременно оставаться в тени от этих событий [29, с. 18]. Для организации антироссийских восстаний была провозглашена Генеральная конфедерация, объявлено о восстановлении польского королевства и издано воззвание к полякам восточных территорий бывшей Речи Посполитой, которое было поддержано польской аристократией (Чарторские, Сангушки, Радзивиллы, Потоцкие и др.) [29, с. 25—26]. Н. Н. Любович вслед за польским историком А. Рембовским утверждал о ненужности Генеральной конфедерации, так она устанавливала двоевластие и мешала действиям правительства Герцогства Варшавского [29, с. 32].

Н. Н. Любович также поднимал вопрос о попытке французских властей и поляков Герцогства Варшавского в декабре 1812 года создания народного ополчения и сопротивления русским войскам, что вызвало негодование в истощенном крае. Было высказано недовольство польских властей Герцогства Варшавского политикой французского императора в польском вопросе: отказ от восстановления польского королевства путем присоединения восточных территорий бывшей Речи Посполитой, отказ от действий польских войск отдельным соединением и т. д. [29, с. 48].

Н. Н. Любович признавал, что в отличие от большинства армии Наполеона польские войска корпуса Понятовского (хотя из 36 тыс. человек вернулось только 6 тыс.) сохранили патриотический дух, все свои знамена, верность своему вождю [29, с. 50]. Вместе с тем Н. Н. Любович основного польского противника России — военного министра Герцогства Варшавского И. Понятовского — называл «несчастной звездой для польского народа» [6, с. 122]. Талантливый полководец, но он не понял, что

судьба Польши в руках России и с ней нельзя бороться, как понял это Чарторыйский и др., а также командующий австрийским корпусом Шварценберг [6, с. 123]. Далее Н. Н. Любавич по этому поводу отмечал, говоря о переписке Шварценберга, опубликованной в 1912 году, что не правы те польские историки, которые обвинили его в измене Наполеону [6, с. 123].

Однако в целом, писал Н. Н. Любавич, ссылаясь на прусского дипломата, была потеряна вера поляков в восстановление польского королевства Наполеоном, только небольшая группа сторонников Понятовского сохранила веру в Наполеона и попыталась создать ополчение Герцогства Варшавского для противодействия наступающей российской армии [29, с. 51]. Однако говоря о польских политиках, понявших неизбежность поражения Наполеона и того, что судьба Польши находится в руках Александра, и начавших вести переговоры с российской стороной посредством А. Чарторыйского, Н. Н. Любавич отмечал, что они вели их тайно, чтобы «не прослыть плохими патриотами» [29, с. 57].

Вместе с тем историк, отмечая неудачу создания многочисленного народного ополчения, в традиции российской историографии утверждал, что причины этого кроются в шляхетском характере Герцогства Варшавского: воззвание было адресовано только к шляхте [29, с. 53]. При этом историк отдельные моменты создания ополчения в традициях российской консервативно-националистической историографии [1] показывал примерами в карикатурном стиле.

Великодушие и благородность Александра I в отношении к полякам после 1812 года были неоднократно подчеркнуты в российской историографии. Писалось о том, что поляки ожидали отмщения за свои деяния в России в 1812 году, предвидели месть и грабежи (Н. Н. Любавич, Н. И. Кареев, Н. К. Шильдер, В. Ф. Францев, М. О. Коялович и др.). «Александр I взял судьбу Польши в свои руки, — писал Н. Н. Любавич, — великодушием и дарованием политических свобод» [29, с. 58]. Далее он припоминал конкретные шаги российского императора: обещание введения конституции, прощение для поляков, служивших у Наполеона, отказ от пролития крови, так как запретил корпусу Милорадовича входить в Варшаву, получив взамен хлеб, соль и ключи от города [29, с. 58]. Как дальнейший пример такого поведения Александра I в отношении Польши Н. Н. Любавич приводил распоряжение содержания польских войск Царства Польского за счет российской казны [6, с. 120], снижение налогов, установленных Наполеоном [6, с. 122]. С другой стороны, отмечал М. К. Любавский, приводя ответ Александра I на письмо А. Чарторыйского, «действия польского войска в Москве, Смоленске во время войны 1812 года оживили прежнюю ненависть русских к полякам» [9, с. 371].

Александр I вопреки ожиданиям большинства поляков, писал Н. Г. Устрялов, сохранил существующие порядки, даже польскую армию княжества, не было также никаких грабежей. Александр I обещал и дал полякам конституцию, обещал даже присоединение русских земель. «В этом случае Александр I предал политику Екатерины II и поляки весьма убедительно доказали ему как справедливо думала и поступала в отношении их Екатерина» [11, с. 385]. П. Д. Брянцев в этом отношении также считал, что «поляки выразили своим поведением неблагодарность Александру Благословенному за его дарованную полякам наиболее либеральную конституцию» [49, с. 3]. Впервые предупреждение Александру I о возможной неблагодарности поляков, о невозможности таким путем удержать стремление поляков к независимости высказал еще Н. М. Карамзин в своей известной «Записке о Польше» [45].

Часть русских либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любавич, А. Н. Пыпин, А. А. Корнилов, М. К. Любавский) считали, что польский вопрос был весьма важным на Венском конгрессе, и это привело к созданию Царства Польского как ограниченного польского государства, а также благодаря активной и заметной роли самих поляков во времена Наполеоновских войн.

Н. Н. Любавич писал, что польский вопрос был одним из основных вопросов Венского конгресса, подчеркивая общую позицию в нем России и Пруссии [6, с. 108]. Историк рассматривал территориальные изменения в Европе после Венского конгресса с точки зрения формирующихся европейских наций [6, с. 130], отмечая рост национального сознания народов после конгресса, упоминая в первую очередь немцев, поляков и итальянцев [6, с. 143]. Польский вопрос стал, считал также и М. К. Любавский, одним из основных на Венском конгрессе и мог привести к будущей войне союзников [9, с. 373].

По мнению И. И. Григоровича, польский вопрос стал одним из основных в европейской политике еще до Венского конгресса: в 1811 году вопрос восстановления Польши подняли одновременно Наполеон и Александр I, а в 1815 году — с одной стороны Россия, с другой — Австрия и Англия, которые боялись чрезмерного усиления России [8, с. 9—10]. Эту же мысль отмечал и М. К. Любавский: Талейран увидел опасность присоединения Польши к России и поднял вопрос о ее незави-

симости, получив поддержку в своих опасениях от Австрии [9, с. 373]. Подобную позицию занимал и Н. Н. Любавич [6, с. 110].

Решение Венского конгресса по польскому вопросу с образованием Царства Польского, утверждал В. Ф. Францев, было счастливым решением польского вопроса. По его мнению, поляки после Венского конгресса стали сторонниками российской ориентации [7, с. 27]. Согласно В. Ф. Францеву, славянская идея в польском обществе как ответ на политику сближения русских и поляков Александра I в этот период стала очень популярной [7, с. 28]. Подобным образом высказывался также А. А. Сидоров, считая, что во времена Александра I казалось уже близко русско-польское сближение, разумеется, путем присоединения Польши к Российской империи [20, с. 7]. В. Ф. Францев утверждал даже, что политика Александра I путем образования Царства Польского открыла новую эру в жизни польского народа [7, с. 22]. Подобную мысль о возможности русско-польского сближения и соединения славян в период Царства Польского высказывал также Ф. М. Уманец [30, с. 25].

Р. Зотов, ссылаясь на мнение Н. М. Карамзина и Н. Г. Устрялова, утверждал, что только Царство Польское спасло поляков, так как период Герцогства Варшавского был самым печальным в истории Польши. Он писал: «...великодушный Александр I в рыцарских чувствах хотел быть не только восстановителем, но и благодетелем Польши» [21, с. 118—120]. В то же время весьма позитивно была оценена в русской историографии попытка Александра I присоединить полностью Герцогство Варшавское. М. К. Любавский считал, что этой попыткой Александр I смог объединить вокруг себя поляков [9, с. 372]. Н. Н. Любавич противопоставлял государственную политику в национальном вопросе немцев и русских, приводя в качестве примера отношение Александра I к Царству Польскому: сохранение польской национальности и Франца I в отношении Венеции — задача ликвидации итальянцев [6, с. 124].

По мнению А. А. Кизеветтера, период с 1813 по 1815 год и Царства Польского был временем наибольшего территориального охвата российского государства в Польше. Дальше он утверждал, что посредством этого факта Россия никогда не была так близка к решению польского вопроса в свою пользу, как в этот период [48, с. 17].

Совершенно отличное мнение высказывал ряд русских либеральных историков. Н. Н. Любавич прямо писал, что главная задача участников Венского конгресса — это захват добычи, как можно большей для каждого [6, с. 112]. По его мнению, никто не считался с интересами народов [6, с. 112]. Согласно мнению А. Л. Погодина, Венский конгресс, который явился новым разделом Польши, вместе с тем гарантировал права национальных меньшинств. Однако только в России (имея в виду Царство Польское) эти права в отношении поляков соблюдались [10, с. 49—50]. По мнению также М. К. Любавского, решение Венского конгресса по польскому вопросу — новый раздел Польши. По его утверждению, это случилось по той причине, что Россия не смогла полностью присоединить себе Польшу, так как против этого выступили Австрия и Франция [9, с. 373].

Собственно истории Царства Польского (кроме общей оценки Царства Польского как модели решения польского в России) совершенно мало уделялось внимания в русской историографии. Это касалось историков как консервативного, так и в значительной части либерального направления. Так, П. Н. Ардашев в изданной в 1910 году работе по всеобщей истории посвятил Царству Польскому, включая и польское восстание 1830 года, всего 17 строчек [18]. При этом он сумел рассмотреть историю Венского конгресса без упоминания польского вопроса. Также и в курсе российской истории С. Ф. Платонова польский вопрос при рассмотрении истории Царства Польского практически отсутствовал [17]. История Царства Польского отдельно не рассматривалась также и у П. Г. Виноградова, т. е. она интерпретировалась им явно как история России [51].

Весьма нетрадиционно для русской консервативной историографии историю Царства Польского как приемлемую для России модель решения польского вопроса посредством добровольной русификации поляков рассматривал Ф. М. Уманец [30; 52; 53].

Первым историком в русской историографии, посвятившим Царству Польскому отдельную работу, был М. К. Любавский [31]. Собственно, это было не научное исследование, а прежде всего учебная книга по новой истории для гимназии: третий том ее был посвящен истории Царства Польского, изложенной автором с либеральных позиций.

М. К. Любавский был также единственным из русских историков, который хотя бы отдельно обозначил проблематику государственного устройства Царства Польского. Вместе с тем этот труд являлся не исследовательской работой, а носил учебно-просветительский характер. В целом в «Царстве Польском и его конституции» М. К. Любавский, отметив представительность власти, определен-

ный демократизм этой конституции, говорил о ее сословном (шляхетском) характере, как наследии сейма времен шляхетского общественно-государственного устройства.

У ряда русских историков (С. М. Соловьев [26], Н. Н. Любович [6], Н. К. Шильдер [27; 28], В. К. Надлер [25], великий князь Николай Михайлович [59], М. О. Коялович [14; 60], А. Н. Пыпин [50; 61], П. Д. Брянцев [62]) в исследованиях, касающихся истории царствования Александра I, проблематика Царства Польского, как способ решения польского вопроса, не могла быть не затронута в той или иной степени. Так, Н. Н. Любович объяснял политику восстановления Польши Александра I рядом причин: политическим расчетом, так как это мог сделать Наполеон, и самолюбием российского императора [6, с. 122]. М. К. Любавский считал, что несмотря на полное поражение Наполеона, усилия польских патриотов не пропали даром. «Эти усилия создали огромное моральное впечатление, — продолжал он, — ярко показали, что польский народ не умер, что хочет иметь собственную национальную жизнь и готов за это понести огромные жертвы. Это моральное впечатление, несомненно, оказало влияние на чашу весов, когда решалась судьба Польши» [9, с. 371].

Весьма нетрадиционную оценку польской политики Александра I и в особенности образования Царства Польского дал известный либерал Б. Н. Чичерин. Он утверждал, что «Россия может с честью смотреть именно на эту страницу своей истории, которая снимает её вину перед поляками» [22, с. 17]. Б. Н. Чичерин, который, как один из немногих русских историков, признавал право поляков на создание независимого государства, считал, что создание Царства Польского было ошибкой русской политики. По его мнению, во времена национального возрождения (Италия, Германия) поляки должны были получить эту же возможность [22, с. 21].

Такой подход Александра I к Царству Польскому, утверждал А. Н. Пыпин, связывая проблему образования этого королевства и его государственного устройства с польским вопросом, порождал в Европе представление об исторических правах Польши, когда их признавал сам русский император, соглашаясь ограничить свои права [50, с. 9]. Создание Царства Польского с его Конституцией и отношением к нему Александра I давало основания полякам думать о возвращении прежнего политического значения Польши [50, с. 9].

Оценка Царства Польского как формы решения польского вопроса весьма различна в русской историографии. Создание Царства Польского и дарование ему Александром I Конституции большинством российских историков связывалось с польским вопросом и к тому же рассматривалось как ошибка, так как она, по их мнению, не только не отвечала интересам России, но и стала преградой для русификации Польши и западных губерний (А. А. Корнилов, Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любович, Д. И. Иловайский, Н. К. Надлер, Н. К. Шильдер, М. О. Коялович и др.).

По мнению же А. Л. Погодина, польская политика Павла I и Александра I не была направлена на возрождение Польши, а только опеку над поляками, что объяснялось пониманием непрочности присоединения недавних территорий к России, а также желанием и необходимостью использования польской карты в европейской политике этого времени [5, с. 19].

В среде консервативно-националистических историков доминировала точка зрения о Царстве Польском как искусственном государственном образовании Александра I, несовместимой с национальными интересами России. Так, по мнению М. О. Кояловича, «русский реформатор Сперанский, опираясь на вероломных поляков, с неумолимой логичностью человека, получившего сильное теоретическое образование, переделывал государственные учреждения с симметрией французского чиновничества». «Адам Чарторыйский с шайкой еще более коварных поляков как Чацкий, Лелевель, он подготовлял ближе подходящую к западноевропейским образцам конституцию на своей родине — в Польше и, так как под Польшей он разумел всю Западную Россию, то при содействии русской власти раскинул по всей этой стране самую пагубную в русском смысле систему польского образования, испортившую целые поколения» [60, с. 209]. По утверждению М. О. Кояловича, «двенадцатый год показал, что Россия может стать грудью против всей Европы и без конституции, и что поляки способны только были тогда на измену России» [60, с. 210].

По мнению Н. К. Надлера, Александр I был не в состоянии отвлечься от польских симпатий и идеалов молодости и взглянуть на польский вопрос с чисто русской точки зрения. «Как и во многих других отношениях, в польском вопросе Александр I продолжал оставаться неисправимым идеалистом» [58, с. 56]. «Влияние идей мистицизма во второй половине царствования Александра I привело к тому, что если прежде он стремился восстановить Польшу во имя отвлеченной идеи справедливости, то теперь это восстановление казалось ему необходимым согласно чувству вновь

осознанного им христианского долга» [58, с. 56]. Н. Н. Любович в отношении политики Александра I к Царству Польскому писал о его доверии в отношении поляков — Чарторыйского, Друцкого-Любецкого и др. [6, с. 125].

Противоречие существования Царства Польского с русскими националистическими интересами, согласно этой точке зрения, было также и в том, что это остаточное польское государство было связано с западными губерниями России. Это также увеличило шансы поляков, согласно мнению М. О. Кояловича, на полонизацию западно-русских территорий, а затем и присоединение их к Царству Польскому [14]. Согласно А. А. Корнилову, «в случае присоединения русских земель Речи Посполитой к Царству Польскому польское восстание, имеющее целью полное отделение Польши от России, наступило бы раньше 1830 года. Это присоединение русских земель к Польше было бы настоящим возрождением Польши» [23, с. 26—27]. Этой последней возможности наиболее опасались в русской консервативно-националистической среде, а также в либеральной.

М. О. Коялович в духе консервативно-националистических традиций утверждал, что польский вопрос в Западной России (на бывших территориях Речи Посполитой — *Т. К.*) не потерял своего значения и после разделов Речи Посполитой. Согласно его мнению, наоборот, польско-русские отношения еще более обострились. Это случилось, так как поляки, утверждал М. О. Коялович, использовали русское великодушие времен Александра I и начали возрождать Польшу на русских территориях [14, с. 9].

Многие русские историки славянофильской ориентации (И. С. Аксаков, М. О. Коялович, И. Ф. Филевич, Д. И. Иловайский, П. Д. Брянцев) даже утверждали, что поляки на бывших русских территориях Речи Посполитой сохраняют свои позиции только благодаря опеке российского правительства. И. С. Аксаков по этому поводу писал, что «...только российское правительство поддерживает поляков на западнорусских землях, если бы не было этой поддержки, то за две недели в крае не осталось бы ни одного поляка» [44, с. 90].

М. О. Коялович прямо обвинял либеральную политику Александра I в польском вопросе причиной ухудшения положения русского населения Западной России и в его полонизации благодаря политике поддержки поляков царем. Особенно это было видно в сфере образования: поляки в период Александра I смогли в западном крае за русские деньги создать свою среднюю и высшую структуры образования [14, с. 368].

Близкую к этой точку зрения на Царство Польское как части Польши и отсюда возможности возрождения Речи Посполитой давала и русская либеральная историография (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, Н. Н. Любович, А. А. Корнилов, М. К. Любавский). Так, А. А. Корнилов утверждал, что Царство Польское имело значение для поляков только как часть Польши и могло удовлетворить польское общество только при условии следования по пути Александра I (имея в виду его обещание присоединения к Царству Польскому русских земель Речи Посполитой — *Т. К., К. Е.*). По мнению А. А. Корнилова, никто в Польше не сомневался в необходимости присоединения Белоруссии и Украины, хотя 90 % их населения было не польским, польским был культурный слой населения [23, с. 26, 28].

Н. И. Кареев, характеризуя Царство Польское, считал, что оно рассматривалось поляками как временное, переходное состояние, так как перипетии их судьбы конца XVIII — начала XIX века приучили их видеть в каждом периоде решение польского вопроса как временное состояние. В связи с этим у поляков оставалась надежда на полное возрождение Польши [2, с. 19]. Подобную точку зрения высказывал также и А. А. Корнилов, говоря о том, что поляки рассматривали Царство Польское как первый шаг к возрождению Польши [23, с. 25].

Подобным образом рассуждал и А. Н. Пыпин. Создание Царства Польского не решало в России польский вопрос: недовольство поляков Царством Польским следовало, прежде всего, из того обстоятельства, что за пределами его оказались русские земли, которые поляки считали своими, а русское правительство осознало это только после восстания 1830 года [46, с. 40]. Это же обстоятельство, по мнению М. К. Любавского, было причиной недовольства поляков Царством Польским: претензии на Литву и Западную Русь [9, с. 376].

При этом ряд русских историков прямо обвинили Александра I в предательстве русского дела и сознательной деятельности в пользу польских интересов. Так, согласно мнению Н. К. Шильдера, вину за такую русскую политику, противоречащую русским народным интересам, несет лично Александр I. По мнению историка, ошибкой Павла I было то, что его сын был воспитан как либерал, сочувствующий Польше, который считал Костюшко героем. «Адам Чарторыйский, — утверждал Н. К. Шильдер, — использовал эти настроения императора, считая, что Божественное Провидение сделало Алек-

сандра царем, этого любимого внука Екатерины, для добра всего человечества и его отчизны» [27, с. 117]. Отсюда замысел Александра I «посвятить все свои силы дарованию России со временем свободы и освободить ее от деспотизма и тирании» [27, с. 166].

А. Пузыревский, ссылаясь на мнение Н. К. Шильдера, считал даже, что Александр I еще до 1812 года имел намерение возрождения Польши с отдачей полякам русских земель бывшей Речи Посполитой [58, с. 5]. В качестве шага в этом направлении он рассматривал возможность подчинения военной и гражданской администрации Литвы великому князю Константину. Все эти действия Александра I давали надежду полякам и привели к их восстанию [27, с. 294]. Такую же позицию занимал и И. П. Филевич, считая, что «настоящий виновник польских бунтов — это царь Александр I» [54].

Отдали дань данному весьма сомнительному положению и часть русских либеральных историков. По мнению М. К. Любавского, Александр I был готов расширить Царство Польское до 12 млн человек, но добровольно, без давления поляков [9, с. 377]. Причину отказа русского императора М. К. Любавский видел также и в том, что самолюбие Александра I было затронуто назойливостью поляков [9, с. 377].

Такое решение польского вопроса, как утверждалось в русской историографии, в России было невозможно. А. А. Кизеветтер по этому поводу отмечал, что склониться к такому решению польского вопроса не могло ни правительство, ни общество [48, с. 12]. А. А. Корнилов отмечал, что попытка Александра I расширить Царство Польское вызвала протест в русском обществе как со стороны либеральных, так и консервативных и радикальных кругов. Он приводил как пример сопротивления такой политике Александра I известную записку Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина», а также намерения декабриста Якушкина совершить покушение на царя в случае присоединения русских земель к Царству Польскому. В результате, считал Корнилов, Александр I оставил идею расширения Царства Польского, не включив в его состав даже Белостокский округ, населенный преимущественно польским населением [23, с. 24—25]. В итоге на такое решение польского вопроса, продолжал историк, не соглашалась не только власть, но и русское общество [23, с. 26]. По мнению Р. Зотова, русские либералы только со временем смогли понять, что спокойствие и само существование Царства Польского возможно только при условии искреннего и тесного соединения с единоплеменной и могучей Россией [21, с. 121].

Вместе с тем определенная часть русских историков преимущественно славянофильской ориентации (Ф. Уманец, Р. Зотов, А. Гильфердинг) считала, что сближение русских и поляков было возможно благодаря соединению Царства Польского и империи. Хорошим началом на этом пути считались великодушные жесты Александра I в отношении поляков в 1813 и 1815 годах: прощение поляков за участие в войне 1812 года на стороне Наполеона и образование Царства Польского, дарование Конституции. Р. Зотов писал: «...казалось, что великодушные и благодарные навсегда свяжут новых подданных с великодушным императором» [21, с. 120]. По мнению Зотова, «никогда Польша не пользовалась такими обширными правами» [21, с. 121].

По утверждению А. Гильфердинга, «...во времена Александра I началось сближение с поляками, которое, не обращая внимания на все препятствия и трудности, будет укрепляться и приносить хорошие плоды, потому что вражда бесплодна, а любовь плодотворна» [12, с. 9]. Интересно отметить, что данное положение было высказано в 1868 году после очередной антипольской волны настроений в русском обществе после восстания 1863 года. А. Гильфердинг оценивал польскую политику Александра I как проявление славянофильских чувств к братнему славянскому народу. Он писал, что «Александр I не стал мстить полякам за времена преследования русских и православной веры, когда они владели русскими землями. Александр I видел в них братьев-славян и поэтому даровал им такое государственное устройство, которого они никогда не видели» [12, с. 8].

К изучению проблемы государственного устройства Польши времен Речи Посполитой и Царства Польского русская историография в своем большинстве относилась поверхностно, не предпринимая собственных исследований. Объясняется этот недостаток внимания как преобладающим в русской историографии пренебрежительным отношением к шляхетскому государственному устройству, как символу анархии, так и тем, что до 80-х годов XIX века данная проблема попадала в основном в фокус внимания русской консервативной историографии (М. О. Коялович [14], И. П. Филевич [54] и др.). Такое же отношение господствовало и в либеральной историографии (С. М. Соловьев [55], В. И. Герье [56], Н. И. Костомаров [57]).

В русской историографии только М. К. Любавский в статье учебно-образовательного характера «Царство Польское и его конституция» непосредственно рассматривал интересующий нас предмет изучения [31]. М. К. Любавский, отметив представительность власти, определенный демократизм этого конституционного устройства, говорил о ее сословном (шляхетском) характере как наследии сейма времен шляхетского общественно-государственного устройства. Некоторые оценки конституционного устройства Царства Польского имеются в других трудах М. К. Любавского, носящих обобщающий характер [9].

Впоследствии эти взгляды относительно конституционного устройства Царства Польского (хотя с многочисленными оговорками) получают распространение в определенной части русской историографии в начале XX века (А. Л. Погодин, М. К. Любавский, В. А. Мякотин). Интересен факт усиливающейся в годы русского парламентаризма начала XX века положительной оценки парламентской системы Царства Польского Н. И. Кареевым [2; 3], что особенно заметно на фоне растущего осуждения парламентской системы вообще его учителем В. И. Герье [56].

Вместе с тем в оценке шляхетского устройства Речи Посполитой и Царства Польского, в особенности русская консервативная историография (Д. И. Иловайский [15], Н. К. Шильдер [27; 28] и др.), отмечали особо тот факт, что многие негативные черты шляхетского государственного устройства (слабость исполнительной власти, своеволие сеймиков, либерум вето и т. д.) были ликвидированы во времена Царства Польского благодаря опеке русского государя, благотворному воздействию самодержавной русской государственной идеи. Здесь наблюдается противоречивость оценок: с одной стороны, отмечается ненужность и вредность для поляков конституционного устройства, неумение им воспользоваться для их же собственного блага; с другой — расцвет Царства Польского благодаря дарованному Александром I рациональному конституционному устройству.

Весьма разнообразно и неоднозначно оценивалась в русской историографии конституционное устройство Царства Польского, ее характер и истоки. Часть русских историков (Н. Шильдер [27; 28], А. Корнилов [23], П. Виноградов [51, с. 187]) считала, что Конституция Царства Польского имела в качестве образца польскую Конституцию 3 мая. Другая часть (М. Любавский [9], М. Осокин [13]) видела таким источником строй Герцогства Варшавского. Существовали также сравнения Конституции Царства Польского с Конституцией Людовика XVIII во Франции (Н. И. Кареев [2], И. Григорович [8, с. 156]), а также с русской Конституцией для Финляндии (Н. И. Кареев). М. Осокин считал, что Конституция Царства Польского образовалась на политических идеалах XIX века, общих как для Западной Европы, так и Восточной [13, с. 7].

Влияние же собственно польских парламентских традиций увидели весьма немногие в русской историографии и исторической публицистике, что было связано как с отсутствием собственных исследований по данной проблематике, так и пренебрежительным отношением к «шляхетской анархии» и Речи Посполитой (проигравшей в военно-политической борьбе с русским самодержавием в XVI—XVIII веках).

Та часть русских историков, которая принимала парламентские государственные формы устройства, отмечала особо отсутствие в сейме Царства Польского (как и Речи Посполитой) широкого сословного представительства, считая польское парламентское устройство аристократическим. Так, Н. И. Кареев сравнивал шляхетский парламентаризм с римской республикой патрициев, где только последние были полноправными гражданами, а все остальные находились вне гражданского общества [2].

Особенно отмечался в русской историографии либеральный характер дарованной Александром I Конституции Царства Польского. В. Ф. Францев отмечал, что Конституция Царства Польского обеспечивала для поляков возможность дальнейшего свободного развития [7, с. 26]. Н. И. Кареев характеризовал конституцию Царства Польского в соотнесении с эпохой ее принятия: «...была она весьма либеральной, если принять во внимание характер эпохи» [2, с. 22]. Н. И. Кареев также видел демократичность Конституции Царства Польского, учитывая характер эпохи. Конституция, отмечал он, давала свободу слова, печати, закрепляла права польского языка, устанавливала обязанности и права короля, сейма и т. д. [2, с. 20].

Весьма высокую оценку Конституции Царства Польского давал и М. К. Любавский, утверждая, что она была наиболее демократической в тогдашней Европе. Для доказательства своего положения русский историк приводил данные численности избирателей в Царстве Польском и во Франции с их общим количеством населения: 100 тыс. имеющих право голоса в Царстве Польском и 80 тыс. во Франции [9, с. 373], отмечая наличие в общественно-политическом устройстве Царства Польского Конституции, сейма, судов как атрибутов конституционно-либерального устройства.

Выдвигалось в русской историографии и положение о том, что негативное наследие анархии времен Речи Посполитой не позволило полякам воспользоваться благоприятной ситуацией под властью русского императора. «Во времена Речи Посполитой поляки настолько сжились с традициями “золотой вольницы”, — утверждал Н. И. Кареев, — которая была на деле анархией, что не хотели, или вернее уже не умели понимать свободу под иными формами» [2, с. 22]. Мнение о том, что поляки не смогли использовать Конституцию Царства Польского, дарованную Александром I, поддерживал также И. И. Григорович в очерке всеобщей истории, написанном по заказу Министерства просвещения [8, с. 64]. Конституция Царства Польского, по его мнению, схожа была с Конституцией Людовика XVIII. По утверждению Р. Зотова, воспользоваться благоприятными условиями для развития Царства Польского не позволили сами поляки: «...но дурные семена, засеянные веками, не могли так скоро дать хороший урожай» [21, с. 121].

Внутреннее общественно-политическое устройство Царства Польского оценивалось в русской историографии как дальнейшее сохранение привилегированного положения шляхты. Так, А. А. Корнилов, отмечая успехи промышленного развития Царства Польского, утверждал, что это не сказалось на создании буржуазии, т. е. успешные люди стремились в шляхетское сословие [23, с. 28].

В русской либеральной историографии был поставлен также вопрос о несоответствии конституционных форм Царства Польского и самодержавной власти императора России. Н. И. Кареев по этому поводу писал: «Начала которыми управлялась империя не могли не переноситься в практике правительственной политики в Польшу» [2, с. 24]. Б. Н. Чичерин, давая высокую оценку польской политике Александра I, общественно-государственному устройству Царства Польского, считал, что образование пришлось на неудачный период правления: вторая половина правления Александра I отличалась отсутствием либерализма и была направлена в сторону реакции [22, с. 18]. Подобную точку зрения высказывал и Н. И. Осокин: в этот период Александр I отказался от своих либеральных взглядов в пользу мистицизма [13, с. 29].

Весьма близкую точку зрения высказывал и М. К. Любавский: Конституция Царства Польского была добровольным даром Александра I, но её утверждение пришлось на неблагоприятный момент. «Сам Александр I изменился, да и время настало иное, — писал историк, — период реакционного духа Европы» [9, с. 383].

М. К. Любавский, отмечая наличие в общественно-политическом устройстве Царства Польского Конституции, сейма, судов как атрибутов конституционно-либерального устройства, вместе с тем видел, что соединены две несовместимые вещи: абсолютная монархия России и конституционное устройство Царства Польского [9, с. 382]. Либеральный характер Конституции 1815 года, утверждал Н. И. Кареев, не соответствовал традициям российского государственного устройства [2, с. 23—24]. Согласно мнению М. К. Любавского, царь Александр I не мог вопреки традиции не вмешиваться во внутренние дела Царства Польского: так он присвоил даже себе руководство администрацией Царства Польского [9, с. 382].

В свою очередь, в консервативной историографии некоторое ограничение самодержавных прав императора к Царству Польскому интерпретировано было не только как нарушение естественных прав царя, но и национальных интересов России. Так, Н. К. Шильдер писал, что русские государственные интересы находились в противоречии с Конституцией Царства Польского [28, с. 20]. Этот же историк называл акт коронации Николая I польской короной унижением достоинства российского императора, который согласился на этот шаг, желая, по мнению Н. К. Шильдера, доказать верность слова своего брата Александра I, а также по просьбе великого князя Константина. Впервые такая интерпретация конституционных норм Царства Польского и самодержавных прав русского монарха как нарушение интересов России была дана еще Н. М. Карамзиным [45]. Согласно мнению И. С. Аксакова, Конституция образца 1815 года Царства Польского не была пригодна для решения польского вопроса в России, так как это была Конституция шляхты, которая привела к анархии и вместо русского правления — к свирепому деспотизму и разделению Польши между Пруссией и Австрией [44, с. 43].

Общей в русской историографии, как консервативной, так и либерального направления, является положение о том, что поляки не смогли использовать возможности развития, которые давало им Царство Польское в период с 1815 по 1830 год. В представлении консервативно-славянофильской историографии этот шанс заключался в возможности сближения поляков с русскими посредством соединения с Россией в пользу мифического общеславянского дела. В оценке же либеральной историогра-

фии — в развитии автономного Царства Польского в составе Российской империи, для будущего союза славянских народов. Иного варианта развития Царства Польского в русской историографии не было представлено.

Весьма традиционным для русской славянофильской историографии является положение Ф. М. Уманца о политической «недальновидности» поляков. Он обвинял поляков в том, что они не поняли значения общеславянской идеи объединения и не захотели поддаваться русификации, тем более что во времена Александра I для этого были наилучшие условия [52, с. XXXV]. В связи с этим он высказывал претензии к Адаму Чарторыйскому как министру Александра I, который, по его словам, «не смог подняться выше уровня обычного шляхтича, не смог отбросить свой мелкий сепаратизм» [52, с. XXXV—XL].

Ф. М. Уманец считал, что эта черта (политическая недальновидность) была общим недостатком польского общества, которое никогда не умело стать на уровень общих интересов русского и польского народов [52, с. XXXIII—XLIII], т. е., по его мнению, согласиться на добровольную русификацию во имя общеславянского объединения. Для представления объективности подходов к идее славянского единства следует отметить, что Ф. М. Уманец был единственным в русской историографии, кто признавал право поляков в XVI веке объединения славян на почве более высокого цивилизационного развития на тот период [52].

В отличие от большинства русских историков А. Сидоров обвинил в неудаче русско-польского сближения не только поляков, но и Россию. Он писал, что в этом случае столкнулись между собой две непримиримые тенденции: польская (с идеей европеизации России и захвата русских земель) и русская (как консервативная, так и радикальная), которые не могли согласиться на эти условия [20, с. 7]. А. Л. Погодин отмечал, что в этом случае данная тенденция помогла полякам сохранить свою национально-культурную самобытность. Именно вера в мессианство польского народа, проповедуемая идеологами польского романтизма, и в первую очередь Адамом Мицкевичем, «помогла польской интеллигенции, разбросанной на чужбине и томящейся под властью Пруссии, проводящей германизацию, и Австрии, стремящейся разобщить польский народ и его интеллигенцию, переносить свою тяжелую участь в ожидании более светлого будущего» [5, с. 51].

А. А. Корнилов поддержал положение о значительном отличии интересов поляков и русских, даже весьма близких по убеждениям, отмечая, что поляки не поддержали декабристов в России, хотя были лучше подготовлены. Это произошло по той причине, что русские дела для них (поляков — Т. К.) были совершенно чужды [23, с. 29].

Период Царства Польского (1815—1830) однозначно представлен был в русской историографии как период динамичного развития в области экономики, просвещения и национальной культуры. Однозначно утверждалось, что за 15 лет Царство Польское достигло огромных успехов в области хозяйственной, культуры, просвещения, значительно увеличилось количество народонаселения, армия Царства Польского стала совершенной благодаря стараниям Константина [7, с. 24]. Успехи в развитии Польши под русским владычеством отмечал и Н. Г. Устрялов: «Под русским руководством Польша добилась такого благосостояния... Александр I возродил Польшу до этого времени покрытую песками и болотами, где только гнездились жида» [11, с. 96—97].

Н. И. Кареев писал также, что Польша после бури и потрясений, бесплодных попыток реформ (1774—1794) «получила впервые внутренний порядок с широкой общественной самодеятельностью и прочно обеспеченным внешним миром» [2, с. 24]. Установление конституционного порядка в Царстве Польском отмечал и С. А. Платонов [17, с. 673].

Н. К. Шильдер представлял Польшу до русского правления и в период Царства Польского как огромную разницу: Польша, которая до этого времени была «песчаной и грязной пустыней», стала под российским владычеством «цветущей страной с развитой промышленностью, дорогами, боеспособной армией» [28, с. 20]. Также у Н. К. Надлера мы встречаем угрюмую картину Польши до русского владычества: «Повсюду невообразимая грязь, нищета» [25, с. 172], «...а также враждебное и настороженное отношение шляхты и горожан, тупое равнодушие крестьян, ...одни только жида, хорошо понимавшие, что наполеоновскому владычеству пришел навсегда конец, встречали нас дружелюбно, устраивали шумные овации и доставляли припасы, разуется за деньги» [25, с. 173]. Успехи в развитии Царства Польского отмечал и И. И. Григорович, ссылаясь на польских исследователей [8, с. 157].

В то время, по мнению А. А. Корнилова, политические, социально-экономические изменения в Царстве Польском не привели к изменениям идеологическим, т. е. отношению к России, русским землям Речи Посполитой, на которые так надеялись русские. «Польские предприниматели, — писал историк, — не стали основным растущим условием, а пополняли ряды шляхты, принимая ее идеологию — стремление к возрождению Польши» [23, с. 28].

В свою очередь И. Аксаков не считал Царство Польское не только моделью решения польского вопроса в России, но и возрождения польского народа как части славян. Согласно славянофильской традиции, утверждал он, Царство Польское, которое было «куплено русской кровью», не стало государством польского народа, а только польской шляхты [44, с. 90]. Для настоящего возрождения Польши нужно было услышать польский народ. «Возрождение польской народности в любой политической форме возможно только с избавлением поляков от пристрастия к завоеваниям, с излечением их от роли миссионеров латинства и передовой дружины запада, с потерей рыцарства, изменением отношения шляхты к народу, с возвращением их в лоно славянства» [44, с. 91]. «Поляки должны так же забыть, — согласно мнению И. Аксакова, — о своем былом владычестве над чужими землями — западно-русскими» [44, с. 91].

Заключение. К числу основных тем истории Центральной Европы в интерпретации русской историографии исследуемого периода относились: Наполеоновские войны и Центральная Европа, российская политика в Центральной Европе, польский вопрос в контексте политики Наполеона и России и др. Польский вопрос первой трети XIX века в регионе рассматривался в контексте Наполеоновских войн, истории создания и существования Герцогства Варшавского и Царства Польского.

Причины образования Царства Польского рассматривались русской историографией весьма неоднозначно: как результат либеральной политики царя Александра I; как результат стечения дипломатических обстоятельств, в первую очередь борьба с Наполеоном и Венский конгресс; как попытка решения польского вопроса в пользу России вплоть до версии о предательстве русских национальных интересов Александром I.

Конституционное устройство Царства Польского рассматривалось в русской историографии весьма противоречиво: с одной стороны, как продолжение определенных анархических традиций парламентского устройства времен Речи Посполитой, с другой — как радикально измененное под благотворным влиянием русской государственной самодержавной идеи.

Царство Польское как модель решения польского вопроса в России рассматривалось значительной частью русской историографии, хотя их оценки и подходы к данному вопросу порой существенно отличаются. В интерпретации русской либеральной историографии начала XX века и даже в начале Первой мировой войны, когда польский вопрос стал международным, дальше сохранялся в сознании рецепт решения польского вопроса путем соединения с Россией в той или иной форме. Именно поэтому, на наш взгляд, большинство представителей русской историографии XIX — начала XX века видели в Царстве Польском, как зависимом от России территориальном образовании, определенную модель решения, наконец, польского вопроса в России.

Список цитируемых источников

1. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века : монография / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 383 с.
2. Кареев, Н. И. История Западной Европы / Н. И. Кареев. — СПб., 1908. — Т. 5. — 888 с.
3. Кареев, Н. И. Общий курс истории XIX и XX веков до начала мировой войны / Н. И. Кареев. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1919. — 391 с.
4. Кареев, Н. И. Введение в курс истории новейшего времени / Н. И. Кареев. — Варшава : Тип. Ивана Носковского, 1881. — 90 с.
5. Погодин, А. Л. История польского народа в XIX в. / А. Л. Погодин. — М. : Изд-во Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1915. — 297 с.
6. Любович, Н. Н. История XIX века : курс лекций / Н. Н. Любович. — Ростов н/Д, 1916. — 402 с.
7. Францев, В. Ф. Польское славяноведение / В. Ф. Францев. — Прага Чешская : Политика, 1906. — 683 с.
8. Григорович, И. И. Очерки всеобщей истории / И. И. Григорович. — СПб. : [б. м. и г.].
9. Любавский, М. К. История западных славян (прибалтийцев, чехов, поляков) / М. К. Любавский. — М. : Тип. М. и С. Сабашниковых, 1918. — 477 с.

10. *Погодин, А. Л.* Краткий очерк истории славян / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Миньшова, 1909. — 132 с.
11. *Устрялов, Н.* Русская история / Н. Устрялов. — СПб., 1845. — Ч. II.
12. *Гильфердинг, А.* Сочинения / А. Гильфердинг. — СПб., 1868. — Т. 2.
13. *Осокин, Н. И.* Политическое движение в Западной Европе в новое время / Н. И. Осокин. — Казань, 1885. — 378 с.
14. *Коялович, М. О.* Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М., 1864. — 394 с.
15. *Иловайский, И. Д.* История России / И. Д. Иловайский. — М., 1876—1905. — Т. 3.
16. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 5. — 478 с.
17. *Платонов, С. Ф.* Лекции по русской истории / С. Ф. Платонов. — Петроград, 1915. — 384 с.
18. *Ардашев, П. Н.* Дополнения к лекциям по всемирной истории проф. М. Н. Петрова / П. Н. Ардашев. — М., 1910. — Ч. 1. — С. 157—184.
19. *Кареев, Н. И.* Polonica. Сборник статей по польским делам (1881—1905 гг.) / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 264 с.
20. *Сидоров, А. А.* Польское восстание 1863 г. / А. А. Сидоров. — СПб., 1903. — 134 с.
21. *Зотов, Р.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I / Р. Зотов. — СПб., 1857. — 178 с.
22. *Чичерин, Б. Н.* Польский и еврейский вопрос / Б. Н. Чичерин. — Берлин : Изд-во Гуго Штейнц, 1901. — 74 с.
23. *Корнилов, А. А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. / А. А. Корнилов. — Петроград : Огни, 1915. — 93 с.
24. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов Александра I и Наполеона, 1807—1812. — СПб., 1906—1914. — Т. 1—7.
25. *Надлер, В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза / В. К. Надлер. — М., 1887. — 243 с.
26. *Соловьев, С. М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия / С. М. Соловьев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — 563 с.
27. *Шильдер, Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование : в 4 т. / Н. К. Шильдер. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1897—1898.
28. *Шильдер, Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование : в 2 т. / Н. К. Шильдер. — СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1903.
29. *Любович, Н. Н.* Варшава в 1812 году / Н. Н. Любович. — Варшава, 1913. — 61 с.
30. *Уманец, Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше / Ф. М. Уманец // Ист. вестн., 1883. — № 10. — С. 55—64.
31. *Любавский, М. К.* Царство Польское и его конституция : кн. для чт. по истории нового времени / М. К. Любавский. — М., 1912. — С. 101—134.
32. *Любавский, М. К.* Александр I и Польша / М. К. Любавский // Отечественная война и русское общество. 1812—1912 : в 7 т. — М. : Изд-во Т-ва И. Д. Сытина, 1911. — Т. VII. — С. 88—104.
33. *Кручковский, Т. Т.* Парламентское устройство Царства Польского в оценке русской историографии XIX — нач. XX в. / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2006. — № 4. — С. 43—51.
34. *Кручковский, Т. Т.* Российско-польские отношения в первой половине XIX века и их влияние на развитие исторической полонистики в России / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2009. — № 1. — С. 72—79.
35. *Кручковский, Т. Т.* Общественно-политические условия развития исторической полонистики в России второй половины XIX века / Т. Т. Кручковский // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2009. — № 31. — С. 73—82.
36. *Кручковский, Т. Т.* Общественно-политические обстоятельства развития исторической полонистики в России начала XX века / Т. Т. Кручковский // Вучоныя зап. Брэсц. дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. — 2009. — Вып. 5, ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. — С. 213—223.
37. *Аржакова, Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. — 343 с.
38. *Аржакова, Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века / Л. М. Аржакова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 543 с.
39. Польша и Россия в первой трети XIX века: из истории автономного Королевства Польского: 1815—1830. — М. : Индрик, 2010. — 584 с.
40. *Обушенкова, Л. А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. / Л. А. Обушенкова. — М. : Наука, 1979. — 295 с.
41. *Семевский, В. И.* Политические и общественные идеи декабристов / В. И. Семевский. — СПб., 1909. — 205 с.
42. *Ольшанский, П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение / П. Ольшанский. — М., 1959. — 179 с.
43. *Хомяков, А. С.* Записки о всемирной истории / А. С. Хомяков. — М., 1900. — Т. 5—6.
44. *Аксаков, И. С.* Сочинения. Польский вопрос и западнорусское дело / И. С. Аксаков. — М., 1900. — Т. 3.
45. *Карамзин, Н. М.* Мнение русского гражданина / Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. — СПб., 1862. — С. 3—20.
46. *Пытин, А. Н.* Общественное движение в России при Александре I / А. Н. Пытин. — СПб., 1908. — 598 с.
47. *Сахаров, А. Н.* Николай Михайлович Карамзин / А. Н. Сахаров // Историки России XVIII—XX веков. — М., 1996. — С. 78—123.
48. *Аскенази, Ш.* Царство Польское / Ш. Аскенази. — М., 1915. — 167 с.
49. *Брянцев, П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен / П. Д. Брянцев. — Вильно, 1889. — 659 с.
50. *Пытин, А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем / А. Н. Пытин. — СПб., 1913. — 189 с.
51. *Виноградов, П. Н.* Учебник всеобщей истории / П. Н. Виноградов. — М., 1910. — 190 с.
52. *Уманец, Ф. М.* Вырождение Польши / Ф. М. Уманец. — СПб., 1872.

53. Кручковский Т. Т. Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Вестн. ГрДУ, 2007. — № 2. — С. 47—53.
54. Филевич, И. Польша и польский вопрос / И. Филевич. — М., 1894.
55. Соловьев, С. М. История падения Польши / С. М. Соловьев. — М., 1863.
56. Герье, В. И. Борьба за польский престол 1733 г. / В. И. Герье. — М., 1862. — 671 с.
57. Костомаров, Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — СПб., 1870. — Т. 1—2.
58. Пузыревский, А. К. Польско-русская война в 1831 г. / А. К. Пузыревский. — СПб., 1890. — 446 с.
59. Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов Александра I и Наполеона. 1807—1812 гг. — СПб., 1906—1914. — Т. 1—7.
60. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб., 1901. — 203 с.
61. Пыпин, А. Н. Русское масонство XVIII — первой половины XIX в. / А. Н. Пыпин. — Петроград, 1916. — 575 с.
62. Брянцев, П. Д. Очерк. Состояние Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г. или до первого восстания поляков / П. Д. Брянцев. — Вильно, 1895. — 51 с.

Поступила в редакцию 28.08.2020

УДК 304:94(476)''17/18''

В. В. Лишик

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
Министерство образования Республики Беларусь, б-р Космонавтов, 21, 224016 Брест, Республика Беларусь,
+375 (29) 801 57 01, vovaliko@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДА УРСЫН-НЕМЦЕВИЧЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье представлены результаты исследования истории шляхетского рода Урсын-Немцевичей на территории Беларуси во второй половине XVIII века. Исследование осуществлено на основании широкого круга источников. Автором введены в научный оборот архивные документы Национального исторического архива Беларуси, воспоминания, в том числе неопубликованные. В исследовании анализируется деятельность представителей рода, таких как Франциск и Марцелий Урсын-Немцевичи, в общественной, социально-экономической и культурной сфере. Представлены основные характеристики хозяйственно-имущественного положения Урсын-Немцевичей, в том числе содержится описание усадебных комплексов и землевладений в Берестейском воеводстве. Выявлен рост активности участия Урсын-Немцевичей в исторических процессах на территории Беларуси во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: шляхта ВКЛ; род Урсын-Немцевичей; Берестейское воеводство в XVIII веке; усадебный комплекс; шляхетская культура.

Рис. 1. Библиогр.: 24 назв.

V. V. Lishyk

Brest State University named after A. S. Pushkin, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Cosmonavtov Boul.,
224016 Brest, Republic of Belarus, +375 (29) 801 57 01, vovaliko@gmail.com

THE FAMILY OF URSYN-NEMTSEVICH IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

The article presents the results of the study of the history of Ursyn-Nemtsevich (Ursyn-Niemcewicz) family in Belarus in the second half of the XVIII century. The study was carried out on the basis of a wide range of sources, the author introduced the archival documents, memoirs, including unpublished to date into the scientific circulation. The study analyzes the activities of the representatives of the noble family, such as Francis and Marcellius Ursyn-Nemtsevich, in the social, socio-economic and cultural sphere. The main characteristics of the economic situation of the Ursyn-Nemtsevichs are presented, including a description of manor complexes and land holdings. As one of the results of the study, an increase in the activity of the participation of the Ursyn-Nemtsevichs in historical processes on the territory of Belarus in XVIII century.

Key words: the nobility (shliachta) of the Grand Duchy of Lithuania; family of the Ursyn-Nemtsevich (Ursyn-Niemcewicz); Brest Voivodeship in the 18th century; manor complex; gentry culture.

Fig. 1. Ref.: 24 titles.

Введение. За последние десятилетия в белорусской историографии исследуются многочисленные проблемы, связанные с историей шляхетского и дворянского сословия, в том числе отдельных шляхетских родов, осмысление которых позволяет раскрыть связь макро- и микроисторических процессов в истории Беларуси. Целью данной работы является выявление роли и места представителей рода Урсын-Немцевичей на территории Беларуси во второй половине XVIII века. На фоне сложного положения Речи Посполитой к середине XVIII века, в условиях проявления внутренних и внешних противоречий в социуме требует научного осмысления деятельность шляхетского рода Урсын-Немцевичей, представители которого с XVI века упоминаются в документах Великого княжества Литовского (ВКЛ). В связи с тем, что в XVIII веке проявился рост деятельности представителей рода в первую очередь на территории Беларуси, то в изучаемый период требуется более детально исследовать активность Урсын-Немцевичей на основании найденных архивных источников.

Материал и методы исследования. Помимо опубликованных источников и литературы, касающихся истории рода Урсын-Немцевичей, в статье использовались впервые введенные в научный оборот воспоминания и архивные документы, содержащиеся в Национальном историческом архиве

Беларуси в г. Минске. Достаточно известным источником как в отечественной, так и в зарубежной историографии являются мемуары Юлиана Урсын-Немцевича. В его дневниках содержатся подробные воспоминания о представителях рода Урсын-Немцевичей, при этом в статье использованы две редакции данного издания. Стоит кратко отметить некоторые факты историографии по данной теме. Так, в гербовнике Т. Жихлинского, издаваемого в 1879—1885 годах, достаточно подробно описана родословная Урсын-Немцевичей. В отечественной историографии с 1990-х годов неоднократно появлялись статьи о наследии рода А. И. Мальдиса, А. Федорука и др. В 2008 году был издан сборник материалов конференции «Юльян Урсын-Нямцэвіч: асоба ў кантэксце часу». Полноценную книгу в виде очерков об истории рода написал А. Гладышук, где представил также частичный перевод мемуаров Ю. Урсын-Немцевича.

Автор статьи при её написании использовал общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Один из основных представителей рода Урсын-Немцевичей в XVIII веке — мечник Берестейского воеводства Александр — имел пятерых сыновей (рисунок 1), старшим из которых был Франциск (1718—1795). Средние сыновья Александра Урсын-Немцевича Игнатий и Кристоф были малоизвестными представителями рода. Они были неженаты и бездетны, а иные сведения о них на данный момент не зафиксированы. Следующим сыном был Марцелий Урсын-Немцевич (1727—1802), а младшим стал Михаил.

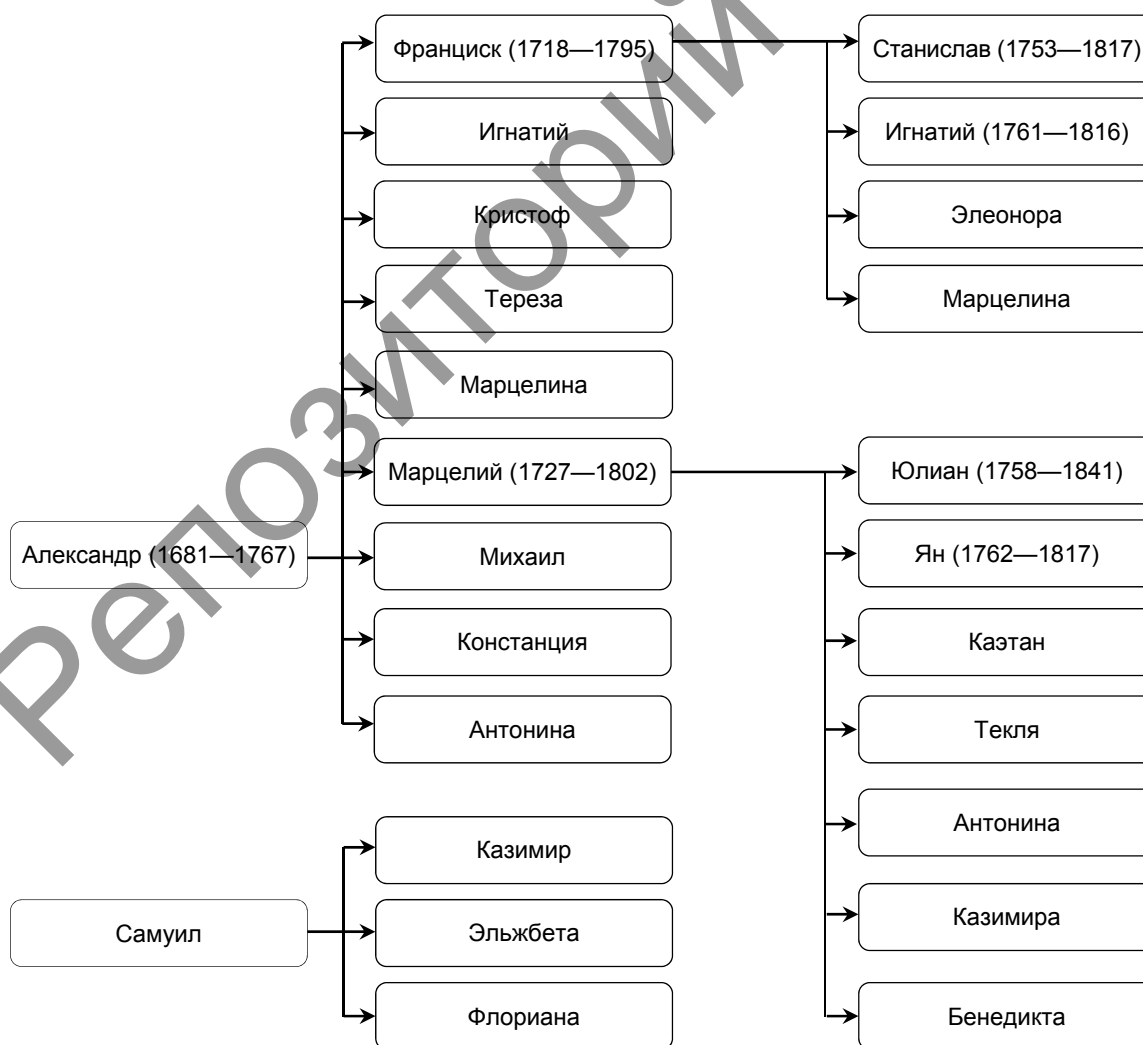

Рисунок 1. — Генеалогическое древо рода Урсын-Немцевичей в XVIII веке

Помимо потомков по мужской линии следует отметить также, что у Александра Урсын-Немцевича было четыре дочери, из которых двое — Тереза и Марцелина — находились в ордене бернардинок в Берестейском воеводстве. Констанция была замужем за И. Ланцкоронским, Антонина была супругой Ф. Овсяного [1, с. 145—147]. Представителем еще одной линии рода был Казимир Урсын-Немцевич, сын Самуила, упоминается в документах как стражник Берестейского воеводства, остался бездетным, а в пожилом возрасте был монахом в ордене реформаторов [2, л. 567].

Общественную деятельность Франциска Урсын-Немцевича в первую очередь отражают книги брестского земского суда, где в период с 1772 по 1795 год он упоминается как судья [3, л. 207]. В актовых книгах суда присутствуют также упоминания об обязанностях, которые он исполнял в Брестском повете и воеводстве, включая участие в некоторых сеймах в качестве посла. В частности, Ф. Урсын-Немцевич как чашник брестский в 1750 году присутствовал на Варшавском сейме, но не голосовал и не вступал в какую-либо из комиссий. Как деятельный участник брестских сеймиков в 1760-е годы он специализировался на подготовке инструкций для послов от Берестейского воеводства, занимал должность каптурового судьи [4, л. 326—327 об.]. Весомым является участие Франциска Урсын-Немцевича в качестве депутата полномочной делегации от Берестейского воеводства на сейм 1773—1775 годов, в частности от имени этого сейма был членом делегации для проведения проверки расходов артиллерии Речи Посполитой. Подтверждением этому служит документ «Трактат...», датированный 1775 годом, в пяти артикулах которого встречается подпись Франциска Урсын-Немцевича как «посла брест-литовского воеводства» [5, с. 248—249]. В конце 1770-х годов Ф. Урсын-Немцевич ушел из общественной жизни и служил до конца своей жизни только земским судьей Брестского повета, поскольку в документах 1795 года упоминается его личность [6, л. 1131]. Умер Франциск Урсын-Немцевич 30 декабря 1795 года в Неплях, похоронили его рядом с женой в том же костеле с памятной табличкой в честь обоих супругов.

Наряду с Франциском Урсын-Немцевичем одним из ключевых деятелей рода во второй половине XVIII века был его брат Марцелий, родившийся в 1721 году в имении Клейники Брестского повета (сегодня Брестский район). В молодости он был военным служащим, после принимал активное участие в сеймиках, занимал должность каптурового судьи в 1764 году в Берестейском воеводстве [4, л. 327 об.]. В большинстве источников Марцелий Урсын-Немцевич упоминается как мельничный чесник с 1772 года, дворянин короля Речи Посполитой, мельничный подचाший с 1778 года, который поддерживал политику магнатов Чарторыйских [1, с. 145—146]. На некоторых брестских сеймиках он периодически проявляет активность в 1756, 1772 [2, л. 44], 1778 и 1796 годах [7, л. 7]. Варшавские корреспонденты лично сообщали М. Урсын-Немцевичу о наиболее значительных политических событиях в стране, и для поездки в столицу на важные события он организовывал целые экипажи. О проявлении его общественной активности и интереса к политике своей страны свидетельствуют несколько сохранившихся писем Марцелия Урсын-Немцевича к королю Речи Посполитой Станиславу Августу Понятовскому. Первое письмо было написано в январе 1787 года накануне встречи короля с императрицей России в Коневе. Марцелий Урсын-Немцевич в письме высказывается за укрепление монархической власти и введение наследственности престола. Он выражает мысли об увеличении числа армии и усилении подготовки ее к войне, прося извинения у короля за свои советы, которые происходят от одной причины — любви к своей Родине [8, с. 214—217].

Как представители местного шляхетского сословия, Урсын-Немцевичи были связаны с важными политическими процессами и событиями, в которых участвовала шляхта ВКЛ, проживающая на белорусских землях. Это относится и к общегосударственным вопросам, где одним из главных событий в общественной жизни страны стали выборы нового короля Речи Посполитой на сейме 1764 года. Участие в элекционном сейме стало вершиной общественной карьеры Франциска и Марцелия Урсын-Немцевичей в силу их присутствия в процессе избрания и голосования за будущего правителя, а также своего земляка по воеводству Станислава Августа Понятовского [1, с. 144—146].

Участие в общественно-политической жизни Речи Посполитой обеспечило благоприятное экономическое положение рода Урсын-Немцевичей. Временное отсутствие крупных военных действий в середине XVIII века позволило шляхетскому сословию активизировать хозяйственную деятельность и поднять уровень благосостояния своих имений. Вопросы экономического характера связаны в первую очередь с недвижимостью, которой владели представители Урсын-Немцевичей, относясь к классу средних землевладельцев Речи Посполитой. Так, в актовых книгах брестского городского суда присутствует завещание от 3 августа 1763 года Александра Урсын-Немцевича, в котором содержатся данные о наследовании принадлежащих ему имений [9, л. 179 об.]. Согласно документам, право владения на имение Непли с близлежащими деревнями перешло к Франциску, а имения Скоки и Клейники стали

собственностью Марцелия. Кроме этого Франциск в 1758 году получил от жены в пожизненное владение 28 волок деревень Збара и Мала Рита в Брестской экономии. Более детальное рассмотрение хозяйства Марцелия Урсын-Немцевича как владельца нескольких имений выявляет направленность в первую очередь на обеспечение быта своей многочисленной семьи и поддержку имений. Значительных успехов М. Урсын-Немцевич достиг в экономической деятельности, по его мнению, именно в личном обеспеченном имении была некоторая независимость, в отличие от службы при дворе магнатов, и такому образу мыслей Марцелий обучал своих детей [10, с. 38]. В период его деятельности имения достигли лучшего экономического положения, в некоторой степени способствуя развитию Брестского повета. Марцелий Урсын-Немцевич стремился эффективно благоустроить свои имения Клейники и Скоки, учитывая, что границы по документам включали земли вплоть до деревни Пески [11, л. 1—2]. В экономической сфере проявлялась тесная связь Урсын-Немцевичей с местным сельским населением, острых конфликтных ситуаций между которыми не обнаружено. Хотя проблема взаимоотношения с крестьянским сословием мало отражена в источниках, но известно, что некоторых своих слуг Марцелий Урсын-Немцевич отпускал без выкупа и суда, проявляя к ним снисходительность [10, с. 37—41].

Важной проблемой для быстрорастущей семьи Марцелия Урсын-Немцевича был вопрос нового просторного жилья. Первоначальным домом семьи в имении Скоки была одноэтажная деревянная усадьба, построенная, вероятно, в XVII веке. Деревянный дом имел зал, спальню, детскую, салон, комнату для гостей. Около дома стояла ограда, далее располагался фольварк с сараями, коровниками, гумном [10, с. 34—35]. Рядом с усадьбой в дубовой роще находилась часовня Святой Марии Египетской. На территории старой усадьбы до настоящего времени сохранилась лишь колона XVIII века, на которой ранее стояла статуя архангела Рафаила [10, с. 31]. После раздела родовых земель в 1765 году Марцелий Урсын-Немцевич с семьей в очередной раз переехал из имения Скоки в Клейники в родительский дом, который располагался на высоком берегу р. Лесной. В этот период М. Урсын-Немцевич разобрал старый дом в Скоках, ставший тесным для семьи, и запланировал возведение нового дома [10, с. 35].

Строительство усадебно-паркового комплекса в имении Скоки, который сохранился до настоящего времени, стало важным направлением деятельности Марцелия Урсын-Немцевича. Точная дата строительства усадьбы неизвестна, но ее возведение приходилось на 1770-е годы. Новый комплекс состоял из двухэтажного жилого дома, хозяйственных построек, костела, а также парка. Каменный усадебный дом, как уникальный объект для Брестчины, является также важным материальным источником. Описание комплекса отражает некоторые характерные черты зажиточной шляхетской усадьбы XVIII века, а стиль и архитектура дома имеют черты эпохи позднего барокко. В частности, прямоугольное в плане здание под мансардой было накрыто «ломаной» черепичной крышей с небольшими боковыми альежами и фигурными куполами, таким образом новая усадьба в д. Скоки имела типичную для барокко объемно-пространственную композицию [12, с. 196—197]. По сторонам усадебного дома стояли флигеля для прислуги с кухней и конюшней, колодцем [13, л. 164]. Напротив въездных ворот, ведущих в усадьбу, находился костел с органом, построенный Марцелием Урсын-Немцевичем по различным данным в 1776 или в 1796 году [10, с. 209]. В подвале костела был расположен склеп, в котором находились захоронения Урсын-Немцевичей. Рядом с местом старой усадьбы была дубовая роща, в которой М. Урсын-Немцевич заложил часовню Святой Марии Египетской. Небольшая зарисовка усадебного комплекса в Скоках упоминается среди имущества Юлиана Урсын-Немцевича в Америке, но была утеряна, однако копия ее хранилась в Скоках и была опубликована [14, с. 98—101]. Некоторые следы отдельных несохранившихся к настоящему времени строений можно отыскать на местности и сегодня. В ходе археологических раскопок в 2013 году были обнаружены и исследованы остатки западного флигеля, собрана археологическая коллекция из 178 артефактов, датируемых XVII—XX веками [15, л. 164]. Инвентарь имения Скоки 1832 года содержит данные о наличии построек, которые в основном были связаны со строительной деятельностью Марцелия Урсын-Немцевича в период 1770—1790 годов. Описаны в источнике следующие объекты: «Дом жилой, каменный, двухэтажный, с двумя каменными одноэтажными флигелями для прислуги. Костел каменный и дом деревянный для священника, ветряная мельница, сад с разными плодовыми деревьями и две корчмы» [16, л. 155]. Позднее Марцелий Урсын-Немцевич совершил распределение земли между своих сыновей «документом 10 июня 1795 г. в Брестском поветовом суде <...>. Ивану отдал в вотчинное владение имение Скоки» [17, л. 164 об.].

Касательно семейной сферы представителей рода важно отметить, что Франциск Урсын-Немцевич 18 февраля 1751 года женился на Анне Коротынской, после чего в его семье родились сыновья Станислав и Игнатий, а также дочери Марцелина и Элеонора. Марцелий Урсын-Немцевич женился на

Ядвиге Суходольской, позднее в их браке родилось пятнадцать детей, что было уникальным фактом среди представителей данного рода. Среди многочисленных потомков Марцелия и Ядвиги восемь детей умерли, будучи еще младенцами, и только семеро дожили до совершенных лет, как упоминает об этом сам их старший сын Ю. Урсин-Немцевич [10, с. 4—16]. Эти данные подтверждают метрические книги костела-монастыря цистерцианцев д. Вистычи. Первенец был назван именем Юлиан, а в крещении 16 февраля 1758 года “Julianum Polikarpum Andreum”. С разницей два-три года рождались следующие дети, достигшие взрослого возраста: Анна, Ян, Каэтан, Текля, Казимира и Бенедикта. В источнике можно уточнить имена некоторых умерших в детстве детей: Антонина, Кароль, Иозеф, Катерина и Антония [18, л. 17—18, 20]. Своих детей Урсин-Немцевичи направляли учиться в престижные учебные заведения страны. Франциск Урсин-Немцевич устроил своих сыновей Станислава и Игнатия в Рыцарскую школу и на протяжении их учебы жил со своей семьей в Варшаве. Последовав примеру брата Франциска, Марцелий Урсин-Немцевич направляет учиться своего старшего сына Юлиана Урсин-Немцевича в ту же школу кадетов.

В дневниках Юлиана Урсин-Немцевича содержатся подробные воспоминания детского периода о родителях Марцелии и Ядвиге Урсин-Немцевичах. На основе критического анализа данного мемуарного источника можно установить важные биографические факты и личные характеристики. «Отец был человеком богобоязненным, образованным <...> обеспокоенным неустроенностью своей Родины», — писал Ю. Урсин-Немцевич. Особенно ярко Юлиан описывал свою мать, Ядвигу, в девичестве Суходольскую, скромную женщину с редкой красотой: «...одна с наилучших, наидобрейших и прекраснейших в воеводстве женщин...» [10, с. 37]. Марцелий Урсин-Немцевич активно изучал исторические хроники, хорошо знал историю своей страны и ездил изучать земские, воеводские и центральные варшавские архивы, актовые книги брестских судов, делал множество выписок и копий из документов. В итоге М. Урсин-Немцевич сформировал в своей усадьбе коллекцию исторических документов и написал историю Берестейского воеводства, которая не сохранилась до наших дней. Нельзя судить о ее качестве, однако это позволяет выделить важную деятельность Марцелия Урсин-Немцевича: поиск, сбор архивных документов и написание труда по истории [10, с. 39]. Это характеризует Марцелия Урсин-Немцевича как человека с активной гражданской позицией, патриотическими взглядами. Все эти важные гражданские качества с детства привили старшему сыну Юлиану Урсин-Немцевичу любовь к своей Родине. Марцелий Урсин-Немцевич неоднократно был крестным как у своих родственников, так и у соседских шляхетских семей [19, л. 46]. Путников и приезжих знакомых Урсин-Немцевичи принимали почти каждый день, стремясь быть гостеприимными хозяевами. Марцелий Урсин-Немцевич обладал некоторыми типичными характеристиками шляхетского сословия, такими как консервативность взглядов, религиозность, суеверность, однако был чужд крайних проявлений шляхетской гордости и фанаберии, и за это был уважаем среди своих соседей [20, с. 38].

Некоторые характеристики мировоззрения Урсин-Немцевичей просматриваются при сравнении со шляхетской культурой ВКЛ, в целом Речи Посполитой, а также религиозной сферой данного времени на территории Беларуси [21, с. 156]. Если в первой половине XVIII века Александр Урсин-Немцевич проявил малую религиозную активность [22, с. 25], то для его сына Марцелия одними из наиболее важных дел были поездки на богослужения, общение с особами духовного звания. Наиболее часто Урсин-Немцевичи посещали соседний монастырь цистерцианцев в Вистычах, где Марцелий Урсин-Немцевич построил рядом с входом в монастырь колонну в честь Вистычской иконы Божией Матери [20, с. 12]. Юлиан Урсин-Немцевич упоминает, что получил в детстве исцеление от этой иконы, которую он видел еще раз в 1821 году. Деятельность Франциска в религиозной сфере была связана с открытием в имени Непли костела в 1769 году, что, по сути, являлось продолжением строительства костела, начатом его отцом Александром Урсин-Немцевичем [23, с. 72]. Следует отметить, что значительная часть представителей рода во второй половине XVIII века, в частности дочери Александра Урсин-Немцевича Тереза и Марцелина, связали свою жизнь с католическими монастырскими орденами. Казимир Урсин-Немцевич, сын Самуила, упоминается в документах как стражник Берестейского воеводства, а в пожилом возрасте был монахом в ордене реформаторов [2, л. 567]. Михаил Урсин-Немцевич был каноником Смоленским и секретарем королевским, в метрических книгах костела д. Вистычи он значился ксендзом, который совершал таинство при крещении детей своих родных братьев [18, л. 17]. Нормы шляхетской культуры, религиозные ценности, господствовавшие в XVIII веке в Речи Посполитой, оказывали значительное влияние на все сферы жизни Урсин-Немцевичей в данный период.

Заключение. Представленный биографический материал свидетельствует об активном присутствии рода Урсин-Немцевичей в разнообразных исторических процессах на территории Беларуси во второй половине XVIII века. В данный период в общественно-политической сфере проявилась заметная роль Франциска и Марцелия Урсин-Немцевичей, активно исполнявших посольские, судебные и гражданские функции. Этому способствовало благоприятное экономическое развитие имений рода, хозяйство которых приносило достаточно стабильную прибыль владельцам. Значительных успехов в хозяйственной сфере достиг Марцелий Урсин-Немцевич, построивший в 1770-е годы каменный усадебный комплекс в имении Скоки. Религиозные предпочтения Урсин-Немцевичей находилась под значительным влиянием католической церкви, к тому же четверо представителей рода связали свою деятельность с католическими монастырскими орденами. Наличие источников в виде дневников и воспоминаний, позволяет свидетельствовать о сильных семейных традициях, родственных связях и высоких моральных качествах рода Урсин-Немцевичей. Совокупность данных фактов позволяет говорить о положительной динамике социального и экономического развития рода Урсин-Немцевичей как заметного явления в истории Беларуси во второй половине XVIII века.

Список цитируемых источников

1. *Żychliński, T. Złota księga szlachty polskiej* : v 31 t. / Teodor Żychliński. — Poznań : J. Leitzger, 1879—1885. — Т. 21. — 196 s.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1705. Оп. 1. Д. 59.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1741. Оп. 1. Д. 34.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1705. Оп. 1. Д. 61.
5. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II. — Вильна : Вилен. комис. для разбора древ. Актов, 1903. — 352 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1741. Оп. 1. Д. 50.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1705. Оп. 1. Д. 59.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1705. Оп. 1. Д. 63.
9. *Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu* — Poznań : wyd. Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1872. — 678 s.
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1705. Оп. 1. Д. 145.
11. *Niemcewicz, Julian Ursyn. Pamiętniki czasów moich* / pod. red. W. Zawadzkiego. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1957. — (Biblioteka Pamiętników Polskich i Obcych) T. 1. — 447 s.
12. Государственный архив Брестской области (ГАБр). — Ф. 2177. Оп. 2. Д. 46.
13. *Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины* / А. Федорук. — Минск : БелЭН, 2004. — 573 с.
14. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гр.). — Ф. 5. Оп. 1. Д. 10.
15. *Ursyn Niemcewicz, W. Miscellanea oraz Wspomnienia własne dotyczące Niemcewiczów* / W. Ursyn Niemcewicz, — Warszawa : 2002. — Cz. V. — 275 s.
16. *Башков, А. А. Шляхетские резиденции Брестчины в свете археологических исследований: Ружаны, Скоки, Коссово, Закозель* : монография / А. А. Башков ; М-во образования Респ. Беларусь, БрГУ им. А. С. Пушкина. — Брест : БрГУ, 2017. — 287 с.
17. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гр.). — Ф. 31. Оп. 2. Д. 17.
18. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гр.). — Ф. 5. Оп. 1. Д. 10.
19. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гр.). — Ф. 475. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАБО. — Ф. 2031. Оп. 2. Д. 2944.
21. *Гладышчук, А. А. Нямцэвічы. Сапраўдныя гісторыі* / А. А. Гладышчук. — Минск : Лит. и Искусство, 2009. — 286 с.
22. *Гісторыя Беларусі* : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Экаперспектыва, 2000—2005. — Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII—XVIII ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. — 2004. — 343 с.
23. *Ursyn Niemcewicz, J. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne* / J. Ursyn Niemcewicz. — Lipsk : F. A. Brockhaus, 1868. — 438 s.
24. *Лишик, В. В. Происхождение и история рода Урсин-Немцевичей в XVII — первой половине XVIII в.* / В. В. Лишик // Вестн. БрДУ. Сер. 2 : Гісторыя. Эканоміка. Права. — Брэст, 2019. — № 1. — С. 19—28.

Поступила в редакцию 03.06.2020

УДК 327.8::321(436.7+47.07)::497.1)

М. Г. СкорбБелорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 6, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 590 48 85, max.skorb@yandex.ru**РОССИЙСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ МОДЕЛИ АВТОНОМИЗАЦИИ
БЕЛГРАДСКОГО ПАШАЛЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ (1804—1806)**

В статье на основе дипломатической переписки проанализированы российские и австрийские модели преобразований в системе управления Белградского пашалыка, направленные на мирное урегулирование Первого сербского восстания на его начальном этапе. Во введении обосновывается актуальность исследования, проанализированы основные подходы к изучению данного круга проблем. В основной части рассмотрены проекты преобразований, выделены их концептуальные черты, оказавшие влияние на формирование общей модели, проанализированы причины, повлиявшие на реализацию конкретных проектов. Значительное внимание уделено раскрытию целей, внутреннего содержания и особенностей политики держав в отношении восстания и влиянию на нее европейских событий. В заключении сделан вывод об иерархии факторов, влиявших на формирование как австрийской, так и российской модели преобразований, отображено их влияние на конкретные предложения Австрии и России по мирному урегулированию.

Ключевые слова: Австрия; Россия; Белградский пашалык; Первое сербское восстание; автономия.
Библиогр.: 12 назв.

M. G. SkorbBelarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 6 Krasnoarmejskaya St.,
220030 Minsk, Republic of Belarus, +375 (29) 590 48 85, max.skorb@yandex.ru**RUSSIAN AND AUSTRIAN MODELS OF AUTONOMY OF THE PASHALIK OF BELGRADE
AT THE INITIAL STAGE OF THE FIRST SERBIAN UPRISING (1804—1806)**

Based on diplomatic correspondence, the article analyzes Russian and Austrian models of transformations in the management system of the Belgrade pashalyk aimed at a peaceful settlement of the first Serbian uprising at its initial stage. The introduction substantiates the relevance of the research, analyzes the main approaches to the study of this range of problems. In the main part, the transformation projects are considered, their conceptual features that influenced the formation of the General model are highlighted, and the reasons that influenced the implementation of specific projects are analyzed. Considerable attention is paid to the disclosure of the goals, internal content and features of the policy of the powers in relation to the uprising and the influence of European events on it. In conclusion, we draw a conclusion about the hierarchy of factors that influenced the formation of both the Austrian and Russian models of transformation, and their influence on the specific proposals of Austria and Russia for a peaceful settlement is reflected.

Key words: Austria; Russia; Pashalyk of Belgrade; First Serbian uprising; autonomy.
Ref.: 12 titles.

Введение. Зимой 1804 года сербы Белградского пашалыка подняли восстание, в ходе распространения которого под их контролем оказалась не только территория Белградского пашалыка, но и некоторые соседние территории. Последнее требовало создания собственной системы органов государственной власти. Не имея опыта государственного управления и осознавая нехватку сил для успешной борьбы с турками, восставшие вынуждены были искать поддержку у держав, наиболее влиятельных на Балканах. Такими государствами стали Австрия и Россия, для которых проблема будущего сербского государства стала одной из центральных проблем восточной политики начала XIX века. Начавшееся восстание во многом стало неожиданностью для дипломатических ведомств обеих держав, заключивших союз против наполеоновской Франции и искавших поддержку на берегах Босфора. Последнее значительно сокращало возможности держав в урегулировании конфликта и помощи сербам. Все это сделало начальный этап восстания (1804—1806) исключительно важной вехой в становлении политики Австрии и России к формирующимся государствам Балканского полуострова.

Материал и методы исследования. В российской исторической науке достаточно подробно рассмотрено взаимодействие России и Сербии во время Первого сербского восстания. Однако традиционно, начиная с XIX века, основное внимание уделяется военно-политическому сотрудничеству.

Говоря о планах России относительно формы правления и государственного устройства будущего сербского государства, большинство историков не идет дальше формальных предложений, выдвинутых Россией Порте. Ряд историков, анализировавших российские проекты будущего сербского государства, рассматривали их лишь как частные инициативы, а не как позицию российского двора. К тому же от внимания историков ускользало влияние европейских событий в общем и российско-австрийских взаимоотношений на позиции России по сербскому вопросу.

Австрийские историки, активно изучая историю Сербии и австро-сербских взаимоотношений в XIX — начале XX века, практически прекратили это после 1918 года, сосредоточившись на восточной политике Австрии в целом. Так, Б. Калаи [1] утверждал, что Россия вовсе не была заинтересована в урегулировании конфликта и внесла в зарождающуюся сербскую государственность множество противоречий. При этом полностью отрицалось наличие у Австрии захватнических планов в отношении Сербии.

Сербская историография во многом опирается на концепцию, сформированную в начале XX века С. Новаковичем [2] и М. Вукичевичем [3]. Оба историка исходили из тезиса о том, что формирование сербских государственных институтов и принятие ряда конституционных актов стало ответом на стремление держав превратить Сербию в вассальную провинцию, поэтому формирующаяся сербская государственность не испытала на себе непосредственного влияния России и Австрии. Это определило исследовательские приоритеты последующих поколений сербских историков.

Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных становлению сербской государственности, политике Австрии и России, позиции держав по исследуемому вопросу остаются малоизученными, а исследовательские оценки — зачастую диаметрально противоположными.

Результаты исследования и их обсуждение. Лидеры восстания прекрасно понимали, что репрессии со стороны янычар осуществлялись при попустительстве Порты. Поэтому практически с самого начала восстания они искали себе покровителя, способного защитить их от притеснений, а в идеале включить в состав своего государства. Естественным и наиболее знакомым покровителем для сербов являлась Австрия. Поэтому на протяжении весны 1804 года вожди восстания не единожды вступали в переговоры с представителями австрийской администрации с просьбой предоставить им оружие и провиант, взамен они обещали перейти под власть Австрии [4, с. 34, 53, 55—56, 100].

Внутри австрийской правящей элиты не было единства относительно отношения Австрии к восставшим. Так, группа высших сановников во главе с эрцгерцогом Карлом считала, что Россия приобрела значительное влияние на Балканах, что стало угрозой целостности самой империи Габсбургов, поскольку Россия стала чрезвычайно популярной среди православного населения империи. Поэтому, чтобы завоевать их поддержку, следует «показать сербам свое благорасположение», удовлетворив их просьбы, не вступая при этом в конфликт с Портой [4, с. 98—99].

Эрцгерцогу Карлу оппонировали вице-канцлер Ф. Коллоредо и министр иностранных дел Л. Кобенцль. Они считали, что Австрия должна придерживаться политики строгого нейтралитета, поскольку Порта сама до сих пор не определилась, какая из двух «партий» — сербы или янычары — в большей мере отвечает ее интересам. Несмотря на разность подходов, оба политических деятеля сходились в том, что беспорядки в Белградском пашалыке следует как можно скорее прекратить, поскольку они создают угрозу австрийской торговле в Османской империи и безопасному судоходству по Дунаю [5, с. 156—157].

Результатом политической борьбы внутри венского кабинета стало принятие решения о невмешательстве в сербские дела. Чиновникам военной границы было приказано в письменные переговоры не вступать, а в случае непосредственных контактов рекомендовать сербам «подчиниться воле их законного господина» [4, с. 170].

Апофеозом сербских устремлений по переходу под власть Габсбургов стали переговоры Карагеоргия, провозглашенного к тому времени верховным вождем восстания, и австрийского майора Бранковича в начале мая 1804 года. В ходе переговоров сербский лидер заявил о желании сербов перейти под власть императора и получить в качестве губернатора одного из эрцгерцогов. В случае отказа «сербская нация будет весьма неохотно искать себе других покровителей». На все предложения верховного вождя майор Бранкович ответил отказом, при этом предложив услуги австрийских властей по достижению соглашения восставших сербов с янычарами [6, с. 122—123].

Таким образом, Австрия в начале восстания, осознавая угрозу сложившегося положения, всячески стремилась погасить разгоревшийся конфликт, не вмешиваясь в него. При этом урегулирование конфликта находилось в плоскости старой османской системы управления, не предусматривавшей создание сербской национальной автономии.

После провала переговоров с австрийцами в селе Остружница (вблизи Белграда) была создана скупщина — представительный орган власти, формировавшийся путем делегирования нахиями, административно-территориальными единицами пашалыка, своих представителей. Первоначально задачей скупщины была разработка условий для переговоров с Австрией, однако после провала переговоров ее главной задачей стал поиск новых покровителей для Сербии. Выбор повстанцев пал на Россию. В ходе скупщины было принято решение отправить письмо российскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому, в котором изложить свои просьбы и жалобы на турок.

Получив письмо сербских старейшин, А. Я. Италинский направил его в Петербург, сопроводив своими комментариями. Российский посланник считал, что России пока не следует прямо вмешиваться в «сербские дела», тем не менее он советовал сербам приложить максимум усилий для взятия Белграда, так как после этого они смогут разговаривать с Портой с позиции силы. После этого, как писал А. Я. Италинский заместителю министра иностранных дел А. Чарторыйскому, Россия сможет надавить на Порту и добиться создания автономного сербского княжества под своим покровительством. В целом с небольшими изменениями предложения А. Я. Италинского стали основой российской позиции по сербскому вопросу. А. Чарторыйский одобрил все начинания А. Я. Италинского и рекомендовал ему с осторожностью выступать в защиту сербов, не вступая с ними в переписку [7, с. 78—79, 155].

Еще летом 1804 года Порта направила своего представителя для урегулирования конфликта в Сербии. Осенью 1804 года он смог достичь соглашения между сербами и янычарами. Его главным условием было восстановление действия фирмана 1793 года, согласно которому при белградском паше должен был находиться сербский представитель. Кроме того, сербы получили право самостоятельного сбора дани в размере 500 тыс. пиастров и передачи ее паше. Туркам на территории Белградского пашалыка разрешалось проживать лишь в трех городах: Белграде, Шабаце и Смедерове [8, с. 77].

Австрийское и российское правительства по-разному отреагировали на это соглашение. Если Австрия приветствовала его заключение, то Россия фактически игнорировала и предлагала свой способ разрешения конфликта. Основные положения его содержались в инструкциях А. Я. Италинскому [9, с. 74—75] и И. Ф. Болкунову [7, с. 248], занимавшему пост консула в Бухаресте. Предлагалось урегулировать конфликт путем предоставления сербам некоторых привилегий: полный вывод всех турецких войск с территории пашалыка, право сербов иметь собственного правителя и собственный суд, при этом платя османскому правительству дань, и содержать 5 тыс. войска для защиты края.

Таким образом, Россия взяла курс на создание сербской автономии. Положение турецкой администрации по этому проекту проследить невозможно, так как ни в тексте инструкций А. Я. Италинскому, ни в письме И. Ф. Болкунову не упоминается ничего о турецкой администрации и турках, проживавших на территории пашалыка. Из этого можно сделать вывод о том, что речь шла не о создании сербского княжества, а о предоставлении привилегий сербам Белградского пашалыка. Тем не менее, учитывая количественный перевес сербов над турками, роль и значение турецкой администрации становились минимальными.

К концу 1804 года сложились австрийская и российская модели прекращения конфликта на территории Белградского пашалыка путем его автономизации. Австрия, считая продолжавшиеся беспорядки угрозой для своей торговли, стремилась как можно скорее урегулировать конфликт, не видя оснований для предоставления сербам сколько-нибудь значительных привилегий. Россия, в свою очередь, стремилась к созданию внутри Белградского пашалыка максимально широкой сербской автономии. Факт наличия российских гарантий не имел решающего значения, поскольку Россия еще по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года являлась покровителем православных христиан в Османской империи.

Несмотря на значительные события, произошедшие в Европе в течение 1805 года, позиции России и Австрии относительно сербской государственности фактически никак не изменились. Однако поражение под Аустерлицем и заключение Пресбургского мира привели к изменениям в австрийском правительстве: министром иностранных дел, а фактически главой правительства стал И. Штадион. Будучи сторонником эрцгерцога Карла, он выступал за активную внешнюю политику, в том числе и в отношении Сербии.

Вскоре после своего назначения новый министр иностранных дел сделал императору Францу весьма обширный доклад о положении дел в Сербии. В нём он изложил свой план мероприятий по сербскому урегулированию. По его мнению, после Пресбургского мира Австрии не следовало вмешиваться во внутритурецкий конфликт, тем не менее император вполне мог предложить султану свои услуги посредника и гаранта достигнутого соглашения, тем самым укрепить свой авторитет не только среди сербов, но и при дворе султана. Но все предложения Вены были Портой отвергнуты [10, с. 28—29].

Австрия и Россия сформулировали свои предложения о системе управления Белградским пашалыком, но когда летом 1806 года после ряда побед сербов возникла реальная возможность претворения их в жизнь, ни одна из держав уже не имела должного влияния на Порту для их реализации. В конце июля Карагеоргий и ряд других старейшин разработали собственный вариант будущей сербской автономии. Соглашение, достигнутое на основе этих предложений, вошло в историю как Ичков мир (по имени сербского представителя на переговорах Петра Ичко) [11, с. 73].

Австрия, которую Порты обвинила в поддержке повстанцев, фактически самоустранилась. Русско-турецкие отношения к тому времени испортились настолько, что даже сербы не рассматривали российского посланника как помощника в их миссии и не только не просили его покровительства, но даже не сообщили ему условия, выдвигаемые Порте [10, с. 199; 12, с. 342—343].

В целом, за исключением пункта о международных гарантиях, Ичков мир соответствовал российскому проекту урегулирования сербского вопроса. Учитывая тот факт, что российская модель урегулирования не была оформлена концептуально, а содержалась в многочисленных записках и инструкциях, получателям которых строго запрещалось их разглашать, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе восстания российская модель наиболее соответствовала интересам восставших.

Заключение. И российская, и австрийская модели будущей сербской государственности на начальном этапе восстания не шли дальше предоставления сербам национальной автономии. Во-первых, сами восставшие в своих устремлениях не шли дальше национальной автономии. Во-вторых, Австрия и Россия в это время воевали с наполеоновской Францией, а агрессивные действия в сербском вопросе могли привести к открытому конфликту с Портой, тем самым значительно усложнить войну с Францией.

Австрия в своих построениях руководствовалась не столько внешнеполитическими интересами, сколько внутренними, поскольку создание сербского государства у самых границ империи могло привести к массовому переселению сербов с территории империи. Участие в антифранцузских коалициях также значительно усложняло для Австрии реализацию собственной политики на Балканах. Учитывая ее географическое положение, обострение взаимоотношений с Портой и ее возможный союз Францией фактически создавали угрозу не только войны на два фронта, но и окружения австрийской территории с двух сторон.

Россия, в свою очередь, не испытывала такой угрозы и потому действовала значительно активнее. Кроме того, в построении собственного варианта преобразований, Россия руководствовалась исключительно внешнеполитическими целями, считая необходимым создание максимально широкой сербской автономии для использования ее в качестве дополнительного рычага воздействия на Порту и, как показали последующие события, как возможного союзника в борьбе с Турцией.

Разные исходные факторы по-разному влияли на внутреннее содержание проектов государственного устройства Сербии. Если Россия считала необходимым вывод турецких войск и создание сил сербской самообороны (будущих союзников России), то Австрия полагала это нежелательным и даже опасным, так как это могло привести к эскалации конфликта. Австрийское правительство считало необходимым сохранение старой системы управления. Российская дипломатия, в свою очередь, была убеждена в необходимости создания внутри пашалыка сербской системы управления, де-факто существующей параллельно турецкой.

Таким образом, несмотря на то, что Австрия и Россия в начале Первого сербского восстания являлись союзниками, а их планы по урегулированию восстания, на первый взгляд, казались весьма схожими, их внутреннее содержание было различным и отвечало собственным интересам держав. В некоторых случаях их цели совпадали с установками восставших, но эти совпадения носили случайный характер и не были результатом совместной разработки планов по мирному урегулированию.

Список цитируемых источников

1. Kállay, B. Die Geschichte des serbischen Aufstandes / B. Kállay. — Wien, 1910. — 554 s.
2. Новаковић, С. Уставно питање и закони Карађорђева времена : студија о постању и развију врховне и средишње власти у Србији 1805—1811 / Ст. Новаковић. — Београд : Давидовић, 1907. — 131 с.
3. Вукићевић, М. Карађорђе : у 2 књ. / М. Вукићевић. — Београд : Слово љубве, 1988. — Књ. 2 : Историја устанка од 1804—1807. — 689 с.
4. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. — Београд — Суботица : Науч. дело, 1935—1977. — Књ. 1 : Година 1804—1935. — 444 с.

5. Соколов, О. В. Битва трёх императоров. Наполеон, Россия и Европа. 1799—1805 гг. / О. В. Соколов. — СПб. : Питер, 2019. — 656 с.
6. Грађа из земунских архива за историју Првог српског устанка : зб. док. у 3 књ / сакуп. Ж. Илић [и др.]. — Београд : Ист. арх., 1955—1969. — Књ. 1 : 1804—1808. — 1955. — 618 с.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX века : док. Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изд. дипломатич. док. при МИД СССР. — Сер. 1, т. 2 : апрель 1804 — декабрь 1805 гг. / редкол.: А. Л. Нарочницкий [и др.]. — М. : Политиздат, 1961. — 866 с.
8. *Ненадовић, М.* Мемоари / М. Ненадовић ; приред. В. Дедијер. — Београд : Рад, 1980. — 359 с.
9. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия : сб. док. : в 2 кн. / сост.: В. П. Грачев, Н. П. Данилова. — М. : Наука, 1980. — Кн. 1 : 1804—1807. — 480 с.
10. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. : у 11 књ. / сакуп. А. Ивић. — Београд — Суботица : Науч. дело, 1935—1977. — Књ. 3 : Година 1806. — 1937. — 550 с.
11. *Поповић, Р.* Идеал независности и нужност аутономије. Настанак српске нововековне државе 1788/1804—1833 године / Р. Поповић // Два века модерне српске дипломатије : зб. науч. чл. — Београд : САНУ, 2015. — С. 68—89.
12. Внешняя политика России XIX и начала XX века : док. Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изд. дипломатич. док. при МИД СССР. — Сер. 1, т. 3 : январь 1806 — июль 1807 гг. / редкол.: А. Л. Нарочницкий [и др.]. — М. : Политиздат, 1963. — 840 с.

Поступила в редакцию 08.07.2020

Репозиториј Барјак

УДК 94+261.7(476+091)

Т. А. СпиридоноваГосударственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», ул. Московская, 15,
220007 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 708 30 36, in.pelagia@yandex.by**ДЕЙСТВИЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ОТ 16 МАРТА 1961 ГОДА (1961—1965)**

В статье рассмотрены действия института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров БССР по реализации постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» в 1961—1965 годах. Значительное внимание уделяется вопросу состояния православной церкви БССР в связи с выполнением постановления Совета Министров от 16 марта 1961 года. Выявлены неизвестные ранее данные о нарушении законодательства органами местной власти по отношению к Русской православной церкви в Советской Белоруссии. Хронологические рамки данной статьи ограничены периодом с 1961 по 1965 год, так как это время отмечено выполнением уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года, следствием которого стал контроль над процессом формирования церковных советов в целях ограничения деятельности духовенства и снижения влияния православной церкви на население республики.

Ключевые слова: Совет по делам Русской православной церкви; уполномоченный по делам Русской православной церкви при Совете Министров БССР.

Табл. 2. Библиогр.: 18 назв.

T. A. SpiridonovaState Educational Institution “Republican Institute of Higher Education”, 15 Moskovskaya St., 220007 Minsk,
Republic of Belarus, +375 (29) 708 30 36, in.pelagia@yandex.by**ACTIONS OF THE COMMISSIONERS OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS
OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH UNDER THE COUNCIL OF MINISTERS THE BSSR
IN ACCORDANCE WITH THE RESOLUTION OF THE COUNCIL OF MINISTERS
OF THE USSR OF MARCH 16, 1961 (1961—1965)**

Russian Orthodox Church Affairs under the Council of Ministers of the BSSR on the implementation of the decree of the Council of Ministers of the USSR of The article discusses the actions of the institution of the authorized representatives of the Council for March 16, 1961 “On strengthening control over the implementation of legislation on cults” in the period (1961—1965). Considerable attention is paid to the issue of the state of the Orthodox Church of the BSSR in connection with the implementation of the Council of Ministers Decree of March 16, 1961. Previously unknown data are revealed about the violation of the legislation by local authorities in relation to the Russian Orthodox Church in Soviet Belarus. The chronological scope of this article is limited to the period from 1961 to 1965, because this period was marked by the implementation of the decree of the USSR Council of Ministers of March 16, 1961, by commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (CAROC). The result of the decree was control over the process of forming church councils with the aim of limiting the clergy activities and reducing the influence of the Orthodox Church on the population of the republic.

Key words: The Council on the affairs of the Russian Orthodox Church; commissioner on the Affairs of the Russian Orthodox Church at the CM of the BSSR.

Table 2. Ref.: 18 titles.

Введение. Актуальность темы исследования вызвана необходимостью изучения деятельности Совета по делам Русской православной церкви в БССР в данный период в связи с тем, что названная проблематика не получила должного научного осмысления в отечественной и зарубежной историографии.

Целью исследования является анализ деятельности Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР в период 1961—1965 годов.

Задачи исследования состоят в изучении положения православной церкви в БССР в 1961—1965 годах, в котором она оказалась в результате выполнения уполномоченными постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» и выявление фактов нарушения законодательства со стороны органов местной власти БССР в отношении Русской православной церкви.

Методология и методы исследования. В российской историографии по вопросу функционирования Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР создан ряд крупных исторических исследований, издано много научных статей таких авторов, как Т. А. Чумаченко, Д. Х. Шин, А. Б. Онищенко, Ю. В. Гераськин и др. [1—5].

Однако в белорусской историографии крупных работ в области истории функционирования Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) БССР до сих пор не появилось. На сегодня издано несколько статей по данной тематике таких авторов, как Ю. В. Нихамкина, А. Г. Василицин, У. К. Кулаженко, С. В. Мандрик [6—9].

Конец 1950 — начало 1960-х годов вошли в историю как период последних попыток правительства Советского Союза радикально и в кратчайшие сроки решить религиозную проблему в стране. Времена хрущевской оттепели оказались для представителей различных конфессий лютым морозом. Один из сильнейших ударов был нанесен и по Русской православной церкви как самой влиятельной и многочисленной в стране [10, с. 359].

«Беларуси в хрущевские годы было предназначено стать первой полностью безрелигиозной республикой СССР. Это произошло, вероятно, потому, что советские идеологи считали, что религиозный фактор здесь можно преодолеть легче, чем в иных частях СССР, поскольку к началу Великой Отечественной войны во всей восточной части БССР не оставалось ни одного официально действующего православного храма» [11, с. 123].

Результаты исследования и их обсуждение. 8 мая 1958 года Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам было проведено совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Госполитиздата, газет и журналов, ЦК ВЛКСМ, Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов).

Итогом стала записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которая содержала основные положения и выводы совещания. В ней говорилось: «Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 года многими партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями, учреждениями и ведомствами выполняется неудовлетворительно, более того, некоторые партийные, профсоюзные, советские, комсомольские работники полагают, что постановление ЦК от 10 ноября 1954 года “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды” отменяет постановление ЦК от 7 июля “О недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее усиления”» [12, с. 462].

Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года было принято после того, как в ЦК стала поступать информация о недовольстве и сопротивлении новой религиозной политике. Часть членов президиума ЦК утверждала, что очередная религиозная война приведет к нежелательным последствиям для страны, и Н. С. Хрущев со своими сторонниками отступил [10, с. 351].

Отдел ЦК разъяснял положение о наступлении периода возвращения к той политической линии в отношении православной церкви, которую задавало летнее постановление 1954 года. С этого времени не более мягкое ноябрьское, а более жесткое июльское постановление должно было стать основой государственной политики по отношению к церкви [12, с. 462].

4 октября 1958 года ЦК КПСС принял секретное постановление «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» [12, с. 463].

Это постановление стало политической директивой для принятия указанных ниже решений советского правительства.

16 октября 1958 года по коллегиальному предложению Министерства финансов СССР и Совета по делам Русской православной церкви Совет Министров СССР принял постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [12, с. 464].

16 октября 1958 года по предложению Совета по делам Русской православной церкви Совет Министров СССР принял еще одно постановление — «О монастырях в СССР».

Исходя из этого постановления, монастырям запрещалось применение наемного труда, предусматривалось значительное уменьшение земельных наделов, а также сокращение самого количества обителей [12, с. 465].

13 января 1960 года вышло новое постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», в котором говорилось о том, что служители культа сумели сосредоточить целиком руководство приходами в своих руках и использовали это в интересах укрепления и распространения религии [12, с. 479].

16 января 1961 года последовало постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Данным постановлением отменялись все законодательные акты, принимавшиеся в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие.

Последнее постановление вместе с постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 года стали «правовой» основой советской «церковной реформы», включавшей в себя шесть основных положений:

1) коренная перестройка церковного управления, устранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что подорвало бы авторитет служителей культа в глазах верующих;

2) восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3) перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее широко использовались для привлечения новых групп верующих;

4) ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания;

5) ограждение детей от влияния религии;

6) перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства, что снизило бы его активность [12, с. 487].

16 марта 1961 года Советом Министров СССР было принято постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» [13, с. 152]. В тот же день Совет по делам Русской православной церкви совместно с Советом по делам религиозных культов принял «Инструкцию по применению законодательства о культурах», которая в скором времени получила утверждение ЦК КПСС.

Названные документы стали проводиться в жизнь под девизом возрождения «ленинской социалистической законности», а на самом деле возвращали церковь в ситуацию конца 1930-х годов [12, с. 487].

Очевидно, что постановление от 16 марта 1961 года было направлено на трансформацию правовой базы государственно-церковных отношений и своей целью имело подрыв материальной базы духовенства и церкви [1, с. 410].

Один из пунктов постановления от 16 марта 1961 года Совета Министров СССР указывал на «необходимость восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культурах» [14, с. 14].

Совет запланировал достижение своих целей с помощью «убеждения патриарха» дать указания епархиальным управлениям о целесообразности перевода духовенства с доходов от треб на постоянные оклады, ставя священнослужителей в положение «наемного работника» церковной общины [1, с. 412].

Следуя этим указаниям правительства, Совет по делам Русской православной церкви «рекомендовал» патриарху Алексию (Симанскому) пересмотреть отдельные пункты Положения об управлении Русской православной церкви 1945 года, т. е. принять поправку об отстранении духовенства от финансово-хозяйственной деятельности общины и передаче ее в ведение церковного совета.

В апреле 1961 года Священный синод Русской православной церкви по рекомендации государства принял решение об отстранении священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности в приходе, а 18 июля того же года Архиерейский собор Русской православной церкви утвердил это определение Синода [12, с. 490].

«Постановление правительства и инструкция Совета ориентировали уполномоченных на осуществление функций надзора, контроля за деятельностью религиозных организаций. Основную свою задачу уполномоченные должны были видеть в “ограничении влияния церкви на население”» [12, с. 487].

20 июля 1961 года уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по БССР Г. В. Ковалев разослал уполномоченным Совета по всем областям республики письмо, которое содержало перечень указаний. В письме требовалось предоставление отчета по выполнению постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» [15, с. 118].

Выполняя указания Г. В. Ковалева, в июле 1961 года свой отчет по выполнению постановления от 16 марта 1961 года прислал уполномоченный Совета по Могилевской области П. Петров.

В отчете П. Петров сообщал, что им была проведена работа по выявлению нарушений духовенством законодательства о культурах, ознакомлению партийно-советского актива с вышеуказанным постановлением и инструкцией по применению законодательства о культурах [15, с. 119].

Анализ отчета П. Петрова позволяет выяснить, какие меры были предприняты уполномоченным для выполнения постановления Совета Министров от 16 марта 1961 года. Свою деятельность уполномоченный Совета начал с изучения возможностей, которые необходимо было использовать для изъятия церковных зданий, ранее занимавшихся под общественные постройки колхозов и предприятий.

Согласно отчету П. Петрова, на 1 января 1961 года на территории Могилевской области имелось 49 религиозных общин, в пользовании которых находилось 47 церковных зданий. В 1961 году было закрыто 4 церкви, 3 религиозные общины сняты с регистрации [15, с. 119].

20 июля 1961 года республиканский уполномоченный получил письмо с отчетом от уполномоченного А. Гашникова по Гродненской области.

По сведениям А. Гашникова, в области имели место факты нарушения законодательства о культурах и со стороны отдельных работников советских органов. Так, председатель Лунненского сельсовета Скорб 7 апреля (т. е. в великую пятницу) вызвал священника непосредственно из церкви во время службы и под предлогом, что верующие должны быть на работе в колхозе, запретил службу в церкви в рабочие дни.

Священник, возвратившись в церковь к ожидавшим его прихожанам, передал им содержание разговора и требование председателя сельского Совета. После этого присутствовавшие в церкви около 100 человек верующих направились в сельский Совет и потребовали отмены распоряжения о запрещении службы в рабочие дни. Под нажимом верующих Скорб был вынужден отменить свое запрещение [15, с. 147].

В следующем письме этого же уполномоченного от 10 июня сообщалось, что за 1962 год «церковная сеть» на территории Гродненской области сократилась на 13 приходских церквей. В числе действующих осталось 109 церквей, 12 общин из которых не имели священника. Решался вопрос об их закрытии [16, с. 269].

Из отчета А. Гашникова следует, что отстранение священнослужителей от управления делами хозяйственно-финансовой деятельности и передача этих функций церковным советам произошла во всех церквях Гродненской области.

Во всех отчетах областных уполномоченных по выполнению постановления от 16 марта 1961 года сообщается о сокращении количества церквей и духовенства или снижении их доходов, а также об отстранении священнослужителей от управления хозяйственно-финансовой деятельностью в церковных приходах.

Однако, как следует из отчетов, некоторые уполномоченные проявили чрезмерное усердие в выполнении постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года, потому что 25 марта 1963 года всем уполномоченным было разослано постановление Совета о фактах грубого нарушения законодательства о культурах со стороны отдельных уполномоченных Совета и местных советских органов от 7 марта 1963 года.

В этом постановлении говорилось, что Совет по делам Русской православной церкви при СМ СССР вскрыл за последнее время ряд фактов, свидетельствующих о том, что некоторые уполномоченные Совета неудовлетворительно выполняли постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», проходили мимо грубого нарушения законов со стороны отдельных местных советских органов, которые, не считаясь с наличием верующих и пытаясь подменить воспитательную работу среди них административными методами борьбы с религиозными предрассудками, произвольно закрывали церкви и молитвенные дома, изымали у религиозных обществ здания, предметы культа и т. д. При этом в Совет вносились предложения о снятии с регистрации этих религиозных обществ под предлогом того, что они сами прекратили свою деятельность, их «двадцатки» распались, а выборные исполнительные органы сложили свои полномочия. Факты, о которых сообщал Совет, имели место и в Советской Белоруссии.

Так, в Сморгони была незаконно закрыта церковь, Гродненский облисполком поставил вопрос перед Советом о снятии ее с регистрации, мотивируя тем, что религиозное общество будто бы распалось. Уполномоченный Совета по Гродненской области А. Гашников это необоснованное предложение поддержал. Такие незаконные действия вызвали массовое недовольство верующих. В Совет и другие центральные органы поступило более 200 коллективных и индивидуальных жалоб [17, с. 21].

Год спустя после критики работы уполномоченного по Брестской области Г. В. Ковалев в своем докладе от 9 марта 1965 года информировал Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, ЦК КПСС БССР и Совет Министров БССР о положении церкви в республике за 1964 год.

Из статистики, приведенной республиканским уполномоченным в своем отчете за 1960—1964 годы, можно сделать вывод о том, как повлияло выполнение постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» на количество церквей и духовенства в республике.

По сведениям В. Г. Ковалева, за период с 1 января 1960 года по 1 января 1965 года «церковная сеть» в республике сократилась на 55,7 %, духовенства на 40,0 %, в том числе по областям (таблицы 1, 2).

Т а б л и ц а 1. — Сокращение количества церквей в установленный период по областям

Область	Количество (%)
Минская	С 211 до 53 (75,0)
Витебская	С 81 до 52 (35,8)
Гродненская	Со 197 до 83 (58,0)
Гомельская	С 69 до 48 (30,4)
Могилевская	С 55 до 23 (58,2)
Брестская	С 334 до 161 (51,0)
Общее количество	С 947 до 420 (55,7)

Т а б л и ц а 2. — Сокращение представителей духовенства в установленный период по областям

Область	Количество (%)
Минская	Со 156 до 57 (63,5)
Витебская	С 82 до 53 (35,3)
Гомельская	С 73 до 44 (39,7)
Могилевская	С 65 до 32 (50,7)
Гродненская	Со 128 до 85 (33,6)
Брестская	С 213 до 160 (25,0)
Общее количество	С 717 до 431 (40,0)

За этот период также были закрыты Гродненский и Полоцкий женские монастыри. В 1964 году прекратила свою деятельность Минская духовная семинария.

По заключению республиканского уполномоченного, все эти данные являются ярким свидетельством того, что по мере усиления атеистического воспитания населения, совершенствования форм и методов контроля за выполнением законодательства о культурах неизбежно ослабело влияние духовенства на население и умножился отход верующих от церкви [18, с. 1].

Однако, учитывая данные Г. В. Ковалева по активности духовенства и религиозной обрядности в Брестской области, которая выражалась в том, что несмотря на контроль над совершением обрядов, рожденные младенцы области в 1964 году (61,0 %) были крещены, можно прийти к заключению, что не во всех областях республики произошло ослабление влияния духовенства на население и умножение отхода верующих от церкви.

Заключение. Результатом выполнения уполномоченными постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года стал контроль над процессом формирования церковных советов в целях ограничения деятельности духовенства и снижения влияния церкви на население.

Уполномоченными были усовершенствованы формы и методы контроля за выполнением законодательства о культурах и ограничения деятельности духовенства в целях ослабления их влияния на детей и молодежь.

После передачи управления финансовой деятельности приходов сформированным церковным советам произошло ослабление материальной базы церквей и сокращение их числа во всех областях республики.

Также были выявлены факты грубого нарушения закона со стороны отдельных местных советских органов по отношению к духовенству и наличие учета религиозных обрядов, который сдерживал молодежь от совершения этих обрядов.

В свою очередь, областными уполномоченными были зафиксированы случаи, когда представители местных органов власти незаконно закрывали церковь или отменяли церковную службу.

Вследствие исполнения уполномоченными постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» участились факты лишения священнослужителей регистрации за совершение религиозных треб на дому у верующих.

Проанализировав действия уполномоченных Совета по БССР за 1961—1965 годы, можно сделать вывод, что в результате исполнения ими постановления Совета Министров от 16 марта 1961 года православная церковь в БССР понесла значительные потери, особенно это касалось количества храмов и священнослужителей. За период с 1960 по 1965 год в республике сократилось количество церквей на 55,7 %, духовенства — на 40,0 %.

Список цитируемых источников

1. Чумаченко, Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР, 1943—1965 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Т. А. Чумаченко. — М., 2011. — 535 л.
2. Чумаченко, Т. А. Государство, православная церковь, верующие, 1941—1961 гг. / Т. А. Чумаченко. — М. : Ассоц. исслед. рос. о-ва XX в., 1999. — 241 с.
3. Шин, Д. Х. Деятельность совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования, 1943—1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Х. Шин. — М., 2002. — 229 л.
4. Онищенко, А. Б. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования [Электронный ресурс] / А. Б. Онищенко. — Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1415465>. — Дата доступа: 07.02.2020.
5. Гераськин, Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР / Ю. В. Гераськин // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2008. — № 4-4. — С. 45—51.
6. Нихамкина, Н. В. Институт уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Белорусской ССР / Н. В. Нихамкина // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справядству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. — 2004. — Вып. 5. — С. 213—217.
7. Василицин, А. Г. Становление и деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944—1948 гг. / А. Г. Василицин // Изв. Гом. гос. ун-та им. Ф. Скорины. — 2014. — № 4 (85). — С. 17—21.
8. Кулажанка, У. К. Дакументы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі, 1944—1965 гг. / У. Г. Кулажанка // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справядству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. — 2009. — Вып. 10. — С. 31—44.
9. Мандрик, С. В. Характеристика деятельности государственных органов БССР по осуществлению политики в отношении Русской православной церкви (1944—1957 гг.) / С. В. Мандрик, А. О. Горанский // Христианство в Беларуси: история и современность : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. — Минск, 2014. — С. 196—202.
10. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах) / М. В. Шкаровский. — М. : Крутиц. Патриаршее Подворье, О-во любителей церков. истории, 2000. — 423 с.
11. Мандрик, С. В. Приходская реформа 1961 г. и ее последствия для церковной жизни в БССР Беларусь: государство, религия, общество / С. В. Мандрик // [редкол.: прот. В. Антоник и др.]. — Минск : Беларус. наука, 2008. — С. 123—127.
12. Русская Православная Церковь. XX век / А. Л. Беглов [и др.] ; под общ. ред. Т. Шевкунова. — М. : Срет. монастырь, 2008. — 792 с.
13. Николаева, Л. А. Антирелигиозная деятельность местных органов власти в Витебске в 1950—60-е гг. (на примере Витебской Благовещенской церкви) / Л. А. Николаева // Актуальные проблемы современного гуманитарного познания : материалы Междунар. науч. конф. Витебск, 29—30 окт. 2009 г. / Витеб. гос. ун-т. им. П. М. Машерова. — Витебск, 2009. — С. 151—154.
14. Елсуков, А. В. Приходские организации РПЦ в 1945—1964 гг.: религиозная и гражданская деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Елсуков. — Иваново, 2012. — 23 с.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. Оп. 3. Д. 51.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. Оп. 3. Д. 58.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. Оп. 4. Д. 34.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. Оп. 4. Д. 43.

Поступила в редакцию 27.07.2020

УДК 394.26(476)

Н. А. Стурейко

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь,
+375 (29) 284 47 25, stureiko.n@mail.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Праздник с самых древних времен был важнейшим компонентом культуры. Он всегда являлся весомым явлением как для всех людей, так и каждого отдельного человека. Праздник, как общественный вид деятельности, в любое время являлся выражением глубинных изменений, которые происходили в ценностных ориентирах народа. Уменьшение необходимости в празднике, потеря влечения к нему показывают на то, что отражаемые в празднике ценности постепенно утрачивают свою значимость. В то же время организация нового праздника или возрождение опыта празднования ранее отмечавшегося какого-то явления полагают изменение ценностных приоритетов людей в государстве. В данной работе показывается, как проходило становление государственных и общественных праздников в Республике Беларусь в первые годы после обретения независимости, а также роль государственных праздников в формировании гражданского общества в Республике Беларусь.

Ключевые слова: праздник; десовьетизация; программа; закон; гражданское общество; государственный праздник; период; тенденция.

Библиогр.: 20 назв.

N. A. Stureiko

Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheshko St.,
230023 Hrodna, Republic of Belarus, +375 (29) 284 47 25, stureiko.n@mail.ru

THE ROLE OF PUBLIC HOLIDAYS IN THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Since ancient times a holiday has been an important component of culture. It has always been a significant phenomenon both for all people and for each individual person. A holiday as a public activity at any time was an expression of profound changes that took place in the values of the people. A decrease in the need for a holiday, a loss of attraction to it show that the values reflected in a holiday are gradually losing their significance. At the same time the organization of a new holiday or the revival of the experience of celebrating a previously noted phenomenon is believed to change the value priorities of people in the state. This work shows how the formation of state and public holidays in the Republic of Belarus took place in the first years after gaining independence as well as the role of public holidays in the formation of civil society in the Republic of Belarus.

Key words: holiday; de-Sovietization; program; law; civil society; public holiday; period; trend.

Ref.: 20 titles.

Введение. Внимание к рассмотрению феномена праздника достаточно актуально, так как праздники служат важной составляющей социокультурной действительности в наше время. Сейчас праздник понимается и применяется как коммуникационный способ, как прием упрочнения разных обществ и средство передачи разнообразных общественных и деловых мыслей. Эстетические приемы по созданию праздника в наши дни применяются как сознательный инструмент влияния на человека в целях его приобщения к мыслям и ценностям различных корпораций или сообществ. В XXI веке формирование имиджа праздника превращается в отрасль профессиональной работы. Начинают появляться эксперты, так называемые event-менеджеры и event-агентства, которые могут предложить обширный набор различных «праздничных» услуг (англ. event событие, мероприятие).

В то же время, на наш взгляд, праздники тесно связаны с формированием гражданского общества в любом государстве. Поэтому, если мы принимаем определение гражданского общества как общества с развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, как союз индивидов, обладающих развитой, целостной, активной личностью, высокими человеческими качествами, то непременно

приходим к пониманию, что культура и гражданское общество — две великие ценности человечества, самостоятельные и тесно взаимосвязанные. Также мы отмечаем, что развивающаяся сегодня современная медиакultura как совокупность книжной (печатной) и экранной культур, а также культур визуальной и аудиовизуальной — это культура массовая, тиражирования, повседневная. Важной положительной чертой современной медиакультуры, наряду с вовлечением в культурную сферу широких масс, является ее плюрализм, многообразие и взаимодействие разных культур на этническом, национальном и художественном уровнях, складывающиеся в условиях единого информационного пространства. А государственный праздник — это яркое культурологическое действо, позволяющее сочетать все многообразие воздействия на народные массы при минимальном законодательном давлении на них.

Исходя из вышесказанного, автор считает, что изучение такого явления, как государственные праздники, позволит выделить их влияние на формирование гражданского общества.

Наша цель состоит в рассмотрении понятия государственных праздников, а также в исследовании влияния государственных праздников на формирование гражданского общества. Кажется парадоксом, что государственная деятельность способствует формированию свободного от государственного контроля общественного пространства. Тем не менее попробуем разобраться в данном феномене.

Методология и методы исследования. Существует ряд подходов и отдельных исследований, посвященных праздничной тематике в отечественной и зарубежной этнографии, социологии и культурологии. В современной культурологии много внимания празднику уделяется в работах Л. Абрамяна, Г. Шагояна [1], С. Аверинцева [2], Д. Лихачева [3] и др. Проблему праздника тем или иным образом исследовали этнографы и философы Ж. Батай [4], К. Леви-Стросс [5], М. Мосс [6], В. Тернер [7], Й. Хейзинга [8] и др. Рассмотрение социально-философских элементов праздника показано в трудах А. Гуревича [9], М. Кагана [10], Н. Юдина [11].

С помощью знакомства с соответствующими работами получен существенный опыт для понимания такого явления, как праздник. Так или иначе, знания, которыми мы владеем, о данном феномене, продолжают оставаться очаговыми. Зачастую интерес у исследователей вызывают локальные моменты праздника: его ритуальность, мифологическая или карнавальная составляющая.

Очевидно, что государственный праздник является производным от общего понятия «праздник». Как отмечал А. Мазаев, «праздник существует во всех общностях и культурах, начиная с глубокой древности» [12, с. 9]. Не удивительно, что данный феномен имеет множество определений. Как пример, в современном словаре С. Ожегова и Н. Шведовой указывается пять толкований праздника [13, с. 578], а в издании начала XX века под редакцией Д. Ушакова — семь [14, с. 699]. Отличительная черта государственных праздников от других значимых дат состоит в том, что у них есть особое положение — официально устанавливаемые дни праздников, признаваемые правительством и которые имеют статус выходного.

Изучая проблему влияния государственных праздников на формирование гражданского общества, автор ознакомился со многими произведениями российских и белорусских исследователей. В данной формулировке отсутствуют как монографические, так и другие труды, в том числе и фрагментарные упоминания. Следует упомянуть белорусских исследователей становления гражданского общества, таких как Г. Пашковского, С. Паречину [15]. Внимание к возможному достижению консенсуса между противостоящими группами организаций гражданского общества с последующим созданием общенациональной платформы поднимаются в работе Л. Пашкевич [16]. Также автор пользовался материалами электронного ресурса о гражданском обществе в Беларуси [17]. Автор считает, что не стоит приводить большое количество отечественной литературы, в которой только косвенно упомянуты исследуемые вопросы.

Автор поставил в исследовании следующие вопросы: рассмотреть понятие государственных праздников в период независимой Беларуси, их возникновение и развитие; проследить связь государственных праздников с феноменом формирования гражданского общества в Республике Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение. Праздники всегда играли значимую общественную роль в судьбе жителей Беларуси. Главным образом они помогали в объединении людей, которые жили в одной деревне или городе. Праздник, в котором принимали участие все близкие или дальние родственники, помогал в укреплении родственных связей, увеличению родственной взаимопомощи. Праздник преследовал определенный образовательный смысл. Общение во время праздника помогало узнавать различные новости, делиться впечатлениями, получать информацию о странах и народах, ко-

торые находятся далеко от нас. Праздник мог дать отдых в тяжелой работе крестьянина или ремесленника. Он помогал отвлекаться людям от каждодневных забот, семейных трудностей, жизненных проблем.

Праздник публичен и демонстративен, потому что он репрезентирует общественно значимую идею или утверждает новый общественный статус. Он создает и сохраняет ощущение единения. Принимать участие в нем — значит стать элементом целого, обрести свою идентичность. Способствует этому и церемониал праздника, в котором фраза, песня, перемещения, освещение и краски, которые художественно воплощают замысел, формируют особенную обстановку. Таким образом, праздник может создавать пространство мифа.

Также праздник может затрагивать эмоциональную область у людей. События праздника ориентированы на развитие, а также эмоциональную напряженность человека. Во время праздника все его участники должны пережить ясные, четкие, положительные эмоции, которые дают возможность почувствовать ощущение «очищения» души. В этом смысле эстетика и логика развития праздника приближается к очищающему влиянию искусства.

Государственные праздники, транслирующие господствующую государственную идеологию, всегда играли важнейшую роль на протяжении всей истории. Они представляют собой важный инструмент символической политики, необходимый при репрезентации и легитимации политического режима, задача которых состоит в выстраивании темпоральной связи между прошлым и будущим с целью того, чтобы иметь дело с настоящим.

Так что же такое государственный праздник в Республике Беларусь? Это тот праздник, который установлен в Республике Беларусь по случаю события, которое имело важную историческую или социально-политическую значимость для Республики Беларусь, оказавшее значительную роль на прогресс государства и народа.

Постановление о государственных праздниках и праздничных днях, присвоение данному мероприятию статуса государственного праздника решается Главой государства Республики Беларусь. Постановление принимается в общем режиме, который установлен для актов Президента Республики Беларусь. Параллельно с разработкой постановления идет аргументация в обществе о важности его принятия. В то же время явление, которому предлагают придать статус государственного праздника или выходного дня, должно соответствовать специальным требованиям.

Во время проведения государственных праздников, согласно закону, поднимают Государственный флаг Республики Беларусь. Организация в честь государственных праздников формальных праздничных акций, армейских парадов, красочных салютов происходит согласно законодательству. По просьбе различных государственных организаций, межрелигиозных объединений и людей, опираясь на законодательство, могут проходить мероприятия публичного характера. Вот эта сторона государственных праздников очень важна для формирования платформ гражданского общества.

В истории независимости Беларуси можно отметить два периода, в которые решительно принимались новшества и поправки в календаре праздничных дат.

Первый период: 1991—1994 годы. Начальный период после объявления независимости. Новый календарь праздников устанавливался Законом Республики Беларусь от 19 декабря 1991 года № 1317-ХП (далее — закон). Закон устанавливал лишь выходные дни и не касался общенациональных праздников, которые не являлись выходными. Однако в решении о принятии закона в действие указывалось, что Президиуму Верховного Совета полагается составить список данных дней. Отмечались следующие праздничные дни: 1 января — Новый год, 7 января — православное Рождество, 8 марта — Международный женский день, по календарю православной и католической конфессий Пасха — день первый и день второй, Радуница, 1 мая — Праздник труда, 9 мая — День Победы, 27 июля — День Независимости, 2 ноября — День памяти, 25 декабря — Рождение Христово (у католиков).

Опираясь на это, можно говорить о целях государственных органов в указанный период и обратить внимание на определенные тенденции.

1. Десоветизация: из праздничного календаря было убрано большое количество советских праздников, а те, которые остались, были переименованы. Тем самым в обновленном календаре уже независимой Беларуси оставались такие праздники «советского времени»: Международный женский день (8 марта), День труда (1 мая), День Победы (9 мая), а также Новый год (1 января). Невзирая на то, что Новый год не имел явно выраженную идеологическую окраску, традиции его формирования и ритуальная составляющая были, в сущности, советскими [18]. Строго говоря, Новый год всегда не был абсолютно государственным праздником, скорее, это был праздник на стыке государственной и гражданской платформ общества.

2. Христианизация: заявление о христианских ценностях как основных и отчасти возвращение церковной сети праздников — Рождество, Пасха у католиков и православных, Радуница, День памяти. Помимо того, закон препятствовал переносу рабочих дней на седьмой день недели (воскресенье), именуя его «праздничным днем», что не могло быть не связанным с христианскими традициями: «Седьмой день недели — воскресенье — так как это праздничный день, Правительство Республики Беларусь не может использовать его для замены рабочего дня». В указе о принятии данного закона о праздниках имеется пункт, который предусматривает увеличение перечня религиозных дат основными праздниками верующих из иных конфессий.

3. Интересно то, что в законе нет раздела праздников на государственные и религиозные, т. е. религиозные праздники выделяются как существенные в восприятии и государства и политики, и гражданского общества, это особенно важно для людей, входивших в негосударственные религиозные сообщества.

4. Мероприятия по белорусизации: возникновение праздников, которые не только убирали излишнюю русификацию и советизацию, но и работали на возникновение нового уровня «белорускости», — это те даты, которые были связаны с историей возникновения Беларуси: 27 июля — день заключения Декларации о независимости; День в память жертв сталинского времени и политических репрессий (Дзяды) — данный день празднуется как один из важнейших моментов белорусского национально-культурного подъема.

Когда мы видим увеличение праздников, напрямую не связанных с государственностью, можно сделать вывод, что изменения, произошедшие в государственной концепции праздников, в значительной степени повлияли на снижение государственного давления на общество и сыграли, несомненно, положительную роль в дальнейшем формировании гражданского общества в Беларуси.

Немного известно, как изменялся список праздников в период 1992—1993 годов, так как в архивах законодательных актов за данный период времени не удалось отыскать как новый вариант закона, так и распоряжений о внедрении различных поправок к закону о праздниках.

Вторым периодом интенсивных правок праздничного календаря можно выделить 1994—1998 годы. В этот период можно увидеть новую динамику в расширении праздничной культуры у жителей государства, формирование нового идеологического курса, в котором двигалось государство. Важным тут можно назвать 1998 год, так как в данном году был опубликован Указ Главы государства, в котором были прописаны главные даты и основные тенденции в праздничном календаре, которым мы пользуемся и в настоящее время [18]. Главные действия по изменению календаря относились к 1995 и 1996 годам.

Какие тенденции мы можем отметить?

1. Почти вся календарная сетка государственных праздников изменилась. Основным побудительным к этому событием становится победа в Великой Отечественной войне и героический подвиг советского народа. В данном событийном наборе находятся два государственных праздника — День Победы и День Независимости, а также дата памяти 22 июня — День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны. Появление Дня памяти 22 июня можно толковать в двух контекстах: первый — это идейный ответ на получивший оппозиционную окраску День памяти жертв Чернобыльской АЭС (26 апреля), который вошел в новый календарь скорее потому, что его нельзя было проигнорировать, но по своей семантике он передавал определенно негативное отношение к периоду СССР, делал упор на проблемных для правительства вопросах заброшенных территорий чернобыльской зоны. Эта дата была малоперспективна для идеологии нового правительства, нужно было найти в истории иную трагическую дату и повод, соразмерные масштабам страны, чтобы праздники консолидировали общество, усиливая его гражданскую составляющую. И ими стали День Победы и День Независимости. Тем более празднование этих дат нашло отклик у белорусов, так как участников, ветеранов Великой Отечественной войны, уважали и чествовали в обществе. Создавались такие общественные организации, как советы ветеранов, ассоциации инвалидов Великой Отечественной войны, которые расширяли составляющую гражданского общества в стране.

Изучение того, как проводятся официальные праздники майско-июньского цикла, подчеркивает, что такие праздники, как День Государственного герба и флага и День молодежи, который в Беларуси отмечается по советской традиции в последнее воскресенье июня (Указ Президента Республики Беларусь от 23 июня 1995 года № 229 «Об установлении Дня молодежи» [18]), также связаны с кульминационным событием — Днем Независимости Республики Беларусь. В то же время эти праздники связаны между собой именно государственной составляющей.

2. Ресоветизация: восстанавливается сетка основных идеологических советских праздников и переосмысливаются их место и роль в истории развития страны. Так, для 7 ноября (День Октябрьской революции) создается идея обретения Беларусью статуса государства и возможностей развития страны: «С помощью Октябрьской революции люди в Беларуси обрели свою государственность, обрели экономические и интеллектуальные способности, сохранили и обогатили национальную культуру» — данная цитата была дана в официальном пресс-релизе в честь праздника в 2011 году [19]. 23 февраля помимо того, что сохраняет гендерное равновесие с праздником 8 марта, также сохраняет военное сознание, которое продолжалось десятилетиями в СССР с его образами «военной мощи государства», «страны, которая нуждается в безопасности», наличие защиты для мирного населения. Гендерная составляющая 23 февраля и 8 марта позволяла также отойти от контроля государства, создавая свои традиции празднования в каждом коллективе трудящихся, в семье.

3. «БССРизация»: большинство праздников (кроме Дня Конституции), установленных в начальные годы суверенитета, которые выступали символами белорусской государственности, вытесняются новыми, в которых важным отсчетом событий становится период БССР. Праздники, которые было решено оставить в праздничном календаре, утрачивали свою политическую функцию, как, например, День памяти (Дзяды) устанавливается постановлением Президента Республики Беларусь исключительно как «религиозный» [20].

В перечень обновленных событий, которые формировали картину белорусской государственности, вошли:

– День белорусского герба и флага: в результате всенародного референдума, который проводился в 1995 году, в государстве появились новые герб и флаг — знаки государственной власти, образцами для которых в значительной степени стали герб и флаг БССР (с некоторыми изменениями). Немного позже гимном независимой Беларуси стал принятый несколько измененный гимн БССР;

– День Независимости: в результате референдума 1996 года День Независимости с 27 июля — дня принятия Декларации о суверенитете Беларуси — был перенесен на 3 июля — в этот день произошло освобождение Минска от гитлеровских захватчиков. Эта дата с её обоснованием и мифологией полнее соответствовала системе идеологических праздников советского типа: она увеличивала исторический контекст и определяла значимым событием для независимости страны освобождение Минска, по сути — победу советского народа в Великой Отечественной войне.

4. Становится актуальной риторика интернационализма. В данном контексте совершенно эффективно появление такого праздника, как День единения народов Беларуси и России, который отмечают 2 апреля. Невзирая на новизну данной даты, смысл праздника восходит к образу «союза нерушимого республик свободных», хотя и в сокращенном до двух «республик» варианте. Этот праздник работал на восстановление советской модели интернационализации культуры. В комплексе с этим праздником необходимо рассматривать и большое количество различных фестивалей национальных культур, которые проводятся в нашем государстве (как на городском, так и на государственном уровне), что является хорошей иллюстрацией к роли праздников в формировании гражданского общества.

5. Христианские праздники выводятся в отдельную группу (что как бы уравнивает их с другими видами праздников). Для христианских праздников в новом календаре отведена категория «религиозные» и статус «праздничный день». Это означает, что новый календарь обозначает эти праздники институционально, задавая рамочными условиями их существования государственную политику в религиозной сфере, в отличие от календаря 1991 года, который задавал христианские праздники как нравственный аспект, почти как рамочное условие (как пример, определение воскресенья выходным днем, на который государство не может посягать). Эта тенденция позволила более свободно развиваться гражданским религиозным инициативам, обществам.

Заключение. Факторы и аспекты взаимодействия государственных праздников и гражданских обществ, советов и ассоциаций позволяют выделить вполне определенные возможности государственных праздников в формировании гражданского общества в Беларуси. Это, прежде всего, формирование культурных традиций, обрядов, которые возникают в правовых рамках праздника, заданных государством, но выходят за пределы жесткого государственного контроля.

Праздничный календарь, который устанавливался в 1994—1998 годах в нашем государстве, был введен в условиях, когда в культуре уже присутствовали налаженные механизмы передачи советского ритуала, советских стандартов в организации и проведении праздника. Попытка начать процессы бе-

лорусизации и христианизации, которая была предпринята в 1991—1994 годах, стала неудачной, возможно, потому что не дополнялась совокупностью всех требуемых мер по деконструкции советского праздничного календаря, раскрытию инструментов устойчивости советской праздничной культуры. Да и у жителей решение резко изменить культурно-менталитетные традиции не вызывало поддержки.

Отметим также, что реструктуризация в значительной степени советского праздничного календаря также сыграла положительную роль в формировании гражданского общества. После распада СССР в обществе наблюдались растерянность, исчезновение многих привычных ценностей, поэтому сохранение некоторых привычных праздничных действий положительно влияло на общество в целом.

Изучение такого, казалось бы, нетрадиционного подхода к роли государственных праздников в формировании гражданского общества, на наш взгляд, крайне актуально, так как это формирование — небыстрый процесс после долгого периода тотального государственного контроля и практически отсутствующего гражданского общества в СССР. Помимо важных правовых и экономических аспектов становления гражданского общества есть очень важный культурологический аспект, который необходимо всесторонне изучать.

Список цитируемых источников

1. *Абрамян, Л. А.* Динамика праздника: структура, антиструктура, гиперструктура / Л. А. Абрамян, Г. А. Шагоян // *Этнограф. обозрение.* — 2002. — № 2. — С. 37—47.
2. *Аверинцев, С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 480 с.
3. *Лихачев, Д. С.* Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев // *Избранные работы*: в 3 т. — 1987. — Т. 2. — С. 343—418.
4. *Батай, Ж.* Запрет и трансгрессия [Электронный ресурс] / Ж. Батай // *Электронная библиотека.* — Режим доступа: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm>. — Дата доступа: 15.06.2020.
5. *Леви-Стросс, К.* Мифологии: в 3 т. / К. Леви-Стросс. — СПб.: Университет. кн., 2000. — 461 с.
6. *Мосс, М.* Общества. Обмен. Личность: тр. по соц. антропологии / М. Мосс. — М.: Наука: Глав. ред. вост. лит., 1996. — 369 с.
7. *Тернер, В.* Символ и ритуал / В. Тернер. — М.: Наука, 1983. — 277 с.
8. *Хейзинга, Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. — М.: Прогресс, 1992. — 462 с.
9. *Гуревич, А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1981. — 358 с.
10. *Каган, М. С.* Философская теория ценности / М. С. Каган. — СПб.: Петрополис, 1997. — 205 с.
11. *Юдин, Н. Л.* Социальный смысл праздника / Н. Л. Юдин. — М.: Независимый ин-т гражд. о-ва, 2006. — 154 с.
12. *Мазаев, А. И.* Праздник как социально-художественное явление / А. И. Мазаев. — М.: Наука, 1978. — 393 с.
13. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: А. Темп, 1997. — 1360 с.
14. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д. Н. Ушаков. — М., 1935. — 1056 с.
15. *Паречина, С. Г.* Гражданское общество в Республике Беларусь: становление и пути развития / С. Г. Паречина, Г. М. Пашковский // *Беларусь — Россия — Китай: к новой парадигме истории: сб. науч. тр.* — Минск: ИСПИ, 2003. — С. 174—195.
16. *Пашкевич, Л. Ф.* Роль молодежи и молодежных организаций в формировании гражданского общества в Беларуси / Л. Ф. Пашкевич // *Проблемы человека в современном социально-гуманитарном знании: материалы Междунар. науч.-практ. семинара.* — Витебск, 2010. — Ч. 1. — С. 94—96.
17. Проблемы развития Гражданского общества в Беларуси [Электронный ресурс] // Проект Центра Острогорского и Белорусского исследовательского совета. — Режим доступа: http://belaruspolicy.com/sites/default/files/articles/06.11.2018/2018_civil-society-belarus_ru.pdf. — Дата доступа: 23.06.2020.
18. О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 марта 1998 г., № 157 // *Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь.* — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P39800157>. — Дата доступа: 20.06.2020.
19. В Республике Беларусь сегодня отмечается праздник — День Октябрьской революции [Электронный ресурс] // Информационное агентство Беларуси «Белата». — Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Respublike-Belarus-segodnja-otmechaetsja-prazdnik---Den-Oktjabrskoj-revoljutsii_i_580969.html. — Дата доступа: 19.06.2020.
20. О введении в действие Закона Республики Беларусь «О праздничных днях в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 19 дек. 1991 г., № 1318-XII // *Законодательство Респ. Беларусь.* — Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz61/dcm61830.htm>. — Дата доступа: 22.06.2020.

УДК 327

Н. Kunpeng

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 4, Nezavisimosti Ave.,
220030 Minsk, Republic of Belarus, +375 (25) 503 47 39, hkp19851121@gmail.com

INSTITUTIONAL FRAMEWORK AND PLAN FOR CHINA'S ACTIVE PARTICIPATION IN THE ACTIVITIES OF THE WORLD HEALTH ORGANIZATION

There is an old saying in China: "Rule without rules is not perfect", so China's activities in the World Health Organization are carried out within a certain institutional framework, and China's fight against the spread of transnational infectious diseases follows the "International Health Regulations (2005)". The new virus has influted Wuhan these days, China's control of this infectious disease is within the institutional framework of the World Health Organization. China's activity plan at the World Health Organization is dynamically adjusted according to "cultural structure-national identity-national interests". This article will briefly analyze the institutional framework and plans for China's activities in the World Health Organization, and briefly analyze the causes of China's health diplomatic activities in the health field.

Key words: China; World Health Organization; institutional framework; plans.

Table. 1. Fig. 4. Ref.: 16 titles.

Х. Куньпэн

Белорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь, пр. Независимости, 4,
220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (25) 503 47 39, hkp19851121@gmail.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ И ПЛАН АКТИВНОГО УЧАСТИЯ КИТАЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В Китае существует старая поговорка: «управление без правил не является совершенным», поэтому деятельность Китая во Всемирной организации здравоохранения осуществляется в определенных институциональных рамках, а борьба Китая с распространением транснациональных инфекционных заболеваний следует «Международным санитарным правилам (2005)». Новый вирус поразил Ухань в эти дни, контроль Китая над этим инфекционным заболеванием находится в институциональных рамках Всемирной организации здравоохранения. План деятельности Китая во Всемирной организации здравоохранения динамично корректируется в соответствии с «культурными и структурно-национальными интересами, а также интересами национальной идентичности». В данной статье кратко проанализирована институциональная структура и планы деятельности Китая во Всемирной организации здравоохранения, а также причины дипломатической деятельности Китая в области здравоохранения.

Ключевые слова: Китай; Всемирная организация здравоохранения; институциональная структура; планы.

Табл. 1. Рис. 4. Библиогр.: 16 назв.

Introduction. In the 21st century, human science and technology and economy are developing rapidly. While human beings are pursuing rapid development of material civilization, they also have higher and higher health requirements. As the world's largest intergovernmental organization, the World Health Organization plays an important role. China is the largest developing country, with the rapid economic development, people's pursuit of health rights is increasing. With the introduction of the "Healthy China" strategy, China pays more attention to global health governance, and the institutional framework and plans for activities in the World Health Organization are particularly important.

Methodology and methods of research. This article uses historical analysis, case analysis and international mainstream constructivist theories to make a dialectical analysis of relevant historical events, and tries to show readers a clear context of China's health diplomacy activities.

Research results and their discussion. Institutional framework of China's activities in the World Health Organization. The choice of any policy issue and the formulation of policy documents are in a certain political environment, and the political environment is an important factor to promote or restrict policy formulation and implementation [1].

In recent years, more and more attention has been paid to issues in the areas of health and development, and more and more attention has been paid to solving them, and a consensus is emerging that developing countries and their partners should seek new ways to work together to achieve common goals. However, despite growing concerns about the impact of poor health and poverty on global security, as well as the extreme unfairness of the world, efforts to date have not been enough to address the shortage of health resources. Achieving health goals requires abandoning traditional approaches to address the fundamental factors that limit national potential and preventing countries from breaking the vicious cycle of poverty and disease.

Based on the experience of countries, three main phases have been identified, which constitute a consistent approach to achieving the main goals.

Phase 1 includes an initial familiarization with the Ministry of Health report at the national level, taking into account the realities of the country, and analyzing its relevance and applicability. At this stage, an intersectoral mechanism was formed (or a decision was made to use an existing mechanism) aimed at increasing the quantity and efficiency of healthcare investments to reduce poverty and stimulate economic development, especially through more effective outreach and accumulation of evidence.

In Phase 2, based on an analysis of the situation and cost estimates, countries developed a long-term plan for investing in health care. Part of this phase is to maintain intersectoral preparation and determine a strategy for implementing the plan.

Phase 3 includes the implementation of the measures specified in the investment plan, including closing the funding gap through additional internal and donor resources, and the implementation of the monitoring and evaluation process.

Health system, financing, resources are three important factors in the health care system, as shown in the figure 1.

WHO promotes the country's access to technical and financial support and assists a wide range of stakeholders in the macroeconomic and health process.

A workshop on costing tools was held in January 2004 under the auspices of WHO and the Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria. Developers and potential users attended seminars, such as managers and planners of national disease control programs. During the seminar, there was general agreement on the need for costing tools for diseases and the urgent need for costing tools to strengthen health systems. The reform of the medical system in 2005 followed the Rio Declaration [3].

All of these tools provide intermediate cost estimates for three to ten years. The disease-oriented tool takes medicines and tests into consideration, and also allows you to calculate the impact on the healthcare system based on the number of visits to outpatient facilities and the number of days spent in the hospital. At the same time, these tools take into account the planned costs of specific diseases, such as surveillance and assessment implementation, supervision and training, storage, relocation of resources and transportation, outreach and strategic interaction.

Financial planning tools for healthcare systems include calculations related to human resources, infrastructure, management information systems, and other supporting management functions in the field. This tool can be used alone or in combination with a disease-specific assessment tool.

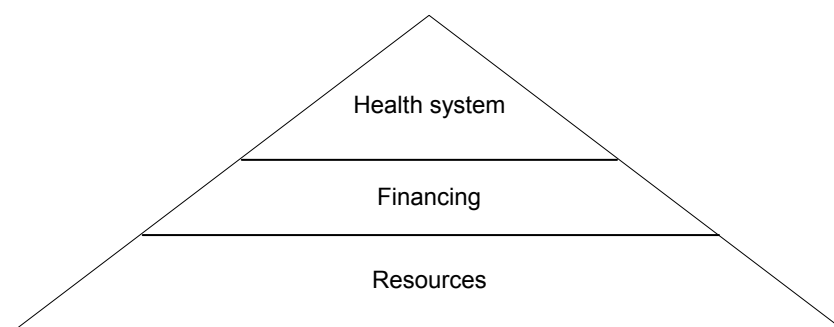

Figure 1. — The health care system

Note. Source: [2].

Existing knowledge gaps are the basis for forming research programmes under national mechanisms. Investment plans allow for prioritizing interventions and assessing the amount of funding required for their implementation.

However, without further improvements in other areas such as education, health and the environment, the country will not be able to optimize healthcare investment and achieve national goals in this area. Health planning must come not only from the Ministry of Health, but also from other departments that provide medical services or make decisions that affect health.

For example, in China, about 12 ministries and departments play a role in organizing health care.

At the same time, innovative research was carried out, such as a preliminary analysis of the actual impact of health on foreign direct investment and the profitability of the tourism industry, as well as exploring alternatives and fairer financing options for managing medical staff migration. The knowledge gained will influence national policies.

The focus of China's work in macroeconomics and health care is to provide evidence of the need to increase the role of the state in providing affordable and quality medical services to the people. In China, the National Macroeconomic and Health Commission has not yet been established, but in the past few years, much attention has been paid to studying the impact of health on economic growth and quantifying and documenting the difficulties encountered in eliminating inequality and poverty.

China has significant financial obstacles to accessing health care. Despite large-scale investments in health infrastructure and expanded medical coverage, in recent years, many people have been less likely to seek medical services for economic reasons. According to the 2013 China National Health System Survey (DHS), 70 % of those who refused to be hospitalized indicated that they had financial reasons.

After the financial reforms of 1980, the government's share in financing health care facilities declined significantly, and public funds are now barely able to pay for medical workers. The desire to make up for lost income leads to excess services and oversupply, and insufficient social services are provided. The introduction of medical fees has further reduced the need for preventive medicine. Poor enforcement of relevant government regulations has further led to changes in the behavior of Chinese medical service providers.

China's medical care has developed rapidly. By 2020, China plans to not only provide basic medical services on the basis of 100 % of the population, mainly based on budget financing, but also to introduce a multi-level medical insurance system. Foreigners arriving in China can rely on a higher level of medical services. Major Chinese cities in the country provide specialized Chinese clinics for foreigners.

Today, China is actively implementing the National Medical Tourism Development Plan. Chinese hospitals receive about 200,000 foreign patients each year. Chinese clinics offer Western treatments and world-famous methods of Chinese medicine. In Chinese clinics, unique therapies have been developed, successfully treating many complex cases and refractory diseases.

At present, China has formed several systems of coexistence of medicine-Chinese tradition, Western medicine tradition and integration of traditional Chinese and western medicine. In 1993, the comprehensive thought of traditional Chinese medicine received worldwide support. Modern doctors support the need for psychological repositioning of doctors and patients, with preventive medicine and recovery using natural means that increase the body's reserve capacity should be of paramount importance.

In addition, the "International Health Regulations (2005)" (IHR) is a legally binding international agreement reached by 196 countries, including all World Health Organization member states, to achieve global health. The institutional framework of the regulations aims to prevent, prevent and control the pandemic of international infectious diseases. In the preface of the old "International Health Regulations", the common interests of the international community were clearly defined as "guaranteeing maximum safety against international spread of disease and minimizing intervention against international communication" [4], which means curbing infectious diseases Dissemination and guarantee of international trade are two measures of national interest.

Before the formulation of the new International Health Regulations, the World Health Organization's method of collecting information on outbreaks of infectious diseases was a bottom-up vertical system that relied solely on the official information of sovereign states. A multi-headed complex of accumulated social interests [5], the governance model of the network rather than the hierarchy is more conducive to problem solving [6]. The reporting of disease outbreaks and the response to them are entirely in the domain of sovereign states. China resists the proposal to send a WHO investigation team to the country without the consent of

the sovereign state. In addition to the sovereignty issue, the Chinese government has actively promoted the implementation of IHR (2005). For example, in 2013 to ensure timely reporting of human cases of H7N9 bird flu; in 2014 to ensure that national Ebola preparedness plans are in place; and to ensure that 259 of 285 ports across the country are adopted. Standard requirements of the International Health Regulations [7]. After the SARS epidemic emerged, China established the world’s largest network of direct reporting of infectious diseases and public health emergencies. After the SARS epidemic, China established the world’s largest Infectious disease epidemic situation and public health emergency network direct reporting system, the epidemic information from the discovery to the National Center for Disease Control, the time was reduced from the original 5 days to 4 hours, the establishment of a powerful system to quickly collect epidemic information [8]. China has always been a supporter and implementer of the International Health Regulations (2005). Maintaining China’s sovereignty and independence is a prerequisite for China to abide by the framework of the World Health Regulations. The framework of China’s foreign aid management system is shown below (figure 2).

The Chinese have always had core ideologies such as “honouring people, emphasizing people, respecting integrity, advocating justice, advocating harmony, and seeking common ground”. China maintains and abides by the framework of international health regulations under the predecessor of principles, and promotes China to Changes in the health care system.

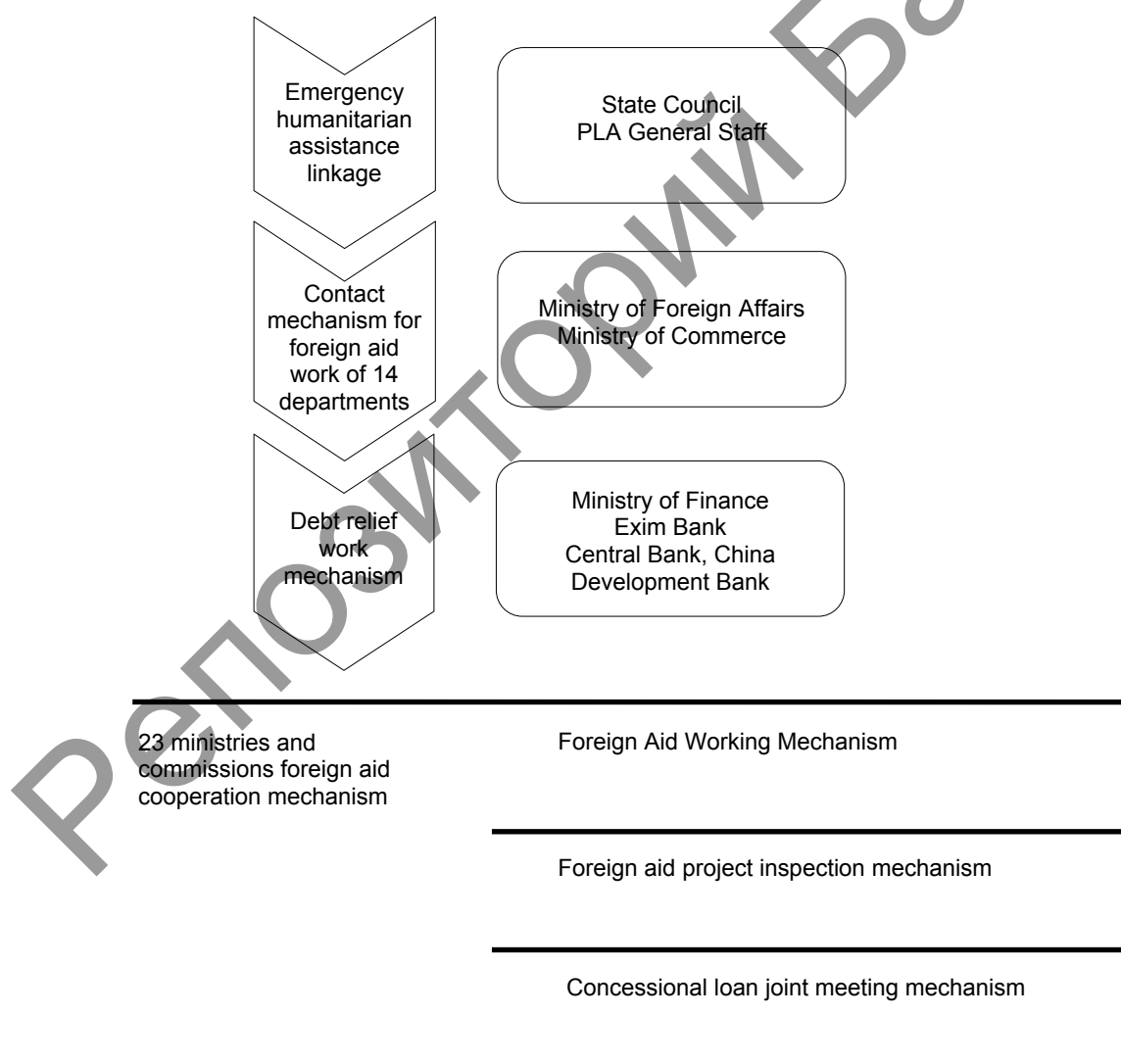

Figure 2. — The framework of China’s foreign aid management system

China's plan for World Health Organization activities. Mainstream constructivism (figure 3) believes that: cultural structure—national identity—national interests These three factors determine the state of activity.

Identity is derived from the Latin “Idem”, which means the same [10]. Identity has three basic functions in society: it will tell us who we are, tell others who we are, and tell ourselves who others are [11]. In his article “Anarchy is State-Made”, Winter states that identity is an “actually stable, understanding and expectation of a particular role” of an actor [12]. National identity is the role of the state relative to the international community, and it is the degree of identification of the state leading the international community. According to constructivist theory, the national activity plan is because this plan conforms to its identity and China is a responsible big country. Under this definition of status, China's participation in the World Health

Organization's plan meets this status. This unique identity plays a decisive role in the national interest, because “identity is the premise of interest, and identity defines interest”. Interests are the basic motivation of state behavior. China's participation in the World Health Organization's related plans is in China's interest, as shown in the figure below (core model of China's foreign policy)

China has created the world's largest electronic real-time epidemiological surveillance system, showing how to organize transparent and comprehensive instant dissemination of epidemiological information. Your scientists and epidemiologists have published their reports in the most prestigious medical journals in time, demonstrating China's world-class scientific potential.

The measures taken by the Chinese government in response to the vaccine scandal in Shandong province are equally rapid and effective. The scandal is huge: 2 million doses of the vaccine were administered to children and adults.

Health authorities have also taken steps to restore public confidence in vaccine safety and In China, the prevalence of obesity and overweight has more than doubled in the past few decades of the 20th century as decades of scarce nutrition have replaced abundance. Gaining weight across all categories of population is a warning sign that warns us of a major problem that is imminent. They don't happen immediately, but inevitably come in the form of a series of lifestyle-related chronic diseases, including heart disease, diabetes, and certain diet-related cancers.

The cost of treating these lifestyle-related diseases is staggering. There is no doubt that prevention is a more effective way to solve problems, but for at least two reasons, organizing prevention is a very difficult task.

First, chronic diseases have their roots outside the health sector. The health sector bears the burden of these diseases, but has little impact on risk factors. Second, the activities of influential economic actors, such as producers of tobacco, alcohol, food and soft drinks, have led to the globalization of unhealthy lifestyles.

Using the WHO Framework Convention on Tobacco Control as a legal tool, including the authority at the regional level, can enact legislation to significantly reduce tobacco consumption. We are convinced of this and we have a lot of evidence to prove it.

Tobacco control measures in Beijing are among the strictest in the world. In Shanghai, smoking has recently been banned in all airport buildings and train stations in the city. The Shanghai legislature is considering tougher measures to ban smoking in all public buildings.

If Beijing and Shanghai can do this, with the broad public support, every health care director in every province can do it.

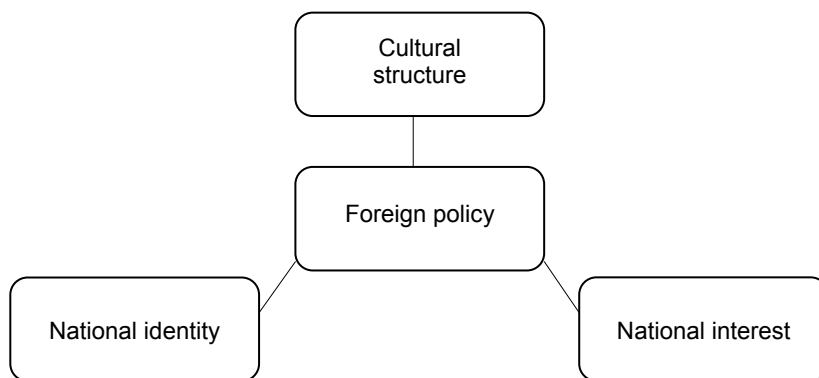

Figure 3. — Mainstream constructivism

Note. Source: [13].

Tobacco industry representatives are doing their best to undermine the adoption of these much-needed laws. Their goal is to weaken China’s national tobacco control legislation, which is currently under development.

In a world with many uncertainties, economic, trade and industrial considerations can address national and international challenges and lead public health issues.

Economic growth and increased wealth are almost always accompanied by increased demand for meat and dairy products.

Chinese research best illustrates the direct link between the use of antibiotics in food production and the detection of drug-resistant pathogens in food, animals, and humans.

With the development of the economy, taking the GDP of the world’s top ten economies in 2014 as an example, China’s GDP has reached 10,000,000,000,000 \$ [14]. After the reform and opening up, China’s economy has leapt to the second place in the world. The old Chinese saying is: “Who is the one who helps you”, and means, “When you help others, you will get more people to help you”. The English proverb has: “It is better to give than to receive”. Therefore, as the largest developing country, China has also increased its assistance to developing countries while developing its own economy. As of November 5, 2014, the Chinese government provided 750 million yuan in humanitarian aid in four rounds to cover 13 African countries and international and regional organizations such as the United Nations, WHO, and AU, as shown in the following table 1 [15].

So that to understand the people’s activities in the health region, we can see this Global Health Action Change Map (figure 4).

T a b l e 1. — The Chinese government provided in humanitarian aid in four rounds to cover 13 African countries and international and regional organizations such as the United Nations, WHO, and AU

Month	African Countries	Amount of Humanitarian Aid
April	Guinea, Liberia, Sierra Leone, Guinea-Bissau	4 million RMB worth of control materials
August	Liberia, Sierra Leone, Guinea	Emergency humanitarian assistance worth 30 million yuan
September	Endemic area countries and surrounding high-risk countries	200 million yuan worth of emergency cash, food and material assistance
	WHO	2 million dollar cash assistance
	AU	2 million dollar cash assistance
October	Liberia, Sierra Leone, Guinea	500 million yuan worth of urgently needed supplies and cash assistance
	Ebola Response MPTF	6 million dollar donation
	WHO	2 million dollar donation
	AU	2 million dollar donation

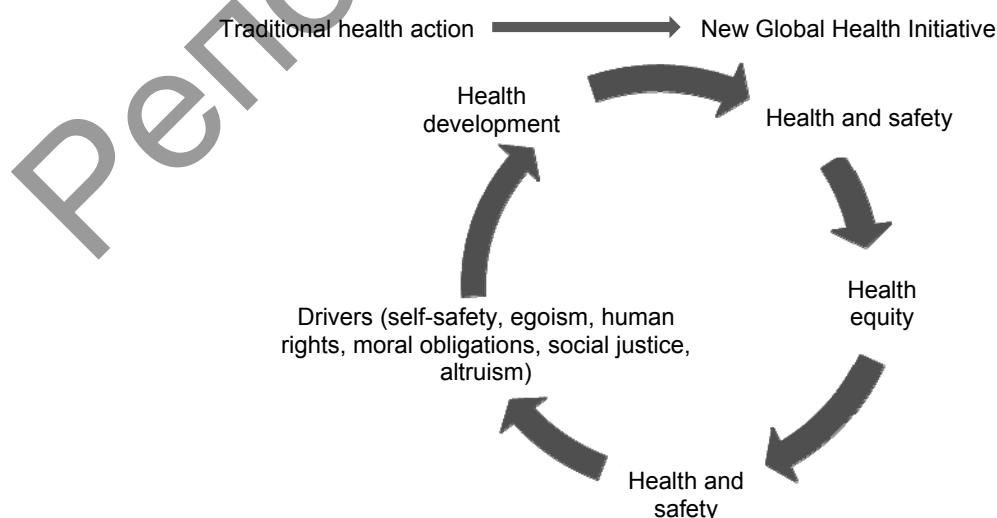

Figure 4. — Global Health Action Change Map

Note. Source: [16].

In summary, according to China's national conditions, while reforming its own medical development, China has increased its interaction with the World Health Organization, increased medical assistance to developing countries, and actively integrated itself into the global health governance system. Related activities have also indirectly enhanced China's soft power.

Conclusion. Through the brief statement in this article, I personally believe that China's institutional framework for activities in the World Health Organization follows the relevant principles of the World Health Regulations 2005 and is innovative in light of China's national conditions. China's activities in the World Health Organization also promoted China's integration into the general trend of global health governance has promoted the development of China's medical and health services. Under the guidance of the World Health Organization's institutional framework, China will formulate an effective health activity plan that will surely defeat the "emerging" Coronavirus effectively protects human health and builds a community of human destiny.

References

1. *Yin, X.* Who Is Affecting China's Policies / X. Yin // Chinese High-level Cholesterol Zhejiang People's Publishing House. — 2008. — P. 102—105.
2. Chinese Journal of Health Policy [Electronic resource]. — Mode of access: <https://max.book118.com/html/2014/0314/6582189.shtm>. — Date of access: 09.09.2020.
3. Rio's Political Declaration on Social Determinants of Health [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.who.int/sdhconference/declaration/en/>. — Date of access: 09.09.2020.
4. WHO, International Health Regulations, Geneva (1983) [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.who.int/ihr/revisionprocess/revision/en/>. — Date of access: 09.09.2020.
5. *Changhe, S.* Liberalism and World Politics-Enlightenment of Liberal International Relations Theory / S. Changhe // World Economy and Politics. — 2004. — P. 15—16.
6. *Margaret, E.* Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics / E. Margaret // Beijing: Peking University Press. — 2005. — P. 2.
7. China — WHO National Cooperation Strategy (2016—2020) [Electronic resource]. — Mode of access: <https://iris.wpro.who.int/handle/10665.1/13117>. — Date of access: 11.02.2020.
8. China has established the world's largest online direct reporting system for infectious diseases, Chinese government portal [Electronic resource]. — Model of access: http://www.gov.cn/jrzq/2013-08/28/content_2475885.htm. — Date of access: 20.09.2020.
9. *Jiajun, C.* Tackling the Transformation of Ebola and China's Medical Assistance Model / C. Jiajun // Journal of International Relations. — 2015. — P. 81.
10. *Feng, M.* Postmodern Identity Politics / M. Feng // Taipei, Yangzhi Culture Enterprise Co., Ltd. — 2001. — P. 15.
11. *Xiaodong, C.* On Constructivism's Recognition of Security Prospects in East Asia / C. Xiaodong // International Watch. — 2000. — P. 30.
12. *Alexander, W.* Anarchy is What States Make of It / W. Alexander // The Social Construction of Power Politics, International Organization. — 1992. — P. 397.
13. *Yaqing, Q.* National Identity, Strategic Culture and Security Interests: Three Assumptions on the Relationship between China and the International Society / Q. Yangqing // World Economy and Politics. — 2003. — P. 10.
14. WorldBank (2016) [Electronic resource]. — Mode of access: <http://data.worldbank.org/cn/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default>. — Date of access: 11.05.2016.
15. *Jiajun, C.* Coping with the Transformation of Ebola and China's Medical Assistance Model / C. Jiajun // International Relations Research. — 2015. — P. 74.
16. Global Health Action Change Map [Electronic resource]. — Mode of access: <https://max.book118.com/html/2017/1209/143457442.shtm>. — Date of access: 09.09.2020.

Received by the editorial staff 28.09.2020

УДК 334.7

В. А. Безуглая¹, Е. А. Костюкевич²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Парковая, 62, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (33) 316 00 07 bezygla@rambler.ru, ²+375 (29) 829 62 01 kost.elena80@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ 3.0: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Современное образование — ключевой фактор устойчивого развития экономики в XXI веке. Профессиональные, мобильные и конкурентоспособные выпускники — основа удовлетворения рынка труда всех секторов экономики страны. В данном контексте приоритетным становится позиционирование учреждения образования как корпоративного субъекта экономики знаний, что предполагает разработку и внедрение компетентностной модели образования 3.0 на всех этапах обучения будущих специалистов. Целью настоящего исследования является выделение приоритетов современной модели образования. Сравнительный анализ мирового опыта становления и развития системы образования позволяет выявить взаимосвязи практико-ориентированной системы образования и уровня развития экономики стран мира.

Ключевые слова: образование; компетентностная модель; практикоориентированность; образование 3.0; мировой опыт; экономическое развитие.

Рис. 3. Библиогр.: 9 назв.

V. A. Bezuglaya¹, E. A. Kostyukevich²

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 62 Parkovaya St., 225404 Baranavichy,
Republic of Belarus, ¹+375 (33) 3160007, bezygla@rambler.ru, ²+375 (29) 829 62 01 kost.elena80@mail.ru

COMPETENCE EDUCATION MODEL 3.0: WORLD AND DOMESTIC EXPERIENCE

Modern education is a key factor in sustainable economic development in the 21st century. Professional, mobile and competitive graduates are the basis for meeting the labor market of all sectors of the country's economy. In this context, positioning of an educational institution as a corporate subject of the knowledge economy becomes a priority, which implies the development and implementation of a competency-based model of education 3.0 at all stages of training for future specialists. The purpose of this study is to highlight the priorities of the modern education model. Comparative analysis of the world experience of the formation and development of the education system, identifying the relationship between the practice-oriented education system and the level of economic development of the countries of the world.

Key words: education; competence model; practice orientation; education 3.0; world experience; economic development.

Fig. 3. Ref.: 4 titles.

Введение. Одним из новых и чрезвычайно важных направлений в деятельности современного учреждения образования является компетентностный подход при формировании знаний, навыков и умений обучающихся и повышение роли коммерциализации знаний.

Многие экономисты и педагоги говорят о том, что прививать предпринимательские навыки работы детям необходимо с самого раннего возраста. В связи с этим многие исследователи в последние годы уделяют огромное внимание данной теме, пытаются изменить стереотипы, сложившиеся в общественном сознании по отношению к миссии учреждения образования. Современное учреждение образования должно выполнять три миссии: обучение, воспитание, коммерциализация знаний.

При этом нехватка знаний в области предпринимательской деятельности на разных этапах обучения (школа, университет, послевузовское образование), равно как и сформированной культуры бизнеса, делает проблему инновационного развития и воспитания молодежи весьма актуальной. Инновационное предпринимательское образование и воспитание должно быть творческим, а не формальным, так как формальное воспитание растит потребителей.

Методология и методы исследования. Вопросы компетентностного подхода в процессе обучения изучали многие авторы.

Л. Г. Титарев в своей книге «Модели непрерывного профессионального образования на основе компетентностного подхода» рассматривал особенности поиска и подготовки нового поколения исследователей-разработчиков, которые могли бы работать как ученые высшей квалификации и вместе

с тем обладали бы желанием видеть практические результаты своих исследований, а также профессиональными навыками, позволяющими добиться этих результатов [1].

М. П. Манаенкова проводила исследование компетентностного подхода к организации обучения на примере российских вузов [2].

А. Л. Андреев изучал опыт философско-методологического анализа в компетентностной парадигме в образовании [3].

М. Е. Маньшин, Н. В. Демина рассматривали важный аспект темы, раскрывающий сущность компетентности педагога как результата профессиональной подготовки [4].

А. А. Сергеев и М. Г. Сергеева проводили исследование компетентностной модели выпускника в условиях непрерывного профессионального образования [5].

Определённые аспекты коммерциализации знаний рассмотрены в работах С. Э. Сорокина, О. В. Наримановой, М. А. Булгаковой, Н. Р. Пашук.

Авторы в своих работах опираются на исторические и сравнительные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Приоритетные направления развития системы современного образования можно представить следующим образом (рисунок 1).

Компетентностная модель современного образования — система обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной взаимосвязке «школа — университет — субъекты хозяйствования», основанная преимущественно на горизонтальных связях внутри цепочки и позволяющая путём согласования учебных планов и программ создать гибкую систему профильного обучения, направленную на формирование необходимых будущему специалисту компетенций на каждой ступени обучения.

Данная модель направлена на построение целостной системы многоуровневой подготовки специалистов на основе интеграции образовательных учреждений и представителей субъектов хозяйствования всех форм собственности. При таком подходе подготовка обучающегося основывается на совокупности взаимосвязанных ориентаций, знаний, умений, навыков, реального опыта деятельности по отношению к определенному кругу объектов действительности, необходимых для осуществления личностно и социально значимой продуктивной деятельности. Компетентность при таком подходе рассматривается как владение, обладание учащимся соответствующей компетентностью, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности [6].

В процессе коммерциализации знаний можно выделить две основные модели. В базисе первой модели лежит создание инновационных компаний при участии преподавателей и обучающихся. Такая модель предполагает создание определенных условий для эффективного взаимодействия преподавателей и обучающихся, а также выпускников в рамках создания и продвижения инновационных проектов на коммерческой основе.

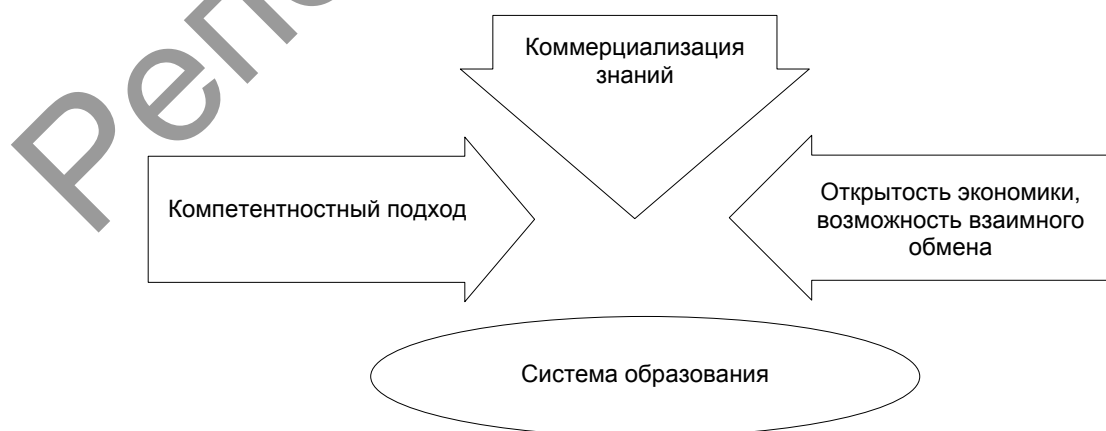

Рисунок 1. — Приоритеты современной системы образования

Примечание. Источник: собственная разработка.

Вторая модель развития предполагает создание на базе учреждений образования научных центров (центров трансфера технологий, бизнес-инкубаторов), в рамках которых будет осуществляться продвижение на рынок инновационного продукта. При этом университет становится полноправным субъектом хозяйствования, ориентированным на самофинансирование различных видов деятельности.

Открытость экономики и возможность взаимного обмена между учреждениями образования по принципу «дорожная карта» предполагают развитие единой информационной и образовательной среды, взаимопроникновение и переплетение системы среднего, высшего образования с субъектами хозяйствования, введение новых форм, технологий и средств обучения для повышения качества образования, формирование у обучающихся стремления к постоянному обновлению своих знаний, используя положительный опыт других стран.

В целях подтверждения важности данных приоритетов для системы современного образования необходимо сравнить уровень образования и уровень экономического развития стран мира.

Рейтинг стран мира по индексу эффективности национальной системы образования (Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment — глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг, измеряющий достижения стран мира в сфере образования по версии британской компании Pearson) представлен в таблице 1.

Особенностью данного рейтинга является то, что он оценивает уровень эффективности систем образования в странах мира по двум основным группам показателей, включающим соответствующий набор международно сопоставимых данных:

1) когнитивные навыки (качество чтения и понимания, уровень естественно-математической подготовки учащихся средней школы в странах с различными системами образования и выявление факторов, влияющих на уровень этой подготовки, уровень грамотности учащихся средней школы и способность учащихся применять на практике полученные в школе знания и навыки;

2) уровень образования (индекс грамотности населения, индекс совокупной доли учащихся, получающих среднее и высшее образование).

Рейтинг стран мира по уровню валового национального продукта (ВНП) на душу населения представлен в таблице 2.

Т а б л и ц а 1. — Рейтинг стран мира по индексу эффективности национальной системы образования

Рейтинг	Страна	Индекс	Рейтинг	Страна	Индекс
1	Соединённые Штаты Америки	100,0	11	Бельгия	75,7
2	Швейцария	87,2	12	Норвегия	75,3
3	Дания	84,2	13	Австрия	74,7
4	Великобритания	84,8	14	Новая Зеландия	70,9
5	Швеция	82,2	15	Гонконг	70,9
6	Финляндия	82,0	16	Германия	70,3
7	Нидерланды	81,6	17	Франция	68,3
8	Сингапур	80,6	18	Израиль	67,6
9	Канада	79,6	19	Ирландия	65,2
10	Австралия	77,6	20	Япония	64,2

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [7].

Т а б л и ц а 2. — Рейтинг стран мира по уровню ВНП на душу населения

Рейтинг	Страна	Индекс	Рейтинг	Страна	Индекс
1	Дания	63240	5	Австралия	54910
2	Ирландия	62210	6	Нидерланды	53200
3	Сингапур	59590	7	Австрия	51300
4	Швеция	55840	8	Гонконг	50840

Окончание таблицы 2

Рейтинг	Страна	Индекс	Рейтинг	Страна	Индекс
9	Финляндия	49580	15	Новая Зеландия	42670
10	Германия	48520	16	Франция	42400
11	Бельгия	47350	17	Великобритания	42370
12	Канада	46370	18	Япония	41690
13	Объединённые Арабские Эмираты	43470	19	Гренландия	34800
14	Израиль	43290	20	Италия	34460

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [8].

Из приведённых данных видно, что 17 стран из 20 (85 %), имеющих высокую эффективность национальной системы образования, основанную на компетентностном и практико-ориентированном подходе соответственно, имеют высшие места в рейтинге уровня экономического развития по одному из ключевых показателей (ВНП на душу населения).

Система среднего и высшего образования в любой стране проходит ряд последовательных стадий: возникновение, становление, зрелость, стагнация, преобразование [9]. Любые изменения, реформы в сфере образования должны быть направлены на сокращение либо устранение несоответствия образовательных систем основным потребностям общества, экономики страны. В большинстве случаев основным субъектом реформирования выступает система среднего образования. Для большей эффективности реформирования системы образования необходим комплексный подход, затрагивающий все элементы системы среднего и высшего образования.

В качестве приоритетных направлений преобразований в системе образования зачастую выступают поиск оптимальной структуры и содержания образования, совершенствование деятельности отдельных элементов системы, пересмотр и разработка новых образовательных стандартов, реформирование системы управления.

В ряде стран (США, Великобритания) исторически наблюдается постепенное внедрение рыночных механизмов в работу школы, стратификация учреждений образования, отработка новых моделей [9].

В странах Европы основными направлениями развития системы образования являются реорганизация учреждений высшего образования в соответствии с Болонским процессом. Вместе с этим во многих странах уже идет процесс развития частного сектора образовательной системы, снижение государственного финансирования, переход на самокупаемость.

Поскольку в настоящее время весьма важным является повышение уровня жизни людей, создание новых рабочих мест, в системе образования, как высшего, так и среднего, следует обратить особое внимание на направление развития у обучающихся компетенций в области предпринимательства, развития креативности, раскрепощения деловой инициативы. Многие педагоги и экономисты предполагают, что развивать компетенции в области предпринимательства необходимо с самого раннего возраста.

Развитие навыков предпринимательской деятельности в молодежной среде является важным направлением социального и экономического развития Республики Беларусь в силу того, что именно люди в возрасте 15—35 лет в большей степени способны к инновационной деятельности, имеют запас энергии и времени для долгосрочного развития предпринимательских идей.

Поэтому одним из направлений развития системы образования может стать внедрение компетентностной модели системы образования во взаимосвязке «школа — университет — субъект хозяйствования». Учреждения образования являются изначальными провайдерами обучения, которые обеспечивают гибкость и способность быстро разрабатывать, тестировать и собирать данные о новых подходах и продуктах.

Реализация данных приоритетов способствует формированию компетентностного подхода к обучению; смещению акцента с изучения теории к получению навыков в практической области; повышению ценности и значимости каждой последующей ступени образования; использованию лучших образовательных практик в мире; созданию новых, более эффективных интеграционных образовательных кластеров; переходу от догоняющей к опережающей модели образования.

Заключение. Внедрение концепции «Университет 3.0» в современную систему образования невозможно без привлечения будущих работодателей, т. е. представителей различных секторов экономики, к процессу подготовки специалистов и разработки компетентностной модели непрерывного образования в инновационной взаимосвязке «школа 3.0 — университет 3.0 — субъекты хозяйствования».

При условии внедрения в образовательный процесс учреждений среднего образования элементов развития предпринимательства «Школа 3.0» в «Университет 3.0» будут приходиться уже подготовленные обучающиеся, имеющие определенные компетенции и навыки в области коммерциализации знаний, необходимые для дальнейшего их развития. Сейчас такие компетенции приобретаются обучающимися только ко второму-третьему году обучения в учреждениях высшего образования.

Список цитируемых источников

1. *Титарев, Л. Г.* Модели непрерывного профессионального образования на основе компетентностного подхода / Л. Г. Титарев, А. Н. Тихонов. — М. : Синергия, 2006. — 24 с.
2. *Манаенкова, М. П.* Компетенции и компетентность: проблемы профессиональной подготовки / М. П. Манаенкова // Соц.-экон. явления и процессы. — 2014. — № 3. — С. 205—208.
3. *Андреев, А. Л.* Российское образование в глобальной перспективе / Л. А. Андреев // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011. Вып. 10. / отв. ред. акад. РАН М. К. Горшков. — М. ; СПб. : Ин-т социологии РАН : Нестор-История, 2011. — С. 164—201.
4. *Маньшин, М. Е.* Компетентность педагога как результат профессиональной подготовки / М. Е. Маньшин, Н. В. Демина // Высш. образование сегодня. — 2009. — № 5. — С. 34—38.
5. *Сергеев, А. А.* Модель специалиста в условиях непрерывного профессионального образования : монография / А. А. Сергеев, М. Г. Сергеева. — Тверь : ВАВКО, 2008.
6. *Голованова, Ю. В.* Возможности создания единой системы обучения для подготовки квалифицированных специалистов [Электронный ресурс] / Ю. В. Голованова // Молодой ученый. — 2018. — № 10. — С. 53—55. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/196/48670/>. — Дата доступа: 18.01.2020.
7. Рейтинг эффективности национальных систем образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment>. — Дата доступа: 25.09.2020.
8. Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking>. — Дата доступа: 25.09.2020.
9. *Капранова, В. А.* Образовательные реформы: отечественный и зарубежный опыт : монография / В. А. Капранова. — Минск : БГПУ, 2007. — 162 с.

Поступила в редакцию 05.10.2020

УДК 338.28:378

В. В. Зазерская

Учреждение образование «Брестский государственный технический университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Московская, 267, 224017 Брест, Республика Беларусь,
+375 (29) 820 11 69, zazerskaya@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Статья посвящена изучению интеллектуального потенциала как фактора экономического роста. Развитие экономики в последнее время показало, что формирование модели экономического роста должно быть основано на экономике знаний как особого типа инновационной экономики. В настоящее время актуальным является вопрос оценки уровня его развития и отдачи в условиях цифровизации, т. е. качества и эффективности его использования. В статье систематизированы подходы к определению понятия «цифровая экономика» для выделения закономерностей по развитию интеллектуального капитала. Приведены результаты оценки эффективности использования человеческого потенциала в экономике современной Беларуси, что позволяет определить необходимые условия для его эффективного использования.

Ключевые слова: экономика знаний; интеллектуальный потенциал; цифровая экономика; инновационная активность; рабочая сила; эффективность.

Рис. 2. Табл. 4. Библиогр.: 15 назв.

V. V. Zazerskaya

Brest State Technical University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 267 Moskovskaya St.,
224017 Brest, Republic of Belarus, +375 (29) 820 11 69, zazerskaya@mail.ru

SOCIAL ASPECTS OF INTELLECTUAL POTENTIAL DEVELOPMENT IN THE KNOWLEDGE ECONOMY

The article is devoted to the study of intellectual potential as a factor of economic growth. The development of the economy recently showed that the formation of a model of economic growth should be based on the knowledge economy as a special type of innovative economy. Currently, the issue of assessing the level of its development and impact in the context of digitalization, that is, the quality and effectiveness of its use, is relevant. The article systematizes approaches to the definition of the concept of “digital economy” to highlight patterns in the development of intellectual potential. The results of evaluating the effectiveness of the use of human potential in the economy of modern Belarus are presented, which allows you to determine the necessary conditions for its effective use.

Key words: knowledge economy; intellectual potential; digital economy; innovative activity; labor force; efficiency.

Fig. 2. Table 4. Ref.: 15 titles.

Введение. Трендом развития экономики в последние годы стали кибернетические методы и средства управления, инструментарий анализа больших данных и искусственный интеллект. Экономическое развитие стран в последние годы направлено на переориентацию с традиционных отраслей на экономику знаний. Организационно-технологические процессы массового применения новых цифровых технологий в производстве и управлении стали применяться в целях сокращения издержек и повышения скорости осуществления бизнес-процессов. Цифровизация организационно-технологических процессов подразумевает потребность в получении новых знаний, расширении кругозора, освоении новых профессий и повышении квалификации. Требования цифровизации изменяют подходы к формированию новых знаний, умений и компетенций, являющихся основой человеческого потенциала, и выдвигают новую модель экономического роста — «человек — цифровая экономика — знание — развитие».

При этом конкурентные преимущества экономики, основанной на знаниях, возможности ее развития определяются реализованным интеллектуальным потенциалом. Именно люди с их образованием, профессиональным опытом и квалификацией являются производителями и потребителями знаний. В свою очередь, производство и потребление знаний есть реализация интеллектуального потенциала общества. Таким образом, термин «экономика знаний» используется для определения типа экономики, где знания играют решающую роль, а производство знаний становится источником роста.

Методология и методы исследования. Представители классической школы, вначале изучавшие производительные силы человека через способности человека к труду и его интеллектуальной составляющей (У. Пети, А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и др.), позже перешли к выявлению материально-вещественных и социально-экономических условий формирования и использования рабочей силы [1]. Автор изучал подходы к трактовке категории «цифровая экономика», становление гибридной экономики, влияние цифровизации на интеллектуальный потенциал. Исследование опирается на научные публикации по данной проблематике, при написании статьи использовались общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Ключевым фактором в формировании нового типа экономики, основанного на знаниях, является накопление, развитие и использование интеллектуального потенциала общества. Использование интеллектуального потенциала — это непрерывное приращение личностных качеств человека, способность перерабатывать знания, анализировать, переносить свои соображения в ту или иную технологию. Основная задача его использования заключается в создании творческой атмосферы и условий для свободной и продуктивной мыслительной деятельности. В этой связи интеллектуальный капитал следует рассматривать как стоимость, приносящую прибавочную стоимость, и вместе с тем как способность индивида создавать своим интеллектуальным трудом (т. е. трудом сложным, высококвалифицированным, а потому высокоэффективным) больше потребительных стоимостей, чем труд простой, неквалифицированный. Способом реализации интеллектуального капитала служит в наших условиях не только информационная технология в самом широком смысле этого слова, но и сама интеллектуальная деятельность человека, его человеческий потенциал. Первая ставит своей целью донести товарный продукт интеллектуального труда до места его использования, а вторая — превратить его в конкурентную потребительскую стоимость.

Систематизируем подходы к определению понятия «цифровая экономика» для выделения закономерностей по развитию интеллектуального потенциала.

1. Подход, основанный на понимании цифровой экономики как деятельности, основанной на цифровых технологиях. Цифровая экономика — это экономика, основанная на цифровых технологиях, существующая в условиях гибридного (реального и виртуального) мира [2].

Цифровая экономика (digital economy) — экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях (электронные товары и сервисы, продажа виртуальных товаров в Интернете, электронная торговля типа Amazon, e-Bay, Alibaba, использование электронных денег и криптовалют, специальных интернет-сервисов, в первую очередь социальных сетей, Интернета вещей — IoT, больших данных BigData, облачного (Cloud) хранения данных) [3].

2. Подход, определяющий цифровую экономику исходя из понимания экономики как хозяйственной деятельности общества и совокупности отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления. М. Л. Калужский считает, что «цифровая экономика — это коммуникационная среда экономической деятельности в сети Интернет, а также формы, методы, инструменты и результаты ее реализации [4, с. 75]. К. Келли дополняет: «Коммуникации, которые, в конце концов, и являются тем, что мы понимаем под цифровыми технологиями и средствами связи, — не просто сектор экономики. Коммуникации — это сама экономика» [5, с. 5]. Белорусские ученые также поддерживают данный подход [6; 7]. Так, по мнению Т. Беяцкой, «электронная (цифровая) экономика — совокупность экономических отношений в области производства, распределения, обмена и конечного потребления материальных ценностей, имеющих разную степень электронно-информационного компонента, формируемых и реализуемых в ИКТ-среде с целью воспроизводства капитала и повышения качества жизни» [7, с. 49].

Генезис понятия «цифровая экономика» показывает переход от экономики, основанной на цифровых технологиях, как области электронных товаров и услуг (телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиаконтента), к экономике, где производство осуществляется с использованием цифровых технологий (методы генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также цифровые компьютерные технологии)» [3], что позволяет определить новые модели экономического развития, где добавленная стоимость создается с помощью цифровых информационных технологий [8].

Таким образом, формирование добавочной стоимости существенно меняется в части сокращения посредников, а значение индивидуального подхода к формированию продукта увеличивается.

В то же время процессы глобализации влияют на становление гибридной экономики. Можно отметить, что увеличение возможностей предприятий через использование информационно-коммуникационных сетей, доступность цифровой инфраструктуры способствовали слиянию реального и виртуального миров [9, с. 16].

Мы считаем, что цифровая экономика — это часть гибридной экономики, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме. Для такой экономики необходимы высококвалифицированные кадры, которые имеют возможность вкладывать свой человеческий капитал и развиваться.

Из всего изложенного выше следует, что цифровая экономика, как научное направление, — огромная область исследований, связанных между собой общим предметом изучения (знаниями в различных видах и формах), но заметно различающихся в отношении используемых подходов к этому предмету.

Гибридная экономика основана на применении высоких технологий во всех отраслях экономики, которые развиваются через интеллектуальную составляющую, следовательно, новые методы управления и организационные механизмы должны быть основаны на управленческих приемах экономики знаний. В данном контексте актуальны направления экономики знаний по формированию и распространению знаний в виде компетенций, необходимых для развития инноваций, высокотехнологичной продукции во всех отраслях экономики. Знания являются основным экономическим ресурсом. Поскольку без знаний не может нормально функционировать и развиваться национальная экономика.

Сегодня каждый человек оказывается втянутым в цифровое пространство. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, в 2019 году в Республике Беларусь 82 % населения страны использовали Интернет в повседневной жизни (рисунок 1).

В основном Интернет используют при общении в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram), на его долю приходится 80 %; скачивании контента — 80 % пользователей; 50 % приходится на телефонные звонки, почту; поиск информации о товарах и услугах — 90 % (рисунок 2). Применение Интернета для приобретения товаров и услуг не очень популярно у белорусов, также небольшой процент (15 %) осуществляет взаимодействие с органами государственного управления через Интернет. Стоит отметить, что самыми активными являются интернет-пользователи в группах 11—15 лет, 16—24 лет. По всем направлениям они занимают лидирующие позиции, в том числе образование и игры. Третьей группой активных интернет-пользователей является возрастная группа от 25 до 54 лет. Здесь преобладают такие направления, как поиск информации, скачивание контента, осуществление финансовых операций, взаимодействие с органами государственного управления (см. рисунок 2).

Распространение информационных технологий во всех сферах жизни повысило значимость цифровых навыков для работодателей. Для распространения процессов цифровизации требуется наличие высококвалифицированных кадров в достаточном объеме и соответствующих рабочих мест, а также системы подготовки специалистов, обладающих определенными компетенциями для разработки и внедрения цифровых технологий.

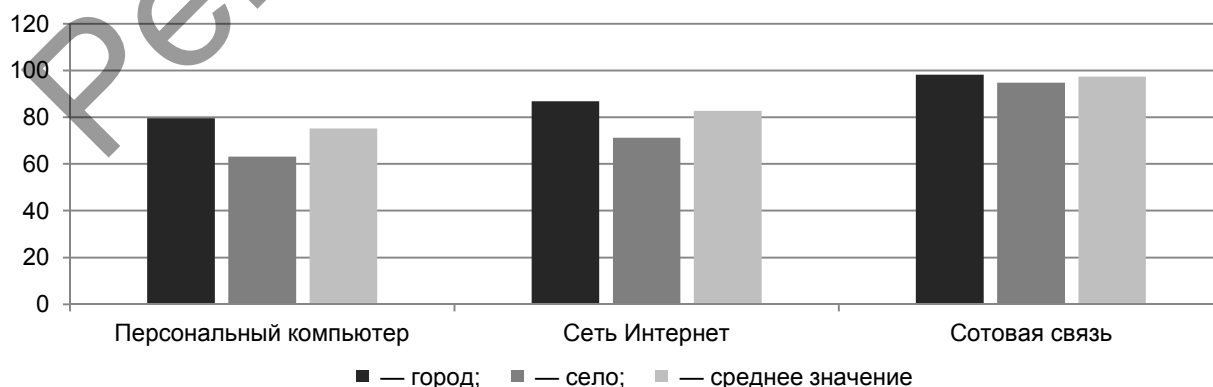

Рисунок 1. — Использование населением информационно-коммуникационных технологий, %

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [10].

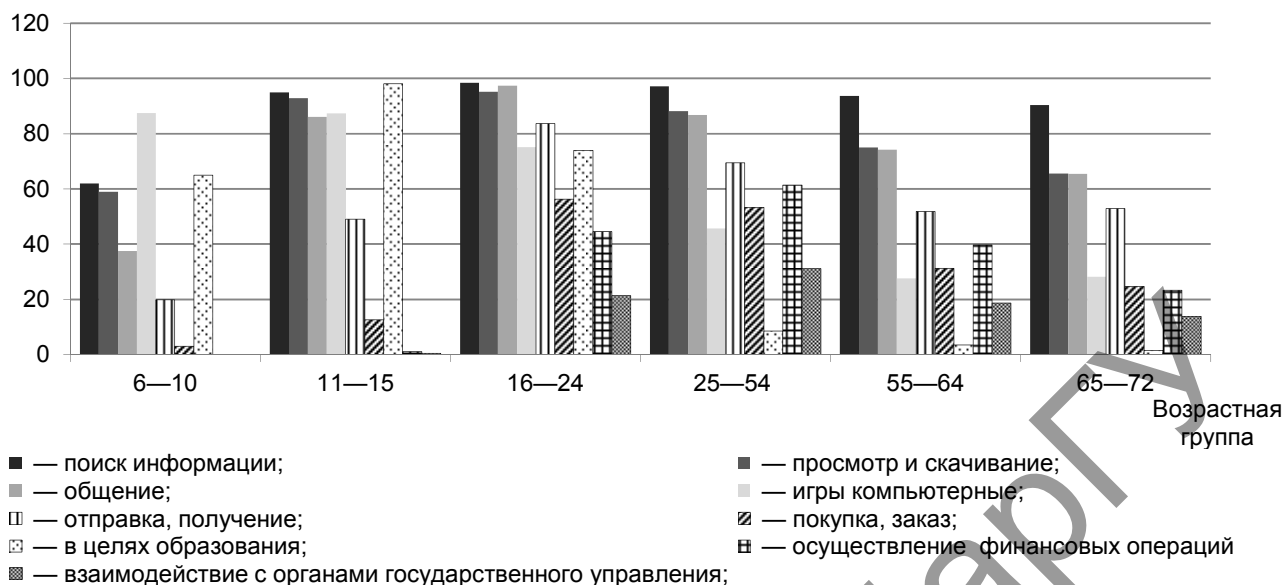

Рисунок 2. — Интернет-пользователи по целям выхода в сеть Интернет в 2019 году, % от общего числа интернет-пользователей соответствующей возрастной группы

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [10].

Анализ структуры рабочей силы показал, что на протяжении ряда лет доля работников с высшим образованием в Республике Беларусь сохраняется на уровне 33 %, что в целом является хорошим показателем и говорит о соответствующей квалификации рабочей силы (таблица 1). Такой же уровень характерен для Испании (33,5 %), Швеции (32,3 %), Швейцарии (32,9 %), Соединенного Королевства (35,5 %). Доля рабочей силы с высшим образованием более 40 % приходится на Россию — 54,5 %, Японию — 44,4 %.

Внедрение управленческих и технологических инноваций, совершенствование производственных процессов, социально-культурные трансформации заставляют работодателей и работников адаптироваться к новым условиям, требуют постоянного обновления знаний и навыков взрослого населения. Рутинные операции выполняются автоматически благодаря роботизации и цифровым технологиям.

Т а б л и ц а 1. — Доля рабочей силы по образованию, %

Страна	С начальным образованием	Со средним образованием	С высшим образованием
Россия	4,9	40,7	54,5
Бельгия	19,9	38,7	38,9
Финляндия	16,0	46,8	37,3
Соединенное Королевство	7,7	55,8	35,5
Испания	42,2	23,9	33,5
Франция	23,6	44,1	31,7
Германия	14,9	58,5	26,5
Швейцария	14,6	52,2	32,9
Швеция	13,6	53,8	32,3
Республика Беларусь	23,6	42,7	33,7
Южная Корея	20,6	40,5	38,9
Япония	55,6	47,7	44,4

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [11; 12].

Получение образования широкого профиля подталкивает к обучению в течение всей жизни. Обучение и образование работников есть ключевой фактор развития человеческого капитала организаций и интеллектуального потенциала стран. Наравне с базовым основным образованием реализация дополнительного профессионального образования повышает экономическую эффективность деятельности организаций, формирует чувство уверенности работника в завтрашнем дне, обеспечивает социальную устойчивость различных групп общества. Большинство образовательных программ ориентированы на короткие сроки, учитывают потребности работодателей и оперативно реагируют на требования рынка [13].

Взаимодействие между субъектами за продукт интеллектуального труда особенно остро проходит на технологичных и финансовых рынках. Для снижения трансакций субъекты образуют вертикально интегрированные бизнес-группы, что на определенных этапах вызывает подавление предпринимательской инициативы и снижение инновационной активности. Это выражается в низком спросе на технологические инновации. В условиях современной глобальной экономики технологические инновации оказываются неэффективными без соответствующего организационного, управленческого и маркетингового сопровождения. Данная ситуация выражает неоднозначный характер экономических отношений и показывает необходимость достаточного финансирования сфер науки и образования, стимулирования наращивания образовательного и научного потенциала.

Человеческий потенциал представляет с позиций качества уровень развития рабочей силы прежде всего за счет накопленных общих и специальных знаний. Основой интеллектуального потенциала является сформированный человеческий потенциал, когда знания и интеллектуальные способности приобретают производственную и коммерческую ценность, самостоятельное значение в генерировании добавленной стоимости. Он отличается от предыдущего составом свойств, характером воздействия на производительную силу труда.

Интеллектуальный потенциал обусловлен не только интеллектом, но и духовными и коммуникативными свойствами человека, которые зависимы от институциональных факторов [14, с. 21].

Мы рассматриваем интеллектуальный капитал как совокупность человеческого и структурного (процедуры, технологии, системы управления, техническое и программное обеспечение) капитала, отдавая приоритет первому компоненту.

Существует много подходов к определению составляющих элементов интеллектуального потенциала. Чаще всего выделяют компоненты: кадровая (творческие способности), материально-техническая, результативная (знания и достижения), социоинформационная (способность обеспечения потока информации) и организационно-правовая (управление интеллектуальным потенциалом) [15].

В целях стимулирования и наращивания интеллектуального потенциала необходимо осуществление непрерывной цепочки инновационного процесса. Это возможно через две сферы приращения качественной составляющей человеческого капитала, от которых зависит формирование и эффективное развитие экономики знаний, наука и образование.

В качестве критериев для оценки развития экономики знаний применимы показатели эффективности использования человеческого потенциала: инновационная активность предприятий, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, прирост числа высокопроизводительных мест, а также индекс производительности труда.

Анализ инновационной активности свидетельствует об устойчивой тенденции к росту организаций промышленности (таблица 2). Наибольший рост показывают горнодобывающая промышленность (рост в 5 раз), производство кокса и продуктов нефтепереработки, химических продуктов, основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов, вычислительной, электронной и оптической аппаратуры, электрооборудования, машин и оборудования, не включенных в другие группировки, производство транспортных средств и оборудования.

Производительность труда в целом по видам деятельности растет. Так, с 2015 года она выросла с 97,3 до 103,4 % в 2018 году. Менее 100 % она составляет в сфере услуг: административные и вспомогательные услуги, государственное управление, образование, профессиональная, научная и техническая деятельность (таблица 3). Отрицательная динамика индекса по всем видам экономической деятельности наблюдалась в 2015—2016 годах. При этом доля работающих в высокотехнологичных и наукоемких видах экономической деятельности самая большая при производительности менее 100 %.

Т а б л и ц а 2. — Инновационная активность организаций промышленности в 2016—2018 годах

Период	Число организаций, осуществлявших технологические инновации	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций промышленности, %
2016	345	20,4
2017	347	21,0
2018	380	23,3

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [11].

Т а б л и ц а 3. — Индекс производительности труда по видам экономической деятельности, в % к предыдущему году

Вид экономической деятельности	2011	2014	2015	2016	2017	2018
Горнодобывающая промышленность	99,6	163,2	96,1	105,9	105,4	101,3
Обрабатывающая промышленность	109,4	103,8	98,9	104,3	107,5	104,4
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	94,9	103,4	97,5	101,6	103,9	108,6
Водоснабжение, сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	101,7	100,7	92,0	81,0	95,2	104,9
Строительство	107,3	96,9	96,6	95,8	104,7	105,9
Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов	120,7	106,2	97,8	95,2	106,7	105,6
Транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность	107,2	101,9	95,2	101,4	105,6	104,0
Информация и связь	115,8	103,2	99,2	103,4	101,4	101,4
Профессиональная, научная и техническая деятельность	94,0	95,8	96,9	97,4	97,4	100,3
Деятельность в сфере административных и вспомогательных услуг	91,2	96,3	94,6	107,7	80,1	99,3
Государственное управление	99,0	98,8	99,6	97,0	98,7	97,6
Образование	98,4	99,4	98,4	100,3	99,3	98,8
Здравоохранение и социальные услуги	99,9	102,2	100,2	100,0	100,3	101,2

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [11].

Финансирование науки осуществляется из средств республиканского бюджета и внутренних источников (таблица 4). Наблюдается незначительный рост финансирования из республиканского бюджета. Так, финансирование с 2011 к 2018 году выросло на 0,14 %, при этом внутренние затраты на научные исследования и разработки сократились. По видам работ они в основном направлялись на прикладные научные исследования и экспериментальные разработки.

Для количественного выражения человеческого потенциала разработан комплекс показателей: индекс интеллектуального потенциала общества (показывающий состояние науки и образования), а также коэффициенты инвестиционной эффективности вложений в науку (реализованный научный потенциал, определяемый как процент действующих патентов от общего числа зарегистрированных в стране) и в образование (зависимость уровня получаемого дохода от образования).

Т а б л и ц а 4. — Финансирование науки в 2011—2018 годах, в % к ВВП

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Финансирование науки из средств республиканского бюджета	0,25	0,24	0,30	0,24	0,24	0,27	0,34	0,39
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	0,68	0,65	0,65	0,51	0,50	0,50	0,58	0,61

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [11].

Анализируя проблемы, связанные с развитием науки в республике, эксперты чаще всего отмечают сокращение численности и качества научных кадров наряду с их старением, а также ограниченное финансирование. Результативность исследований и разработок, выраженная через показатели «подано заявок на патентование изобретений», «выдано патентов на изобретения», «действует патентов», показывает тенденции к снижению в 2—3 раза.

Результаты развития экономики влияют на структуру источников финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Высокий уровень финансирования науки в развитых странах — это больше вклад бизнеса, чем государства.

Заключение. Становление экономики знаний с ее цифровизацией показывает, что постиндустриальный этап развития общества основан на максимальном использовании интеллектуального потенциала. Оцениваться она должна не только приростом производительности труда или объема продаж, но и тем, насколько она способствует совершенствованию человека или его деградации. Поэтому во многих странах государственная политика направлена на развитие человеческого потенциала. Создание условий для повышения уровня жизни, проживания, самореализации и раскрытия таланта каждого человека благоприятно сказывается на развитии интеллектуальной собственности, инновационной деятельности, креативном мышлении и т. п.

В складывающейся экономике знаний именно интеллектуальный потенциал становится ключевым ресурсом в определении эффективности социально-экономического прогресса и развития производства, включая научно-техническую составляющую. Цифровизация потребует не только роста инвестиций в цифровые технологии, но и кардинальной модернизации инфраструктуры почти всех секторов экономики, что обеспечит высокие темпы роста вклада фактора капитала в добавленную стоимость.

Список цитируемых источников

1. *Богдашев, И. В.* Воспроизводство интеллектуального потенциала как фактор формирования экономики знаний : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / И. В. Богдашев ; Куб. гос. ун-т. — Краснодар, 2005. — 27 с.
2. *Юдина, Т. Н.* Формирование институциональной инфраструктуры «цифровой экономики» в Российской Федерации / Т. Н. Юдина, Е. В. Купчишина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер. «Экон. науки». — 2019. — Т. 12, № 4. — С. 9—19.
3. *Ковалев, М. М.* Цифровая экономика — шанс для Беларуси : монография / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. — Минск : Издат. центр БГУ, 2018. — 327 с.
4. *Калужский, М. Л.* Маркетинговые сети в электронной коммерции: институциональный подход / М. Л. Калужский. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 402 с.
5. *Kelly, K.* New Rules for the New Economy: 10 radical strategies for a connected world / K. Kelly. — New York : Viking, 1998. — 224 p.
6. *Курегян, С. В.* Электронная экономика, искусственный интеллект и экономическая теория / С. В. Курегян // Экономика сегодня. — 2019. — № 10. — С. 41—47.
7. *Беляцкая, Т.* Управление электронной экономикой / Т. Беляцкая // Наука и инновации. — 2018. — № 5 (183). — С. 49—55.
8. *Зонова, Н. С.* Роль цифровой экономики в реформировании российского общества / Н. С. Зонова // Образование и наука в современных реалиях : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 5 нояб. 2017 г. / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : Интерактив плюс, 2017. — С. 296—298.
9. *Гнездова, Ю. В.* Развитие цифровой экономики России как фактора повышения глобальной конкурентоспособности / Ю. В. Гнездова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2017. — № 5. — С. 16—19.
10. Беларусь в цифрах : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2019. — 582 с.
11. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2019. — 472 с.
12. Структура рабочей силы по образованию: доля рабочей силы с высшим образованием в странах Европы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.countries.world>. — Дата доступа: 18.07.2019.
13. *Уколова, Н. В.* Место человеческого потенциала в цифровой экономике / Н. В. Уколова, Н. А. Новикова // Вестн. Алт. акад. экономики и права. — 2019. — Ч. 1, № 1. — С. 166—173.
14. *Яреско, И. И.* Институты инновационной экономики и институциональное регулирование интеллектуального капитала / И. И. Яреско, В. Г. Дайнеко // Современная экономика: проблемы и решения. — 2012. — № 9 (33). — С. 18—22.
15. *Третьякова, Т. И.* Методологические подходы к оценке интеллектуального потенциала / Т. И. Третьякова // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. «Экон. науки». — 2014. — № 3 (13). — С. 106—116.

Поступила в редакцию 02.09.2020

УДК 338

В. В. Климук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 712 03 00, klimuk-science@yandex.ru

ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

В статье проведен анализ факторов активизации инновационной деятельности в условиях пандемии и в постпандемический период в национальной социально-экономической системе. Систематизированы факторы инновационного развития промышленных предприятий. Представлен компаративный анализ развития научно-исследовательской, инновационной деятельности стран на примере Республики Беларусь и ее основных партнеров — Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Предложена система оценки научного, инновационного потенциала национальных систем, на основе которой произведены страновые расчеты. Разработан алгоритм генерирования, продвижения и внедрения в реальный сектор экономики научных и инновационных разработок в целях максимизации использования интеллектуальных ресурсов.

Ключевые слова: факторы инновационного развития промышленности; пандемические и постпандемические факторы; инновации; научно-инновационная кооперация; интеллектуализация экономики.

Рис. 6. Библиогр.: 11 назв.

V. V. Klimuk

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavičy, Republic of Belarus, +375 (29) 712 03 00, klimuk-vv@yandex.ru

PREDICTORS OF EFFECTIVE COLLABORATION OF THE EDUCATIONAL, SCIENTIFIC AND BUSINESS SECTORS IN TERMS OF DIGITAL ECONOMY

The article analyzes the factors of enhancing innovation in the context of a pandemic and in the post-pandemic period in the national socio-economic system. The factors of innovative development of industrial enterprises are systematized. A comparative analysis of the development of research and innovation activities of countries is presented on the example of the Republic of Belarus and its main partners: the Russian Federation and the People's Republic of China. A system for assessing scientific, innovative national systems is proposed. Country calculations were made on the basis. An algorithm has been developed for generating, promoting and introducing scientific and innovative developments into the real sector of the economy in order to maximize the use of intellectual resources.

Key words: factors of innovative development of industry; pandemic and post-pandemic factors; innovation; scientific and innovative cooperation; intellectualization of the economy.

Fig. 6. Ref.: 11 titles.

Введение. Социально-экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, привел к возникновению беспрецедентных условий и проблемных вопросов в национальных социально-экономических системах. По статистическим данным показателя темпа изменения ВВП за II квартал 2020 года, данный индикатор составил 32,9 % в США, -20,4 % в Великобритании, -18,5 % в Испании, -17,3 % в Италии, -13,8 % во Франции, -11,7 % в Германии, -8,5 % в России, -7,7 % в Швеции, +3,2 % в Китае, в Республике Беларусь данный индикатор составил -1,7 %.

Данные факты свидетельствуют о безусловно верном принятом решении Главы государства А. Г. Лукашенко о продолжении работы в «штатном режиме» предприятий страны во время пандемии коронавируса в целях сохранения конкурентных позиций на мировых рынках и обеспечения национальной безопасности.

Одним из важнейших факторов инновационного развития промышленных предприятий выступает научно-инновационная производственная кооперация, в том числе международная. Это создает возможности для получения дополнительных финансовых ресурсов, совместного использования развитой ресурсной базы участников-партнеров, обмена полезным опытом.

Материалы и методы исследования. Результаты исследования получены на основе использования таких методов, как сравнение, сопоставление, обобщение теоретического, нормативного, правового и статистического материалов, позволивших определить и систематизировать основные факторы активизации инновационного развития промышленных предприятий в условиях пандемии и в постпандемический период.

Результаты исследования и их обсуждение. Республика Беларусь активно реализует международный вектор взаимодействия в условиях развития интеллектуальной экономики. Так, в стране функционирует Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» (строительство которого начато в 2015 году), представляющий собой особую экономическую зону, образованную в рамках межправительственного соглашения между Китаем и Беларусью. Приоритетными направлениями работы Парка выступают машиностроение, тонкая химия, биотехнологии, новые материалы и ряд других высокотехнологичных отраслей [1].

С 2011 года в нашей стране также успешно функционирует белорусско-китайское совместное предприятие по сборке легковых автомобилей СЗАО «БЕЛДЖИ». С 2014 года в Беларуси результативно работает ЗАО «Штадлер Минск» по производству электротранспорта.

Одним из первых этапов развития системы стимулирования инновационного развития выступает созданная законодательная инфраструктура. В целях стимулирования инновационного развития промышленного сектора страны, в том числе в пандемический период, подписан ряд документов:

1) Указ Президента Республики Беларусь от 07.07.2020 № 254 «Об инновационных проектах» (направленный на реализацию комплекса проектов в высокотехнологичных отраслях за счет средств инновационных фондов);

2) Указ Президента Республики Беларусь от 28.05.2020 № 178 «О временных мерах государственной поддержки нанимателей и отдельных категорий граждан» (в целях минимизации влияния на экономику страны мировой эпидемиологической ситуации и обеспечения социальной стабильности);

3) Декрет Президента Республики Беларусь от 25.05.2020 № 3 «Об иностранной безвозмездной помощи»;

4) Указ Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021—2025 годы»;

5) Указ Президента Республики Беларусь от 24.04.2020 № 143 «О поддержке экономики» (в целях минимизации влияния на экономику Республики Беларусь мировой эпидемиологической ситуации, касающейся системы налогообложения, арендной платы, в том числе в виде отсрочки, рассрочки, уменьшения платежей);

6) Указ Президента Республики Беларусь от 12.03.2020 № 92 «О стимулировании использования электромобилей» [2].

Важнейшим ресурсом в направлении активизации инновационной деятельности организации выступает интеллектуальный ресурс, особенно в пандемический, актуальный в современных условиях период. В целях развития интеллектуального потенциала организаций, в том числе промышленных, важным инструментом выступают образовательные курсы (программы) в дистанционном формате. На основе анализа цифровых образовательных платформ, аккумулирующих как платные, так и бесплатные онлайн-курсы, видеоматериал, практические кейсы и другую полезную информацию, систематизировано 29 наиболее распространенных образовательных платформ (англоязычных и русскоязычных, для взрослых и молодежи) [3; 4]. Данные платформы позволяют развить *hard-skills* и *soft-skills*, необходимые для специалистов промышленных предприятий, обеспечивая получение новых, современных, актуальных знаний как в узкоспециализированных профессиональных сферах деятельности, так и для выполнения широкопрофильных функциональных задач.

Основой развития современного общества, наращивания конкурентных преимуществ на мировом рынке, увеличения позиций в рейтинге инвестиционной привлекательности являются инновации. Большинство стран на средне- и долгосрочную перспективу фундаментальной моделью развития национальной социально-экономической системы определяют инновационно ориентированную, основанную на интеллектуализации сфер практической деятельности. Инновации нацелены на создание уникальной продукции (кастомизация продукции), разработку гибкой модели развития страны в экономической и социальной сферах. Вопросы активизации процессов генерирования новых идей, их апробации и внедрения в реальный сектор экономики являются важнейшими в целях получения экономического и социального эффектов.

Учитывая особенности страны, специфические характеристики ее ресурсной базы, культурные особенности, комплекс механизмов инновационного развития должен быть уникальным, ориентируясь на положительный опыт реализации данных процессов в успешных странах и, безусловно, адаптируя их непосредственно к национальным условиям реализации.

Для разработки стратегии инновационного развития промышленности — одной из ведущих отраслей национальной экономической системы — важным этапом является определение факторов, воздействующих на динамику результативных показателей. Следует отдельно выделить классификацию факторов на пандемические и постпандемические, что вызвано актуальностью дифференциации данных факторов в условиях современной эпидемиологической ситуации. Система данных факторов определяет основные векторы инновационного развития в пандемический и постпандемический периоды — развитие интеллектуального потенциала, материально-технической базы и активизация научно-производственной кооперации, в том числе международной (рисунок 1).

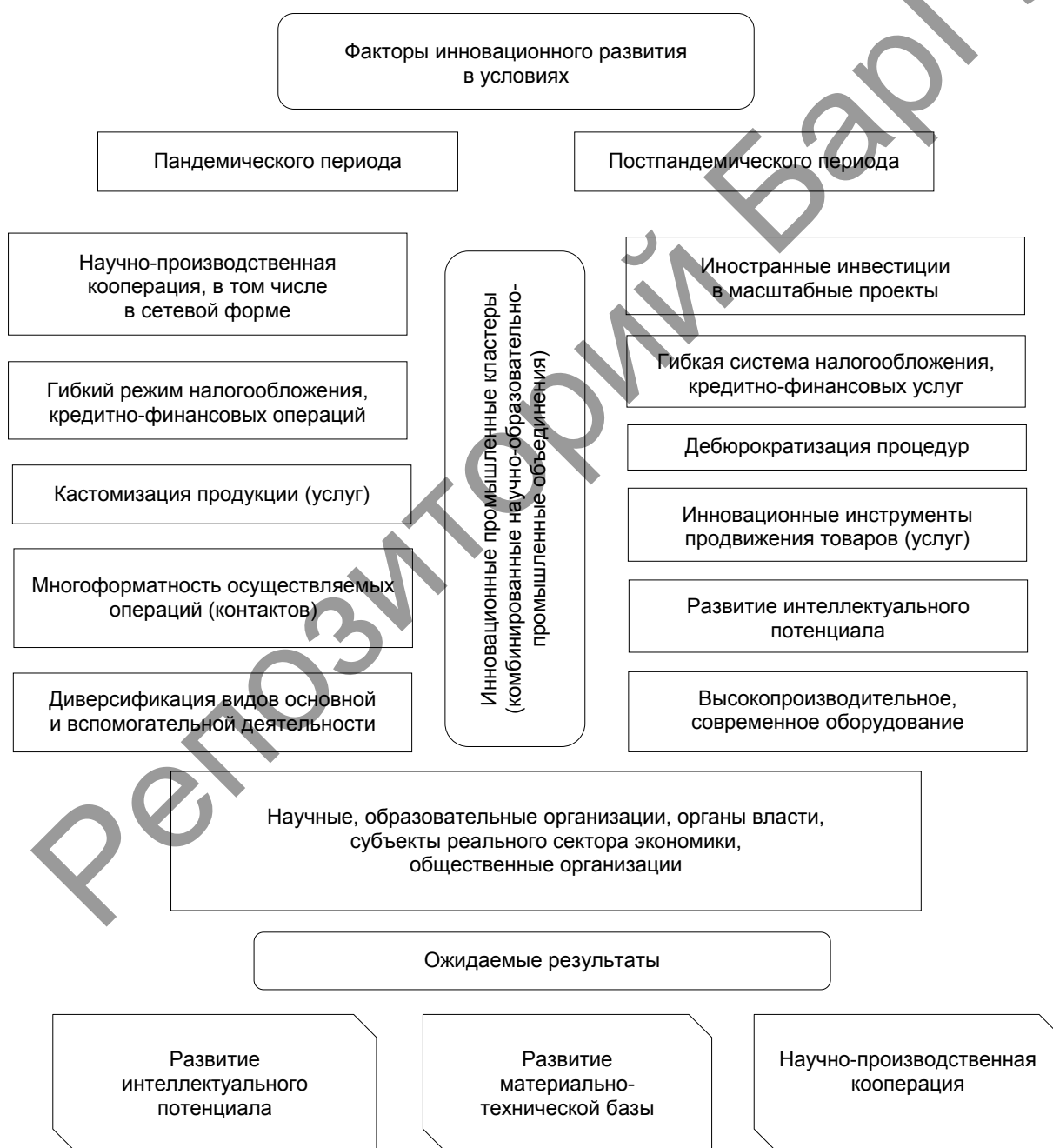
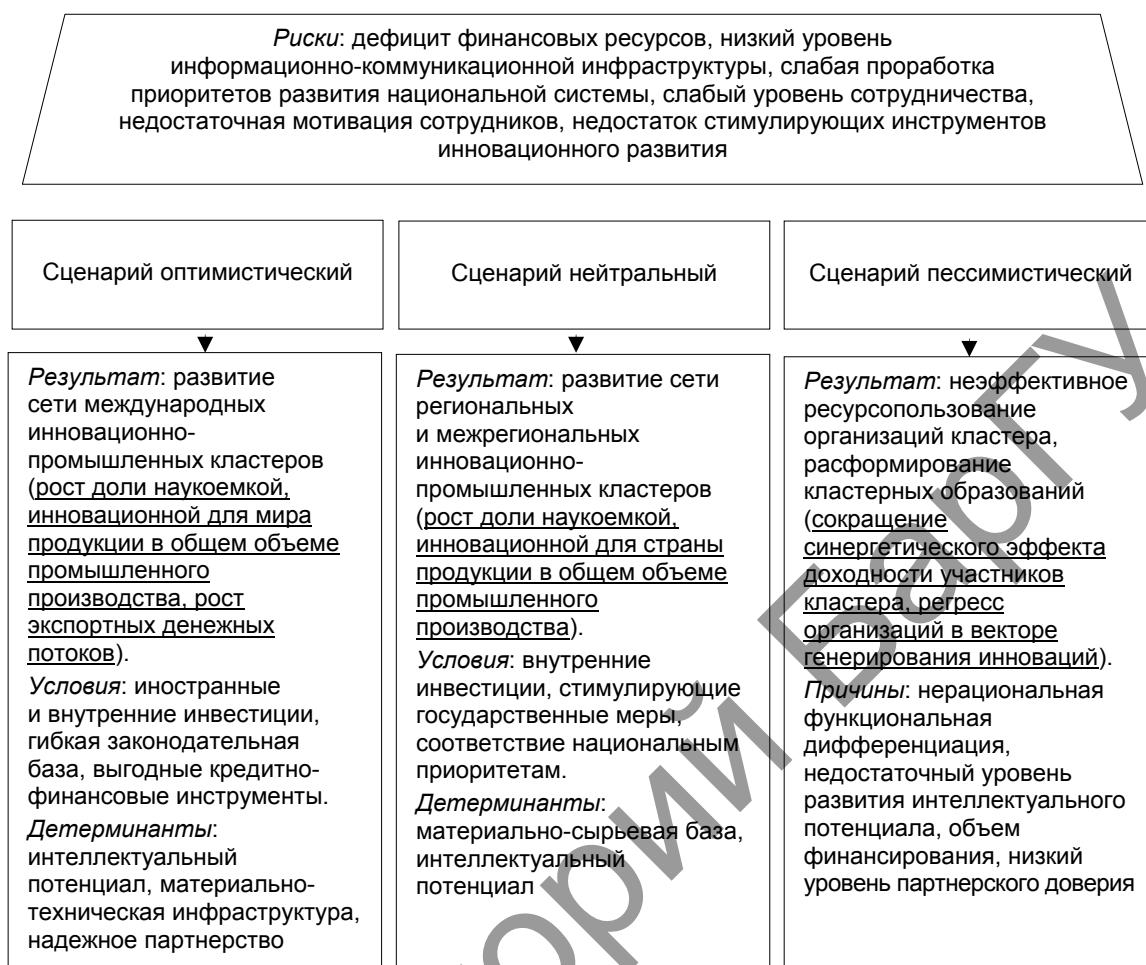

Рисунок 1. — Факторы инновационного развития промышленности в пандемический и постпандемический периоды

Примечание. Источник: собственная разработка.

Окончание рисунка 1

Учет представленных факторов позволяет выработать эффективную «дорожную карту» инновационного развития промышленного предприятия (региона, страны), обеспечивая реализацию ресурсного потенциала и предупреждая рискованные ситуации. Процедура выстраивания оптимальной стратегии функционирования и развития предприятия определяется пошаговым алгоритмом (рисунок 2).

Каждый фактор имеет свою степень влияния на динамику инновационного развития промышленности, что, в свою очередь, зависит также от ряда взаимосвязанных факторов. В условиях постоянства данных факторов можно представить ожидаемые результаты воздействия факторов на инновационную активность промышленных предприятий (рисунок 3).

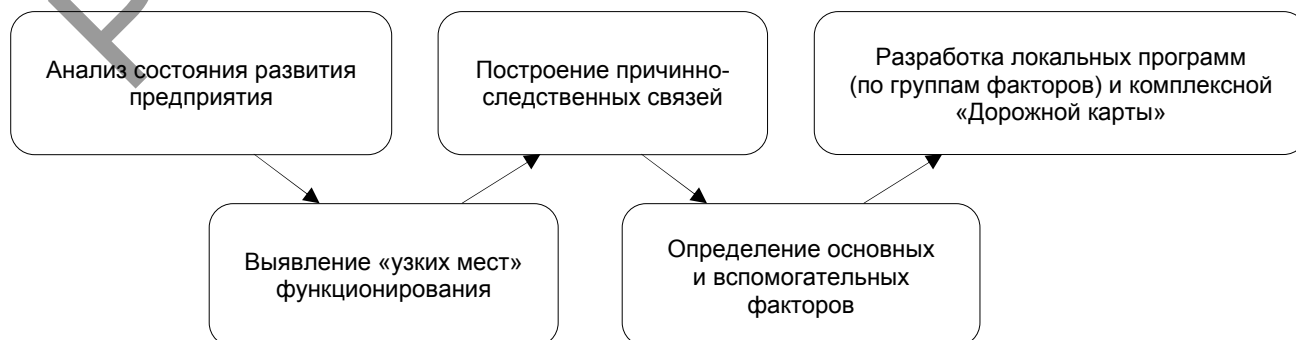

Рисунок 2. — Алгоритм построения стратегии инновационного развития промышленного предприятия

Примечание. Источник: собственная разработка.

Рисунок 3. — Многофакторность динамики инновационного развития промышленных предприятий

Примечание. Источник: собственная разработка.

Республика Беларусь, не обладая богатыми природными ресурсами, имеет громадный интеллектуальный потенциал, подтверждаемый высокими позициями в мировых рейтингах по индексу образования, показателю качества жизни населения, индексу глобальной конкурентоспособности. Используя собственные ресурсы и, самое главное, развивая их, страна создает непосредственно свои преимущества, являющиеся уникальными, получая возможность завоевания новых рыночных сегментов. Используя свой опыт, изучая и внедряя опыт результативной работы других стран, в том числе России, Китая, Республика Беларусь формирует национальную конкурентоспособную модель социально-экономической системы, способную надежно противостоять, гибко и оперативно адаптироваться ко внешним и внутренним угрозам.

В Республике Беларусь на ближайшую пятилетку определяется вектор инновационно ориентированной модели экономики в целях роста конкурентоспособности страны в мировом сообществе. Инновационные разработки, научные проекты создают условия для формирования «новой спирали» экономического, следовательно, и социального развития страны, обеспечивая рост наукоемкости производимой продукции (работ, услуг), повышение качества жизни населения. Активное международное взаимодействие в области науки, техники формирует инновационный потенциал для роста экономических и социально ориентированных индикаторов развития страны (рисунок 4).

Прогнозные значения динамики ВВП в 2020 году, согласно оценкам МВФ, составляют: –4,5 % — Россия, –5,0 % — Беларусь [6; 7], +1,2 % — Китай [8].

Существенный рост отмечен во внешнеторговых операциях Беларуси, России и Китая. Так, за 2016—2019 годы среднегодовой темп прироста внешнеторгового оборота Беларуси и России составил 14,0 %, Беларуси и Китая — 20,0 %, России и Китая — 20,0 %. При этом доля внешнеторговых операций Беларуси с Китаем в общем объеме внешнеторгового оборота страны составила 6,2 % в 2019 году (против 5,1 % в 2018 году), у России — 16,6 % (против 15,7 % в 2018 году). Статистические данные свидетельствуют о наращивании интереса в отношении взаимовыгодного сотрудничества с Китаем у Беларуси и России, что позволит увеличить объемы иностранных инвестиционных поступлений, активизировать инновационную деятельность в отраслях-локомотивах национальных социально-экономических систем (рисунки 5, 6).

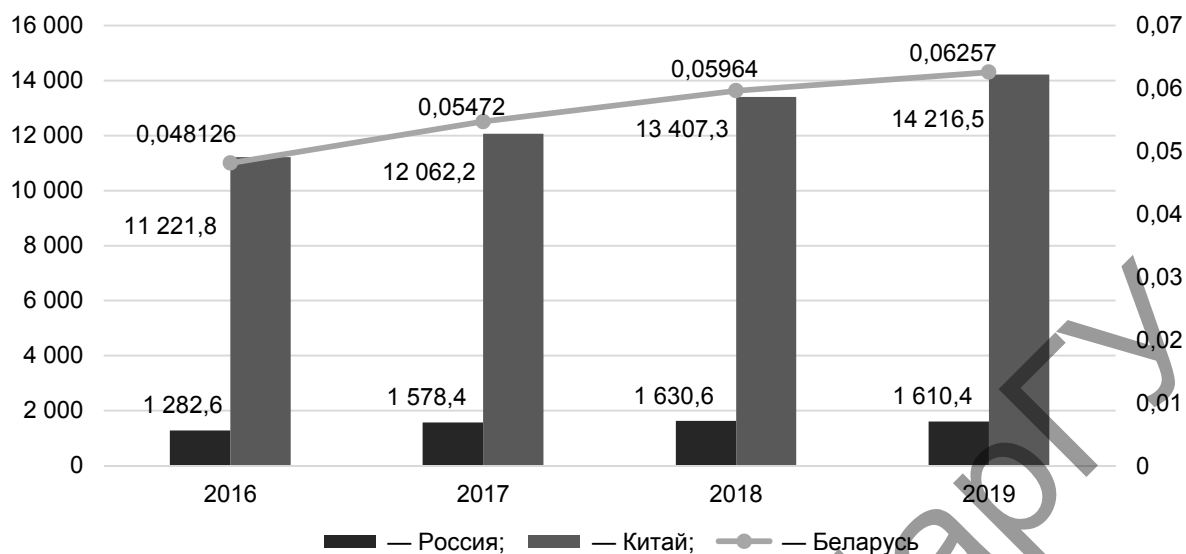

Рисунок 4. — Динамика ВВП Беларуси, Китая, России за 2016—2019 годы, трлн дол. США

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [5].

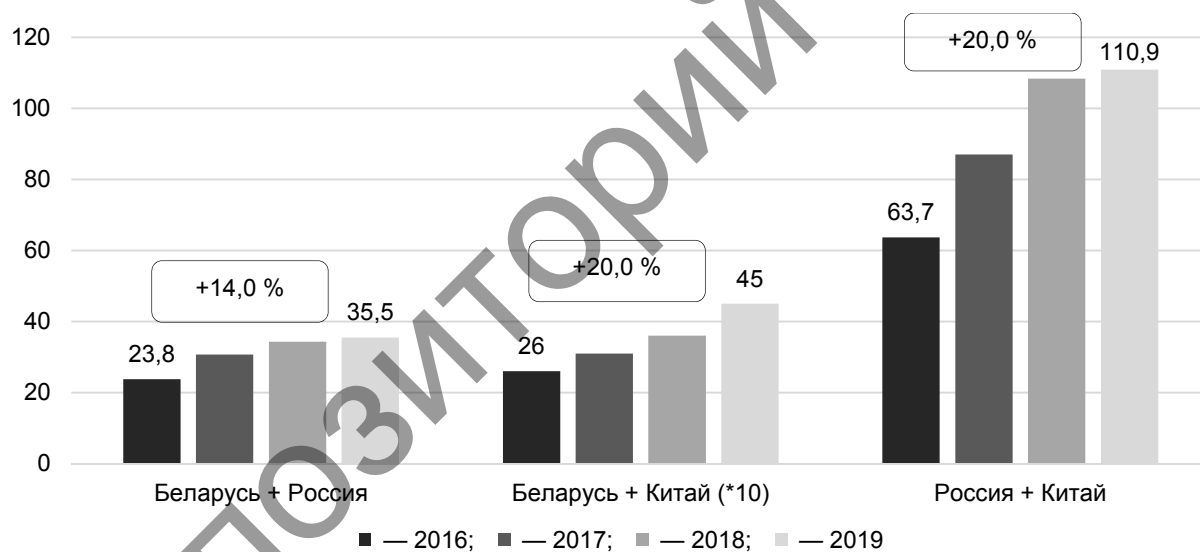

Рисунок 5. — Динамика внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2016—2019 годы, млрд дол. США

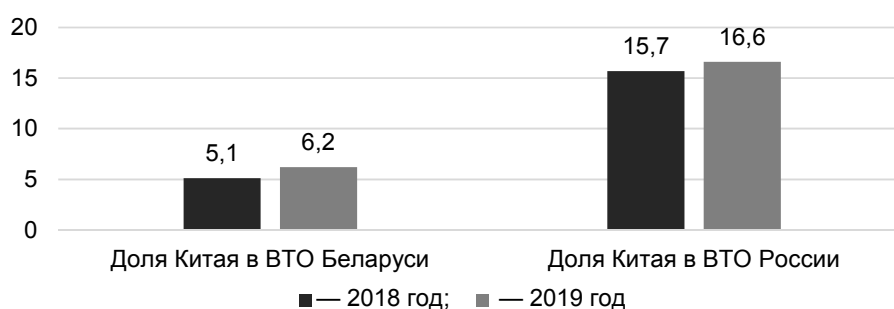

Рисунок 6. — Доля объема внешнеторговых операций Республики Беларусь и Российской Федерации с Китайской Народной Республикой, %

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [9—11].

Заключение. Представленные расчеты свидетельствуют об имеющемся потенциале развития сотрудничества Республики Беларусь с Китаем и Россией. Положительная динамика изменений значимых показателей по Беларуси определяется в первую очередь факторами интенсификации процесса научно-исследовательской, инновационной деятельности: развитие интеллектуальных ресурсов, повышение уровня наукоемкости производства, увеличение объема высокотехнологичной продукции. Ежегодно отмечается рост денежных средств, аккумулируемых в страновом бюджете, на проведение научно-исследовательских работ, создание инновационных разработок. Однако несмотря на положительную динамику, имеется отставание в долевого выражении относительно ВВП в сравнении с развитыми экономиками. Имеется острая необходимость также и в изыскании резервов, но в первую очередь привлечении иностранных инвестиций на развитие материально-технической научно-исследовательской базы в целях внедрения модели инновационного развития экономики стран. Важным аспектом во взаимодействии является, безусловно, развитие культурно-образовательной сферы, повышая уровень и качество сотрудничества организаций, создавая новые инновационные площадки, учитывая менталитет и психологию производителей и потребителей стран-партнеров. Стратегической задачей стран-партнеров является формирование комплекса крупномасштабных инновационных проектов, в первую очередь в промышленной отрасли, создание инновационно-промышленных международных кластеров, развитие международной научно-инновационной инфраструктуры, развитие интеллектуального потенциала стран в целях обеспечения роста конкурентоспособности.

Список цитируемых источников

1. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://industrialpark.by/innovacionnij-centr/obshhee-opisanie.html>. — Дата доступа: 05.08.2020.
2. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/official_documents_ru/. — Дата доступа: 05.08.2020.
3. Образовательная социальная сеть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nsportal.ru/>. — Дата доступа: 05.08.2020.
4. 30 лучших образовательных онлайн-платформ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.studyqa.com/articles/30-educational-online-platforms>. — Дата доступа: 05.08.2020.
5. ВВП Китая по годам: 1980—2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://global-finances.ru/vvp-kitaya-pogodam/>. — Дата доступа: 29.07.2020.
6. ЕБРР спрогнозировал падение российского ВВП в 2020 году на 4,5 % [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20200513/1571355623.html>. — Дата доступа: 29.07.2020.
7. ВВП Беларуси по итогам года упадет на 5 % — ЕБРР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doingbusiness.by/vvp-belarusi-po-itogam-goda-upadet-na-5---ebpr>. — Дата доступа: 29.07.2020.
8. ВВП стран мира — 2020. ВВП на душу населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://global-finances.ru/vvp-stran-mira-2020/>. — Дата доступа: 29.07.2020.
9. Товарооборот России и Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2020/RU/trade/BY>. — Дата доступа: 20.08.2020.
10. Беларусь-Китай: торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.belta.by/infographica/view/belarus-kitaj-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-16148/>. — Дата доступа: 20.08.2020.
11. Товарооборот России и Китая [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2016-2020/RU/trade/CN>. — Дата доступа: 20.08.2020.

Поступила в редакцию 02.09.2020

УДК 338.27

В. В. Климук¹, Е. В. Климук²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 712 03 00, klimuk-science@yandex.ru, ²+375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В СТРАТЕГИИ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье представлен анализ состояния инновационного развития сферы индустрии регионов Республики Беларусь за 2016—2018 годы, основанный на методах структурного, факторного анализа, индексного метода, компаративного анализа. Разработана методика оценки уровня инновационного развития промышленных предприятий страны на основе системы долевых (удельностных) и динамических (интенсивных) показателей. Представлен математический аппарат расчета каждого показателя, использованы средства визуализации проведенных расчетов. Разработана компонентная структура научно-инновационной системы страны. Проанализированы причинно-следственные связи факторов и уровня инновационного развития промышленных предприятий. Разработан комплекс предложений по активизации инновационной деятельности промышленных предприятий страны.

Ключевые слова: инновационное развитие; методика оценки; долевого показателя; динамический показатель; промышленность.

Рис. 5. Библиогр.: 16 назв.

V. V. Klimuk¹, E. V. Klimuk²

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St., 225404 Baranavichy,
Republic of Belarus, ¹+375 (29) 712 03 00, klimuk-science@yandex.ru, ²+375 (29) 823 81 06, evgenya11s@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY FOR ASSESSING THE LEVEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY IN THE STRATEGY OF NEO-INDUSTRIALIZATION

The article presents an analysis of the state of innovative development of the industry of the regions of the Republic of Belarus for 2016—2018, based on the methods of structural, factor analysis, index method, comparative analysis. A methodology has been developed for assessing the level of innovative development of industrial enterprises in the country on the basis of a system of share (specific) and dynamic (intensive) indicators. The mathematical apparatus for calculating each indicator is presented, visualization tools for the calculations are used. The component structure of the country's scientific and innovation system has been developed. The causal relationships of factors and the level of innovative development of industrial enterprises are analyzed. A set of proposals has been developed to enhance the innovative activity of industrial enterprises in the country.

Key words: innovative development; assessment methodology; share indicator; dynamic indicator; industry.

Fig. 5. Ref.: 16 titles.

Введение. С учетом выстраивания новых трендов в социально-экономическом развитии, генерирования уникальной, высокотехнологичной продукции на предприятиях формируется новый подход к производственному процессу, совершенствованию материально-технической инфраструктуры, развитию интеллектуального потенциала, что, в свою очередь, и определяет основные конкурентные преимущества хозяйствующих субъектов.

Тотальная инноватизация в территориальном векторе определяет жесткие конкурентные требования на мировом рынке. Республика Беларусь отличается положительной динамикой в инновационном развитии относительно мировых рейтингов. По глобальному индексу инноваций страна существенно повысила свои позиции: с 86-го места в 2018 году до 72-го в 2019 году из 129 стран-респондентов (с общим количеством оценочных баллов 32,07; для сравнения, лидером рейтинга является Швейцария — 67,24 балла) [1].

Следует отметить положительную динамику доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции (+6,2 % относительно 2017 года) [2], начиная с 2014 года, наблюдается посто-

янный рост доли расходов бюджета на научную, научно-техническую и инновационную деятельности в стране с 0,24 до 0,39 % к ВВП, что обусловлено внедряемыми мерами стимулирования инновационной деятельности в стране. Однако с 2016 года отмечено состояние регресса по показателю доли экспорта в общем объеме отгруженной продукции (в отрасли промышленности) с падением на 5 % [3], что свидетельствует о недостаточном уровне конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке.

В данном исследовании целевой установкой является аналитическая оценка состояния инновационного развития промышленности Республики Беларусь на основе разработанного методического инструментария в целях выявления «узких мест» и разработки комплекса предложений по повышению уровня инновационной активности промышленных предприятий.

Материалы и методы исследования. Для достижения поставленной в исследовании цели применяется статистическая база по разработанной системе индикаторов за 2016—2018 годы на основе использования статистических сборников «Статистический ежегодник Республики Беларусь», «Промышленность Республики Беларусь», «Наука и инновационная деятельность Республики Беларусь», зарубежного источника “Global Innovation Index”, а также нормативно-правовых источников, отечественных и зарубежных наукометрических баз для проведения качественного анализа использованных информационных источников.

Результаты исследования получены на основе методов компаративного, структурного, факторного анализа, индексного, программно-целевого методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Рост инновационной активности, несомненно, обусловлен развитием государственной системы стимулирования научной, научно-технической, инновационной деятельности — институциональной научно-инновационной платформы, включающей систему нормативно-правовых актов, материально-техническую инфраструктуру, совершенствование образовательных стандартов страны, международные кластеры (рисунок 1).

Данная платформа отражает эффективный механизм активизации научно-инновационной деятельности в стране (регионе, предприятии), учитывая непосредственное взаимодействие между каждым участником (реализация принципов концепции «четырёхзвенной спирали») [4]. Руководители научных организаций, Национальная академия наук, Государственный комитет по науке и технологиям определяют приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности, научные коллективы проводят исследования и создают инновационные разработки. При этом реальный сектор экономики должен апробировать и внедрить предложенный комплекс инноваций. Глава государства А. Г. Лукашенко 23.01.2020 на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и научно-педагогическим работникам указал на обязательную необходимость применения научных разработок «на деле»: «Что касается практикоориентированности — это жесткое мое требование!» [5].

Инновации формируют потенциал роста предприятия, региона, обуславливают текущий уровень его конкурентоспособности. Данный показатель должен быть контролируемым систематически в целях оперативного принятия управленческих решений относительно реализуемой стратегии развития субъекта с учетом выявленных отклонений.

Оценка инновационного развития позволит осуществлять промежуточный мониторинг, следовательно, оперативный анализ и экспресс-корректировку разработанных программы и стратегии инновационного развития с учетом адаптационных процессов в социально-экономической региональной системе. Комплекс механизмов стимулирования позволит создать портфель рычагов, способствующих развитию научно-инновационной инфраструктуры региона.

Для оценки уровня инновационного развития предприятия (региона, страны) применяется ряд отечественных и зарубежных методик, которые основаны на выработке системы индикаторов, их расчете в целях определения интегрального показателя.

В международной практике накоплен значительный опыт по методикам оценки инновационного развития регионов (стран): The European Innovation Scoreboard (Европейское инновационное обследование), Portfolio Innovation Index (Сводный индекс инновационного развития), The International Innovation Index (Международный инновационный индекс), The Global Competitiveness Index (Международный индекс конкурентоспособности), The Global Innovation Index (Международный инновационный индекс).

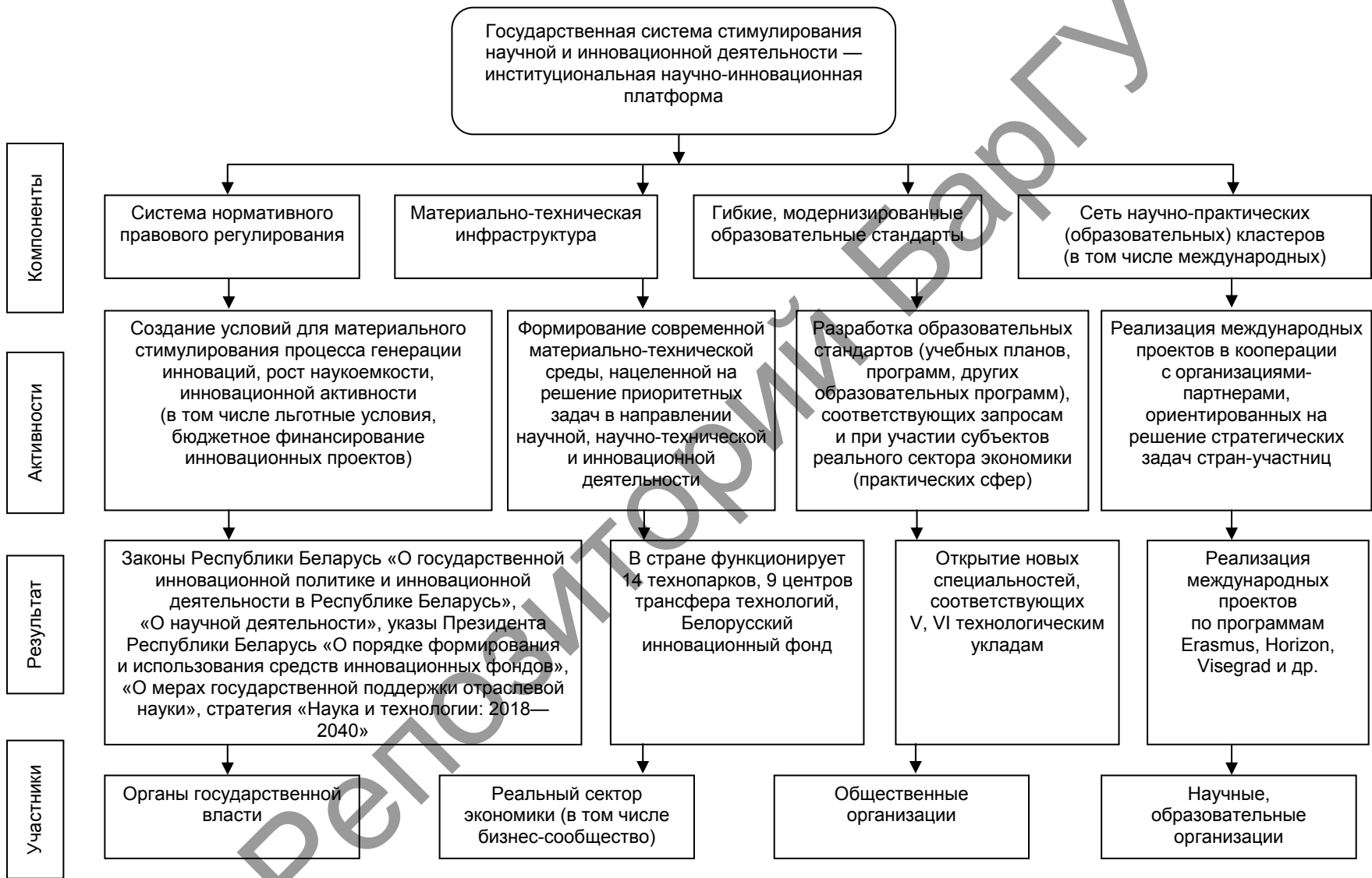

Рисунок 1. — Компонентная структура развития научно-инновационной активности в Республике Беларусь

Среди отечественных методических инструментариев оценки уровня инновационного развития следует выделить методику оценки уровня инновационной активности промышленных предприятий Л. М. Гохберга, И. А. Кузнецовой [6], методику оценки инновационной активности А. А. Трифиловой [7], методику оценки относительной инновационной активности Е. Балацкого, В. Лапина [8], методику оценки инновационной активности С. М. Бухоновой, Ю. А. Дорошенко [9], методику интегральной оценки инновационной активности макрорегионов Г. О. Читая [10], методику оценки инновационного потенциала Ю. Максимова, С. Митякова, О. Митяковой, Т. Федосеевой [11], методику расчета сводного показателя инновационного развития (инновационный потенциал, риск и активность) Н. А. Кузьминых [12].

В представленных методиках отсутствует учет значимости (важности) показателя на основе объективного анализа, в некоторых не предусмотрено использование стандартизированных коэффициентов для индикаторов с разными единицами измерения, применение методик экспертных оценок, а также отсутствие интегрального (комплексного) показателя.

Исходя из анализа существующих методик, оценку инновационного развития индустриального сектора экономики целесообразно проводить как комплексную, так и в локальном разрезе (в целях выделения «точек роста» и «узких мест»), что представлено в методическом инструментарии В. В. Климука, О. А. Черновой [13—15].

Для комплексной оценки инновационного развития промышленных предприятий предлагается система следующих индикаторов:

- 1) доля инновационно активных организаций, осуществляющих затраты на технологические инновации, в общем количестве организаций региона;
- 2) доля произведенной инновационной продукции (работ, услуг) в стоимостном выражении (в том числе стоимость реализуемых инновационных проектов) в общем объеме произведенной продукции региона;
- 3) доля внутренних затрат на научные исследования, инновационную деятельность (инвестиции) в общем объеме внутренних отраслевых затрат региона;
- 4) темп изменения объема произведенной инновационной продукции, новой для внутреннего рынка;
- 5) темп изменения поступления иностранных инвестиций на научную деятельность.

Данный комплекс показателей сформирован на основе размещенной в открытом доступе статистической информации. Предлагаемая методика оценки уровня инновационного развития отрасли основана на двух видах показателей: 1) расчет интенсивных показателей (на основе темпов изменения системы показателей); 2) расчет индексов максимизации по удельностным (долевым) и интенсивным (динамическим) показателям.

Удельностные и интенсивные показатели позволяют учитывать как уровень значимости соответствующего показателя, так и степень его динамики. Индексы максимизации позволят отразить состояние инновационной деятельности отрасли (по отдельному аспекту) в отчетном периоде относительно наилучшего значения за анализируемый период (максимального — для положительных показателей, минимального — для отрицательных показателей). На данной основе можно будет также судить о смене приоритетов в укреплении и развитии отрасли. Визуализацию результатов оценки можно представить в форме матрицы, формирующей целостное и точечное (компонентное) мнение об уровне инновационного развития отрасли.

Методика оценки уровня инновационного развития базируется на расчете интегрального индикатора — уровня инновационного развития отрасли. Алгоритм расчетов включает следующие этапы.

1. Расчет интенсивных (динамических) значений (темпов изменения) (T) i -х показателей системы: $T_i = D_{\phi} / D_{\phi-1}$, где D_{ϕ} , $D_{\phi-1}$ — фактическое значение показателя и значение в предыдущем периоде соответственно.

2. Расчет долевых индексов максимизации (минимизации) (M): $M^+ = \frac{D(T)_{\phi}}{D(T)_{\max}}$ $M^- = \frac{D(T)_{\min}}{D(T)_{\phi}}$, где

M^+ , M^- — индексы максимизации и минимизации для показателей, рост которых положительно влияет на уровень инновационного развития отрасли, и для показателей, рост которых отрицательно воздействует на уровень инновационного развития отрасли соответственно; $D(T)_{\max}$, $D(T)_{\min}$ — максимальное и минимальное значения интенсивного показателя в системе за анализируемый период соответственно.

Преимуществами предложенной методики оценки инновационного развития являются:

– алгоритм расчета основан на получении результатов по каждому направлению (компоненте), что позволяет определить сильные и слабые стороны;

– универсальность методики дает возможность сопоставить различные по своей специфике деятельности, развитию отрасли (предприятия, регионы, страны) и определить наиболее значимые для экономики страны предприятия (отрасли, регионы), а также вектор инвестиций для достижения отдачи вложенных ресурсов;

– интегральный результат позволяет сделать вывод о комплексном уровне инновационного развития предприятия (отрасли, региона, страны) в динамике, что определяет рейтинг исследуемого объекта и обосновывает инвестиционную целесообразность;

– применение долевых показателей позволяет использовать ранжированный подход путем группировки регионов (предприятий) по степени инновационной активности, а также отслеживать текущую степень достижения запланированных показателей и динамику инновационного развития исследуемых регионов (предприятий, отраслей, стран).

Представим апробацию разработанной методики оценки уровня инновационного развития на примере индустриального сектора экономики Республики Беларусь. На основе использования статистических данных за 2016—2018 годы [16] по ряду предложенных индикаторов промышленности Республики Беларусь с помощью разработанного методического аппарата выполним расчеты по оценке комплексного уровня инновационного развития.

1. Динамические индексы по каждому показателю системы превышают уровень устойчивости системы, равный 1. Данный результат свидетельствует о возрастающей роли государства в направлении стимулирования инновационной трансформации национальной социально-экономической системы, развития государственной научно-инновационной инфраструктурной сети, усиления форм государственно-частного партнерства, усиления научно-производственной кооперации (рисунок 2).

2. Долевые индексы инновационного развития характеризуют уровень резерва, недоиспользованного потенциала (значения должны стремиться к 1). Результаты расчетов отражают положительную динамику по каждому анализируемому показателю, кроме иностранных инвестиций (резерв — 15 %) (рисунок 3), что обосновывает актуальность разработки и применения программы («дорожной карты») развития инвестиционного климата в целях привлечения иностранных капиталовложений в первую очередь в инновационные проекты.

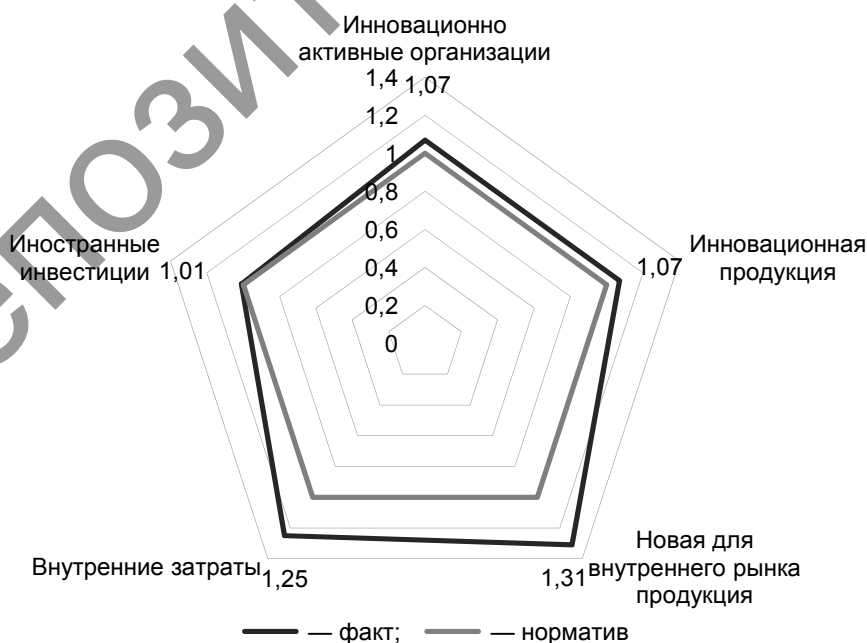

Рисунок 2. — Динамические индексы инновационного развития промышленности страны

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [16].

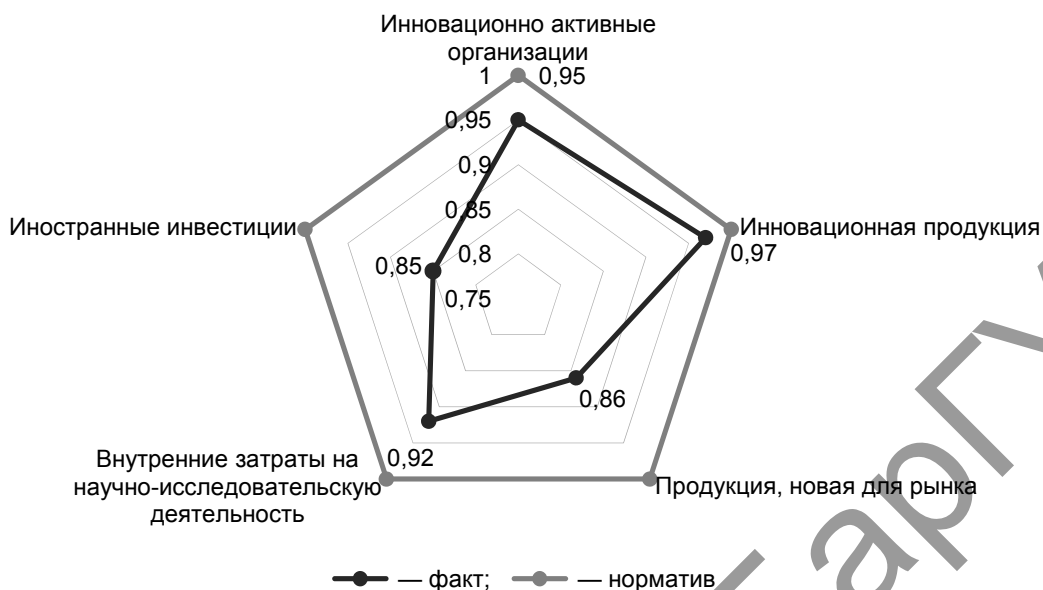

Рисунок 3. — Долевые индексы инновационного развития промышленности страны

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [16].

3. Комплексные индексы инновационного развития являются интегральными показателями, отражающими уровень динамики инновационного развития и определяющими векторы развития национальной социально-экономической системы в стратегии инноватизации (рисунок 4).

Результаты расчетов отражают важнейшую роль государства в стимулировании инновационной активности промышленных предприятий страны (рост внутренних затрат на научные исследования и инновационную деятельность, увеличение доли производимой инновационной продукции, новой для внутреннего рынка), что является внутренним (эндогенным) механизмом.

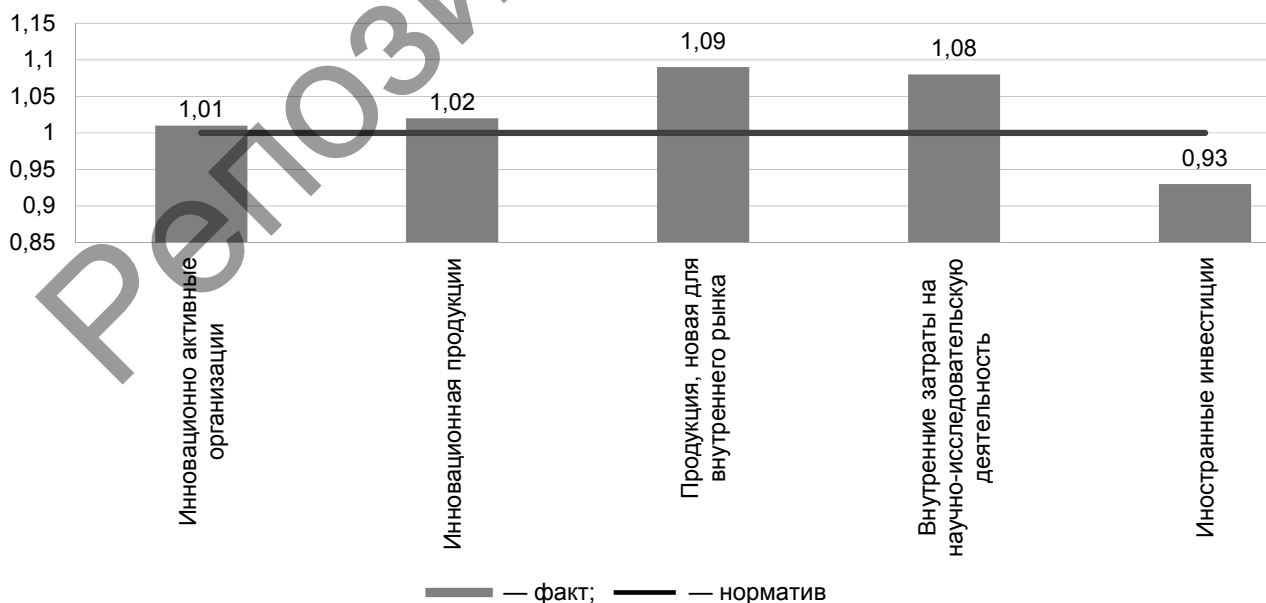

Рисунок 4. — Комплексные индексы инновационного развития промышленности страны

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [16].

Заключение. В целях наращивания инновационного потенциала промышленности имеется резерв в реализации алгоритмов привлечения иностранных инвестиций для инновационных стартап-проектов. В качестве предложений по повышению инновационной активности промышленных предприятий страны следует отметить (рисунок 5):

1) расширение практики применения системы грантовой поддержки инновационных идей со стороны частных предприятий;

2) развитие инфраструктуры научно-производственного лабораторного (экспериментального) комплекса на базе промышленных предприятий, в том числе создание совместных лабораторий с иностранными партнерами;

3) развитие информационно-коммуникационной сети трансфера (продвижения) инновационных идей (предложений) для иностранных потенциальных заказчиков (партнеров, инвесторов);

4) совершенствование системы нормативно-правового регулирования научной-исследовательской, инновационной деятельности в направлении конкретизации, практикоориентированности результатов, «гибких условий» финансирования научной и инновационной деятельности организаций (планирование финансирования науки и инноваций по итогам работы за анализируемый период, предоставление вариантов диверсификации использования выделенных средств в рамках поставленной цели и задач).

Разработанная методика позволяет на основе системы индикаторов представить объективную комплексную оценку уровня инновационного развития отрасли, учитывая и факторы динамики, и недоиспользованный потенциал (резерв роста).

Проведенные расчеты характеризуют динамичность процесса развития инновационного потенциала индустриального сектора в первую очередь за счет существенного усиления роли государства в направлении активизации и стимулирования научной, инновационной деятельности, увеличения доли бюджетного финансирования научной, инновационной деятельности.

Рисунок 5. — Направления повышения инновационной активности промышленных предприятий страны

Реализация предложенных механизмов позволит повысить уровень инновационной активности промышленных предприятий страны, что обеспечит планомерную, эффективную траекторию трансформации действующей модели индустриального развития в неоиндустриальный вектор.

Список цитируемых источников

1. Global Innovation Index 2019. Creating Healthy Lives — The Future of Medical Innovation. — Editors : Soumitra Dutta, Bruno Lanvin and Sacha Wunsch-Vincent. — 12th Edition. — 451 p.
2. Наука и инновационная деятельность Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2019. — 180 с.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2019. — 185 с.
4. Carayannis, E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness / E. Carayannis, E. Grigoroudis // Foresight and STI Governance. — 2016. — Vol. 10. — № 1. — P. 31—42.
5. Вручение дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и научно-педагогическим работникам [Электронный ресурс] / Сайт Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vruchenie-diplomov-doktora-nauk-i-attestatov-professora-nauchnym-i-nauchno-pedagogicheskim-rabotnikam-22921. — Дата доступа: 10.02.2020.
6. Гохберг, Л. М. Анализ и перспективы статистического исследования инновационной деятельности в экономике России / Л. М. Гохберг, И. А. Кузнецова // Вопр. статистики. — 2004. — № 9. — С. 3—15.
7. Трифилова, А. А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия / А. А. Трафимова. — М. : Финансы и статистика, 2005. — 304 с.
8. Балацкий, Е. Инновационный сектор промышленности / Е. Балацкий, В. Лапин // Экономист. — 2004. — № 1. — С. 20—33.
9. Бухонова, С. М. Методика оценки инновационной активности организаций / С. М. Бухонова, Ю. А. Дорошенко // Экон. анализ: теория и практика. — 2005. — № 1. — С. 2—8.
10. Читая, Г. О. Инновационный детерминант промышленного развития макрорегионов России / Г. О. Читая // Федератив. отношения и регион. соц.-экон. политика. — 2006. — № 3. — С. 51—63.
11. Инновационное развитие экономической системы: оценка инновационного потенциала / Ю. Максимов [и др.] // Инновации. — 2006. — № 6. — С. 53—56.
12. Кузьминых, Н. А. Подходы к оценке результатов инновационного развития / Н. А. Кузьминых // Вестн. Самар. гос. ун-та. — 2011. — С. 46—51.
13. Klimuk, V. V. Interaction of education, science and business in terms of digital economy development / V.V. Klimuk, V. Lazdins // Proceedings of the 2019 International Conference “Economic science for rural development”. — Jelgava, LLU ESAF, 9—10 May 2019. — P. 37—48.
14. Климук, В. В. Концепция четырехзвенной спирали в стратегиях «умной специализации» промышленного развития / В. В. Климук, О. А. Чернова // Естествен.-гуманитар. исслед. — 2019. — № 25. — С. 179—184.
15. Климук, В. В. Развитие инструментария оценки эффективности использования материальных ресурсов промышленного предприятия : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. — 24.12.2015. — Ростов н/Д, 2015. — 38 с.
16. Промышленность Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2019. — 199 с.

Поступила в редакцию 03.08.2020

УДК 338.27

Н. А. Курбеко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 757 95 17, kurbeko00@inbox.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАКТОВКИ СУЩНОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В работе рассмотрены функциональная роль и отличительные особенности трактовки понятия сущности реального сектора экономики. Проведена сравнительная характеристика теоретических подходов к определению понятия «реальный сектор экономики», отражены достоинства и недостатки каждой экономической модели, выделены критерии определения реального сектора и даны их пояснения. Отмечены особенности воспроизводственной структуры реального сектора экономики.

Основой методологии исследования являются труды зарубежных и отечественных авторов, раскрывающие сущность понятия «реальный сектор экономики». Проведен анализ различных точек зрения по трактовке реального сектора экономики.

На основе проведенного исследования автором указывается особое назначение реального сектора экономики, выделены функции, которые классифицированы и описаны.

Ключевые слова: реальный сектор; структура; подсектор нефинансовых услуг; функции; экономическая система.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 9 назв.

N. A. Kurbeka

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, +375 (29) 757 95 17, kurbeko00@inbox.ru

THEORETICAL ASPECTS OF THE INTERPRETATION OF THE ESSENCE OF THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

The article presents the functional role and distinctive features of real economy sector's concept. The comparison of theoretical approaches to the definition of "real sector" as well as advantages and disadvantages of each economy model and the criteria of defining the real sector are included and given explanations. The features of the reproductive structure of the real sector of the economy are highlighted.

The basis of the methodology of the research are the works that discover the essence of "real economy sector" of foreign and native authors.

On the basis of the study, the author indicates the special purpose of the real sector of the economy and highlights the functions that are classified and described.

Key words: real sector; methodology; structure; subsector of nonfinancial services; functions; economic system.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 9 titles.

Введение. В современных условиях хозяйствования понятие «реальный сектор экономики» стало использоваться достаточно активно как в экономической науке, так и в лексиконе политиков и публицистов. Исследуя роль реального сектора экономики, необходимым является определение сущности этого сектора. Учитывая теоретико-методологическую точку зрения, подход к традиционному определению реального сектора экономики связан с пониманием производительного и непроизводительного труда, с определением воспроизводственно-отраслевых сфер, где производится валовый внутренний продукт (далее — ВВП). Отсюда актуальными являются вопросы: в чем сущность реального сектора экономики? Какая функциональная значимость реального сектора в воспроизводственном процессе? «В идеале основной целью регулирования деятельности предприятий различных форм собственности со стороны государственных властных структур является повышение эффективности их функционирования и в конечном счете — темпов экономического роста» [1].

Материалы и методы исследования. В большинстве экономически развитых стран в конце XIX века ВВП формировался главным образом за счет отраслей материального общественного производства реального сектора экономики. В XXI веке экономическая деятельность выходит за пределы индустриального строя, традиционно понимаемой сферы материального производства реального сектора. В настоящее время огромное значение приобретают информационные ресурсы во времени и пространстве.

В современных условиях высокоразвитой постиндустриальной экономики сложно выделить определенные виды экономической деятельности, которые совсем не участвуют в создании ВВП, так как практически все виды экономической деятельности являются ценными, полезными, социально значимыми и участвующими в создании ВВП. Отсюда основной критерий определения сущности реального сектора экономики, учитывая участие тех или иных видов экономической деятельности в создании ВВП, является актуальным и в настоящее время.

Результаты исследования и их обсуждение. Основные проблемные аспекты при определении сущности реального сектора экономики заключаются в том, что существует несколько теоретических подходов к определению понятия «реальный сектор экономики». Проводя сравнительную характеристику теоретических подходов к определению понятия «реальный сектор экономики», необходимо отразить достоинства и недостатки каждой экономической модели. Обращаясь к справочной литературе, можно отметить, что выделяют маржиналистско-монетаристский подход, выдвинутый такими представителями в сфере «виртуальной» экономики, как К. Гедди, Б. Айсес, А. Илларионов, и марксистский подход, основоположником которого является К. Маркс (таблица 1).

В маржиналистско-монетаристском подходе (англ. *marginal* предельный) реальной экономике противопоставляется виртуальная, или фиктивная, продукция, которая реализуется не посредством денежного обмена, а бартерным путем. Данная составляющая учитывается в «официальном» ВВП, но не является рыночной, а потому и вообще реальной. Следовательно, даже материальное производство с этой точки зрения является нерешенным, «виртуальным», не создающим стоимости, если его продукция не реализуется за деньги.

Иными словами, критерием отнесения производства материальной продукции к сфере либо реального, либо виртуального сектора экономики выбрана форма меновой стоимости (денежная или неденежная), а наличие стоимости выводится из оплачиваемой цены. Подразумевается такое направление экономической теории, которое основывается на определении функции спроса и цен субъективными предельными оценками полезности продуктов.

Представители маржиналистских взглядов относились к разным школам экономики. Например, австрийскую школу представляют К. Менгер, Ф. Визер и Е. Бем-Бабек, к лозаннской экономической школе можно отнести Л. Вальраса и В. Парето, представителями английской школы являются У. Джевонсом и Ф. Эджуортом, в свою очередь, кембриджская школа представлена А. Маршаллом и А. Пигу, а Джон Бейтс Кларк — яркий приверженец маржинализма и основатель американской школы.

С точки зрения представителей марксистского подхода, при котором основные теоретические идеи предложил Карл Маркс, реальный сектор экономики должен включать в себя прежде всего материальное производство, торговлю и часть финансового сектора, её представляет посредническая деятельность банков и страховых учреждений. Банковская и страховая прибыль вносит свой вклад в ВВП, но операции, связанные с приобретением финансовых обязательств и финансовых активов как перераспределенческие, в создании ВВП не участвуют и образуют нереальный финансовый сектор экономики (его иногда принято называть «финансовым сектором в узком смысле»).

Т а б л и ц а 1. — Теоретические подходы к определению понятия «реальный сектор экономики»

Подход	Проблемный аспект	Представители
Маржиналистско-монетаристский	Реальная экономика. Виртуальная, фиктивная продукция. Критерий — форма меновой стоимости (денежная или неденежная). Наличие стоимости выводится из оплачиваемой цены	К. Гедди, Б. Айсес, А. Илларионов
Марксистский	Реальный сектор включает материальное производство, торговлю и часть финансового сектора, представленную посреднической деятельностью банков и страховых учреждений (банковская и страховая прибыль), которая вносит свой вклад в ВВП	К. Маркс, В. Н. Черковец
Традиционный (классический)	Гипотеза приоритета реального сектора над финансовым сектором и наличием конвергенции между ними	Х. Гессе, А. Навой
Современный	Гипотеза приоритета финансового сектора над реальным и дивергенции между ними	Х. Херр, Х. Титмейера, Б. Брааш, М. Гейне

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [2].

В научном труде «Капитал» К. Маркса вопрос о реальном и финансовом секторах и их соотношении и взаимодействии не возникает в прямой постановке вообще, предметом «Капитала» выступают общественно-производственные, а именно товарно-капиталистические отношения. Ключевая задача в «Капитале» заключается в том, чтобы выяснить источник прироста капитала и внутренние условия для постоянного воспроизводства капитала, что происходит в форме его непрерывного оборота.

Экономика XXI века не похожа на экономику времен К. Маркса. На современном этапе она переживает значительные структурные сдвиги, которые выражаются в уменьшении доли материального производства при одновременном оттоке человеческих и иных ресурсов из реального сектора и увеличении темпа роста финансовых и нефинансовых услуг в развитых национальных хозяйствах [3].

В настоящее время взаимосвязь реального и финансового секторов экономики определяется двумя основными подходами. Традиционный (классический) подход к исследованию сущности и роли реального сектора экономики базируется на гипотезе приоритета реального сектора над финансовым сектором и наличии конвергенции между ними. В основе современного подхода лежит гипотеза приоритета финансового сектора над реальным и дивергенции между ними [4]. Позиции ряда ученых совпадают со взглядами К. Маркса, Х. Гессе, Б. Брааш, Д. Тобина, Д. Стиглица, М. Гейне, Х. Херр, Х. Титмейера, И. Афанасенко, О. Молчановой, В. Бурлачкова, А. Навой.

Тем не менее реальный сектор должен играть определяющую роль в экономике страны. Он, прежде всего, необходим для общественного воспроизводства, поддержания национальной и экономической безопасности, обеспечения занятости населения.

Согласно информации, представленной в «Экономической энциклопедии» 1999 года под редакцией Л. И. Абалкина, трактовка сущности реального сектора экономики выглядит следующим образом: «Реальный сектор включает промышленное производство, состоящее из предприятий добывающей и перерабатывающих отраслей промышленности, сельское хозяйство, сферу оказания промышленных, бытовых и прочих услуг» [5].

Анализ литературных источников по изучению теоретических аспектов сущности реального сектора экономики показывает, что в настоящее время нет единой общей точки зрения и толкования понятия «реальный сектор экономики», где учитывалась бы вся его универсальность. Так, экономисты Э. Ю. Терещенко и Ю. К. Беседа под реальным сектором экономики понимают часть экономики страны, представленную совокупностью отраслей материального производства, направленных на развитие хозяйствующих субъектов, основной деятельностью которых является производство товаров и услуг, обусловленных обслуживанием процесса производства и доведением готовых товаров до потребителя [6]. Кроме того, определение понятия «реальный сектор экономики» практически отсутствует в большинстве учебных, справочных и энциклопедических изданий, а в тех относительно немногих источниках, где такое определение дается, нет единства критериев для его трактовки. Данное обстоятельство затрудняет определение границ взаимодействия реального и финансового секторов, выявление факторов устойчивости и сбалансированности экономической системы в целом [7].

Стоит отметить, что существует определенное мнение, где реальный сектор экономики разделен на следующие сектора по содержанию созданных материальных ценностей:

1) к первичному сектору относится производство сырья — отрасли, связанные с добычей сырья и его переработкой (сельское, охотничье, лесное и рыболовное хозяйство, горнодобывающая промышленность, включая добычу топлива);

2) вторичный сектор включает товаропроизводство. В этой сфере используются материалы первичного сектора, а на основе этого сырья производится продукт, предназначенный для потребления, продажи или использования в других отраслях экономики;

3) третичный сектор характеризуется производством материальных услуг, к нему относится строительство и транспорт, связь и коммуникации, торговля, туризм, здравоохранение, а также коммунальное хозяйство в части электро-, газо- и водоснабжения;

4) четвертичный сектор представляет собой области экономики, входящие в понятие экономики знаний. Это информационные технологии, образование, научные исследования и разработки, глобальный маркетинг, а также прочие услуги, связанные не с производством как таковым, а с его планированием и организацией.

Необходимо отметить, что в настоящее время многие исследователи данного направления выделяют пятеричный сектор, который объединяет услуги, совершенствующие и расширяющие человеческие способности. Это, как правило, медицинское обслуживание, образование, научные исследования, рекреационные услуги и искусство.

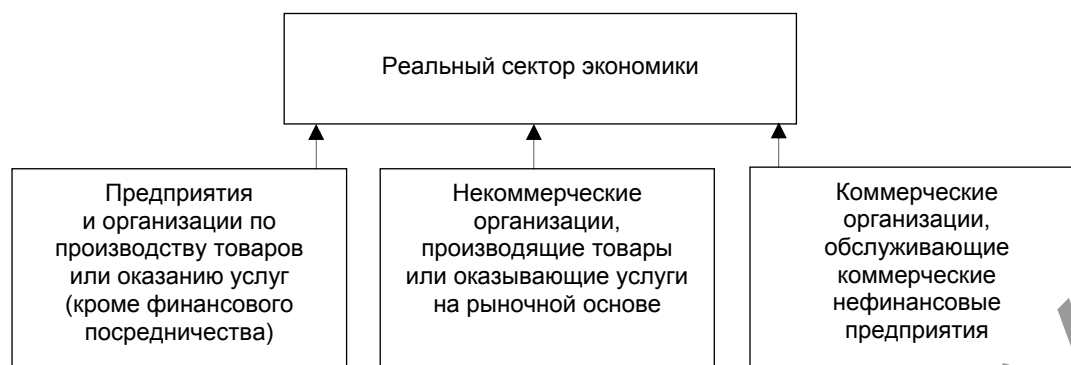

Рисунок 1. — Структура реального сектора на основе группировки системы национальных счетов по типу экономического поведения

Акцентируя внимание на описанном выше разделении на секторы, напрашивается вывод, что реальный сектор экономики представляет собой совокупность видов экономической деятельности, в которых создаются материальные и нематериальные товары и услуги, которые могут удовлетворять потребности населения, за исключением финансовых, кредитных и обменных операций, которые относятся к финансовому сектору экономики.

Происходящие перемены прикладного характера обуславливают необходимость дальнейшего развития, расширения и совершенствования теоретико-методологической базы в области взаимодействия банковского и реального секторов экономики [8].

Учитывая вышеизложенные трактовки сущности реального сектора экономики, стоит также отметить, что и в подходе профессора В. Н. Черковца ВВП выступает как индикатор, «критерием отнесения отраслей экономики к ее реальному сектору является соблюдение принципа участия в производстве внутреннего валового продукта» [9].

При данном подходе возникают следующие вопросы: будет ли торговля включаться в сферу оказания промышленных услуг? Включают ли «прочие услуги» услуги, предоставляемые учреждениями денежного, фондового и страхового рынков?

Ответы на поставленные вопросы дает существующий подход к определению понятия «реальный сектор экономики», основанный на применяющейся в системе национальных счетов группировке субъектов экономики по типу экономического поведения (рисунок 1).

Тип экономического поведения определяется теми мотивами и стимулами, которыми руководствуются субъекты экономики в осуществлении своей экономической деятельности. Группировка по типу экономического поведения дает секторную структуру экономики страны [2].

Сектор национальной экономики, как правило, составляет совокупность институциональных единиц, имеющих сходные экономические цели, функции и поведение, центр экономических интересов этих резидентов находится на экономической территории страны.

Заключение. При анализе теоретических аспектов и различных точек зрения к подходам и трактовкам сущности понятия «реальный сектор экономики» напрашивается вывод, что реальный сектор экономики представляет собой совокупность отраслей производственной и непроизводственной сфер деятельности, производящих материальные и нематериальные товары и оказывающих нефинансовые услуги.

Реальный сектор экономики является структурированным экономическим образованием. Структура реального сектора экономики состоит из предприятий (организаций) сектора нефинансовых корпораций, где воспроизводятся все товары и услуги, реализуемые на свободном рынке, не включая услуги финансового посредничества. В реальный сектор экономики входят сразу несколько экономических отраслей, каждая из которых занимается несколькими видами продукции: материальной и нематериальной. Под реальным сектором подразумевается не только система производства материальных благ, но также и сфера непосредственного предоставления услуг, где включены услуги науки и образования, ИТ-услуги, услуги торговли, туристические услуги.

В настоящее время ядро реального сектора экономики Республики Беларусь составляет производство промышленной и сельскохозяйственной продукции. Сфера производства является основой

реального сектора экономики Республики Беларусь, и, как правило, именно материальные и нематериальные товары и услуги реального сектора экономики страны формируют преимущественную часть экспорта Беларуси и полностью формируют ВВП государства.

Реальный сектор экономики отражает реальные экономические операции в экономике между домашними хозяйствами, финансовыми и нефинансовыми корпорациями, органами государственного управления и остальным миром. Прогнозирование реального сектора заключается в прогнозе ВВП, отражающего рыночную стоимость конечных товаров и услуг, произведенных в стране за определенный период. Основным инструментом обеспечения устойчивости развития национальной экономики и решения социальных задач является дальнейший рост ВВП, развитие межотраслевых комплексов и отраслей народного хозяйства Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Лученок, А. И. Институты права экономики / А. И. Лученок. — Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. — Минск : Беларус. навука, 2018. — 279 с.
2. Балаганский, С. П. Реальный сектор экономики как объект экономического анализа / С. П. Балаганский // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. — 2012. — С. 9—12.
3. Зуева, О. А. Взаимосвязь реального и финансового секторов экономики / О. А. Зуева, О. С. Зыбин // Экономика и предпринимательство. — 2013. — Ч. 2, № 12. — С. 153—156.
4. Зуева, О. А. Современный подход к исследованию роли и конвергенции реального и финансового секторов экономики / О. А. Зуева // Экономика и экон. менеджмент. — 2015. — № 1.
5. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин. — М., 1999. — 819 с.
6. Терещенко, Э. Ю. Теоретические аспекты определения понятия и структуры реального сектора экономики / Э. Ю. Терещенко, Ю. К. Беседа // Наука и экономика. — 2011. — № 2 (22).
7. Каткова, М. А. Устойчивость институциональной системы / М. А. Каткова // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. — 2010. — № 1 (30).
8. Рахметова, А. М. К вопросу о классификации форм взаимодействия банковского и реального секторов экономики / А. М. Рахметова // Финансы: теория и практика. — 2013. — № 2.
9. Черковец, В. Н. О содержании понятия «реальный сектор экономики» и роли материального производства / В. Н. Черковец // Рос. экон. журн. — 2001. — № 11—12.

Поступила в редакцию 30.09.2020

УДК 658.8

Р. А. Лизакова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 175 48 44, roza.gomel@yandex.by

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МАРКЕТИНГА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Целью исследования являлось изучение схемы бизнес-процессов при сложившихся взаимоотношениях между контрагентами на примере отраслевого рынка легкой промышленности и выделение «узких» мест, существование которых обусловлено отсутствием бизнес-сетей, связанных формированием цепочки ценностей. В результате проведенного анализа предлагается схема описания бизнес-сетей на основе принципов маркетинга взаимодействия: дана последовательность их формирования, выделены положительные аспекты такого построения бизнес-процессов, акцентировано внимание на формирование горизонтальных связей между контрагентами. Предлагаемый подход может являться основой для начала формирования совместного создания ценностей всеми участниками бизнес-процесса на рынке товаров широкого потребления.

Ключевые слова: маркетинг взаимодействия; контрагенты; бизнес-процессы.

Рис. 1. Библиогр.: 3 назв.

R. A. Lizakova

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, +375 (29) 175 48 44, roza.gomel@yandex.by

IMPLEMENTATION OF INTERACTION MARKETING PRINCIPLES IN THE BUSINESS PROCESSES OF DOMESTIC ENTERPRISES

The purpose of the study was to study the scheme of business processes in the existing relationships between contractors on the example of the light industry market and identify “bottlenecks”, the existence of which is due to the lack of business networks associated with the formation of a value chain. As a result of the analysis, a scheme for describing business networks based on the principles of interaction marketing is proposed: the sequence of their formation is given, the positive aspects of such business processes are highlighted, and attention is focused on the formation of horizontal relationships between contractors. The proposed approach can be the basis for starting the formation of joint value creation by all participants in the business process in the consumer goods market.

Key words: interaction marketing; contractors; business processes.

Fig. 1. Ref.: 3 titles.

Введение. Текущие конкурентные условия объективно диктуют отечественным производителям необходимость внедрения современных методов управления в целом и маркетинговых концепций в частности. На сегодня в ведущих компаниях уже внедрена концепция маркетинга взаимодействия и взаимоотношений. Сложность внедрения состоит в пересмотре взглядов на отношения с контрагентами относительно концепции традиционного маркетинга. Безусловно, мониторинг действий конкурентов, исходя из предыдущих концепций маркетинга, остается актуальным и само собой разумеющимся, но сейчас акцент перенесен на взаимоотношения участников бизнес-процесса, т. е. всех заинтересованных сторон: само предприятие-производитель, потребители, поставщики, сбытовые партнеры и другие заинтересованные участники. Отечественные предприятия сегодня вынуждены активно искать новые способы и методы активизации всех сфер организации бизнеса, так как только комплексный подход к решению совокупности текущих проблем, стоящих перед производителем, позволит запустить и отладить механизмы, которые позволяют обеспечить хотя бы требуемый уровень конкурентоспособности выпускаемой продукции. В рамках данной статьи автору хотелось бы рассмотреть именно планы реализации концепции маркетинга взаимодействия как залога построения эффективной, а главное взаимовыгодной системы управления бизнесом.

Методология и методы исследования. При написании материалов были использованы общеизвестные труды классиков маркетинга, ученых и практиков, занимающихся вопросами внедрения концепции маркетинга взаимодействия в бизнес-процессы. На основе анализа внутренних материалов

предприятий легкой промышленности, экспертных оценок практиков, обсуждения ряда тезисов на международных конференциях, изучения технологии формирования и организации управленческих процессов товародвижения были определены основные векторы формирования бизнес-процессов с учетом концепции маркетинга взаимодействия.

Результаты исследования и их обсуждение. Термин «маркетинг взаимодействия (взаимоотношений)» имеет большое количество определений, как и сама категория «маркетинг». В. П. Неганова приводит около сорока определений данной категории, исходя из имеющихся подходов. В частности, приведено определение Ф. Котлера маркетинга взаимоотношений как процесса управления: «Процесс формирования долгосрочных и взаимовыгодных отношений с основными стейкхолдерами фирмы (поставщики, клиенты, дистрибьюторы)» [1]. Если смотреть терминологический словарь маркетинга, то маркетинг взаимодействия: «1) перспективная концепция сервисного предпринимательства, ориентированная на охват всех ресурсов и видов деятельности в процессе организации, планирования и управления коммуникациями со всеми субъектами рыночной сети на каждой стадии жизненного цикла товара. Концепция, ориентированная на долгосрочные взаимоотношения с клиентом и на удовлетворение целей, участвующих в коммуникациях (сделках) сторон; 2) метод организации маркетинга по принципу распределения, расширения ответственности за понимание и выполнение функций маркетинга среди персонала фирмы — от работника, непосредственно обслуживающего клиента, до высшего руководства фирмы» [2]. В целом можно отметить, что в любом определении маркетинга взаимоотношений делается упор на установление длительных отношений, а также, как на обязательное условие, развитие внутреннего маркетинга. К сожалению, если в практике отечественных предприятий и присутствует наличие длительных связей, то развитие внутреннего маркетинга остается еще на начальном этапе.

Среди основных принципов концепции маркетинга взаимодействия в источниках — «понимание изменившейся роли потребителя на рынке; совместное с потребителем создание ценности, исходя из его индивидуального опыта; формирование компаний бизнес-сетей» [3].

В данной статье затронем в основном принцип формирования бизнес-сетей, но с учетом формирования ценностной цепочки.

Если говорить о маркетинге взаимодействия как процессе управления, то позволим себе выделить следующую совокупность основных принципов маркетинга взаимодействия:

- прозрачность (наличие разумной открытости своих бизнес-процессов для смежных контрагентов);
- взаимовыгодность (итогом работы должна быть оптимизация затрат всех участников цепочки);
- совместность (только общее аккумулирование усилий может привести к желаемому результату);
- взаимоуважение (бизнес-интересы контрагента являются важными для всех участников цепочки);
- оперативность (максимизация скорости ответных реакций на изменение во внешней среде);
- долгосрочность и, как следствие, снижение затрат на маркетинг в дальнейшем.

Ориентация именно на вышеизложенные принципы позволяет достичь оптимальных коммерческих результатов всеми контрагентами, входящими в ценностную цепочку. Для обеспечения конкретного примера взаимодействия автором предлагается рассмотреть пример организации бизнес-процессов в легкой промышленности. В целях удобства описания и анализа минимизируем в ней количество промежуточных звеньев, оставив лишь основные блоки (рисунок 1).

Первоначально предлагается рассмотреть взаимодействие контрагентов в рамках традиционного сбытового подхода. Основные принципы данного подхода к маркетингу в частности и управлению предприятием в целом можно охарактеризовать следующими тезисами:

- бизнес-партнер воспринимается исключительно как контрагент, т. е. чем больше его проблема, тем меньше моя и наоборот. Соответственно, каждый из участников в максимальной степени стремится отстоять свои интересы;

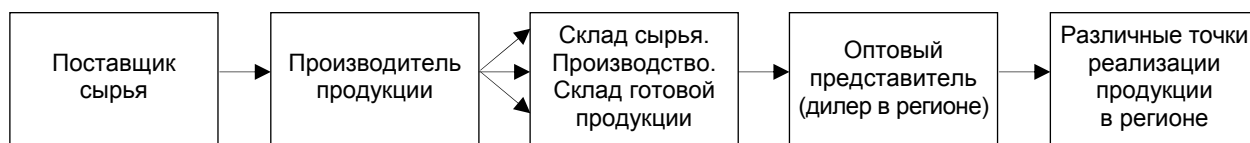

Рисунок 1. — Общий вид ценностной цепочки в легкой промышленности в рамках маркетинга взаимодействия

- закрытость всех собственных бизнес-процессов, соблюдение коммерческой тайны возведено в абсолют;
- стремление к максимизации собственной выгоды в каждой конкретной транзакции;
- высокая степень административного давления и медленность принятия адаптивных коммерческих решений.

Совокупность представленных тезисов делает эффективное функционирование предприятий в рамках традиционных производственно-сбытовых концепций принципиально невозможным, поскольку организация бизнес-процесса проходит следующим образом:

- 1) производитель собирает заявки у своих оптовых покупателей (торговые дома, дилеры, торговые базы, крупные торговые сети и т. д.) и формирует производственную программу;
- 2) в соответствии с производственной программой производитель определяет свою потребность в сырье и материалах (например, ткани, фурнитура, красители, бижутерия и т. д.);
- 3) поставщик сырья формирует собственную производственную программу и делает заявки уже своим поставщикам;
- 4) производитель получает на свой склад в системе снабжения сырье и материалы;
- 5) осуществляется производственный процесс согласно заявкам покупателей;
- 6) готовая продукция собирается на товарном складе и отгружается оптовыми партиями покупателя;
- 7) оптовые покупатели получают продукцию к себе на распределительный склад;
- 8) продукция распределяется в различные торговые точки;
- 9) начинается процесс розничной реализации.

Теперь предположим ситуацию, когда реализация какого-то вида из ассортиментной группы товара показывает низкие объемы продаж. Причин данного факта, особенно в такой зависимо-динамичной сфере, как торговля текстильной продукцией, может быть много: конечный потребитель спрашивает модель последнего показа или главных героев фильма, вышедшего в прокат, и т. п. Соответственно, невостребованная продукция стала складироваться на складах в розничной сети. В итоге сбыт на определенную ассортиментную позицию не оправдывает прогнозы. Владельцы розничных точек по реализации текстильной продукции работают в основном по договору комиссии, следовательно, весь нереализованный товар они могут вернуть обратному поставщику, т. е. оптовому покупателю по истечении сроков комиссии. Следовательно, владельцы магазинов и секций спокойно торгуют теми позициями, что есть, и ждут, когда можно будет вернуть неликвидную продукцию.

Как правило, не ранее чем через месяц оптовый торговец в своем регионе начнет получать первые просьбы о том, что нужно забрать часть отгруженной продукции. Товар постепенно свозится обратно с различных розничных точек. Только тогда поступает обратный сигнал к производителю о том, что определенные ассортиментные позиции остались невостребованными. Естественно, оптовый покупатель требует принять обратно невостребованный товар (если это предусмотрено в договоре) или как минимум предоставлять на него существенную скидку. Производитель же со своей стороны начнет защищать свои интересы. Он может отказаться как принять товар обратно, так и предоставить требуемые ценовые преференции, что грозит существенными разногласиями с партнерами и даже возможным разрывом деловых связей. Но даже при условии, что производитель и его оптовый покупатель согласуют возникшие разногласия, все равно на повестке останется проблема осуществления доставки другой, наиболее ходовой, ассортиментной группы продукции, ведь производственная программа уже сверстана. Распределена загрузка между цехами. Обеспечена сырьевая база. Но даже если производство сможет оперативно перестроиться, то оно будет ограничено имеющейся базой закупленного сырья и материалов, которое не рассчитано на новые запросы конечного потребителя.

Соответственно, производитель обращается к своему поставщику и просит его срочно поставить сырье и материалы под развертывание производства ходового ассортимента. При этом неясным останется вопрос, что делать с невостребованными объемами, которые были закуплены под первоначальную программу. Ведь это замороженные оборотные средства. Затем последует целый цикл дополнительных логистических операций в виде доставки сырья до производителя, готовой продукции до оптовика и далее в точки розничной торговли. Все это будет сопровождаться оформлением документов, накладными расходами, дополнительными складскими затратами. В итоге все усилия связанных друг с другом контрагентов несут существенные дополнительные затраты даже при условии, что каждый из них в отдельности считает, что вышел из данной ситуации с минимальными потерями, а риск переложил на своего партнера.

Концепция маркетинга взаимодействия направлена на оптимизацию и минимизацию всей совокупности возможных затрат в рамках всей цепочки взаимосвязанных контрагентов. Поэтому автором предлагается рассмотреть аналогичную ситуацию, но только в рамках работы всей цепочки контрагентов в разрезе аналогичных этапов всех бизнес-взаимодействий, при этом реализуя принципы маркетинга взаимодействия. Поскольку в современном мире невозможно без внедрения элементарных форм и методов оптимизации, учета и контроля, использующих платформу цифровых технологий, то изначально предлагается создать условия для формирования бизнес-сетей:

- внедрение системы штрихкодирования, в рамках которой можно отследить каждую конкретную единицу товара, а также классифицировать ее в рамках основных блоков и координат, например, вид, расцветка, размер, коллекция, рисунок и др.;
- повсеместное внедрение систем лазерного сканирования штриховых кодов;
- взаимоувязка и синхронизация работы основных информационных платформ всех участников цепочки контрагентов, обеспечение круглосуточного доступа к сети Интернет;
- оборудование всех целевых рабочих мест портативными сканерами штриховых кодов;
- разработка удобного интерфейса и системы упреждающих аналогов, а также адаптивных и информативных форм и инструментов анализа.

В итоге вся совокупность бизнес-процессов взаимодействий между всеми участниками цепи приобретает принципиально иной характер — с доминантным вектором упреждения и взаимного сотрудничества:

1) поставщик сырья маркирует и кодирует у себя на товарном складе весь объем отгруженной продукции. Производитель в этот момент уже видит, какой ассортимент и в каком объеме сырье ему отгружается. После поступления данной партии на склад сырья у производителя все штрих-коды также сканируются. Поставщик уже видит, какой объем и ассортимент имеются на складе у производителя. Если какие-то материалы отправляются в производство, то поставщик видит сырьевой остаток и динамику движения по складу сырья своего покупателя;

2) вся партия, предназначенная для реализации, сканируется. Таким образом, оптовый покупатель заранее знает, что ему поставляется, а производитель видит, что имеется на складе у своего оптовика (покупателя) в регионе, какая динамика и структура отгрузки, а также что поступает по возврату и в каком количестве;

3) оптовый покупатель также сканирует все партии, отгруженные в различные торговые точки;

4) розничный торговец проводит штриховое кодирование реализованных товаров по внутренней базе, которая синхронизирована с общей информационной базой;

5) специалист, имеющий доступ к этой информации, может в режиме онлайн наблюдать, как идут продажи в том или ином регионе как в целом, так и в конкретных торговых точках.

Таким образом, производитель сможет реально видеть целую картину, оценивать динамику и делать упреждающие и адаптивные выводы и корректировки.

Естественно, при организации взаимодействия между контрагентами производитель гораздо раньше сможет заметить и выделить общую тенденцию, что какой-то ассортиментный ряд является весьма успешным, а другой, наоборот, провальным, чем в первом случае по факту итоговых остатков на конец отчетного периода. Когда какая-либо тенденция станет заметной, а это максимум 3—5 дней, то производитель сможет уже начать оперативную корректировку своей производственной программы, а не ожидать минимум месяц. При этом параллельно происходит фильтрация всех случаев на сокращение или вообще полное прекращение производства одних ассортиментных позиций и увеличение объема выпуска других, которые показывают хорошую динамику продаж.

При этом поставщик сырья также может видеть, какой материал скопился на складе или скорость его передачи в производство замедлилась. Это сигнал для обратной связи. Связавшись с клиентом, он может уточнить обстановку. Производитель же сможет гораздо раньше скорректировать свой задел по сырью и материалам. Таким образом, поставщик сможет что-то просто не производить, а от какого-то ненужного ему сырья оперативно отказаться.

Оптовый торговец также сможет быстрее не только осознать наличие проблем со сбытом в своем регионе, но и попытаться нивелировать ее, например, дополнительной целевой рекламной кампанией или специальными предложениями в рамках инструментов стимулирования сбыта.

В итоге принятие концепции маркетинга взаимодействия позволяет достичь следующих результатов:

- максимизация прибыли от реализации за счет оперативного увеличения присутствия на рынке востребованной потребителями на данный момент продукции;

- минимизация затрат, связанных с производством неликвидной продукции посредством приостановки или сдерживания ее товарного выпуска;
- сокращение затрат на грузоперевозки;
- уменьшение затрат на складирование продукции;
- сокращение транзакционных затрат, связанных с оформлением и регистрацией сделок, погрузочно-разгрузочных работ и т. д.;
- оптимизация численности сотрудников;
- минимизация экономических потерь, связанных с образованием упущенной выгоды в замороженных неликвидах и излишнем сырье, в полученных в банке кредитах.

Заключение. Любой из бизнес-партнеров имеет право на получение прибыли. Это может быть как крупное предприятие-производитель, так и небольшая торговая фирма. И тот и другой бизнес-партнер вправе рассчитывать на оговоренную долю прибыли. Грамотная торгово-посредническая деятельность создает предпосылки для полноценной загрузки производственных мощностей и не менее важна, чем сам факт производства продукции. Еще раз позволим себе напомнить о развитии внутреннего маркетинга и о мотивациях: обеспечение возможности для роста личной заинтересованности, увязка заработной платы с достигнутыми результатами.

Принятие и повсеместное внедрение принципов концепции маркетинга взаимодействия будут служить эффективным маркетинговым решением в области повышения эффективности коммерческой деятельности. Следование принципам концепции маркетинга взаимодействия в сложившихся условиях позволит отечественным предприятиям более успешно достичь следующих экономических результатов: минимизация издержек на содержание инфраструктуры; сокращение логистических и транзакционных затрат; совершенствование механизмов поиска взаимовыгодных решений с контрагентами; оптимизация кадрового состава и, соответственно, затрат на оплату труда; изучение и внедрение прогрессивного мирового опыта коммерческого и маркетингового взаимодействия, в особенности на внешних рынках.

Следует подчеркнуть, что в предложенной схеме работают не столько вертикальные, сколько горизонтальные связи. Кто-то сильнее давит сверху, и каждый участник понимает, что если он свою задачу выполнит некачественно, то это отразится на результатах работы других участников всей цепочки бизнес-процесса.

Список цитируемых источников

1. Неганова, В. П. Генезис и обзор теоретических подходов к определению сущности маркетинга отношений [Электронный ресурс] / В. П. Неганова, В. Н. Седельников // Журн. экон. теории. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 264—275. — Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/>. — Дата доступа: 20.09.2020.
2. Терминологический словарь маркетолога [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://marketing_small.academic.ru/60/. — Дата доступа: 18.09.2020.
3. Маркетинг для практиков. Маркетинг взаимоотношений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://marketing-course.ru/marketing-vzaimootnosheniy/>. — Дата доступа: 20.09.2020.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 004.942

О. И. Наранович, Ю. Е. Горбач, А. А. ЕрмаковаУчреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 655 21 63, gorbachje@mail.ru

РАЗРАБОТКА ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИОННОЙ ЗАДАЧИ С УЧЕТОМ ОГРАНИЧЕННОСТИ РЕСУРСОВ

Представлено описание разработанного клиент-серверного приложения, которое позволяет находить оптимальный план пошива двух видов костюмов, максимизирующий прибыль организации. Данная имитационная модель подходит для объектов сферы малых городских организаций, работающих в условиях ограниченных ресурсов, например, небольших швейных ателье. В основе разработки лежат такие методы математического программирования, как симплекс-метод и генетический алгоритм. Обоснована и доказана их эффективность для решения задач, связанных с оптимальным использованием ограниченных ресурсов в ситуационном моделировании.

Ключевые слова: имитационная модель; ситуационное моделирование; оптимизационная задача; ресурсы; математическая модель; симплекс-метод; генетический алгоритм; клиент-серверное приложение; оптимальный план производства.

Рис. 10. Библиогр.: 6 назв.

O. I. Naranovich, Y. E. Gorbach, A. A. ErmakovaBaranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, +375 (29) 655 21 63, gorbachje@mail.ru

DEVELOPMENT OF A SIMULATION MODEL FOR THE SOLUTION OF AN OPTIMIZATION PROBLEM TAKING INTO ACCOUNT THE RESTRICTION OF RESOURCES

The description of the developed client-server application is presented, which allows you to find the optimal plan for sewing two types of suits, maximizing the profit of the organization. This simulation model is suitable for the objects of the sphere of small urban organizations working in conditions of limited resources, for example, small sewing ateliers. The development is based on the mathematical programming methods such as the simplex method and the genetic algorithm. Their effectiveness for solving problems associated with the optimal use of limited resources in situational modeling is substantiated and proved.

Key words: simulation model; situational modeling; optimization task; resources; mathematical model; simplex method; genetic algorithm; client-server application; optimal production plan.

Fig. 10. Ref.: 6 titles.

Введение. Особое значение в современных условиях хозяйствования имеет решение задач ситуационного моделирования для интеллектуальной поддержки стратегических решений на уровне малых и средних организаций в развитии их инвестиционной активности. Само по себе принятие решений в условиях рисков является риском, так как ошибки могут усугубить ситуацию. Поэтому и возникла потребность в инновациях организационного характера, а также необходимость ситуационного моделирования и выделения ситуационных инноваций. Они представляют собой новшества, получившие применение при определенных уникальных обстоятельствах [1].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки моделей развития малых и средних организаций, обеспечивающих оптимизацию использования ресурсов, с учетом имеющегося потенциала и изменчивости внешней среды [2]. Существующая высокая публикационная активность по проблемам малых и средних образований в большей степени вскрывает их проблемы, чем предлагает какие-либо решения.

Практическая реализация подобных разработок возможна при организации стратегических центров, развивающих инвестиционную активность малых и средних образований, таких как бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и др. Организация подобных структур позволит сформировать эффективную систему, способствующую развитию инновационного потенциала, продвижению результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в реальный сектор экономики [3].

Центр трансфера технологий учреждения образования «Барановичский государственный университет» осуществляет отбор и оценку проектов, в том числе студенческих, обладающих коммерческим потенциалом.

Целью данного исследования является разработка клиент-серверного приложения, которое позволит находить оптимальный план пошива двух видов костюмов, максимизирующий прибыль, для организации сферы малого и среднего бизнеса.

В статье предложена имитационная модель объекта сферы малых городских организаций, работающих в условиях ограниченных ресурсов, на примере пошива костюмов в небольших швейных ателье.

Материалы и методы исследования. *Постановка прикладной задачи.* Частное швейное ателье намечает выпуск двух видов костюмов — мужских и женских. На женский костюм требуется 1 чел. / день трудозатрат, 3 м шерсти и 4 м лавсана. На мужской костюм — 1 чел. / день трудозатрат, 5 м шерсти и 1 м лавсана. Всего имеется 400 м шерсти, 300 м лавсана и 200 чел. / день трудозатрат. Прибыль от реализации женского костюма составляет 20 ден. ед., мужского — 30 ден. ед. Требуется принять решение о пошиве костюмов каждого вида, которые после реализации дадут максимальную прибыль. Следует рассмотреть дополнительные условия: а) мужских костюмов должно быть не менее 60; б) обязательный минимум мужских костюмов изменится на $\pm 15\%$; в) предприятие имеет возможность увеличить ресурс (запас) шерсти (лавсана) на 10%; г) какова при этом будет допустимая («теневая») цена 1 м шерсти (лавсана); д) из-за конкуренции на рынке цена костюма каждого вида увеличится (уменьшится) на 10%.

Построение математической модели. Согласно рассматриваемой задаче, составлена математическая модель, в которой x_1 — количество мужских костюмов, x_2 — количество женских костюмов; целевая функция и ограничения имеют следующий вид:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1, x_2 \geq 0; \end{cases}$$

а) мужских костюмов должно быть не менее 60:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq 60, \\ x_2 \geq 0; \end{cases}$$

б) обязательный минимум мужских костюмов изменится на $\pm 15\%$:
– при увеличении:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq x_1 + 0,15x_1, \\ x_2 \geq 0; \end{cases}$$

– при уменьшении:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq x_1 - 0,15x_1, \\ x_2 \geq 0; \end{cases}$$

в) при увеличении запаса шерсти на 10 %:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 440, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq x_1 - 0,15x_1, \\ x_2 \geq 0; \end{cases}$$

г) при увеличении запаса лавсана на 10 %:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 330, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq x_1 - 0,15x_1, \\ x_2 \geq 0; \end{cases}$$

д) при увеличении запаса шерсти и лавсана на 10 %:

$$F(x) = 30x_1 + 20x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 440, \\ x_1 + 4x_2 \leq 330, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_1 \geq x_1 - 0,15x_1, \\ x_2 \geq 0. \end{cases}$$

Для нахождения «теневого» цены нам необходимо решить двойственную задачу. Для этого транспонируем матрицу ограничений и построим новую математическую модель, целевая функция которой будет стремиться к минимуму. Обозначим: y_1 — теневая цена шерсти; y_2 — теневая цена лавсана; y_3 — теневая цена трудозатрат. В итоге была получена следующая математическая модель:

$$F(y) = 440y_1 + 330y_2 + 200y_3 \rightarrow \min$$

$$\begin{cases} 5y_1 + y_2 + y_3 \geq 30, \\ 3y_1 + 4y_2 + y_3 \geq 20, \\ y_{1,2,3} \geq 0. \end{cases}$$

Из-за конкуренции на рынке цена костюма каждого вида увеличится (уменьшится) на 10 %.

Получаем соответствующие математические зависимости. При увеличении цены костюма каждого вида на 10 %:

$$F(x) = 33x_1 + 22x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_{1,2} \geq 0. \end{cases}$$

После уменьшения цены костюма каждого вида на 10 %:

$$F(x) = 27x_1 + 18x_2 \rightarrow \max$$

$$\begin{cases} 5x_1 + 3x_2 \leq 400, \\ x_1 + 4x_2 \leq 300, \\ x_1 + x_2 \leq 200, \\ x_{1,2} \geq 0. \end{cases}$$

Для проверки корректности составленных математических моделей решим задачу средствами Microsoft Excel (рисунок 1).

Благодаря широкой популярности и доступности табличного процессора MS Excel, встроенная в его среду надстройка «Поиск решения» является наиболее распространенным инструментом для поиска оптимальных решений. С помощью нее могут решаться задачи линейного и нелинейного программирования.

Проверим полученную модель на чувствительность и создадим отчет об устойчивости (рисунок 2) [4].

В столбце «Окончательное значение» находится оптимальный план задачи. В данной задаче максимальная прибыль будет достигнута при изготовлении 41 мужского костюма и 65 женских.

В столбцах «Допустимое увеличение» и «Допустимое уменьшение» находятся значения, которые позволяют увеличить/уменьшить коэффициенты целевой функции, при которых оптимальный план не изменится.

Таким образом, коэффициенты при x_i в целевой функции могут варьироваться от 5 до 33,33 при x_1 и от 18 до 120 при x_2 .

Переменные	
x1	x2
41	65

Кэф. целевой ф-и		Значение
30	20	2529

Ограничения					
5	3	=	400	<=	400
1	4	=	300	<=	300
1	1	=	106	<=	200

Рисунок 1. — Решение задачи в Excel

Ячейки переменных

		Окончательное	Приведенн.	Целевая функция	Допустимое	Допустимое
Ячейка	Имя	Значение	Стоимость	Коэффициент	Увеличение	Уменьшение
\$B\$5	X1	41,17647059	0	30	3,333333333	25
\$C\$5	X2	64,70588235	0	20	100	2

Рисунок 2. — Отчет об устойчивости в Excel

Обоснование вычислительной процедуры. Так как поставленная задача является задачей линейного программирования и имеет две переменные, то она может быть решена с помощью симплекс-метода.

Решение задачи начинается с рассмотрения одной из вершин многогранника условий. Если исследуемая вершина не соответствует максимуму (минимуму), то переходят к соседней, увеличивая значение целевой функции при решении задачи на максимум и уменьшая при решении задачи на минимум. Таким образом, переход от одной вершины к другой улучшает значение целевой функции. Так как число вершин многогранника ограничено, то за конечное число шагов гарантируется нахождение оптимального значения или установление того факта, что задача неразрешима. Этот метод является универсальным, применимым к любой задаче линейного программирования в канонической форме [5].

Использование симплекс-метода для решения задач линейного программирования позволяет найти значения переменных, при которых достигается наилучшее точное значение целевой функции. Если точность оптимального значения не требуется или не достижима из-за исходных данных, используют приближенные численные методы оптимизации, в качестве решения можно взять любое значение, которое лучше некоторой заданной величины.

В качестве второго метода решения был выбран генетический алгоритм. Генетический алгоритм — это эвристический алгоритм поиска, используемый для решения задач оптимизации и моделирования путём случайного подбора, комбинирования и вариации искомым параметров с использованием механизмов, аналогичных естественному отбору в природе. Является разновидностью эволюционных вычислений, с помощью которых решаются оптимизационные задачи с использованием методов естественной эволюции, таких как наследование, мутации, отбор и кроссинговер. В этом случае генетические алгоритмы являются одним из наиболее приемлемых методов для поиска «хороших» значений. С другой стороны, нередки случаи, когда генетический алгоритм работает не так эффективно, как ожидалось. Эффективность генетического алгоритма зависит от таких деталей, как метод кодировки решений, операторы, настройки параметров, частный критерий успеха и т. д. [6].

Результаты исследования и их обсуждение. В данном приложении разработаны два решения: приложение клиента и приложение сервера. Наглядное отображение функциональных возможностей приложения возможно с помощью диаграммы Use Case (рисунок 3).

Данный вид диаграмм позволяет создать список операций, выполняемых системой. В диаграмме отображено, что пользователь может добавлять, удалять и изменять данные. Далее приложение-клиент считывает измененные данные и отправляет их на сервер. Сервер, в свою очередь, производит обработку данных (решает задачу с помощью выбранного метода) и отправляет решение приложению-клиенту, которое демонстрирует его пользователю.

Для того чтобы разделить функционал и вычислительную нагрузку приложения в проекте, была использована клиент-серверная архитектура и протокол TCP/IP. Для организации «общения» необходимо знать IP-адрес и номер порта сервера, по которым он подключается к удаленному устройству (клиенту). TCP-протокол отвечает за установление и поддержание соединения, доставку данных, упорядочивание и избавление от дублирования данных, контроль ошибок и скорости передачи.

После того как программный продукт был установлен, следует запустить сервер, так как без его запуска клиент будет неработоспособен. Сервер после запуска представляет собой консольную панель, на которой будут отображаться все действия, происходящие между клиентом и сервером. При запуске приложения клиент вводит логин и пароль, и, как следствие успешной авторизации, открывается главная форма приложения (рисунок 4).

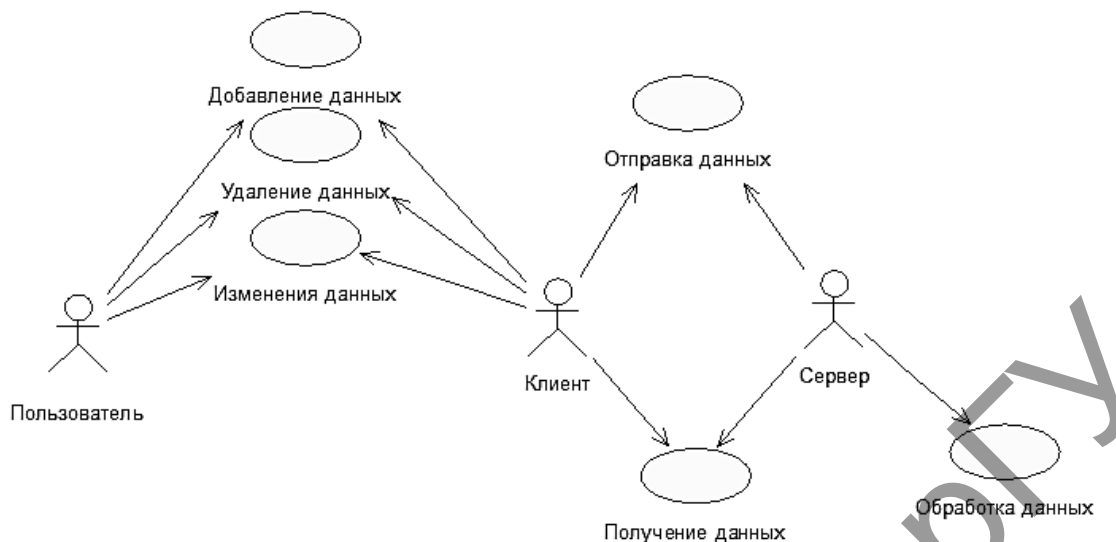

Рисунок 3. — Диаграмма Use Case

Примечание. Источник: собственная разработка.

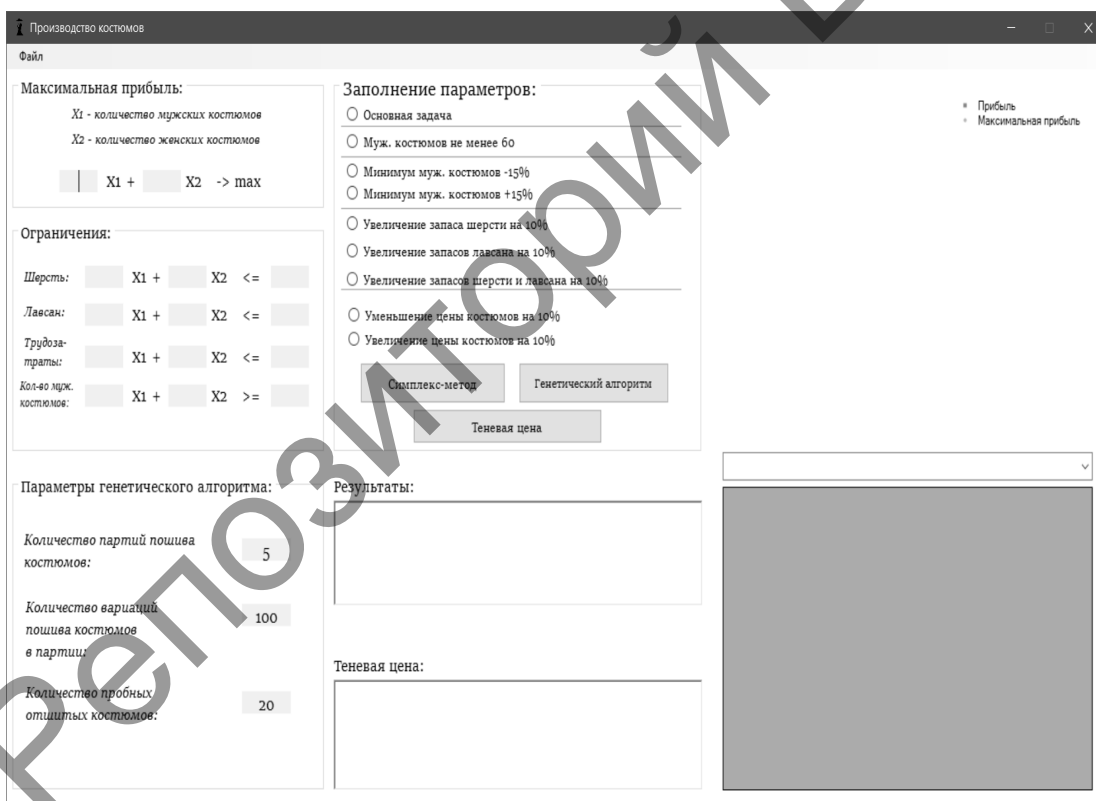

Рисунок 4. — Главная форма приложения

Примечание. Источник: собственная разработка.

В группе «Заполнение параметров» можно выбрать интересующую нас подзадачу, при выборе произойдет заполнение коэффициентами математической модели, представленной слева на форме.

При нажатии на кнопку «Симплекс-метод» или «Генетический алгоритм» будут проведены расчеты соответствующими алгоритмами и выведено решение в поле «Результаты», их промежуточные расчеты и график решения генетическим алгоритмом в определенное поле формы. При нажатии на кнопку «Теневая цена» будут проведены расчеты и выведено решение в поле «Теневая цена». Результаты расчетов представлены на рисунках 5—7.

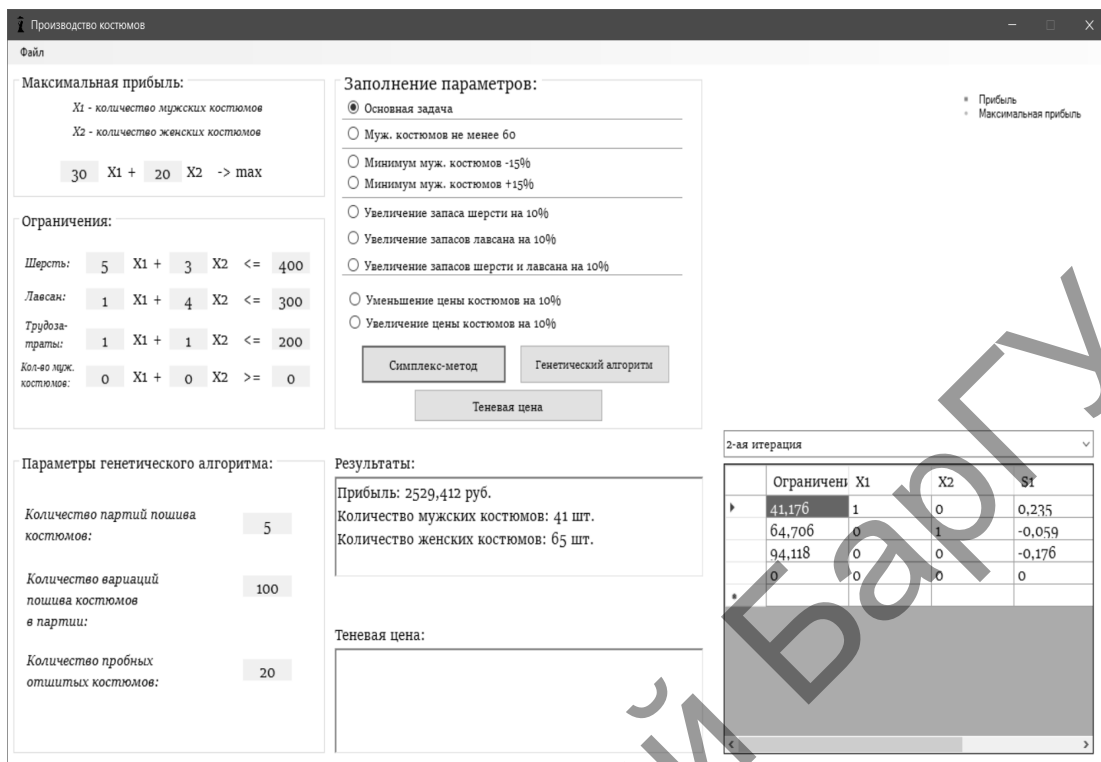

Рисунок 5. — Результаты решения симплекс-методом

Примечание. Источник: собственная разработка.

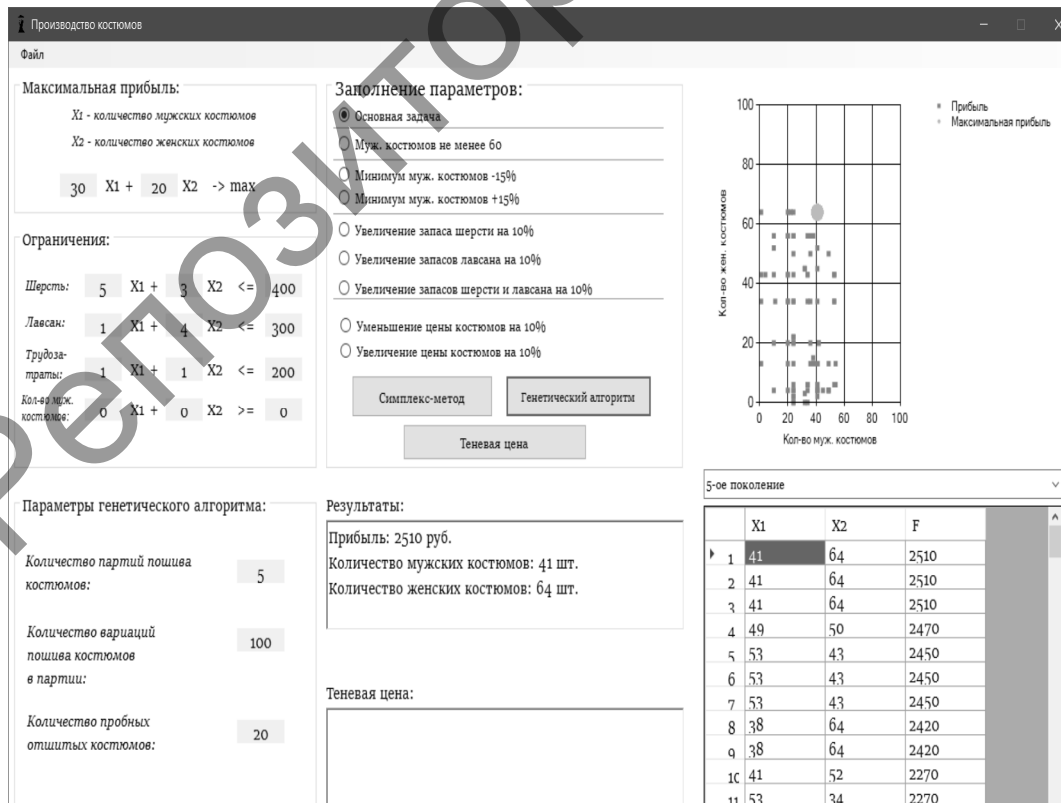

Рисунок 6. — Результаты решения генетическим алгоритмом

Примечание. Источник: собственная разработка.

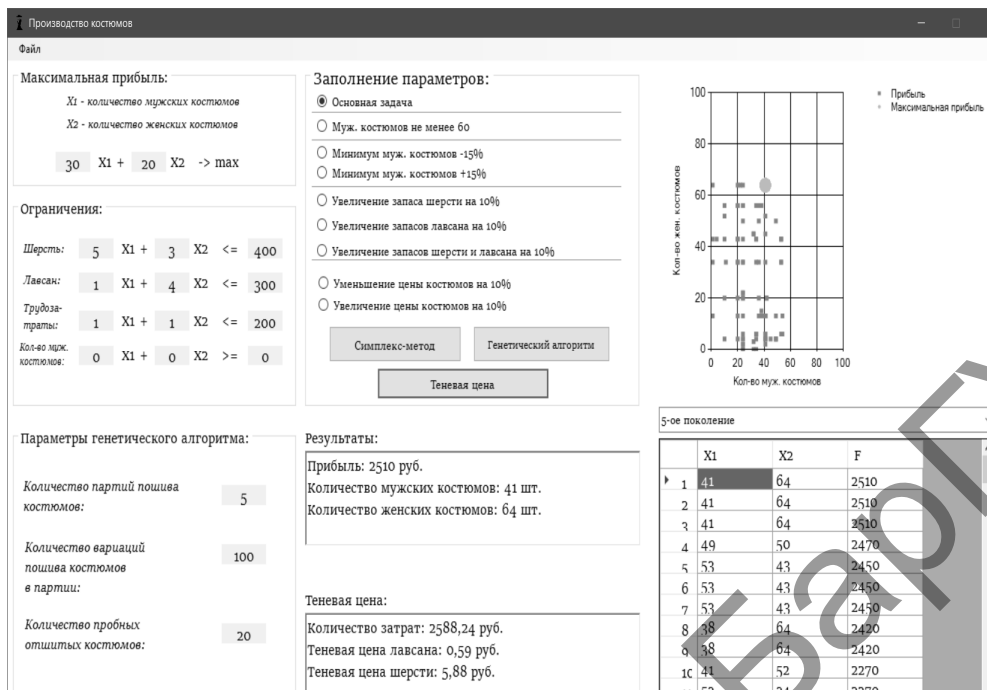

Рисунок 7. — Результаты вычисления теневой цены

Примечание. Источник: собственная разработка.

В верхней части формы находится меню (рисунок 8).

При нажатии на кнопку «Файл — Очистка» будет произведена очистка полей для ввода значений и поля вывода результатов.

При нажатии на кнопку «Файл — Справка — Условие задачи» откроется форма с условием задачи (рисунок 9).

При нажатии на кнопку «Файл — Справка — Руководство пользователя» откроется форма с инструкцией по работе с приложением для пользователя (рисунок 10).

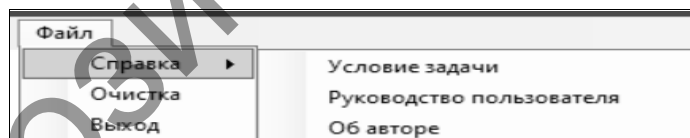

Рисунок 8. — Меню формы

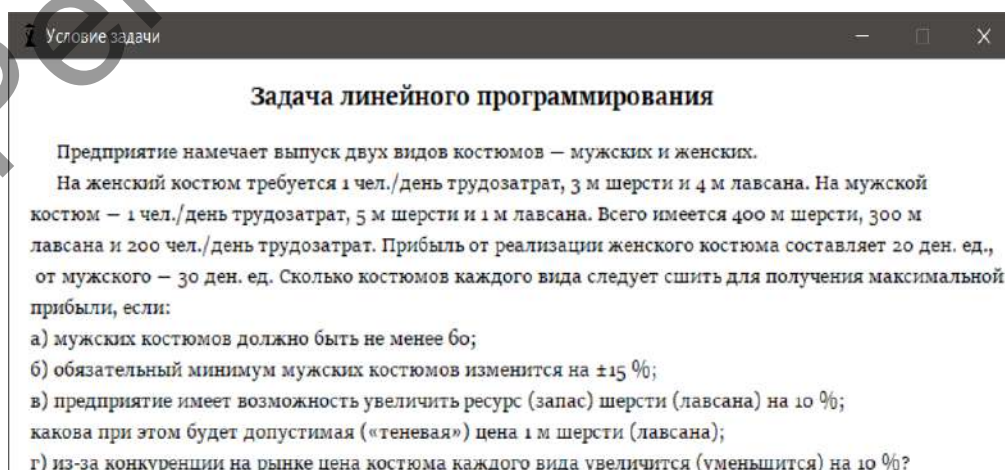

Рисунок 9. — Форма с условием задачи

Примечание. Источник: собственная разработка.

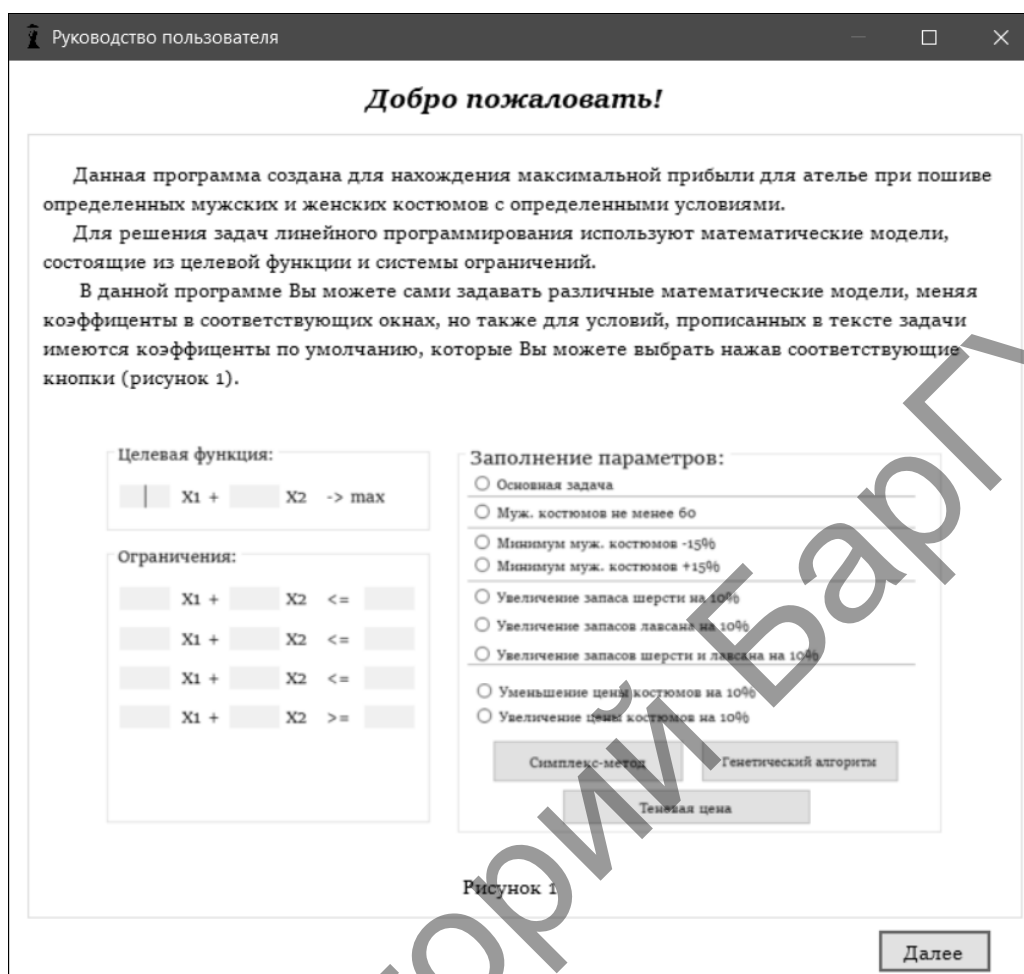

Рисунок 10. — Форма с руководством пользователя

Примечание. Источник: собственная разработка.

После проведения расчётов было установлено, что ателье для получения максимальной прибыли должно произвести партию мужских костюмов в количестве 41 штуки и женских в количестве 65 штук.

Заключение. Составлена математическая модель оптимизации, выбраны наиболее оптимальные методы решения задачи ситуационного моделирования для интеллектуальной поддержки стратегических решений на уровне малых и средних организаций.

Было разработано клиент-серверное приложение для построения оптимального плана выпуска швейных изделий организации сферы малого бизнеса. Методы математического программирования оказались весьма эффективными для решения задач, связанных с оптимальным использованием ограниченных ресурсов. При этом были использованы симплекс-метод и генетический алгоритм, среда разработки Visual Studio 2019, язык программирования C#.

Разработанный программный продукт позволяет выполнять следующие функции: выбор алгоритма решения задачи; изменение исходных данных решаемой задачи; поиск оптимального плана производства изделий; представление результатов решения в числовом и графическом видах.

Созданная имитационная модель пошива и реализации костюмов может быть использована при принятии решений в оценке возможностей ателье, малых субъектов хозяйствования, индивидуальных предпринимателей, занимающихся в сфере пошива и продажи одежды, и имеет прикладную значимость. При соответствующей модернизации имитационная модель может быть адаптирована для решения подобных задач принятия управленческих и производственных решений.

Список цитируемых источников

1. Селицкий, В. Ситуационные инновации: особенности и значение / В. Селицкий, Ю. Пронузо // Наука и инновации. — 2019. — № 4. — С. 29—32.
2. Иванюк, В. А. Методы оптимизации инвестиционной стратегии / В. А. Иванюк, К. Н. Андропов, Н. Е. Егорова // Фундамент. исслед. — 2016. — № 3. — С. 159—163.
3. Верняховская, В. Высшее образование как ключевая составляющая национальной инновационной системы / В. Верняховская // Наука и инновации. — 2019. — № 5. — С. 45—49.
4. Анализ модели на чувствительность при решении производственной задачи / О. И. Наранович [и др.] // Техника и технологии: инновации и качество : V Междунар. науч.-практ. конф., 19—20 дек. 2018 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: В. В. Климук (гл. ред.) [и др.]. — Барановичи : БарГУ, 2019. — С. 16—19.
5. Симплекс-метод решения задач линейного программирования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/wgdsLOdeEoM.html>. — Дата доступа: 14.02.2020.
6. Люггер, Дж. Ф. Искусственный интеллект / Дж. Ф. Люггер. — М. : Вильямс, 2003. — 864 с.

Поступила в редакцию 08.07.2020

Репозиторий БарГУ

УДК 338.465.4

Е. И. Платоненко¹, Е. Я. Рутман²¹Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купаль», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Ожешко, 22, 230000 Гродно, Республика Беларусь, +375 (29) 543 17 26, platonenko@tut.by²Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 235320 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 800 13 43, Rutya@tut.by

СИСТЕМА МАРКЕТИНГА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Маркетинг образовательных услуг представляет собой социально ориентированный процесс, способствующий укреплению конкурентоспособности учреждения образования за счет более полного и качественного удовлетворения образовательных потребностей. Оценка, критерии и методы оценки эффективности маркетинговой деятельности в рамках продвижения образовательных услуг — очень сложные и актуальные вопросы, которые часто обсуждаются специалистами в области корпоративных коммуникаций. Оценка эффективности маркетинговой деятельности университета также представляется очень важной и требует внимательного изучения, поскольку на продвижение образовательных услуг учреждений и результативность влияет особая социальная миссия. Целью настоящего исследования является изучение системы маркетинга образовательных услуг в учреждении образования «Барановичский государственный университет». В результате дана оценка эффективности маркетинговой деятельности в области образовательных услуг, рассмотрены особенности формирования имиджа университета, предложены мероприятия по продвижению образовательных услуг.

Ключевые слова: маркетинг; образовательная услуга; образование; университет; имидж.

Библиогр.: 4 назв.

E. I. Platonenko¹, E. Y. Rutman²¹Yanka Kupala State University of Grodno, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 22 Ozheszko str., 230000 Hrodna, Republic of Belarus, +375 (29) 543 17 26, platonenko@tut.by²Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St., 225404 Baranavičy, Republic of Belarus, +375 (29) 800 13 43, Rutya@tut.by

MARKETING SYSTEM FOR EDUCATIONAL SERVICES IN THE EDUCATIONAL INSTITUTION “BARANOVICHI STATE UNIVERSITY”

Marketing of educational services is a socially oriented process that contributes to the strengthening of the competitiveness of an educational institution due to a more complete and high-quality satisfaction of educational needs. Evaluation, criteria and methods for evaluating the effectiveness of marketing activities in the framework of promoting educational services are very complex and topical issues that are often discussed by specialists in the field of corporate communications. Evaluation of the effectiveness of the marketing activities of the university is also very important and requires careful study, since the promotion of educational services of institutions and the performance is influenced by a special social mission. The aim of this study is to study the system of marketing educational services in the educational institution “Baranovichi State University”. As a result, an assessment of the effectiveness of marketing activities in the field of educational services was given, the features of the formation of the university's image were considered, and measures were proposed to promote educational services.

Key words: marketing; educational service; education; university; image.

Ref.: 4 titles.

Введение. В настоящее время образование становится одним из основных ресурсов развития национальных экономик. Гармоничное развитие личности и творческих способностей человека, создание интеллектуального, культурного и нравственного потенциала государства являются важнейшими предпосылками успешного социально-экономического развития государства и достойного его положения в международном сообществе.

Учреждение образования «Барановичский государственный университет» — это не только высшая профессиональная школа, ориентированная на подготовку высококвалифицированных специалистов с глубокой теоретической и практической подготовкой, но и центр научных исследований, мощная идеологическая опора. Это многопрофильная структура, органично сочетающая в себе образовательную, научную и инновационную деятельность.

Сегодня можно говорить о серьезных изменениях в сфере образования. За последние годы сложился и продолжает активно развиваться рынок образовательных услуг. В этой сфере стали действовать законы рыночной экономики, появилась конкурентная среда, существенно изменились требования и ожидания целевых аудиторий. Все эти факторы диктуют необходимость организации и ведения маркетинговой и рекламной деятельности учреждениями образования. С каждым годом возрастает потребность высших школ в создании специальных отделов, занимающихся вопросами развития и продвижения. Специфика данного момента состоит в том, что государство сохраняет большинство функций административного контроля за системой образования (включая, например, список общих для всех специальностей обязательных дисциплин, утверждение учебных стандартов и планов и т. п.), в то время как финансирование образовательного процесса все в большей степени становится функцией самих учреждений образования. Определение численности бюджетного набора посредством долгосрочного планирования потребности в специалистах государственного сектора экономики фактически завершает переход к рынку образовательных услуг, по крайней мере, в финансовом отношении. И государство на этом рынке становится самым крупным, но лишь одним из множества потребителей. Становление рынка образовательных услуг делает целесообразным применение маркетингового подхода к анализу деятельности учреждений образования. В связи с этим поиск новых направлений совершенствования маркетинга образовательных услуг в современных условиях является особо актуальным.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования маркетинга образовательных услуг, методологической базы его оценки, алгоритмизации маркетинговой стратегии, формирования имиджа освещены в работах Т. А. Бурцевой [1], И. Л. Акулич [2] (разработка механизма управления маркетингом), Е. Белоусовой [3], Г. Л. Багиева [4] (особенности маркетинга в системе образования) и других учёных. Труды данных деятелей науки легли в основу проведённого в настоящей статье исследования. Авторы статьи при её написании использовали общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях рыночной экономики деятельность системы образования как социального института, обеспечивающего воспроизводство интеллектуально-культурного потенциала общества, выступает как образовательная услуга, принимающая товарную форму, следовательно, имеющая свою потребительскую стоимость и цену и, как любой товар, способная становиться объектом сбыта и маркетинга. Потребительская стоимость образовательных услуг заключается в том, что они создают человеческий капитал, проявляющийся в более квалифицированной и более производительной рабочей силе. В связи с этим спрос на образовательные услуги формируется потребителями, предполагающими, исходя из теории рациональных потребительских ожиданий, что инвестиции в образование окупятся впоследствии, в ходе трудовой деятельности, в виде более высоких доходов, чем у тех, кто сделал меньшие инвестиции.

Маркетинг образовательных услуг представляет собой социально ориентированный процесс, способствующий укреплению конкурентоспособности учреждения образования за счет более полного и качественного удовлетворения образовательных потребностей. Спецификой маркетинговой деятельности в сфере образования является то, что проводящее ее учреждение образования действует и конкурирует одновременно на двух рынках — образовательных услуг и труда. Учреждения образования, как субъекты, формирующие и осуществляющие предложение образовательных услуг на рынок, играют решающую роль в становлении маркетинга в сфере образования.

Маркетинг образовательных услуг в целевом отношении определяется долгосрочными коммерческими и другими интересами всех субъектов рынка, а также возможностью создания благоприятного и широкого социального резонанса, эффекта в виде воспроизводства национального интеллектуального потенциала и взаимосвязанных с ним эффектов. В функции маркетинга входит исследование и прогнозирование конъюнктуры рынка образовательных услуг, выявление перспективных услуг и необходимости обновления, определение оптимальных значений объема, качества, ассортимента и сервиса, ценообразование, коммуникационная деятельность, продвижение и продажа услуг образования, а также их сопровождение в процессе потребления. Маркетинг образовательных услуг должен обеспечивать собственное воспроизводство и развитие, решая проблемы персонала для осуществления маркетинговой деятельности в образовании. Однако несмотря на важность и актуальность маркетинга в сфере образования, в настоящее время он не получил должного развития. В большинстве отечественных университетов отсутствуют отделы маркетинга, необходимые для координации и успешного осуществления маркетинговой деятельности. Как правило, эта деятельность сводится к работе приемной комиссии и ограничивается в основном рекламной кампанией [1, с. 187].

В учреждении образования «Барановичский государственный университет» в настоящий момент проведением маркетинговых исследований по образовательным потребностям и образовательным услугам занимается отдел менеджмента качества. Маркетинговой деятельностью в отделе менеджмента качества занимается специалист по маркетингу.

Изучение имиджа учреждения образования особенно важно и актуально на сегодня, когда возрастают требования к качеству образования и в целом к системе государственного образования. Рассматривая имидж учреждения как социально-психологический феномен, мы считаем, что он, как социально обусловленное явление, способствует обретению будущим выпускником качеств, необходимых ему для реализации профессиональных компетенций. Это приводит к пониманию того, что различные аспекты обобщенного образа учреждения образования закрепляются в массовом сознании в виде стереотипов и накладывают отпечаток на его восприятие общественностью. В связи с процессами модернизации в сфере образования, которые характеризуются все более ускоряющимся процессом информатизации современных учреждений образования, значительным ростом их оснащённости информационно-коммуникационной техникой, возникает научный интерес к изучению стереотипов восприятия имиджа образовательного учреждения. Такое положение, с одной стороны, открывает новые перспективы в формировании имиджа, с другой — позволяет говорить о наличии объективно существующих противоречий.

Во-первых, образование выступает как одна из сфер общественной жизни, от которой во многом зависит развитие и потенциал современного общества. Речь идет не только о человеческом капитале в экономическом понимании, но и о научной деятельности, которая формируется благодаря передаче знаний, опыта, навыков и стремлению познать новое, исследовать, открыть [2, с. 41].

Во-вторых, реформирование образования влияет не только на дальнейшие перспективы развития этой сферы, но и на использование учреждениями образования новых стратегий в области предоставления образовательных услуг, что связано с недостаточным позиционированием учреждения.

В-третьих, учреждения образования имеют определенный имидж и репутацию, но в современной ситуации, связанной с расширением спектра образовательных услуг и стремлением к повышению качества образования, отвечающего новым требованиям к системе государственного образования, построению имиджа уделяется недостаточное внимание [3, с. 107], несмотря на то, что это подвижная система, которую необходимо развивать и поддерживать, а также адаптировать к изменяющимся условиям.

В-четвертых, сегодня в Республике Беларусь существуют социально-экономические предпосылки к формированию благоприятного имиджа образования [4, с. 203], однако начинать построение имиджа необходимо с изучения представлений общественности об учреждениях образования и уровне белорусского образования с учетом белорусских ценностей, менталитета, культуры.

Работа по созданию имиджа всегда начинается с работы над тремя вопросами: для кого? Зачем? Против какого конкурента? В результате правильного решения первого вопроса осуществляется определение целевой группы потребителей. Правильный ответ на второй вопрос яснее очерчивает выгоды потребителей, т. е. тех, кто будет учиться и уже учится. Это перечисление и обобщение тех преимуществ на рынке труда, которые дает диплом данного учреждения и полученное в его стенах образование. Правильная расстановка акцентов при ответе на третий вопрос позволяет выявить схожие учреждения и определить сферы своих преимуществ, а также те сферы, в которых конкуренты оказываются сильнее.

Положительный имидж начинается с образа руководителя (его образование, какое учреждение образования закончил, на чем специализировался, научные работы, которые ему принадлежат, где работал в прошлом, внешний вид). На втором месте стоит образ персонала (научный статус, личностные характеристики, профессионализм, уровень владения материалом). Наконец, большое внимание должно уделяться плате за обучение и ее соответствию качеству преподавания. Большое значение имеет уровень комфортности, стиль пространственно-архитектурной среды и внешняя атрибутика.

Процесс формирования имиджа учреждения образования определяется и корректируется тем, что система образования становится более сложной. Это влечет за собой усложнение соотношения личных перспектив и тех возможностей в получении специальностей, которые предлагает учреждение. Здесь речь идет уже о достижении консенсуса между тем, что предлагается и желается потенциальными потребителями и тем, что реально может предоставить учреждение образования, находясь в условиях постоянной смены образовательных стандартов, обновления содержательной части и структурно-организационных реформ.

Реализация функциональных особенностей имиджа учреждения образования осуществляется в процессе следующих мероприятий: 1) установление, поддержание, расширение контактов с выпускниками; 2) организация специальных событий; 3) разработка и поддержка сайта университета; 4) выставочная деятельность. Проанализируем эффективность некоторых из них применительно к объекту исследования.

1. В рамках реализации данного мероприятия предложено запустить проект, посвященный выпускникам, — «Клуб выпускников». Стратегическая цель клуба — социальное и профессиональное продвижение ее членов, укрепление корпоративного единства университетского сообщества: выпускников, преподавателей, сотрудников, студентов, а также формирование и поддержание положительного имиджа университета в образовательном пространстве и социальной среде.

Работу по привлечению членов в клуб необходимо проводить по трем направлениям: изучение архивных документов; работа с выпуском студентов текущего года; вовлечение профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета.

Члены клуба будут реализовывать следующие задачи:

- организация открытых и закрытых мероприятий для выпускников в целях развития профессиональных компетенций выпускников, их карьерного и личностного развития, повышения социальной мобильности с использованием возможностей университета, а также для укрепления корпоративного единства;

- содействие трудоустройству выпускников БарГУ посредством приема студентов и выпускников на практику, стажировку, трудоустройство;

- организация мастер-классов, открытых лекций, семинаров на темы «Технология карьеры», «История успеха» успешных бизнесменов (специалистов) в рамках проводимой «Ярмарки вакансий» и деятельности Центра содействия трудоустройству выпускников;

- поддержка научно-исследовательских и образовательных проектов БарГУ посредством участия в выработке идей, корректировке тем, формирования корпоративного заказа, лоббирования и защиты интересов университета и др.;

- участие в информационном сопровождении проектов БарГУ и клуба: редакционной деятельности (формирование новостной ленты сайта клуба, распространение информации о мероприятиях среди выпускников, сотрудников своих организаций и др.);

- участие в редакционной и рекламной деятельности посредством подготовки и издания книг воспоминаний, каталогов выпускников и др.;

- организация культурных, благотворительных и других мероприятий.

Сочетание всех компонент способно дать синергетический эффект. Проекты клуба будут не только окупаемы, но и в значительной степени способствовать развитию проектов университета.

2. Пример организации специального события, которое направлено на развитие имиджа университета. В качестве повода используется праздник города. Событие должно быть направлено на привлечение внимания широких общественных групп к университету и показать его значение в городской образовательной и профессиональной среде. Праздник г. Барановичи проходит в мае, т. е. в период распределения. Проект «20 лучших выпускников — 20 лучшим компаниям города» позволяет позиционировать университет именно как учреждение образования, готовящее специалистов по широкому образовательному спектру (поскольку стереотип отношения к университету только как к педагогическому еще достаточно силен). Идея проекта — университет выбирает и передает лучших своих выпускников ведущим компаниям города, таким образом демонстрируя свои образовательные возможности, интегрируя сферы образования и профессиональной деятельности, приглашая работодателей к прямому сотрудничеству при подборе персонала и помогая талантливым выпускникам найти свое место в профессии. «20 лучших выпускников — 20 лучшим компаниям города» — имиджевый проект учреждения образования «Барановичский государственный университет», приуроченный к 147-летию г. Барановичи. Следствием реализации проекта станет также создание эффективно функционирующей биржи труда университета, что даст дополнительные возможности как студентам, так и работодателям.

3. В БарГУ существует сайт, который постоянно совершенствуется и обновляется. Для совершенствования сайта предлагается добавить разделы для студентов «Свободное время», «Мероприятия для иностранных студентов», содержащие информацию о способах проведения досуга с яркими примерами в виде фотографий, видеороликов, возможно, с отзывами студентов, уже обучающихся в университете. Кроме того, вместе с информационным порталом одновременно должны функционировать страницы в социальных сетях, содержащие новостную ленту событий, происходящих

в университете, информацию о конкурсах и предстоящих мероприятиях, сведения о студенческих сообществах и организациях, фото- и видеоленту с прошедших в университете событиях, блог с возможностью общения всех студентов.

4. Выставочная деятельность в настоящее время стала распространенным средством продвижения имиджа университета. Преимуществом выставки является концентрированное в течение нескольких дней сочетание экспозиции, личных контактов, продвижения продаж, а также достаточно широкого охвата целевых групп. Участие в выставке дает ряд преимуществ: поддерживает имидж университета как для широких групп общественности, так и для целевых аудиторий. Выставка позволяет улучшить благорасположение общественности и привлечь интерес новых потребителей образовательных услуг; обеспечивает получение корпоративного сообщения большим количеством людей одновременно в сочетании с возможностями персональных коммуникаций; дает хорошие возможности для прямого взаимодействия с потенциальными потребителями.

Сформированный позитивный имидж учреждения образования позволяет решить следующие задачи: 1) повысить привлекательность в первую очередь для родителей, потенциальных студентов и в то же время для специалистов и преподавателей различных дисциплин, которые ищут работу; 2) повысить эффективность мероприятий по информированию населения относительно новых образовательных услуг, о деятельности университета; 3) способствовать введению и адаптации новых специальностей и направлений; 4) повысить уровень организационной культуры, способствовать улучшению социально-психологического микроклимата в коллективе.

Проводя оценку эффективности маркетинговой деятельности в рамках продвижения образовательных услуг, стоит обратить внимание на следующие аспекты:

– маркетинговая деятельность прежде всего направлена на увеличение стоимости нематериальных активов университета, к которым относятся имидж, репутация и др., и здесь еще не отработаны механизмы подсчета и перевода этих величин в точный финансовый эквивалент;

– специфика маркетинговой деятельности состоит в том, что ее результаты несколько отсрочены во времени, трудно зафиксировать результаты в узкий промежуток времени.

Сегодня в процессе анализа эффективности маркетинга образовательных услуг доминирующее значение приобретает менеджмент отношений. Отношения с целевыми аудиториями должны выстраиваться как долгосрочные и партнерские. Целевые аудитории должны видеть в учреждении образования в первую очередь партнера, а не «продавца» образовательных услуг. Это значит, что учреждение должно быть открыто для различных форм взаимодействия и общения. Целевые аудитории сегодня надо растить, налаживая взаимодействие заранее (работа со школьниками, регионами и т. д.). Одним из направлений взаимодействия является образовательная помощь (лекции по профильным дисциплинам, мастер-классы преподавателей, специальный раздел для абитуриентов на сайте университета и т. д.).

В контексте реализации данной задачи предлагаем образовательную программу обучения «Гид по маркетингу образовательных услуг», включающую четыре модуля: 1) организация рекламной деятельности; 2) специальные события как технология продвижения учреждений образования; 3) теория и практика организации презентаций; 4) организация и проведение выставок.

Данная модель основана на практико-ориентированном подходе и социальном партнерстве в сфере образования с привлечением партнеров, представляющих государство и учреждения образования, которые объединяют усилия и ресурсы в целях эффективной и результативной подготовки маркетологов в сфере образования к успешной деятельности в сложных и динамичных условиях современной экономики. Программа адаптирована к особенностям образовательной деятельности и ориентирована на формирование и практическое применение усвоенных знаний и навыков. В ходе обучения обучающиеся должны получить необходимый объем теоретических знаний и стартовый пакет практических навыков для начала самостоятельной профессиональной деятельности в области маркетинга образовательных услуг, иметь представления о специфике продвижения образовательных услуг, об особенностях подготовки специальных событий в сфере образования. Программа рассчитана на 156 часов, из них 76 часов — изложение теоретического материала, 80 часов — проведение практических занятий, тренингов с привлечением специалистов-практиков.

Учитывая, что в г. Барановичи 23 учреждения общего среднего образования, 1 вечерняя, 3 музыкальных, 1 хореографическая и 1 художественная школы, 44 учреждений дошкольного образования, экономико-юридический колледж, технологический колледж Белкоопсоюза, колледж легкой промышленности, музыкальное училище, спрос на данную программу будет достаточно высоким.

Заключение. Существующий уровень качества образования и создание положительного имиджа учреждения образования являются в одинаковой степени очень важными. В настоящее время условия, в которых находятся учреждения, таковы, что они не оставляют резерва времени для эволюционного, естественного формирования имиджа, как он складывался естественным традиционным путем ранее. Имидж учреждения без организации работы и стоящих за ним ценностных установок не будет прочным, не станет основой традиции, а именно это является необходимым условием продвижения учреждений образования в проблемном поле образовательных услуг. Успех продвижения образовательных услуг складывается из нескольких компонентов, к которым относятся: комплексная продуманная коммуникационная деятельность, которая согласована с маркетинговой и имиджевой стратегией развития университета; использование ресурсов системы интегрированных маркетинговых коммуникаций; применение современных, инновационных решений при организации коммуникационных кампаний; наличие службы или специалиста, организующего и курирующего коммуникационную деятельность университета; использование маркетинговых исследований, оперативное реагирование на изменение конкурентной и конъюнктурной среды; учёт социальной специфики сферы образования; следование высоким стандартам корпоративной социальной ответственности.

Список цитируемых источников

1. Бурцева, Т. А. Управление маркетингом / Т. А. Бурцева, В. С. Сизов, О. А. Цень. — М. : Экономист, 2009. — 223 с.
2. Акулич, И. Л. Маркетинг : учебник / И. Л. Акулич. — Минск : Выш. шк., 2000. — 447 с.
3. Белоусова, Е. Организация оплаты труда сотрудников отдела продаж / Е. Белоусова // Маркетинг, реклама и сбыт. — 2004. — № 1 (25). — С. 106—112.
4. Багиев, Г. Л. Маркетинг : учеб. для вузов / Г. Л. Багиев. — М. : Экономика, 2008. — 712 с.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 338(476)(091)(043.3)

М. В. ТозикБелорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 6, 220030 Минск, Республика Беларусь, tozik_maksim@tut.by**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕБАНКОВСКИХ ФИНАНСОВЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1996—2001)**

В статье показаны основные нарушения в деятельности некоторых небанковских финансовых организаций (далее — НФО) в Республике Беларусь в период макроэкономической стабилизации. В ходе исследования были выявлены причины их возникновения и возможные негативные последствия для экономики и населения республики. В заключении делается вывод о целесообразности усиления контроля за деятельностью НФО.

Ключевые слова: небанковские финансовые организации; социально ориентированная рыночная экономика; макроэкономическая стабилизация; Республика Беларусь; государственное влияние.

Библиогр.: 11 назв.

M. V. TozikBelarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 6 Krasnoarmeiskaya St.,
220030 Minsk, Republic of Belarus, tozik_maksim@tut.by**THE MAIN PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF NON-BANK FINANCIAL INSTITUTIONS
IN THE CONTEXT OF MACROECONOMIC STABILIZATION IN BELARUS (1996—2001)**

The article shows the main violations in the activities of some non-bank financial organizations (NFO) in the Republic of Belarus during the period of macroeconomic stabilization. The study identified the causes of their occurrence and possible negative consequences for the economy and population of the republic. In the conclusion, it is concluded that it is advisable to strengthen control over the activities of the NFO.

Key words: non-bank financial institutions; socially oriented market economy; macroeconomic stabilization; the Republic of Belarus; state influence.

Ref.: 11 titles.

Введение. Денежно-кредитная система включает в себя центральный банк, коммерческие банки и ряд НФО. В ходе работы всей банковской системы возникает необходимость в осуществлении каких-то конкретных услуг. Это может быть аудит, лизинг, расчетные операции, финансовое консультирование и т. д. В результате возникают НФО. Их значимость проявляется не только в том, что они дополняют собой денежно-кредитную систему, делая ее более совершенной. Специализируясь на какой-то конкретной деятельности, они наиболее полно ее исследуют, своевременно совершенствуют методы работы и таким образом повышают качество оказываемых услуг.

Исследование деятельности НФО в различных политических и экономических условиях позволяет не только проследить за их адаптацией к ним, взаимовлиянием друг на друга, но и более полно охарактеризовать особенности функционирования всей денежно-кредитной системы и социально-экономического положения республики в указанный период времени в целом.

Компании подобного рода в Республике Беларусь стали возникать ещё в период рыночных реформ (1991—1995). Но оценить их значение было трудно в силу того, что их деятельность не учитывалась в государственном платежном балансе. В период макроэкономической стабилизации в республике усилилась роль государства в социально-экономической политике. Что касается НФО, то их деятельность была поставлена под контроль в целях выявления основных недостатков в их работе и последующего совершенствования законодательной базы.

Материалы и методы исследования. Исторический аспект становления, развития, особенностей функционирования НФО в Республике Беларусь в историографии представлен весьма слабо, что лишь добавляет актуальности исследования данных проблем. Тем не менее имеется ряд работ,

которые раскрывают некоторые вопросы указанной темы. В качестве примера можно представить ряд работ Н. А. Глушко. К ним относятся исследования на темы «Небанковские финансовые организации: правовой статус понятийного аппарата и определение места в финансово-кредитной системе республики Беларусь», «Анализ деятельности небанковских кредитно-финансовых организаций в Республике Беларусь» и т. д.

Ещё одним исследователем в данном направлении является Надежда Малынич — «Теоретические особенности деятельности небанковских финансовых организаций в странах Евразийского экономического союза».

Указанные исследователи в своих работах дают характеристику правовой базы НФО, анализируют результаты их деятельности на современном этапе, а также приводят их классификацию [1—4].

Все указанные выше работы не затрагивают период макроэкономической стабилизации, поэтому основными источниками для проведения исследования стали фонды Национального архива Республики Беларусь, газетные статьи и нормативно-правовые акты.

Архивные документы (фонды 93, 1549, 501) содержат в себе результаты проверок деятельности НФО уполномоченными органами, что позволяет выделить основные нарушения в их работе. Это же касается и периодических изданий. Анализ правовой базы способствовал выявлению особенностей государственной политики по отношению к субъектам хозяйствования [5—11].

Методологическую основу настоящей публикации составили общенаучные методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение и обобщение. Автор опирался на принципы исторического познания, присущие диалектическому материализму (объективность, историзм, системность), использовал историко-сравнительный, историко-системный подходы, количественный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В период с 1991 по 1995 год в деятельности НФО уже прослеживались определённые нарушения. Например, незаконные посреднические операции, производимые без лицензии Национального банка и должного контроля, что приводило к хищению государственных средств [9, с. 153—155].

Некоторые компании представляли из себя финансовые пирамиды, целью которых было присваивание денег населения обманным путём [11, с. 4].

Период макроэкономической стабилизации отличился усилением роли государства в социально-экономической сфере. Не остались без внимания и НФО. В целях регулирования их деятельности Кабинетом Министров и Национальным банком Республики Беларусь 23 июля 1996 года было принято постановление № 480/6 «Об утверждении Временного положения о небанковских финансовых организациях в Республике Беларусь» (Далее — Временное положение) [10].

Согласно Временному положению, НФО были обязаны пройти регистрацию в Национальном банке с открытием корреспондентского счёта в нём, страховать привлечённые денежные средства и публиковать в СМИ свой годовой баланс и отчёт о прибылях и убытках, удостоверенные независимым аудитором. Сам центральный банк страны осуществлял надзорные функции по отношению к финансовым компаниям, устанавливал определённые экономические нормативы к ним и осуществлял их проверку.

В указанном документе также были прописаны разрешённые виды деятельности. К ним относились: привлечение денежных средств юридических и физических лиц, дилинговые операции, лизинг, инвестиционное и финансовое посредничество.

Государственное влияние проявилось в том, что за нарушения законодательства к НФО должны были применяться различные штрафные санкции и меры административной ответственности при участии Службы контроля Президента Республики Беларусь, Национального банка, Главной государственной налоговой инспекции при Кабинете Министров и иных центральных органов государственного управления [10].

Тем не менее за период с 1996 по 2001 год в деятельности НФО всё также проявлялись нарушения, что становилось объектом расследования со стороны правоохранительных органов, а также поводом для ужесточения контроля за ними со стороны государства.

Нарушения были выявлены в области привлечения денежных средств населения, дилинговых операций, инвестиционного и финансового посредничества, консультирования, лизинга и страхования. Также имело место функционирование так называемых финансовых пирамид.

В качестве примера указанных нарушений можно привести следующие результаты расследований.

Так, ЗАО «Национальный пенсионный союз» в 1996 году занимался привлечением денежных средств населения в целях их последующего направления в различные финансовые проекты. Нацио-

нальный банк не предпринимал должных мер по приостановлению деятельности данной организации. Прокуратурой от 30 июля 1997 года было предложено принять решение об изъятии доходов, полученных ЗАО «Национальный пенсионный союз» от деятельности, на осуществление которой необходимо специальное разрешение [6, с. 284].

Дилинговые операции с наличной и безналичной валютой без наличия лицензии Национального банка осуществляло ООО «Цветасол». Факты обналичивания денежных средств выявлялись и при проверке счётных проверок. В результате проверки фирмы «Белинко» было установлено, что по подложной доверенности было обналичено 585 тыс. долл. США [6, с. 284]. Подобная деятельность может вызывать рост курса валюты, так как увеличение валюты у населения сокращает её наличие у государства.

Как отмечалось ранее, наблюдались нарушения в области инвестиционного и финансового посредничества. При проверке процесса обмена чеков «Имущество» на акции приватизируемых предприятий в филиале АСБ «Беларусбанк» был установлен факт скупки у населения чеков «Имущество» якобы агентом ЗАО «Плыня», которое, как выяснилось при проверке, было ликвидировано ранее. Без лицензии осуществляло трастовые операции с государственными краткосрочными облигациями ЗАО «Джем-Инвест». Государственный налоговый комитет Республики Беларусь поручил инспекции по Центральному району города Минска обеспечить взыскание в бюджет необоснованно полученного ЗАО «Джем-Инвест» дохода в сумме 4,1 млрд р. и штрафа в таком же размере [4, с. 285].

Стоит упомянуть деятельность общества «Белсэкай». В своё время оно создало «финансовую пирамиду», а после доказательства незаконности данной деятельности при участии новых учредителей зарегистрировало общественное объединение «Наш дом». Эта организация объявила себя субъектом хозяйствования, якобы имеющим право на льготное получение земельных участков, льготное налогообложение, а также гарантирующим выполнение ранее принятых обществом «Белсэкай» обязательств перед вкладчиками. «Наш дом» вовлекло в число своих членов более 2 300 человек и собрало 1 млрд р. на строительство жилья. За три месяца этим обществом было потрачено более 650 млн р. на ремонт помещений под офис, маркетингово-консультационную деятельность, закупку продуктов питания и товаров народного потребления, погашение процентов по кредитам и т. д., 49,6 млн р. было потрачено на выплату заработной платы работникам данного общества в размере 8 человек. Несмотря на вышеизложенные факты, Национальный банк нарушений не выявил и заявил, что деятельность вышеупомянутых организаций по привлечению средств юридических и физических лиц на покупку жилой площади при отсутствии условий платности, срочности и возвратности не относится к банковским операциям, требующим специальной лицензии. Указывалось, что подобная деятельность регулировалась нормами гражданского законодательства [7, с. 257; 8, с. 82].

Примером нарушений в области операций с денежными средствами являлась деятельность компании «Фико» и концерна «ФИА». «Фико» имела широкую сеть дочерних и патронируемых фирм. Она являлась учредителем 28 предприятий, имела акции 16 организаций и банков. С момента своего образования компания осуществляла финансовые операции, используя привлечение денежных средств юридических лиц, банковские счета фирм-нерезидентов и собственную сеть предприятий. Эта структура и её дочерние предприятия оказывали услуги по конвертации рублей через МВБ и счета фирм-нерезидентов, оффшорных компаний. Активно проводились операции с бестоварными векселями субъектов хозяйствования, выпуск которых был запрещён, а в отдельных случаях векселя отсутствовали вовсе. В частности, средства в белорусских рублях перечислялись на кодовые корреспондентские счета прибалтийских банков за несуществующие акции Минского транзитного банка, а также несуществующие векселя субъектов хозяйствования [7, с. 258].

Что касается векселей, то данная компания приобретала по договорам индоссамента векселя субъектов хозяйствования, в том числе не на бланках строгой отчётности, управляла трастовыми счётами своих клиентов и привлекала денежные средства юридических лиц по договорам о совместной деятельности для последующего их размещения в депозитные вклады от своего имени. Это было установлено по результатам проверки 18 ноября 1996 года Службой контроля Президента Республики Беларусь. Национальный банк нарушений в данной деятельности не обнаружил [8, с. 95].

Нарушения в области финансового консультирования допускали ОФСО «РИП-АЧФА» и ОАСО «РИП-АЧСК». Указанные компании и Министерство промышленности Республики Беларусь заключили трёхсторонний договор по предоставлению информации о дебиторской и кредиторской задолженности на подведомственных предприятиях, участвовавших в развязке неплатежей [6, с. 290]. Такие же сведения поступали в финансовые агентства непосредственно от предприятий по договорам на оказание консультационных услуг.

Для создания видимости собственных затрат и уменьшения налогооблагаемой базы агентства заключали договоры и выплачивали частным предпринимателям вознаграждения за оказанные информационные услуги. Так, частный предприниматель, директор ОФСО «РИП-АЧФА» гражданин Пецукевич за оказанные услуги обществу «РИП-АЧСКА», где сам являлся акционером, получил 150 млн р. В ответ гражданин Пецукевич уже как директор произвёл оплату за услуги частному предпринимателю гражданину Червонцу, который являлся директором ОАСО «РИП-АЧСК», в сумме 186 млн р. Подобным образом получали денежные средства за информационные услуги их родственники и знакомые [6, с. 290].

Все эти расходы ложились на затраты государственных предприятий, увеличивая стоимость выпускаемой продукции и ухудшая их финансовое положение.

По результатам проверки было выявлено, что оснований для выплат за информационные услуги не было. Государственным налоговым комитетом было доначислено в доход бюджета 1 187,7 млн р. [6, с. 290].

Широкую деятельность по финансовому консультированию осуществляло общество «Финконсалт». Выполняя по договорам-поручителям коммерческим банкам услуги по привлечению на расчётные счета последних временно свободных средств, общество в качестве вознаграждения получило 2,4 млрд р. Денежные средства привлекались от организаций с государственной формой собственности и из внебюджетных фондов, что также негативно сказывалось на их финансовом состоянии [6, с. 290].

По всем видам нарушений проверяющими органами (Комитетом государственного контроля) было рекомендовано совершенствовать законодательную базу. Председателем Комитета государственного контроля Н. Ф. Домашкевичем 30 декабря 1996 года Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко было направлено письмо «О деятельности финансовых компаний». Так, отмечалось, что «Временное положение о небанковских финансовых организациях в Республике Беларусь» определяло только порядок лицензирования деятельности, связанной с привлечением денежных средств, на условиях срочности, платности и возвратности. Вопросы регулирования деятельности финансовых организаций, осуществляющие иные финансовые операции, остались нерешёнными [7, с. 257].

Также обращалось внимание на невыполнение Национальным банком требований Указа Президента Республики Беларусь от 2 мая 1996 года № 157 по проведению регистрации НФО, обеспечению оперативного информирования органов государственного контроля и правоохранительных органов о фактах привлечения субъектами хозяйствования денежных средств граждан и юридических лиц, прекращению банками операций по счетам клиентов, осуществляющих финансовую деятельность с нарушением требований законодательства, а также по осуществлению надзорной функции за деятельностью финансовых организаций [7, с. 257].

В 2001 году был принят Банковский кодекс Республики Беларусь, который стал законодательной базой для всей банковской системы и для НФО в частности. В нем также прослеживается особая роль государства в социально-экономической жизни страны. Деятельность кредитно-финансовых компаний контролируется посредством Национального банка, который устанавливает для них экономические нормативы, осуществляет государственную регистрацию и лицензирование, а также участвует в формировании минимального уставного фонда НФО [5].

Заключение. В период макроэкономической стабилизации в Республике Беларусь основными недостатками в работе НФО являлись: незаконное привлечение денежных средств населения, создание финансовых пирамид, нарушения в области финансового консультирования, посреднических операций. Всё это было вызвано несовершенством законодательной базы. Указанные проблемы угрожали финансовой стабильности в республике. Так, бесконтрольное обналичивание валюты населению могло увеличить её курс, ведь уменьшение её у государства и увеличение у населения повышают её стоимость. Привлечение денежных средств населения в целях исключительно личной выгоды подрывает репутацию НФО как таковых, что станет препятствием для их развития в стране. По результатам проверок также были выявлены факты финансового консультирования и посредничества, в результате которых государственным предприятиям приходилось выплачивать необоснованно большие суммы денег, что ухудшало их и без того плохое финансовое положение.

Проверяющие органы видели проблему не только в несовершенной законодательной базе. Иногда всё объяснялось недостаточным контролем со стороны Национального банка. Всё это стало причиной повышенного контроля за НФО со стороны государства в целях предотвращения незаконной деятельности и причинения вреда населению и экономике республики в целом.

Список цитируемых источников

1. Глушко, Н. А. Небанковские финансовые организации: правовой статус понятийного аппарата и определение места в финансово-кредитной системе Республики Беларусь / Н. А. Глушко // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. — 2017. — № 5. — С. 80—87.
2. Малынич, Н. Теоретические особенности деятельности небанковских финансовых организаций в странах Евразийского экономического союза / Н. Малынич. — Банк. вестн. — 2017. — № 3. — С. 46—51.
3. Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф., 21 апр. 2017 г. / редкол.: К. К. Шебеко [и др.] ; Полес. гос. ун-т. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — С. 33—35.
4. Экономика и право: становление, развитие, трансформация : материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Макеевка, 28 апр. 2017 г. / Макеев. экон.-гуманитар. ин-т ; редкол.: В. И. Веретенников [и др.]. — Макеевка : МЭГИ, 2017. — С. 33—37.
5. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июл. 2018 г. № 133-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.07.2018. — 2/2571.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 93. Оп. 21. Д. 842. Л. 284—290.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 93. Оп. 21. Д. 839. Л. 257, 258.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1549. Оп. 1. Д. 848. Л. 82, 95.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 501. Оп. 1. Д. 6. Л. 153—155.
10. Об утверждении Временного положения о небанковских финансовых организациях в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Нац. банка Респ. Беларусь и Кабинета Министров Респ. Беларусь, 23 июля 1996 г., № 480/6 // ПРАВО. Законодательство Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.levonevski.net/pravo/temy/tema09/vtor/docm1318.html>. — Дата доступа: 10.08.2020.
11. Сыроквашко, И. И в Беларуси есть свои Мавроди / И. Сыроквашко // Белоруссия. — 1995. — 22—28 июля. — С. 4.

Поступила в редакцию 25.09.2020

УДК 338.22.021.4

Ю. А. Трич

Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, пер. Краснозвездный, 12, 220005 Минск,
Республика Беларусь, +375 (172) 28 10 29, trich-belres@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ОТХОДАМИ СТЕКЛА КАК ЭЛЕМЕНТ РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из важнейших направлений развития стекольной промышленности является сокращение потерь материальных и топливно-энергетических ресурсов, а также расширение сырьевой базы и снижение уровня загрязнения окружающей среды.

В статье представлены предпосылки вовлечения отходов стекла во вторичное пользование. Вовлечение в хозяйственный оборот стеклоотходов следует рассматривать как решение первоочередных задач, приводящих к ресурсосбережению, увеличению воспроизводства изделий из стекла и снижению экологической нагрузки на окружающую среду. Рециклинг отходов из стекла оказывается экономически выгодным предприятиям стекольной промышленности.

Автор при проведении исследования опирался на научные публикации по данной проблематике, нормативные правовые акты в области ресурсосбережения и общенаучные методы исследования.

Ключевые слова: ресурсосбережение; управление отходами стекла; стекольная промышленность.

Библиогр.: 7 назв.

Yu. A. Trych

State Property Committee of the Republic of Belarus, 12 Lane Krasnozvezdnyj, 220005 Minsk,
Republic of Belarus, +375 (172) 28 10 29, trich-belres@mail.ru

GLASS WASTE MANAGEMENT AS AN ELEMENT OF RESOURCE-SAVING ACTIVITIES

One of the most important directions in the development of the glass industry is to reduce the loss of material and fuel and energy resources, as well as to expand the resource base and reduce the level of environmental pollution.

The article presents the prerequisites for introducing glass waste into secondary use. The introduction of glass waste in the economic turnover should be considered as a solution to the priority tasks leading to resource conservation, an increase in the reproduction of glass products and a decrease in the load on the environment. Recycling glass waste is proving to be economically viable for the glass industry.

When conducting the research, the author relied on scientific publications on this topic, normative legal acts in the field of resource conservation and general scientific research methods.

Key words: resource saving; glass waste management; glass industry.

Ref.: 7 titles.

Введение. Эколого-экономическая политика предприятия подразумевает взаимосвязь текущих и долгосрочных целей инновационного развития с учетом производства конкурентоспособной продукции. Переработка бытовых отходов — высокорентабельная отрасль промышленности, которая при невысоких финансовых вложениях позволяет получать стабильную прибыль. Переработка вторсырья не только приносит экономическую пользу, но и позволяет сохранить природное богатство страны. Процесс ресурсосбережения по сравнению с привлечением дополнительных материальных ресурсов имеет большое экологическое преимущество, для реализации которого необходимо соблюдать баланс интересов устойчивого развития организации. Кроме того, необходимо помнить о проблеме воспроизводства фондов природоохранного назначения, предназначением которых является удовлетворение экологических потребностей предприятия в улучшении состояния окружающей среды.

В Республике Беларусь разработана нормативная правовая база, регулирующая вопросы рационального использования природных ресурсов, экологической безопасности и охраны окружающей среды.

Результаты исследования и их обсуждение. В Республике Беларусь уделяется большое внимание развитию стекольной промышленности. Проводится модернизация стеклопредприятий, осуществляется увеличение производственных мощностей, расширение ассортимента. Предприятия специализируются на выпуске стеклоизделий, тары, элементов фасадов зданий, автомобильной и сельскохозяй-

ственной техники, окон, лестничных маршей, различных ограждений, предметов интерьера и др., которые в основном оснащены современным оборудованием с передовыми технологиями производства.

В контексте рационализации природопользования и экологизации производства ресурсосбережение является важнейшим фактором удешевления продукции из стекла.

Особенности стекольной промышленности определяет жизненный цикл продукции. Анализ жизненного цикла стеклоизделий дает оценку всему жизненному циклу продукции, по истечении которого стеклоизделия необходимо отправлять на вторичную переработку и повторное их использование.

Выделение этапов жизненного цикла, дифференциация использования материальных ресурсов базируются на признаках, отражающих своеобразие и технологическую однородность их потребления, дают возможность представить использование ресурсов не просто как сумму потребленных материалов, а как взаимосвязь части и целого, что позволит количественно учесть качественную сторону их расходования.

На основе такой технологической цепочки, охватывающей в единстве весь путь возможного потребления сырья, и должна производиться комплексная оценка полного жизненного цикла (ПЖЦ) использования материальных ресурсов.

Применение комплексной оценки ПЖЦ использования материальных ресурсов на основе технологической цепочки важно в следующих аспектах.

Во-первых, в данном случае речь идет об оценке использования материалов не на отдельно взятых технологических этапах, как это имеет место сейчас, а об оценке уровня потребления материалов на всех этапах жизненного цикла в комплексе.

Во-вторых, применение комплексной оценки ПЖЦ способствует улучшению использования материалов как на отдельных этапах, так и в целом ПЖЦ.

Возвращение однородных материалов из вторичного сырья в повторное производство носит иной, третий, этап использования материальных ресурсов. Специфической формой использования материальных ресурсов является восстановление и утилизация сырья из разнородных промышленных и бытовых отходов, которые завершают стадии жизненного цикла и представляют собой конечный, четвертый, этап.

Если на первых двух этапах материальные ресурсы используются для изготовления готового продукта, то на третьем и четвертом — для промышленного производства самих материальных ресурсов, поступающих обратно в процесс производства, т. е. на первых двух этапах происходит их непосредственное потребление, на третьем и четвертом — их промышленное воспроизводство.

Промышленное воспроизводство сырья оказывает заметное влияние на многие сферы экономического развития. Возрастающий дефицит природных ресурсов, увеличение ресурсов отходов и увеличение темпов прироста продукции из вторичного сырья приведут к тому, что промышленное производство, обслуживающее третий и четвертый этапы, в недалеком будущем превратится в самостоятельную отрасль. Чтобы из этой цепи не выпало ни одно звено, нужен комплексно-системный подход к оценке потребления материальных ресурсов [1]. При повторной переработке стеклоизделий одним из важнейших этапов является эколого-экономическое регулирование. Использование отходов в качестве вторичного сырья положительно сказывается на процессах производства и потребления продукции: значительно уменьшается расход энергоресурсов, снижаются выбросы парниковых газов и нагрузка на окружающую среду, что, в свою очередь, приводит к повышению энергоэффективности экономики, сохранению первичных природных ресурсов, удешевлению стоимости конечного продукта и предотвращению возникновения ущерба от воздействий на окружающую среду. Использование природных сырьевых ресурсов при производстве стекла приводит к нарушению состояния окружающей среды, а также вызывает ее изменения на протяжении всего жизненного цикла продуктов, в производстве которых они принимали участие: от добычи и переработки сырья до потребления продукции и утилизации отходов.

Процесс производства стекла характеризуется вовлечением в производство значительного количества сырьевых ресурсов и химических веществ, большим потреблением электроэнергии, выбросами в атмосферу загрязняющих веществ и образованием отходов [2]. Стеклоотходы используются для производства стеклянной тары и прочей стеклянной продукции, листового стекла и др. Собранных отходов стекла недостаточно, чтобы полностью обеспечить стекольную промышленность. Технологические требования стеклопредприятий очень высокие, так как при изготовлении стекла в шихту добавляют сырье однородного химического состава [3]. Добавление стеклобоя в состав шихты снижает энергопотребление при плавлении, поскольку он уже прошел эндотермические реакции, связанные с формированием стекла, и его масса меньше эквивалентного количества шихты приблизительно на

20,0 %. Увеличение доли стеклобоя в стекловарении потенциально приводит к значительному снижению затрат, поскольку уменьшается потребление энергии и сырьевых материалов.

Переработка бытовых отходов — высокорентабельная отрасль промышленности, которая при невысоких финансовых вложениях позволяет получать стабильную прибыль. Переработка вторсырья приносит экономическую пользу и позволяет сохранить природное богатство страны.

Ведется постоянная целенаправленная работа по развитию и совершенствованию системы сбора и переработки отходов. Принимаются меры по обеспечению потребности стеклопредприятий вторичными материальными ресурсами (далее — ВМР) за счет внутренних ресурсов и сокращения их импорта. За последнее десятилетие система обращения с твердыми коммунальными отходами (далее — ТКО) постоянно развивалась и совершенствовалась. Сегодня она охватывает всю территорию Беларуси и обеспечивает в целом безопасный для человека и окружающей среды сбор и удаление ТКО. При этом в Республике Беларусь сохранена инфраструктура и управляемость системы сбора, заготовки, вывоза и размещения отходов.

Значительно расширена и модернизирована система раздельного сбора и сортировки ТКО и заготовки ВМР. В период с 2014 по 2019 год установлено около 67 тыс. контейнеров для раздельного сбора ВМР, создано 118 пунктов приема вторичного сырья, приобретен 151 пресс для вторичного сырья, 133 погрузчика, 462 автомобиля и мусоровоза, создано 40 линий сортировки ТКО и ВМР, введены в эксплуатацию мусоросортировочные заводы в Гродно и Минске, в 2018 году начато строительство мусоросортировочного завода в Витебске. Осваиваются новые для Беларуси направления использования ТКО. В результате комплексной и системной работы объемы сбора ВМР в Республике Беларусь в 2018 году по сравнению с 2010 годом выросли в 2,1 раза (с 338,7 тыс. тонн в 2010 году до 714,3 тыс. тонн в 2018 году), а уровень использования ТКО составил 18,8 % от объема образования [4].

Уровень сбора ВМР в Беларуси соответствует таким европейским странам, как Испания, Португалия и Болгария, и собирается значительно больше ВМР, чем в Словакии, России, Украине и других странах СНГ.

Использование ТКО осуществляется в основном путем извлечения из их состава ВМР. Извлечение ВМР из ТКО осуществляется посредством раздельного сбора ТКО от населения с установкой специальных контейнеров для отдельных видов ВМР, заготовки ВМР от населения через сеть приемных пунктов (1,9 тыс. пунктов), сортировки смешанных коммунальных отходов на объектах сортировки (более 100 общей мощностью 540 тыс. тонн в год) и 7 мусороперерабатывающих заводах (общей мощностью 520 тыс. тонн в год) с извлечением ВМР, закупки вторичного сырья у субъектов хозяйствования, у которых такие отходы образуются в процессе хозяйственной деятельности [4].

Целевые показатели и задачи в сфере обращения с ТКО и ВМР на период до 2020 года определены в Государственной программе «Комфортное жилье и благоприятная среда» [5] и ориентированы на сбор и переработку 90—95 % отходов бумаги и картона, стекла, шин. В 2018 году по сравнению с 2015 годом сбор отходов стекла увеличился на 115,3 %.

Объем образования отходов стекла оценивается в 250 тыс. тонн в год. В настоящее время в республике имеется объект по автоматической сортировке отходов тарного стекла по цветам мощностью до 120 тыс. тонн в год и 8 объектов по использованию отходов стекла с расчетной потребностью 172 тыс. тонн в год. Отходы стекла используются в качестве сырья при производстве стеклянной тары, строительных материалов, краски для дорожной разметки.

В 2018 году было собрано (заготовлено) 189,5 тыс. тонн отходов стекла, что составляет 76,0 % от объема их образования, рост по сравнению с 2017 годом составил 104,0 %.

Существующие мощности в целом позволяют сортировать объем отходов стекла, собираемых в Республике Беларусь, и удовлетворяются потребности белорусских переработчиков.

Перспектива развития сферы обращения с ТКО и ВМР определена в Национальной стратегии по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 года (далее — Национальная стратегия), где проанализированы факторы, негативно влияющие на развитие эффективной системы обращения с ТКО и ВМР в стране и определены соответствующие программные мероприятия целевого характера, которые необходимо реализовать для достижения ее целей. Мероприятия объединены по пяти направлениям (модулям), начиная от совершенствования существующей системы обращения с ТКО «сбор—вывоз—захоронение» с переходом к «технологичным» вариантам, включая сжигание отходов для получения тепловой и электрической энергии.

Для каждого модуля определены рамочные экономические (инвестиции, тарифы) и правовые условия реализации мероприятий, при этом модули 1—4 взаимосвязаны организационно-техническими мероприятиями, инфраструктурой сбора, заготовки и переработки ТКО, а модуль 5 (строительство мусоросжигательного завода) представляет собой обособленное технологическое решение для Минска. В Республике Беларусь на период с 2017 по 2020 год запланировано инвестировать в строительство контейнерных площадок на сумму 18,0 млн р. (или 8,2 млн евро), в связи с чем планируется закрыть 22 231 мусоропровод, а также создать 6 000 новых контейнерных площадок [6]. Значительную долю среди всех отходов занимает упаковка. В обращении в Республике Беларусь находится около 5 млрд единиц тары из-под напитков всех видов. Из всех проданных в стране напитков в пол-литровых стеклянных бутылках собрано тары только 30,0 %, из всех литровых ПЭТ-бутылок — только 18,0 %. После внедрения залоговой системы предполагается сбор в размере 80,0 % от общего объема.

Для более эффективного извлечения ВМР из коммунальных отходов построены мусороперерабатывающие заводы в Минске, Гомеле, Могилеве, Новополоцке, Бресте, Барановичах. Кроме того, в Минске построено предприятие по сортировке смешанного стеклобоя. Организациями жилищно-коммунального хозяйства эксплуатируются сортировочно-перегрузочные станции и линии сортировки (досортировки) раздельно собранных коммунальных отходов. В целях вложения инвестиций в систему обращения с ТКО в период с 2021 по 2025 год планируется строительство новых полигонов, перегрузочных станций и мусоросжигательного завода в Минске [6].

Экологичность страны может быть достигнута путем уменьшения образования токсичных отходов, углублением рециклинга отходов, максимизацией использования возобновляемых ресурсов. Институциональные подходы позволяют более объективно анализировать воздействие решающих факторов на объем, структуру финансового потенциала в целом и его отдельные слагаемые.

Сокращение количества образующихся отходов в стекольной промышленности Республики Беларусь может быть достигнуто усовершенствованием технологических процессов, рециклизацией и переработкой стеклоотходов в полезные побочные продукты. Многие из организаций осуществляют сбор (заготовку) стеклобоя, сортированного по цветам и очищенного от примесей, в целях дальнейшей отгрузки непосредственно на стеклоперерабатывающие предприятия.

В настоящее время увеличен объем вовлечения в гражданский оборот стеклоотходов в качестве вторичного сырья. При повторной переработке стеклоизделий одним из важнейших этапов является эколого-экономическое регулирование. Использование отходов в качестве вторичного сырья положительно сказывается на процессах производства и потребления продукции: значительно уменьшается расход энергоресурсов, снижаются выбросы парниковых газов и нагрузка на окружающую среду, что в результате приводит к повышению энергоэффективности экономики, сохранению первичных природных ресурсов, удешевлению стоимости конечного продукта и предотвращению возникновения ущерба от воздействий на окружающую среду. Переработка отходов предусматривает повторное использование или возвращение в оборот отходов производства или мусора (вторичная, третичная и т. д.) в том или ином масштабе таких материалов, как стекло, бумага и др.

Заключение. Особенности стекольной промышленности как объекта стратегических исследований ресурсосбережения определяет жизненный цикл продукции, характер воздействия на окружающую среду, использование отходов производства как вторичных ресурсов. Технология производства стекла обуславливает необходимость использования в значительных количествах стеклобоя, что снижает энергопотребление и в целом издержки производства на 20—30 %. Трансформация отходов стекла во вторичные ресурсы повышает экологичность и конкурентоспособность выпускаемой продукции, в том числе и в аспекте концепции жизненного цикла продукции. Уровень эффективности использования вторичных ресурсов — это не только показатель экономической оценки природопользования, но и инновационного развития предприятий. Управление отходами стекла, как элемент ресурсосберегающей деятельности, заключается во взаимосвязи и субординации факторов и действий, направленных на повышение эффективности использования природных и материальных ресурсов, сохранение (улучшение) качества окружающей среды, выбор наилучших технологий и организаций производства, обеспечивающих приращение добавленной стоимости и экономию первичного сырья, энергии, вовлечение в хозяйственный оборот вторичных ресурсов и отходов.

С введением в эксплуатацию (2012 год) производства сортировки смешанного стеклобоя в Минске (ГО «Белресурсы») повысилась эффективность подготовки и реализации вторичных ресурсов. Качество отсортированного стеклобоя соответствует стандартам и дает возможность сократить импорт стеклобоя.

Одним из основных направлений снижения себестоимости продукции является увеличение использования стеклобоя отечественными стеклотарными заводами при производстве продукции. Данная мера должна отвечать экономической эффективности и экологической направленности, т. е. быть экологически и экономически оправданной в сравнении со стоимостью импортных сырьевых компонентов и обеспечить увеличение объемов переработки отходов стекла в стране [7].

В странах Организации экономического сотрудничества и развития активно разрабатываются наукоемкие технологии рециклинга, в развитых странах Европы отрасль занимает около 10,0 % ВВП. Проблема не только в отходах и деградации окружающей среды. Не менее актуальная проблема — абсолютное потребление энергии и материальных ресурсов (прирост потребляемых ресурсов) на душу населения. Для удовлетворения возрастающих энергетических потребностей экономически развитых стран в хозяйственный оборот втягивается огромное количество природного вещества. Расход энергии, материально-сырьевых ресурсов и пищевых продуктов на душу населения в экономически развитых странах примерно в 10 раз выше, чем в развивающихся. Во столько же раз разнится уровень дохода на душу населения. Все это в большой степени актуализирует проблему экологической (эколого-экономической) оценки природопользования, на базе которой развиваются экономические инструменты защиты окружающей среды и экологизации производства.

Список цитируемых источников

1. Бычкова, В. А. Организация ресурсосбережения при обращении с твердыми бытовыми отходами в ЖКХ : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / В. А. Бычкова ; ФГБОУ ВПО «Моск. гос. акад. коммун. хоз-ва и стр-ва». — М., 2012. — 30 с.
2. Систематизация экономических категорий ресурсосбережения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: essuir.sumdu.edu.ua/bistream/123456789/8458/1/557/Doc . — Дата доступа: 12.08.2020.
3. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. — Минск : Беларус. наука, 2006. — С. 296—297.
4. Сайт государственного учреждения «Оператор вторичных материальных ресурсов» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vtoroperator.by> . — Дата доступа: 10.09.2020.
5. Об утверждении Государственной программы «Комфортное жилье и благоприятная среда» на 2016—2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 апр. 2016 г., № 326 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 8 сент. 2020 г. № 524 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 10.09.2020. — 5/48347. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600326> . — Дата доступа: 15.09.2020.
6. Национальная стратегия по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июля 2017 г., № 567. — Режим доступа: <http://www.government.upload/docs/filea1a9a20a06fc7fe5.PDF> . — Дата доступа: 15.08.2020.
7. Трич, Ю. А. Эколого-экономическая стратегия ресурсосбережения в стекольной промышленности : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Ю. А. Трич ; БГТУ. — Минск, 2019. — 29 с.

Поступила в редакцию 17.09.2020

УДК 330.341

И. С. Харкевич

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 721 66 02, irina6602@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена одной из проблем внедрения инноваций в производственную деятельность предприятий — учету факторов, способных замедлить или ускорить инновационный процесс. В рамках данной статьи анализируется, как данные факторы влияют на развитие инновационного процесса, указывается необходимость их изучения при принятии решения о наиболее оптимальном построении инновационного процесса. Исследуются социологические инструменты в целях оценки дополнительных показателей инновационной деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: инновационная деятельность; оценка; эффективность; факторы инновационного развития; статистические данные.

Табл. 2. Библиогр.: 6 назв.

I. S. Kharkevich

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, + 375 (29) 721 66 02, irina6602@mail.ru

USE OF SOCIOLOGICAL INSTRUMENTS FOR THE ESTIMATION OF FACTORS, INFLUENCING INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article focuses on one of the problems of introducing innovation into the production activities of enterprises, namely, taking into account factors that can slow down or accelerate the innovation process. This article analyzes how these factors influence the development of the innovation process and indicates the need to study them when deciding on the most optimal construction of the innovation process. Sociological instruments are being investigated in order to assess additional indicators of innovative activity of economic entities.

Key words: innovation; evaluation; efficiency; factors of innovative development; statistical data.

Table 2. Ref.: 6 titles.

Введение. Нынешний уровень конкурентоспособности страны все больше определяется активизацией инновационных процессов. Инновационный вектор развития формирует платформу экономической безопасности государства, предоставляя возможности для создания новой продукции, что, в свою очередь, создаст условия для развития новых промышленных комплексов, подсекторов, обеспечит занятость трудовых ресурсов и динамику внешнеэкономической деятельности. Одной из проблем, возникающих при осуществлении инновационной деятельности предприятий, является учет факторов, способствующих инновационному процессу или сдерживающих его. Данные факторы влияют на развитие инновационного процесса, их следует тщательно изучать при принятии решения об оптимальном способе построения инновационного процесса.

Методология и методы исследования. При написании работы были использованы научные труды, описывающие классификацию факторов, влияющих на систему управления инновационной деятельностью, а в качестве материалов — результаты собственных статистических исследований и исследований других авторов для подтверждения достоверности предложенной классификации. Применялись методы анализа и синтеза, системный подход, экономико-статистические методы, сравнительный анализ и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Ответы на вопросы о препятствиях на пути инновационной деятельности могут служить источником информации о разнообразных проблемах из области инновационной политики. Малые и средние предприятия, к примеру, могут указывать на нехватку имеющихся финансовых средств в качестве важного препятствия для инвестирования в инновации. Любое предприятие имеет право беспокоиться об отсутствии достаточного спроса на новую продукцию по ценам, необходимым для того, чтобы инновации были прибыльными. Другие могут не иметь квалифицированного персонала, необходимого для участия в инновационной деятельности, либо их инновационная деятельность замедляется из-за того, что не удается найти нужный персонал на рынке труда. Важным препятствием для инноваций, особенно за пределами крупных городов, может стать отсутствие инфраструктуры, недостаток знаний о технологиях или рынках, которые могут потребоваться для развития каких-то инноваций, либо оно не сможет найти подходящих партнеров для совместных инновационных проектов. Инновационным предприятиям прежде чем приступить ко внедрению инноваций, необходимо внимательно ознакомиться с этими факторами, чтобы принять решение об оптимальном способе построения инновационного процесса.

В таблице 1 перечислены факторы, которые могут стать барьерами для инноваций или ускорить их внедрение.

Исследование данных факторов дает возможность определить направленность их влияния на развитие инновационной деятельности. Предложенная классификация факторов позволяет установить, что нередко влияние одного фактора является посылком для другого и может сдерживать влияние третьего. Управление предприятием должно согласовывать собственные действия в преодолении или хотя бы в определённом понижении отрицательного влияния факторов, сдерживающих развитие инновационной деятельности, выяснении взаимосвязей между ними, кроме того, изучении последствий, причиной которых они могут послужить.

Т а б л и ц а 1. — Факторы, влияющие на инновационную деятельность предприятия

Группа факторов	Факторы, препятствующие инновационной деятельности	Факторы, способствующие инновационной деятельности
Экономические, технологические	Отсутствие средств для финансирования инновационных проектов, отсутствие резервных мощностей, слабая материальная и научно-техническая база, доминирование текущих производственных интересов	Наличие передовых технологий, резерва финансовых и материально-технических средств, необходимой научно-технической и экономической инфраструктуры
Организационно-управленческие	Чрезмерная централизация, устоявшаяся организационная структура компании, авторитарный стиль управления, преобладание вертикальных потоков информации, жесткость в планировании, ориентация на сложившиеся рынки, ориентация на краткосрочную окупаемость, сложность согласования интересов участников инновационных процессов, трудность межотраслевых межорганизационных взаимодействий	Гибкость организационной структуры, демократичный стиль управления, самостоятельное планирование, допущение корректировок, децентрализация, автономия, формирования целевых рабочих групп, преобладание горизонтальных потоков информации
Правовые, политические	Ограничения со стороны антимонопольного, налогового, патентно-лицензионного законодательства	Государственная поддержка инноваций, законодательные меры, поощряющие инновации
Социопсихологические, культурные	Сопrotивление изменениям, которые могут вызвать такие последствия, как перемена статуса сотрудников, нарушение стереотипов поведения и установленных традиций, боязнь неопределенности, реструктуризация устоявшихся способов деятельности, страх перед наказанием за неудачу	Предоставление возможностей для самореализации, нормальный психологический климат в трудовом коллективе, моральное поощрение участников инновационного процесса, общественное признание

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [1].

Для надлежащего управления экономическими процессами необходимо выявлять и устранять препятствия для инноваций, обеспечивать мотивацию и создавать отношения в организации, которые будут поддерживать личную и групповую инновационную инициативу. Инновационные организации сосредоточены на решении проблем и наращивании собственного потенциала [2]. Таким образом, особую значимость имеют факторы, сдерживающие развитие инновационной деятельности. Их необходимо рассмотреть более подробно.

При статистическом наблюдении выявляются отдельные группы факторов, которые, согласно инновационно-активным организациям, препятствуют инновациям и, следовательно, влияют на оценку их эффективности. Сегодня статистика является основной информационной базой для оценки успеха экономики страны. Служба государственной статистики регулярно проводит обследования предприятий на предмет того, какие факторы препятствуют их инновациям и как они негативно сказываются на них. Однако результаты проведенных исследований статистическими органами, как правило, поставляются в первичном, «сыром», виде. Можно получить ряд серьезных и важных выводов, применив необходимую методику преобразования качественных характеристик в количественную плоскость [3].

Результаты опросов белорусских предприятий за 2016—2019 годы на предмет их инновационной деятельности станут для нас исходной информационной базой для демонстрации работы социологических инструментов в целях оценки дополнительных показателей инновационной деятельности субъектов хозяйствования.

Исследование строится на основе методики преобразования качественных характеристик в количественную плоскость. Организации-респонденту предоставляется вопросник, в котором перечисляются факторы, оказывающие негативное воздействие на инновации. По каждому фактору респондент отмечает, что с точки зрения препятствия фактор является «решающим», «значительным» или «незначительным» с точки зрения степени снижения силы негатива.

Система государственной статистики постепенно включает в свою отчетность результаты опросов, проводимых среди предприятий. Опрос предприятий промышленности ежегодно проводит Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Информацию по основным показателям инновационной деятельности за 2016—2019 годы можно получить из бюллетеня «О научной и инновационной деятельности Республики Беларусь». В том числе в бюллетене выделены наиболее значимые факторы, препятствующие инновационной деятельности предприятий Республики Беларусь, которые ниже использованы для проведения исследования.

Оценка важности факторов, препятствующих инновациям, проведенная на основе ответов руководителей промышленных предприятий Республики Беларусь за 2016—2019 годы, показала, что основными из них являются: 1) недостаток собственных денежных средств (от экономических факторов); 2) низкий инновационный потенциал организации (от производственных факторов); 3) низкий спрос на инновационную продукцию (работы, услуги) (среди других факторов) [4].

Методология для оценки инновационного климата в белорусской промышленности основана на идее, преобразовывающей качественные параметры в числа, которые более удобны аналитически. Для выполнения этой задачи сначала необходимо ранжировать степень препятствия факторов весовыми коэффициентами. Величины весовых коэффициентов определяются экспертным путем, и от правильности их выбора во многом будут зависеть и финальные результаты исследования. Максимальный весовой коэффициент, равный 1, присваивается «решающему» фактору. «Значительный» фактор получает весовой коэффициент 0,6, т. е. более 0,5, но не слишком близко к единице. Вариант ответа «незначительный» соответствует весовому коэффициенту 0,2. Можно утверждать, что этот «незначительный» фактор не настолько силен, но и не настолько безвреден, чтобы им можно было пренебречь [3].

Оценки показывают, что количество ответов «сложно ответить» в каждом из опросов составляло около 32—35 %. Столь высокий процент «неопределенных» ответов дает основание предполагать, что либо сами предприятия не понимают причин, препятствующих их инновациям, либо они мало нуждаются в инновациях.

Проведя необходимую подготовительную работу на основе методики статистических исследований, предложенной А. Б. Гусевой, приступим непосредственно к оценке по каждому индексному фактору его препятствий для инновационной деятельности по следующей формуле: $I = \sum_{i=1}^n (x_i y_i) / \sum_{i=1}^n x_i 100 \%$, где I — индекс препятствия для инновационной деятельности; n — число вариантов ответов; i — порядковый номер варианта ответа; x_i — количество респондентов, которые указали i -й вариант ответа для фактора; y_i — весовой коэффициент, зафиксированный за i -м вариантом ответа [3].

Результаты расчета индексов отдельных препятствий по опросам 2016—2019 годов представлены в таблице 2. Более удобным представляется произвести исследование, используя группировку факторов, предложенную Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Индекс *I* нормализуется от 0 до 100 %, где 100 % соответствует максимальной степени факторной обструкции. Учитывая, что в опросе было задействовано 17 факторов, разделенных на три группы, мы получаем набор из 17 индексов препятствия, на основе которых представляется возможным рассчитать среднее значение *I* для каждой группы факторов и для всей совокупности.

По результатам, приведённым в таблице 2, можно сделать ряд выводов.

Из всех представленных факторов основное или решающее влияние на развитие инновационной деятельности оказывают экономические факторы. Фактор «недостаток собственных денежных средств» имеет стабильный максимальный индекс препятствий (67,82 %). За ним на некотором расстоянии стоят и другие экономические факторы: «высокая стоимость инноваций» (65,32 %) и «длительный срок окупаемости инноваций» (61,88 %). Действительно, деньги — дефицитный ресурс, которого всегда не хватает, и этот результат подтверждает наши ожидания. Минимальное значение индекса препятствия зафиксировано у производственного фактора «невосприимчивость организации к нововведениям» (31,96 %). Таким образом, можно говорить о 70 %-ной готовности промышленных организаций к инновационной деятельности, что в современных условиях является хорошим показателем.

Оптимистическое настроение относительно готовности промышленников к инновациям рассеивается низкими инновационными характеристиками компаний: для производственного фактора «низкий инновационный потенциал организации» (47,03 %) было зафиксировано максимальное значение индекса препятствий. Низкий инновационный потенциал организации определяется наследием системы управления, спецификой деятельности и ориентацией на рыночные тенденции.

Т а б л и ц а 2. — Оценка индексов препятствия по факторам, ограничивающим инновационную деятельность предприятий, за 2016—2019 годы, %

Факторы	2016	2017	2018	2019	Среднее значение
Экономические:					
недостаток собственных денежных средств	72,91	69,65	68,92	59,78	67,82
недостаток финансовой поддержки со стороны государства	51,52	49,25	48,58	48,09	49,36
низкий платежеспособный спрос на новые продукты	49,50	58,18	49,19	56,70	53,39
высокая стоимость нововведений	67,98	65,68	64,89	62,72	65,32
высокий экономический риск	60,53	59,84	59,46	59,38	59,80
длительные сроки окупаемости нововведений	59,09	58,40	58,09	71,93	61,88
Производственные:					
низкий инновационный потенциал организации	49,68	46,75	46,29	45,39	47,03
недостаток квалифицированного персонала	41,85	40,31	40,54	39,99	40,67
недостаток информации о новых технологиях	35,38	35,22	35,11	34,92	35,16
недостаток информации о рынках сбыта	37,18	37,65	37,30	36,94	37,27
невосприимчивость организации к нововведениям	31,94	32,33	31,90	31,66	31,96
недостаток возможностей для кооперирования с другими организациями	33,88	35,25	35,09	34,50	34,68
Другие:					
низкий спрос на инновационную продукцию (работы, услуги)	44,53	44,39	43,63	42,91	43,87
несовершенство законодательства по вопросам регулирования и стимулирования инновационной деятельности	37,16	37,13	36,96	36,66	36,98
неопределенность сроков инновационного процесса	41,94	42,51	41,09	41,54	41,77
неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги)	41,33	40,58	39,50	39,25	40,16
неразвитость рынка технологий	43,86	42,57	41,46	41,06	42,24

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [3; 5].

Для фактора «нехватка квалифицированных кадров» индекс препятствий составляет 40,67 %. Недостатки, обусловленные квалификацией персонала, связаны, прежде всего, с трудностями в долгосрочной политике организаций в области внутреннего управления (например, обучение персонала через организацию). Нельзя сказать, что эти препятствия непреодолимы, но они серьезно расходятся с желаниями предприятий развивать инновационную деятельность.

Негативным фактором является низкий уровень инновационной культуры, плохой доступ к информации об инновационных изменениях. Руководители белорусских предприятий не считают информированность условием инновационной деятельности. Промышленные предприятия практически не знают рынков научно-технической продукции, их трендов, потенциального спроса, особенностей новых моделей продвижения инноваций на рынке и т. д., поскольку руководителям не хватает объективной информации, характеризующей этот круг проблем.

Что касается внутренних и внешних возможностей для реализации готовности предприятий к инновациям, то они выглядят не столь обнадеживающими. Анализ динамики индексов препятствий по факторам «финансовая поддержка со стороны государства» и «несовершенство законодательства о регулировании и стимулировании инновационной деятельности» показывает, что в течение 2016—2019 годов промышленники не ощущали никаких кардинальных изменений в плане финансовой помощи со стороны государства или сферы законодательного регулирования инновационной деятельности. Это может иметь сильные негативные последствия для инновационной деятельности предприятий [6].

Отдельных комментариев заслуживает фактор «низкий платежеспособный спрос на новые продукты» (53,39 %). В чем причины отсутствия спроса на инновационную продукцию? Остается неясным, говорим ли мы о спросе на внутреннем или внешнем рынке, и если нет спроса, то можно ли вообще назвать такую продукцию инновационной. Этот фактор требует специальных исследований.

Следует отметить, что на протяжении 4 лет показатели препятствий для большинства факторов оставались стабильными. Они практически не менялись ни в лучшую, ни в худшую сторону. Результаты расчета индексов препятствий (индивидуальных по факторам и группам) по опросам 2016—2019 годов представлены на рисунке 1.

Таким образом, можно утверждать, что в период с 2016 по 2019 год радикальных изменений в сфере промышленных инноваций не произошло.

Итоговые индексы препятствий инновационной деятельности расположены вблизи 50,0 % (см. рисунок 1). Этот факт свидетельствует о наивысшей степени неопределенности инновационного климата в промышленности. Имея такие оценки, сложно вообще сказать, хороший он или плохой. В этом смысле ситуация была более понятной, если бы инновационный климат был определен как сильно деструктивный, стало бы понятно, какие узкие места там есть и как на них следует реагировать.

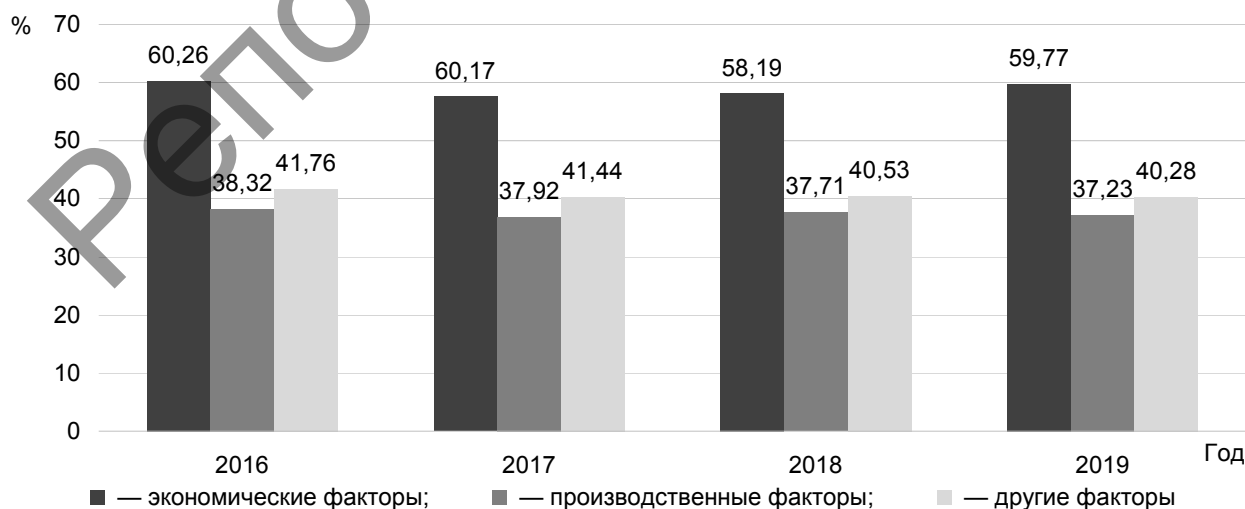

Рисунок 1. — Индексы препятствий (индивидуальных по факторам и группам) по опросам 2016—2019 годов

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [5].

Заключение. Изучена возможность использования данных опроса промышленных предприятий Республики Беларусь для диагностики инновационного климата. Главная ценность полученных результатов в том, что они демонстрируют инсайдерский взгляд на проблемы инноваций, которые необходимо учитывать при реализации государственной инновационной политики.

Переход белорусского промышленного производства в новое качественное состояние требует институциональных изменений в структуре, технологиях, системе управления, образовании на основе научных знаний и информации и отождествляется исключительно с внедрением достижений научно-технического прогресса и интеллектуализацией факторов производства. Однако чтобы создавать наукоемкие продукты для новых и растущих рынков, а также внедрять высокие научные технологии для повышения своей конкурентоспособности, предприятия промышленности при разработке средне- и долгосрочной стратегии инновационного развития должны проводить системный анализ и учет в совокупности внутренних и внешних факторов, угроз, рисков и возможностей развития как каждого отдельно взятого предприятия, так и всей экономической отрасли в целом.

Список цитируемых источников

1. *Ноздрина, Н. А.* Анализ факторов, влияющих на развитие инновационной деятельности в России и Беларуси / Н. А. Ноздрина, Е. А. Ларичева // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь; под общ. ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — С. 70—72.
2. *Рудковская, О. Г.* Проблемы инновационного и инвестиционного развития промышленных организаций Республики Беларусь / О. Г. Рудковская // Банк. вестн. — 2017. — С. 53—58.
3. *Гусев, А. Б.* Оценка факторов, препятствующих инновационному развитию России / А. Б. Гусев // Упр. наукой и наукометрия. — 2007. — № 2. — С. 25—31.
4. Наука и инновации : стат. сб. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. — Минск, 2020. — 135 с.
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. — Дата доступа: 25.06.2020.
6. *Шумилин, А. Г.* Государственное стимулирование развития инновационной деятельности в Беларуси и роль технопарков в поддержке инноваций / А. Г. Шумилин // Проблемы управления. — 2015. — С. 4—9.

Поступила в редакцию 30.07.2020

УДК 334.7

Г. А. Василевич

Белорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 170 13 93, Gregory_1@tut.by

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ — ЗАЛОГ УСПЕХА

В статье анализируется комплекс мер, которые необходимо использовать в работе по противодействию коррупции. Критикуется взгляд, что самое важное в этой работе — усиливать ответственность или сводить эту работу к уголовной ответственности. Высказывается позиция, согласно которой в качестве важнейшего направления по преодолению коррупционных явлений должно быть повышение качества нормотворческой и правоприменительной практики, в частности, формулирование ясных и однозначно понимаемых правовых норм, уменьшение диспозитивности при наделении должностных лиц полномочиями, включение в эту работу не только республиканских, но и местных органов, институтов гражданского общества, бизнес-сообщества.

Ключевые слова: коррупция; противодействие правонарушениям; нормотворчество; практика; ответственность.
Библиогр.: 11 назв.

G. A. Vasilevich

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 8 Leningradskaya St., 220030 Minsk,
Republic of Belarus, +375 (29) 170 13 93, Gregory_1@tut.by

AN INTEGRATED APPROACH TO ANTI-CORRUPTION — A SUCCESS FOR SUCCESS

The article analyzes a set of measures that must be used in the fight against corruption. The view is criticized that the most important thing in this work is to strengthen responsibility or reduce this work to criminal liability. The position is expressed according to which the most important direction in overcoming corruption should be the improvement of the quality of law-making and law enforcement practices, in particular, the formulation of clear and unambiguously understood legal norms, the reduction in the dispositiveness of empowering officials, and the inclusion of not only republican, but and local authorities, civil society institutions, the business community.

Key words: corruption; counteraction to offenses; rule-making; practice; responsibility.
Ref.: 11 titles.

Введение. В последние десятилетия противодействию коррупции уделено самое пристальное внимание на международном уровне, в частности, посредством принятия соответствующих конвенций, и национальном уровне, когда в государствах стали появляться современные законы и программы, предметом которых является коррупция. Однако искоренить это явление не удастся. В связи с этим необходима выработка полномасштабного документа, интегрирующего усилия в этой сфере. Только комплексный подход, а не разрозненные действия могут дать позитивные результаты.

Методология и методы исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования, обобщение положений нормативных правовых актов, результатов научных трудов белорусских и российских ученых, авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. В этом отношении полезен опыт Российской Федерации, где Указом Президента Российской Федерации была утверждена Национальная стратегия противодействия коррупции [1]. Ее значение не столько в том, что достигнуты убедительные резуль-

таты (этим не может похвастаться ни одно современное государство, в том числе и Российская Федерация), сколько в подходах, которые подтверждают необходимость широкого фронта противодействия коррупции. Было намечено, что данная стратегия реализуется по следующим основным направлениям:

- 1) обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции;
- 2) повышение эффективности деятельности федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию коррупции;
- 3) внедрение в деятельность федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления инновационных технологий, повышающих объективность и обеспечивающих прозрачность при принятии законодательных (нормативных правовых) актов Российской Федерации, муниципальных правовых актов и управленческих решений, а также обеспечивающих межведомственное электронное взаимодействие указанных органов и их взаимодействие с гражданами и организациями в рамках оказания государственных услуг;
- 4) совершенствование системы учета государственного имущества и оценки эффективности его использования;
- 5) устранение коррупциогенных факторов, препятствующих созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций;
- 6) совершенствование условий, процедур и механизмов государственных и муниципальных закупок, в том числе путем расширения практики проведения открытых аукционов в электронной форме, а также создание комплексной федеральной контрактной системы, обеспечивающей соответствие показателей и итогов выполнения государственных контрактов первоначально заложенным в них параметрам и утвержденным показателям соответствующего бюджета;
- 7) расширение системы правового просвещения населения;
- 8) модернизация гражданского законодательства;
- 9) дальнейшее развитие правовой основы противодействия коррупции;
- 10) повышение значимости комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов;
- 11) совершенствование работы подразделений кадровых служб федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов по профилактике коррупционных и других правонарушений;
- 12) периодическое исследование состояния коррупции и эффективности мер, принимаемых по ее предупреждению и по борьбе с ней как в стране в целом, так и в отдельных регионах;
- 13) совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов и судов по делам, связанным с коррупцией;
- 14) повышение эффективности исполнения судебных решений;
- 15) разработка организационных и правовых основ мониторинга правоприменения в целях обеспечения своевременного принятия в случаях, предусмотренных федеральными законами, актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов, а также в целях реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации;
- 16) совершенствование организационных основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и повышение ее результативности;
- 17) повышение денежного содержания и пенсионного обеспечения государственных и муниципальных служащих;
- 18) распространение ограничений, запретов и обязанностей, установленных законодательными актами Российской Федерации в целях предупреждения коррупции, на лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, включая высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации и муниципальные должности;
- 19) повышение качества профессиональной подготовки специалистов в сфере организации противодействия и непосредственного противодействия коррупции;
- 20) совершенствование системы финансового учета и отчетности в соответствии с требованиями международных стандартов;

21) повышение эффективности участия Российской Федерации в международном сотрудничестве в антикоррупционной сфере, включая разработку организационных основ регионального антикоррупционного форума, оказание при необходимости поддержки другим государствам в обучении специалистов, исследовании причин и последствий коррупции.

Эти направления можно объединить, на наш взгляд, в несколько крупных блоков: 1) эффективное законодательство, учитывающее международный и национальный опыт; 2) сбалансированная система государственных органов общей и специальной компетенции, нацеленных на противодействие коррупции во взаимодействии с институтами гражданского общества, их эффективная организация деятельности, включая своевременный контрольный механизм; 3) тщательный отбор кадров, привлекаемых на коррупциогенные должности; 4) адекватная правоприменительная, прежде всего судебная, практика, влияющая на развитие законодательства в указанной сфере и формирующая разумные подходы к реализации норм права; 5) эффективность исполнения судебных решений; 6) эффективная система организации всех государственных и общественных институтов на противодействие коррупции.

Остановимся на некоторых из этих направлений более детально.

1. О законодательстве. В настоящее время, наряду с Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», основными нормативными правовыми актами, направленными на противодействие коррупции, также являются законы Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», «О государственной службе в Республике Беларусь», «О декларировании физическими лицами доходов, имущества и источников денежных средств», «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путем» и «О борьбе с организованной преступностью».

Среди указов Главы государства можно назвать следующие: Указ Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2010 года № 485 «О Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010—2012 годы»; Указ Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 года № 644 «Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией»; Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 года № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 года № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 17 марта 2004 года № 136 «О доверительном управлении принадлежащими отдельным государственным должностным лицам долями участия (акциями, правами) в уставных фондах коммерческих организаций».

Ранее Президентом Республики Беларусь утверждались государственные программы по борьбе с коррупцией. Так, указом № 220 от 7 мая 2007 года (редакция от 15 июня 2009 года) была утверждена Государственная программа по борьбе с коррупцией на 2007—2010 годы. Затем решением Координационного совещания от 15 марта 2013 года № 26-07ркс-2013 была утверждена Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2013—2015 годы. В настоящее время действует Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020—2022 годы.

Принято постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2014 года № 30/1257/2/260 «Об утверждении критериев оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями».

В качестве таких критериев предусмотрена общая характеристика коррупции и экономической преступности (структура и динамика коррупционной (экономической) преступности; удельный вес коррупционных (экономических) преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений; количество лиц, осужденных за совершение коррупционных (экономических) преступлений и освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. При этом анализируется соответствие комплекса мер по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями, применяемых правоохранительными и иными государственными органами, стратегическим направлениям государственной политики в указанной сфере. Состояние планирования деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями, а также выполнения запланированных мероприятий. Оцениваются результаты реализации специальных мероприятий и программ по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями, исполнения решений совместных заседаний коллегий правоохранительных органов и координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией. В качестве критерия предусмотрен уровень ко-

ординации и взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями. Оценивается также участие государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, в совершенствовании законодательства в целях устранения коррупционных рисков в нормативных правовых актах, уровень правовой регламентации антикоррупционной деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля и надзора за этой деятельностью, функционирования системы подбора, подготовки и переподготовки кадров государственных органов и организаций и др.

Упомянутое выше постановление Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2014 года № 30/1257/2/260 заслуживает самой высокой оценки, так как оно определяет конкретные показатели, позволяющие видеть качество работы по противодействию коррупции и борьбе с этим явлением.

Конечно, для любого государства полезен международный опыт, вбирающий в себя все лучшее, что достигнуто на современном этапе. Проблема противодействия коррупции имеет международный характер потому, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Однозначен вывод, что сотрудничество в области противодействия коррупции осуществляется на трех уровнях: универсальном, региональном и двустороннем [2, с. 67].

Искоренению коррупции особое внимание уделяет Организация Объединенных Наций, которой принято много международных документов, направленных на противодействие коррупции. При этом подчеркнем, что международное право не сводит коррупцию лишь к корыстному служебному злоупотреблению, подкупу государственных служащих. Под коррупцией понимают противоправное использование должностным или иным лицом своего положения для получения для себя или иных лиц незаконной выгоды либо посредничество (иное содействие) в совершении таких деяний. На наш взгляд, разумность такого подхода к оценке коррупции очевидна: он позволяет дать адекватную оценку деяниям всех участников коррупционных отношений.

Нормы международного права, нацеленные на противодействие коррупции, охватывают весьма широкий набор, как отмечается в научной литературе, антикоррупционных инструментов, определяют вектор развития антикоррупционной деятельности национальных органов власти, способствуют международному сотрудничеству [3, с. 115—117].

Важным международным документом является принятая 31 октября 2003 года Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [4], отличительной чертой которой является установление мер по предупреждению коррупции. Согласно ст. 5, противодействие коррупции должно осуществляться политической властью. В ст. 7 фиксируется важность прозрачности процесса приема на службу, а в ст. 8 — необходимость появления кодексов поведения публичных должностных лиц, а также мер ответственности за нарушение этих кодексов. Также в этой главе подчеркивается важность общественного контроля, публичной отчетности, специальных мер в отношении судебных органов и органов прокуратуры.

Полагаем, что такого рода направления, предусмотренные в данном документе, следует более четко сформулировать в белорусском законодательстве, уделив особое внимание прозрачности приема на работу.

Много внимания в конвенции уделено публичной отчетности. В частности, это принятие процедур или правил, позволяющих населению получать в надлежащих случаях информацию об организации, функционировании и процессах принятия решений публичной администрации и (с должным учетом соображений защиты частной жизни и личных данных) о решениях и юридических актах, затрагивающих интересы населения; упрощение административных процедур, в надлежащих случаях, для облегчения публичного доступа к компетентным органам, принимающим решения; опубликование информации, которая может включать периодические отчеты об опасностях коррупции в публичной администрации. Обращается внимание на меры по укреплению честности и неподкупности судей и работников судебных органов и недопущению любых возможностей для коррупции среди них. Такие меры могут включать правила, касающиеся действий судей и работников судебных органов. Может способствовать этому размещение в сети Интернет информации о судебной практике, мерах по обеспечению ее единообразия.

На наш взгляд, конвенция определяет широкий спектр направлений противодействия коррупции. Их необходимо только разумно реализовать в национальном законодательстве и на практике.

Согласно конвенции, каждое государство-участник принимает меры в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства по предупреждению коррупции в частном секторе, усилению стандартов бухгалтерского учета и аудита в частном секторе и (в надлежащих случаях) установлению эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие гражданско-правовых, административных или уголовных санкций за несоблюдение таких мер. Меры, направленные на достижение этих целей, могут включать, среди прочего, содействие сотрудничеству между правоохранительными органами и соответствующими частными организациями; содействие разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе соответствующих частных организаций, включая кодексы поведения для правильного, добросовестного и надлежащего осуществления деятельности предпринимателями и представителями всех соответствующих профессий и предупреждения возникновения коллизии интересов, а также для поощрения использования добросовестной коммерческой практики в отношениях между коммерческими предприятиями и в договорных отношениях между ними и государством; содействие прозрачности в деятельности частных организаций, включая (в надлежащих случаях) меры по идентификации юридических и физических лиц, причастных к созданию корпоративных организаций и управлению ими; предупреждение злоупотреблений процедурами, регулирующими деятельность частных организаций, включая процедуры, касающиеся субсидий и лицензий, предоставляемых публичными органами для осуществления коммерческой деятельности; предупреждение возникновения коллизии интересов путем установления ограничений (в надлежащих случаях и на разумный срок) в отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связаны с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор; обеспечение того, чтобы частные организации с учетом их структуры и размера обладали достаточными механизмами внутреннего аудиторского контроля для оказания помощи в предупреждении и выявлении коррупционных деяний и чтобы счета и требуемые финансовые ведомости таких частных организаций подлежали применению надлежащих процедур аудита и сертификации.

15 ноября 2000 года в г. Палермо (Италия) была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 года), которая также имеет антикоррупционную направленность [5]. Ее следовало бы нам также ратифицировать. В конвенции содержатся положения об ответственности юридических лиц: каждое государство-участник принимает такие меры, какие с учетом его правовых принципов могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями конвенции.

Конвенцией (ст. 13) фиксируется международное сотрудничество в целях конфискации: государство-участник, получившее от другого государства-участника, под юрисдикцию которого подпадает какое-либо преступление, охватываемое настоящей конвенцией, просьбу о конфискации упомянутых в конвенции доходов от преступлений, имущества, оборудования или других средств совершения преступлений, находящихся на его территории, в максимальной степени, возможной в рамках своей внутренней правовой системы.

Республика Беларусь пока не является членом Совета Европы. Однако положения ее Конституции, иные акты национального законодательства, проводимая руководством нашего государства политика нацелены на искоренение коррупции и других преступлений. Поэтому для нас как государства, расположенного на Европейском континенте, важны те стандарты, которые реализуются в других европейских странах с учетом принятых международных документов.

27 января 1999 года в г. Страсбурге была принята Европейская конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 года [6]). В этом же году (4 ноября) и тоже в г. Страсбурге была принята Конвенция «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» (ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2005 года [7]).

Конвенцию «Об уголовной ответственности за коррупцию» отличает, на наш взгляд, высокая культура нормотворческой техники, изложения и определения понятий. В ней дано определение пуб-

личного должностного лица, с учетом особенностей правового статуса прокуратуры в европейских странах к категории судей отнесены прокуроры и лица, занимающие судебные должности. Юридическим лицом признается любое образование, имеющее таковой статус в силу применимого национально-го права, за исключением государств или других публичных органов, действующих в рамках осуществления государственных полномочий, а также межправительственных организаций. Конвенцией (ст. 2) различается активный подкуп национальных публичных должностных лиц и пассивный подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп членов национальных публичных собраний, подкуп иностранных публичных должностных лиц, подкуп членов иностранных публичных собраний.

Учитывая, что сама по себе коррупция в государственном секторе не существует без взаимодействия с субъектами, обладающими определенными благами, в конвенции (ст. 7) предусматривается необходимость принятия каждой стороной законодательных и иных мер, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с ее внутренним правом преднамеренное обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, в ходе осуществления коммерческой деятельности какого-либо неправомерного преимущества каким-либо лицам, которые руководят предприятиями частного сектора или работают в них в том или ином качестве, для самих этих лиц или любых других лиц с тем, чтобы эти лица совершили действия или воздержались от их совершения в нарушение своих обязанностей.

Также определены подходы, связанные с пассивным подкупом в частном секторе. Запрещается злоупотребление влиянием в корыстных целях: каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве уголовных правонарушений в соответствии с ее внутренним правом преднамеренное обещание, предоставление или предложение, прямо или косвенно, любого неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения каким-либо лицом за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще, а также просьбу, принятие или согласие с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение независимо от того, оказано ли такое влияние и был ли получен или нет в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат.

В конвенции ведется речь о мерах по выявлению действий, связанных с отмыванием преступных доходов. Даже упоминается о правонарушениях в сфере бухгалтерского учета (ст. 14): каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы признать в качестве правонарушений, подлежащих уголовному или иному наказанию в соответствии с ее внутренним правом, следующие преднамеренные действия или бездействие в целях совершения, сокрытия или представления в ложном свете правонарушений, о которых говорится в ст. 2—12, если только сторона не сделала соответствующую оговорку или заявление: а) оформление или использование счета-фактуры или любого другого бухгалтерского документа или отчета, содержащего ложную или неполную информацию; б) противоправное невнесение в бухгалтерские книги сведений о платежных операциях.

Конвенция предусматривает (ст. 18) ответственность юридических лиц: каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе выполнения представительских функций от имени юридического лица; или осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; или осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; а также в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя. Ответственность юридического лица не исключает возможности уголовного преследования физических лиц, совершивших, подстрекавших к совершению или участвовавших в совершении уголовных правонарушений.

Что касается санкций и мер, которые могут быть применены, то содержащиеся в конвенции (ст. 19) формулировки на этот счет применимы по отношению и к другим сферам: принимая во внимание тяжесть уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с конвенцией, каждая сторона предусматривает в отношении этих уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии со ст. 2—14, эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и ме-

ры, включая, если правонарушения совершены физическими лицами, наказания, предусматривающие лишение свободы, которые могут повлечь за собой выдачу. При этом отмечено, что каждая сторона обеспечивает, чтобы в отношении юридических лиц, привлеченных к ответственности в соответствии с п. 1 и 2 ст. 18, применялись эффективные, соразмерные и сдерживающие уголовные или неуголовные санкции, в том числе финансового характера.

На практике иногда возникают разногласия по поводу конфискации имущества преступника, иногда утверждают, что эта мера характерна для социалистического государства. Однако, согласно конвенции, каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения преступления и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам. Обратим внимание на то, что в предшествующий период в нашем законодательстве не было широкого спектра норм, обеспечивающих защиту лиц, сотрудничающих с правосудием, и свидетелей. Конвенция предусматривает, что каждая сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты а) тех, кто сообщает об уголовных правонарушениях, признанных в качестве таковых в соответствии со ст. 2—12, или иным образом сотрудничает с органами, осуществляющими расследование и разбирательство; б) свидетелей, дающих показания, касающиеся этих правонарушений.

Следующим важным документом в данной области является Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Ее целью является закрепление в национальном законодательстве эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющих им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков. В конвенции (ст. 2) дается емкое и лаконичное определение коррупции: коррупция означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового.

Целью Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию является закрепление в национальном законодательстве эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющих им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков. В конвенции (ст. 2) дается емкое и лаконичное определение коррупции: коррупция означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового.

Согласно конвенции, каждая сторона предусматривает в своем национальном законодательстве нормы, закрепляющие право лиц, понесших ущерб в результате коррупции, подать иск в целях получения полного возмещения ущерба. Такое возмещение может охватывать реальный причиненный ущерб, упущенную финансовую выгоду и компенсацию морального вреда. Полагаем, что нашему национальному законодателю и судебным инстанциям еще следует поработать в данном направлении.

Региональное сотрудничество Беларуси происходит в рамках тех межгосударственных образований, в которые входит наша республика — Содружество Независимых Государств, Союзное государство, Евразийский экономический союз.

Не только сближение национального законодательства и международного права важно, но необходимо, чтобы акты законодательства отвечали стандартам правового и демократического государства. Много говорится о необходимости устранения противоречий, неясностей, неопределенности в нормативных правовых актах, устранении их множественности, диспозитивности при принятии решений должностными лицами. Все это важно, необходимо продолжать работу в этом плане при совершенствовании законодательства. Однако на первый план сейчас должна выйти оценка регулирующего воздействия актов на общественные отношения, прогнозирование последствий — экономических, социальных, правовых, идеологических — при разработке и принятии актов. Ныне для этого есть все необходимые условия: введен новый закон — «О нормативных правовых актах». Еще более важным научным направлением, имеющим важное практическое значение, является экономический анализ права.

Законодательство следует нацелить на создание равных условий для государственного и частного секторов; упрощение налогового законодательства; эффективность работы налоговой службы; ана-

лиз причин появления теневой экономики и разумное сочетание различного рода стимулов карательного и поощрительного характера, направленных на «вывод» экономики из тени (для этого нужно, во-первых, снять излишние препятствия для занятия мелким «бизнесом», например, в сфере оказания бытовых, ремонтных, строительных услуг, а во-вторых, предусмотреть меры воздействия к лицам, прибегающим к помощи лиц, не обладающих правом заниматься предпринимательской деятельностью. Однако, учитывая широкое распространение подобной практики, предварительно следует обеспечить правовые и организационные условия для легальной работы. Лишь тогда, когда у людей будет возможность свободно решить свои бытовые вопросы, обратившись к официально функционирующим субъектам, можно предъявлять претензии.

Проблемные вопросы сохраняются при проведении антикоррупционной экспертизы. Антикоррупционная экспертиза «застряла» на частностях — конкретных актах. Взгляд на законодательство должен быть шире. Экспертиза должна быть профессиональной, ее должны осуществлять представители различных ведомств, специализирующихся на этом. Сведения об инициаторах, разработчиках проектов, лицах, проводивших экспертизу, должны быть в базе законодательства. Системные или многочисленные коррупционные нарушения законодательства должны быть предметом анализа качества подготовки и экспертизы актов.

Необходимо более активно работать по устранению избыточности правового регулирования, обеспечению рационального регулирования отношений с учетом конституционных принципов и норм. Этой работой могли бы более активно заняться постоянные комиссии палат белорусского парламента. Тем самым можно было совместить работу «по расчистке» законодательства с парламентским контролем по его исполнению.

Для правового государства характерен высокий авторитет и ответственность судебной власти за надлежащее исполнение принципов и норм, зафиксированных в Конституции; обеспечение единства судебной практики, законности (разумности) вынесенных судебных постановлений. Одним из средств для этого является признание прецедента в качестве источника права. Не только судебный, но и административный прецедент должен быть юридически признан как средство обеспечения единства правоприменительной практики, обеспечения принципа равенства всех перед законом и судом.

2. *О сбалансированной системе государственных органов общей и специальной компетенции их взаимодействии с институтами гражданского общества.* Причем значительно больший акцент должен быть сделан на эффективности органов общей компетенции — представительных (в плане контроля и определения стратегии на местном уровне) и исполнительных, которые распоряжаются ресурсами, деятельность которых должна быть прозрачной и быть предметом общественного контроля.

Поэтому важным представляется хорошо «просчитанное» совершенствование институциональной системы органов исполнительной власти. Развитие местного самоуправления на основе перераспределения полномочий и повышения экономической самостоятельности органов, сокращение излишних управленческих звеньев в сфере исполнительной власти в течение 3—5 лет и использование всей сэкономленной заработной платы для повышения оплаты труда действующим государственным служащим — важный фактор повышения эффективности государственного управления. Важна также ротация чиновников.

В министерствах и государственных комитетах, других значимых организациях за счет общей численности чиновников (работающих) полезно создать службы внутренней безопасности (антикоррупционные подразделения), сотрудники которой назначались бы на должности независимой инстанцией (например, при участии Администрации Президента Республики Беларусь либо по согласованию иных органов, для которых противодействие коррупции является основной функцией). В их составе должны быть профессионалы, хорошо знающие специфику работы ведомства, возможно даже государственные служащие, ушедшие в отставку, но выступающие своего рода консультантами, которые знают, где существуют коррупционные угрозы. При этом не только спрос с них, но и их оплата могут быть на уровне руководителей ведомства. Более того, при выявлении фактов коррупции и последующем привлечении виновных лиц к ответственности в судебном порядке предусмотреть определенный процент от выявленной суммы и возмещенной в бюджет для поощрения сотрудников. Ведь есть аналоги — например, судебные исполнители получают поощрение из взысканных сумм. Важна профилактическая работа указанной службы.

Правоохранительные органы, в том числе прокуратура, могли бы шире использовать возможности официального предостережения чиновников, если появляются основания подозревать в совершении порочащих проступков. Порой работа строится таким образом: попал кто-то в поле зрения, и в те-

чение многих месяцев собираются подтверждающие неправомерную деятельность этого чиновника новые факты. Это с позиции ведомственных интересов абсолютно понятно и правильно, однако в общегосударственных интересах акценты в работе следовало изменить.

Любое доказанное свидетельство коррумпированности чиновников влечет увольнение, в том числе в связи с утратой доверия. В этих целях следует изменить трудовое законодательство.

Несвоевременное выявление коррупционных правонарушений (преступлений) должно влиять на оценку эффективности работы органов контроля.

3. Эффективный отбор на коррупциогенные должности. Опыт показывает, что здесь много упущений.

Следует усилить ответственность руководителей государственных организаций, особенно в сфере исполнительной власти, за подчиненных. Требуется не только поручительство при приеме на работу, но и ответственность, хотя бы моральная, поручителей за своего коллегу.

Надлежит создать систему поощрения позитивной работы должностных лиц. Чиновнику (милиционеру, полицейскому, таможеннику, сотруднику ЖЭСа и др.) должно быть выгодно как в моральном, так и материальном плане трудиться честно и эффективно.

Необходим продуманный жесткий этический кодекс поведения государственного служащего. Для отдельных категорий государственных служащих можно было предусмотреть принесение присяги на верность служения народу и государству.

4. Правоприменительная, в том числе судебная, практика должна способствовать выявлению пробелов и иных дефектов в законодательстве, которыми могут воспользоваться недобросовестные лица.

Здесь также можно выделить несколько аспектов. Важно дополнение государственного, в том числе финансового, контроля контролем общественным.

Особое внимание должно быть уделено системе государственных закупок, предоставлению земельных участков, другим операциям с землей и недвижимостью, предоставлению льгот и преимуществ за счет государственных средств, совершенствованию системы аудита; парламентскому контролю, контролю со стороны местных представительных органов с систематической официальной публикацией в официальных изданиях указанных органов отчетов о проделанной работе; взаимодействию в этой работе с институтами гражданского общества и средствами массовой информации; проведению неплановых проверок; обеспечению режима конфиденциальности (тайности) для предотвращения утечек важной информации, которой можно воспользоваться в коррупционных целях, и установлению строгой ответственности за ее необеспечение; установлению запрета на занятие руководящей должности, руководство частным предприятием в течение определенного срока в случае увольнения государственного служащего в связи с утратой доверия (такое основание должно появиться в законе).

Особо можно использовать возможности публичного обсуждения результатов противодействия коррупции в парламенте и его органах. Причем это не зависит от формы правления: парламент необходимо задействовать в этой работе. Это полезно в профилактических целях для всех участников и возможных будущих фигурантов подобного рода докладов.

Необходимы постоянная отчетность и гласность относительно фактов обнаружения коррупции и анализ последствий в связи с выявленными фактами. Исключение из принципа публичности только для случаев, когда они затрагивают систему национальной безопасности, могут представлять собой внешнюю и внутреннюю угрозу.

Следует проводить постоянный анализ существующей системы взаимоотношений граждан и органов государственной власти, системы принятия решений, касающихся деятельности предпринимательских структур, финансовых потоков в целях упреждения зон возникновения коррупционных угроз.

Само по себе информирование о фактах коррупции без обратной связи формирует атмосферичиничного отношения к ней. Должно быть общественное осуждение, а еще лучше — публичное раскаяние в совершении коррупционного преступления, что может влиять на меру наказания. Просто откупиться штрафом, даже многократным, или прошением об освобождении от ответственности, о помиловании недостаточно. Должна быть реальная компенсация социуму (социальная компенсация). Наказание стыдом, чего не чураются в США и других западных странах, должно стать одной из мер, сопровождающих традиционную юридическую ответственность.

Можно согласиться с позицией о том, что «необходимо вызвать культурные изменения, при которых коррупционное поведение не будет сопровождаться толерантным отношением коллег, а сами сотрудники будут избегать даже возможности коррупции или конфликта интересов. Это требует изме-

нения не только системы ценностей, но и процедурных структурных методов предотвращения и обнаружения коррупции. Очевидно, что профилактика является самым лучшим «лекарством». Если мы боремся лишь с последствиями коррупции, то ущерб все равно наносится... Наказание имеет ограниченные выгоды и влечет значительные затраты».

При проведении проверок хозяйствующих и иных субъектов в обязательном порядке должна быть предварительная публикация об этом в местной печати с указанием контактных телефонов и иных средств связи для граждан, предупреждение их об ответственности за предоставление ложной информации. Следует практиковать опубликование основных выводов по итогам проверки в печати.

Следует повысить роль и ответственность общественных формирований (союзов предпринимателей и др.) в предупреждении и искоренении коррупции.

Непринятие ими мер в этой сфере должно быть предметом анализа регистрирующих органов. Можно подумать о пределах вторжения государства в деятельность таких общественных формирований (например, отстранение от руководства общественной организацией) по причине непринятия мер по противодействию коррупции.

Надо более активно внедрять идею социальной ответственности бизнеса. Культивируется богатство, публикуются рейтинги богатых людей, но следовало бы уделять внимание рейтингам благотворительности.

Возрастает роль науки в искоренении коррупции. Однако исследование проблем искоренения коррупции, социологические опросы — это лишь начало работы, отправная точка определения уязвимых мест в государственном и частном секторах. Необходимо стратегическое осмысление процессов, которые реально помогут сократить коррупцию, выдача конкретных, реализуемых на практике рекомендаций. Констатация фактов социологическими и иными научными исследованиями недостаточна. Должны быть предложены механизмы искоренения коррупции и ее предупреждения.

Мы преимущественно оперируем так называемой заметной коррупцией (прошел сюжет по телевидению, в других средствах массовой информации о задержании при получении взятки чиновника, о незаконном денежном вознаграждении врача за оказание медицинской услуги и т. п.). Но такая коррупция может нести значительно меньшие потери, нежели коррупция с высокими издержками (например, теневая экономика, уклонение от уплаты налогов, незаконный вывод капиталов за рубеж и др.).

Открывается поле деятельности для различного рода научно-исследовательских центров, органов государственной власти — министерств экономики, финансов, по налогам и сборам, таможенного комитета. Эффект их противодействия коррупции не тот, на который может рассчитывать общество.

Одной из самых «диссертабельных» отраслей является уголовное право. Существует много исследований относительно новых редакций статей Уголовного кодекса, изменений статей и санкций. Казалось бы, Уголовный кодекс должен быть одним из самых стабильных, однако он превратился в полигон реализации идей, успех реализации которых не гарантируется никем из инициаторов идей или разработчиков проектов законов. Надо менять эту тенденцию и практику. Акцент следует делать на серьезные криминологические исследования, больше сосредоточиться на криминологии — науке, которая изучает преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства ее предупреждения.

Корректировка Уголовного кодекса должна проводиться в тех случаях, когда без этого объективно нельзя обойтись. Больше следует уделять внимание своевременному совершенствованию судебной практики, корректировке судебной практики. Например, анализ исполнения судами утвержденной Главой государства Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения свидетельствует о том, что резервы для улучшения правоприменения имеются [8].

В организационном плане необходимо предусмотреть участие в противодействии коррупции органов экономического блока (министерств экономики, финансов, промышленности, сельского хозяйства и т. п.). На уровне органов местного самоуправления следует предусмотреть утверждение программ противодействия коррупции в рамках соответствующей административно-территориальной единицы. Аналогично — в рамках министерств и ведомств. Регулярно заслушивать отчеты их исполнения.

Согласимся с выводом ученых, что только при объединении усилий всех заинтересованных субъектов в искоренении коррупции можно сформировать свободный от коррупции конституционный строй [9, с. 13]. Выявление причин и условий совершения коррупционных правонарушений, постоянный мониторинг складывающейся ситуации с использованием государственных ресурсов остается повседневной задачей [10, с. 26—27]. О том, что коррупция пока еще имеет сильные позиции, свидетельствует формирование соответствующего сленга, специфических выражений [11].

Заключение. Противодействие коррупции было и остается одной из важнейших целей функционирования государственной системы и гражданского общества. Коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества, т. е. в первую очередь причиняется ущерб государственным политическим интересам, а также экономическим и социальным.

Список цитируемых источников

1. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010—2011 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 13.04.2010, № 460 : в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 13.03.2012 № 297 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.
2. *Кириленко, В. П.* Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России / В. П. Кириленко, Р. В. Дронов. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. — 480 с.
3. *Хабриева, Т. Я.* Антикоррупционные стандарты Организации Экономического Сотрудничества и Развития и их реализация в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева, А. В. Федоров, А. А. Каширкина ; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. — М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2015. — 296 с.
4. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 344-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (рез. 55/25) : [принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 55. — 2/943.
6. Конвенция Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173)» : [заключена в г. Страсбурге 27.01.1999 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2003. — № 61. — 2/948.
7. Конвенция Совета Европы № 174 «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174)» : [заключена в г. Страсбурге 04.11.1999 г.] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2006. — № 4. — 2/1172.
8. *Василевич, Г. А.* Некоторые аспекты применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Идеи, предложения, критический взгляд / Г. А. Василевич. — Минск : Право и экономика, 2013. — 398 с.
9. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : коллектив. моногр. / отв. ред. С. А. Авакьян. — М. : Юстициформ, 2016. — 512 с.
10. Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения : науч.-метод. пособие / Е. И. Добролюбова [и др.] ; под ред. В. Н. Южакова, А. М. Цирина. — М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИНФРА-М, 2016. — 156 с.
11. *Скобников, П. А.* Коррупция в России в XXI веке: неформальные термины и понятия : словарь / П. А. Скобников. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 168 с.

Поступила в редакцию 31.03.2020

УДК 343.237

М. А. Горбатова

Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста, России)»,
10-я линия Васильевского острова, 19-А, 199178 Санкт-Петербург, Российская Федерация, gorbatovam@mail.ru

ГРУППА ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рассмотрены вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору. Анализируется субъектный состав данной группы с позиции законодателя, уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики. Обращается внимание на ограничительное толкование признака «группа лиц по предварительному сговору» в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по различным категориям дел. Вносится предложение по изменению законодательной дефиниции данной формы соучастия с тем, чтобы отразить в ней состав данной группы только в виде соисполнителей, заранее договорившихся о совместном совершении преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; группа лиц; группа лиц по предварительному сговору; исполнитель преступления; соисполнитель.

Библиогр.: 10 назв.

M. A. Gorbatova

Saint Petersburg Institute of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), 19-A, 10 Line Vasilevskiy Island, 199034 Saint Petersburg,
Russian Federation, gorbatovam@mail.ru

A GROUP OF PERSONS BY PRIOR COLLUSION: SOME ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

The article considers the issues of qualification of crimes committed by a group of persons by prior collusion. The author analyzes the subject composition of this group from the point of view of the legislator, criminal law science and law enforcement practice. Attention is drawn to the fact that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation interprets the sign “group of persons by prior collusion” narrowly. It is proposed to change the legislative definition of this form of complicity in order to reflect in it the composition of this group only in the form of co-executors.

Key words: complicity in a crime; a group of persons; a group of persons by prior collusion; crime performer; co-executor of a crime.
Ref.: 10 titles.

Введение. Институт соучастия считается достаточно разработанным в российском уголовном законе: ему посвящена глава 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в которой законодатель не только дает понятие соучастия, определяет виды соучастников и пределы их ответственности, но и закрепляет формы соучастия (ст. 35 УК РФ), которые применяются как средство дифференциации уголовной ответственности. Чаще всего в качестве квалифицирующего признака в статьях Особенной части УК РФ используется совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, однако, несмотря на наличие законодательной дефиниции, понимание данной формы соучастия нередко вызывает сложности у правоприменителя, что приводит к ошибкам в квалификации. Нет однозначной позиции по данному вопросу и среди представителей науки уголовного права. Представляется, что определенную ясность в сложившуюся ситуацию должен вносить Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлениях, посвященных судебной практике по различным категориям дел, немало внимания уделяет вопросам квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Однако следует признать, что рекомендации высшей судебной инстанции не всегда соответствуют законодательному определению группы лиц по предварительному сговору, а потому не могут быть безоговорочно приняты к применению.

Методология и методы исследования. Вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, освещены в работах Д. А. Гарбатовича, Н. Г. Иванова, А. П. Козлова, Д. М. Молчанова, П. С. Яни и многих других ученых. Труды данных деятелей науки легли в основу проведенного в настоящей статье исследования.

Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Для решения вопроса о квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, необходимо определиться с понятиями «группа лиц» и «предварительный сговор», так как очевидно, что определение интересующей нас формы соучастия должно складываться именно из этих двух формулировок. Причем разница между группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, на первый взгляд, видится исключительно в отсутствии данного сговора в первом случае и наличии такового во втором. Предварительным признается сговор, который состоялся заранее, до совершения преступления, т. е. до начала выполнения его объективной стороны.

Однако внимательное изучение норм уголовного закона позволяет выявить еще одно различие между этими группами, заключается оно в их субъектном составе. Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ, «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора», т. е. состав группы лиц ограничивается соисполнительством. В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ «преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». Как мы видим, здесь речь идет уже об ином составе участников, которых законодатель определил термином «лица».

Можно было бы предположить, что в данном случае законодатель использует понятия «исполнители» и «лица» как синонимы, однако, как отмечает А. П. Козлов, при разработке уголовного закона в ч. 1 ст. 36 проекта УК РФ содержалось положение, согласно которому «преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали исполнители, заранее договорившиеся о совместном его совершении». Причем, как указывает автор, данная формулировка не изменилась и ко второму чтению в Государственной Думе. Однако в ч. 2 ст. 35 принятого и вступившего в силу УК РФ термин «исполнители» исключен, речь уже идет только об участвовавших в преступлении лицах [1, с. 241].

Попробуем выяснить соотношение понятий «исполнители» и «лица» в контексте рассматриваемой нормы. Если с понятием исполнителя все достаточно ясно: согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ, им «признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности...», то уяснить, что же законодатель имел в виду, определяя субъектный состав группы лиц по предварительному сговору, довольно сложно.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих постановлениях постоянно повторяет, что группу лиц по предварительному сговору образуют только соисполнители, т. е. определяет рассматриваемую форму соучастия, опираясь на положения ч. 1 ст. 35 УК РФ о группе лиц, толкуя ч. 2 ст. 35 УК РФ ограничительно [2—4]. Данную позицию поддерживает и большинство представителей науки уголовного права [5, с. 222; 6, с. 22].

В то же время в некоторых постановлениях высшая судебная инстанция допускает расширительное толкование самого соисполнительства применительно к группе лиц по предварительному сговору. Так, например, согласно п. 10 постановления от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», соисполнителем должно признаваться также лицо, которое по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное или подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления [3]. Таким образом, изначально ограничительное толкование Пленумом Верховного Суда Российской Федерации субъектного состава группы лиц по предварительному сговору всё-таки расширяется за счет признания соисполнительством некоторых пособнических действий.

Что касается правоприменительной практики, то суды следуют указаниям высшей судебной инстанции и вменяют признак «группа лиц по предварительному сговору» только в тех случаях, когда установлено не менее двух соисполнителей, совместно выполнивших объективную сторону преступления.

Вместе с тем в доктрине уголовного права получила распространение позиция, согласно которой положение, закрепленное в ч. 2 ст. 35 УК РФ, следует толковать буквально, под лицами понимать не только соисполнителей, но и иных соучастников (пособников, подстрекателей или организаторов) [1, с. 241; 7, с. 32; 8, с. 92]. Таким образом, данные ученые допускают существование группы лиц по предварительному сговору не только в виде соисполнительства, но и с распределением ролей, обосновывая свое мнение отсутствием ограничений по кругу субъектов в ч. 2 ст. 35 УК РФ.

Существует и еще одна проблема, вытекающая из законодательного определения группы лиц по предварительному сговору, связанная с еще более широким пониманием категории «лицо», безотносительно его способности нести уголовную ответственность. Данный подход позволяет признать наличие рассматриваемой формы соучастия даже в том случае, когда из двух участвующих в преступлении лиц лишь одно подлежит уголовной ответственности, а другое является либо невменяемым, либо не достигшим установленного минимального возраста (ст. 20 УК РФ).

Ранее вменение только одному лицу признака «группа лиц по предварительному сговору» можно было обосновать рекомендациями высшей судебной инстанции по делам о грабежах и разбоях [9] или об изнасилованиях [10], согласно которым в такую группу могли входить даже «несубъекты». В настоящее время хоть сколько-нибудь веских обоснований такой избыточной квалификации не имеется, тем не менее в судебной практике до сих пор встречаются решения, в которых суды одному из двух участников преступления вменяют квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» несмотря на то, что второй участник признан невменяемым, и, по сути, «договориться» с ним о чем-либо с точки зрения уголовного права невозможно.

Так, вердиктом коллегии присяжных заседателей Самарского областного суда К. признан виновным в том, что он договорился с С., который судом признан невменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния, и к нему применены принудительные меры медицинского характера, о чем К. осведомлен не был, о совершении насильственного полового акта и насильственных действий сексуального характера с потерпевшей. Во исполнение данной договоренности К. в целях подавления сопротивления потерпевшей применил к ней насилие, после чего С. совершил с ней насильственный половой акт. Затем С. вновь совершил с потерпевшей насильственный половой акт, потом насильственные действия сексуального характера и снова насильственный половой акт. Во время всех этих действий К., оказывая содействие С., применял насилие к потерпевшей в целях преодоления ее сопротивления. Таким образом, сам К. полового сношения с потерпевшей не совершал.

Суд квалифицировал действия подсудимого по факту изнасилования потерпевшей по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ как изнасилование, т. е. половое сношение с применением насилия к потерпевшей, совершенное группой лиц по предварительному сговору. О предварительном сговоре на изнасилование потерпевшей, по мнению суда, свидетельствует договоренность между подсудимым К. и С., имевшая место до начала действий, непосредственно направленных на ее изнасилование, а также действия каждого из них, что следует из вердикта присяжных заседателей.

В обоснование своего решения суд отметил, что «групповым изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера признаются не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственный половой акт и насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшей независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости».

Представляется, что данное решение принято судом по мотивам давно утратившего силу постановления Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22 апреля 1992 года № 4, согласно абзацу 2 п. 9 которого «действия лиц, совершивших изнасилование совместно с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности и не являющимися субъектами преступления, подлежат квалификации по признакам группового преступления как совершенные группой лиц» [10].

В другом уголовном деле Калужский районный суд Калужской области установил, что Никитин совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 223.1 УК РФ — незаконное изготовление взрывных устройств, совершенное группой лиц по предварительному сговору, при следующих обстоятельствах.

Никитин познакомился с лицом Р., который увлекался оружием и имел навыки изготовления самодельных взрывных устройств. У Никитина, действовавшего совместно с лицом Р., не осознающим фактический характер и общественную опасность своих действий и не имеющим возможности руководить ими, возник преступный умысел, направленный на совместное незаконное изготовление взрывных устройств, в целях их последующего совместного незаконного сбыта, в результате чего Никитин вступил в совместный преступный сговор с лицом Р., направленный на незаконное изготовление взрывных устройств.

Никитин и Р. договорились о том, что в целях совместного незаконного изготовления взрывных устройств Никитин приобретет корпуса гранат Ф-1, которые передаст лицу Р., для последующего изготовления из них взрывных устройств. Кроме того, Никитин и Р. договорились о том, что совместно приобретут смесь бездымных порохов.

Согласно договоренности, Никитин приобрел пустые корпуса гранат Ф-1, а также смесь бездымных порохов, которые передал лицу Р. После этого лицо Р., не осознающее фактический характер и общественную опасность своих действий и не имеющее возможности руководить ими, действуя группой лиц по предварительному сговору с Никитиным, незаконно изготовил в целях последующего сбыта взрывные устройства, которые являются шестью самодельными взрывными устройствами типа ручных гранат, пригодными в сборе для производства взрыва, содержащими взрывчатые вещества в виде смеси бездымных порохов.

Представляется, что оба приведенных примера не соответствуют смыслу уголовного закона, а потому действия единственного субъекта преступления нельзя рассматривать как совершенные группой лиц, тем более по предварительному сговору. Очень точно по этому поводу высказался А. П. Козлов: «Выглядит абсурдно возможность предварительного сговора с малолетним, но особенно пикантен предварительный сговор с невменяемым» [1, с. 65].

Заключение. Проведенное исследование показало, что признак «группа лиц по предварительному сговору» и в теории уголовного права, и в правоприменительной практике понимается неоднозначно, что приводит к ошибкам в квалификации и назначению несправедливого наказания. Чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, законодателю следует определиться с субъектным составом данной формы соучастия, указав в ч. 2 ст. 35 УК РФ: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали исполнители, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». Именно такая трактовка будет способствовать единообразию судебной практики и повышению эффективности уголовного законодательства.

Список цитируемых источников

1. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. — СПб. : Юрид. центр - Пресс, 2001. — 362 с.
2. О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 27 янв. 1999 г., № 1 : в ред. постановления от 3 марта 2015 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. — 1999. — № 3.
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 27 дек. 2002 г., № 29 : в ред. постановления от 16 мая 2017 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. — 2003. — № 2.
4. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 4 дек. 2014 г., № 16 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. — 2015. — № 2.
5. Бриллиантов, А. В. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование / А. В. Бриллиантов, П. С. Яни // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона : сб. науч. тр. ; под ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов : Саратов. Центр по исслед. проблем организован. преступности и коррупции : Сателлит, 2010. — С. 218—226.
6. Гарбатович, Д. А. Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору / Д. А. Гарбатович // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». — 2015. — Т. 15, № 4. — С. 21—26.
7. Иванов, Н. Г. Группа и ее интерпретация в решениях Верховного Суда РФ / Н. Г. Иванов // Уголов. право. — 2014. — № 1. — С. 32—36.
8. Молчанов, Д. М. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть : учеб. пособие / Д. М. Молчанов. — М. : Проспект, 2020. — 144 с.
9. О судебной практике по делам о грабеже и разбое : постановление Пленума Верхов. Суда РСФСР, 22 марта 1966 г., № 31 (утратило силу) // Бюл. Верхов. Суда РСФСР (РФ). — 1966. — № 6.
10. О судебной практике по делам об изнасиловании : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 22 апр. 1992 г., № 4 (утратило силу) // Сб. постановлений Пленумов Верхов. судов СССР и РСФСР (РФ). — М., 1995.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 796.071

И. Р. Дзик

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (29) 825 64 34, dzikinna@mail.ru

СИСТЕМА И КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА

В статье анализируются различные классификации договоров, заключаемых в сфере профессионального спорта. Обосновывается необходимость рассмотрения названных договоров в виде единой системы, направленной на достижение цели — совершенствование правового регулирования договорных отношений в профессиональном спорте. Предлагается законодательно закрепить систему и основные случаи применения гражданско-правовых договоров в области профессионального спорта, что, по мнению автора, позволит разработать эффективное спортивное законодательство, обеспечить надлежащее использование понятий и терминов в сфере спортивного права.

Ключевые слова: профессиональный спорт; договор; система; классификация.

Библиогр.: 7 назв.

I. R. Dzik

Baranavichy state University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, +375 (29) 825 64 34, dzikinna@mail.ru

SYSTEM AND CLASSIFICATION OF CIVIL CONTRACTS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL SPORTS

The article analyzes various classifications of contracts concluded in the field of professional sports. The article substantiates the need to consider these agreements in the form of a unified system aimed at achieving the goal of improving the legal regulation of contractual relations in professional sports. It is proposed to legislate the system and the main cases of application of civil contracts in the field of professional sports, which, in the author's opinion, will allow to develop effective sports legislation, to ensure the proper use of concepts and terms in the field of sports law.

Key words: professional sports; contract; system; classification.

Ref.: 7 titles.

Введение. Одно из главных мест в регулировании профессиональных спортивных отношений занимает договор. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 125-З «О физической культуре и спорте» (далее — Закон о спорте) впервые п. 3 ст. 57 предусмотрел возможность установления Министерством спорта и туризма Республики Беларусь особенностей заключения гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта [1].

В связи с этим Министерство спорта и туризма Республики Беларусь приняло постановление от 14 июля 2014 года № 26 «Об особенностях заключения гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта» (далее — постановление № 26). Постановлением № 26 определены субъекты гражданско-правовых отношений в сфере профессионального спорта, установлена обязательная письменная форма и существенные условия гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта, помимо условий, установленных законодательством [2]. Однако постановление № 26 не содержит перечня видов гражданско-правовых договоров, которые могут заключаться в области спорта вообще и профессионального спорта в частности.

В научных исследованиях как белорусских, так и российских ученых, посвященных договорному регулированию в сфере профессионального спорта, как правило, отдельно система гражданско-правовых договоров не рассматривается. В связи с этим наука гражданского права демонстрирует недостаточный уровень разработанности вопроса о видах гражданско-правовых договоров в рассматриваемой сфере. Полагаем, наличие правильно построенной системы гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта позволит разработать эффективное спортивное законодательство, обеспечить надлежащее использование понятий и терминов в сфере спортивного права.

Методология и методы исследования. Вопросы исследования системы и классификации гражданско-правовых договоров в профессиональном спорте освещены в работах В. С. Каменкова [3], М. Ю. Чельшева [4], В. П. Васькевича [5], Т. В. Радыно [6] и других учёных. Труды данных деятелей науки легли в основу проведённого в настоящей статье исследования.

Автор статьи при её написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Гражданско-правовой договор служит основой правового регулирования профессиональной спортивной деятельности, именно он способен самостоятельно выполнять главную функцию правового регулирования рыночной экономики — согласовывать интересы субъектов профессионального спорта. Исследование гражданско-правовых договоров в рассматриваемой сфере неизбежно ставит вопрос об их систематизации.

Систематизация гражданско-правовых договоров позволяет выявить признаки, присущие тем или иным общественным отношениям, требующим определенного механизма правового регулирования. Это означает, в частности, что отношения, имеющие общие черты, должны регулироваться одинаковыми правовыми нормами, отражающими общие признаки, а отношения, имеющие различия, необходимо регламентировать с учетом различий.

Правотворческая цель систематизации гражданско-правовых договоров выявляет специфику тех или иных договорных отношений и разрабатывает правовую регламентацию, относящуюся к регулируемым отношениям.

Правоприменительная цель позволяет правильно квалифицировать договор и применить к нему нормы той отрасли права, которые созданы для регулирования именно данных договоров.

Систематизация гражданско-правовых договоров представляет особую значимость в современном гражданском праве Республики Беларусь. Это связано, прежде всего, с развитием общества и бурным ростом гражданско-правовых отношений, где главенствующую роль занимает договор.

Далеко не все отношения, возникающие в сфере профессионального спорта, законодательно урегулированы, ряд норм спортивного законодательства находится в противоречии с правовыми нормами различных правил, регламентов, вырабатываемых организациями физической культуры и спорта. Эффективность правового регулирования непосредственно зависит от того, насколько верно выявлены признаки правоотношения, обуславливающие необходимость определенного правового регулирования, и насколько адекватно они отражены в нормах права.

Договорное регулирование отношений в области профессионального спорта имеет свою систему. Построение системы договоров предполагает их классификацию. Классификация договоров, как и иных явлений, служит цели обнаружения существенных черт сходства и различия между ними.

В юридической науке существуют различные точки зрения по вопросам систематизации договоров в области профессионального спорта.

Так, В. С. Каменков отдельно не выделяет системы гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта. Он говорит о системе договоров в физкультурно-спортивной отрасли в целом и представляет ее следующим образом:

- международные договоры, которые упоминаются в Законе о спорте в смысле их приоритетности;
- договоры о развитии вида (видов) спорта (ч. 1 п. 4 ст. 11 Закона о спорте);
- договоры о сотрудничестве (ст. 11 Закона о спорте);
- договоры между организаторами спортивно-массового мероприятия и организациями, представляющими от своего имени участников спортивно-массового мероприятия, либо участниками спортивно-массового мероприятия (при отсутствии такой организации) (ст. 35 Закона о спорте);
- договоры, которые вправе заключать спортсмены и тренеры. К ним относятся трудовые и гражданско-правовые договоры, в том числе трансферные договоры;
- договоры о распределении прав и обязанностей между организаторами спортивного соревнования (ст. 43 Закона о спорте);
- договоры о передаче прав на освещение спортивно-массовых мероприятий (ст. 35, 45 Закона о спорте);
- гражданско-правовые договоры, которые вправе заключать судья по спорту (ст. 47 Закона о спорте);
- договор, который заключается между спортивным агентом и субъектом профессионального спорта (ст. 47¹ Закона о спорте);

- договоры о спортивной подготовке (ст. 59¹, 64 Закона о спорте);
- безвозмездные гражданско-правовые договоры, заключаемые с волонтерами, и возмездные гражданско-правовые договоры, заключаемые со стюардами (ст. 64¹ Закона о спорте);
- договоры о взаимодействии. Они заключаются между объединениями болельщиков с одной стороны и спортивными организациями или государственными органами с другой стороны [3].

В то же время М. Ю. Челышев также предлагает систему гражданско-правовых договоров в сфере физической культуры и спорта. Кроме того, он предлагает классификацию по различным основаниям:

- деление договоров на типы и виды. Например, в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3 (ГК Республики Беларусь) [7] закреплён такой тип договора как купля-продажа, используемая в том числе в области спорта (приобретение спортивного инвентаря и др.); тип — договор дарения (в области спорта используется его вид — спонсорский договор);
- деление договоров в зависимости от момента заключения. Тут выделяются три известные разновидности — консенсуальные, реальные и договоры, подлежащие государственной регистрации. С учётом распространённости в области профессионального спорта договоров об оказании услуг можно сделать вывод, что существенная часть договоров в области, о которой идёт речь, консенсуальна. Вместе с тем здесь встречаются и реальные договоры, например, договор страхования;
- деление договоров в зависимости от критерия «возмездность/безвозмездность». В сфере спорта имеют место как возмездные, так и безвозмездные договоры. С одной стороны, с учётом определения термина «профессиональный спорт» в ст. 55 Закона о спорте, где содержится указание на возмездный характер профессиональной спортивной деятельности, необходимо сделать вывод, что большинство используемых в данном случае договоров — договоры возмездные. С другой стороны, не менее широко в указанной области применяются и обозначенные выше сделки по дарению (спонсорский договор), т. е. договоры безвозмездные;
- деление по основанию их отношения к предпринимательской деятельности. Применительно к указанной сфере в специальной литературе используется деление договоров на предпринимательские и договоры, не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности (так называемые непредпринимательские договоры);
- деление в зависимости от прямого закрепления договорных конструкций в действующем законодательстве. По указанному основанию традиционно выделяются поименованные, непоименованные и смешанные договоры;
- иные договорные классификации: договоры в пользу третьего лица; предварительные; организационные; публичные договоры; договоры присоединения.
- по виду спортивной деятельности (в зависимости от того, какую деятельность в сфере спорта — основную или обслуживающую — они оформляют);
- по стадиям (этапам) спортивной деятельности [4].

Иную классификацию предлагает Т. В. Радыно, который разделяет гражданско-правовые договоры с участием профессиональных спортсменов на три группы [6].

1. Договоры с организаторами спортивных мероприятий. Автор полагает, что к первой группе относятся договоры, которые непосредственно касаются профессиональной деятельности спортсмена. Их заключение должно проходить с учётом потребностей спортсмена, а в случае необходимости — при его участии.

2. Договоры с организациями, оказывающими финансовую помощь. По поводу второй группы договоров Автор считает, что на вознаграждение профессионального спортсмена существенное влияние оказывают спонсорские контракты, а также дополнительные выплаты (например, за получение медали на чемпионате мира или Олимпийских играх). Спортсмен-профессионал получает вознаграждение в связи со своей деятельностью не только от организации физической культуры и спорта, заключившей с ним договор, но и от других субъектов, не являющихся сторонами соответствующего правоотношения. Т. В. Радыно говорит о необходимости знакомить спортсмена с такими договорами под роспись.

3. Договоры с рекламодателями. Наличие третьей группы автор обосновывает тем, что участие известных спортсменов в рекламных акциях может обеспечить успех товара на рынке либо продвижение услуги в широкие массы, гарантирует интерес широкого круга лиц к таким рекламным акциям. Рекламодатель часто останавливается на кандидатуре конкретного спортсмена для использования его известности в своих коммерческих целях на взаимовыгодных условиях. Т. В. Радыно полагает, что договоры с рекламодателем спортсменов может заключать лично в интересах организации

физической культуры и спорта, с которой у него заключен договор, либо участвовать в таких договорах в качестве третьей стороны [6].

Представляет интерес классификация, предложенная В. П. Васькевичем, который полагает, что всю систему договорного регулирования отношений, возникающих в области профессионального спорта, можно представить следующим образом: договоры, оформляющие профессиональную спортивную деятельность; договоры, обслуживающие профессиональную спортивную деятельность.

В первой группе договоров можно выделить гражданско-правовые договоры, трудовые договоры и смешанные договоры, как гражданско-правовые с элементами трудовых, так и трудовые с элементами гражданско-правовых договоров. Все эти договоры, заключаются с профессиональными спортсменами по поводу их участия в профессиональной спортивной деятельности.

Кроме того, договоры этой группы В. П. Васькевич классифицирует по иным основаниям. В частности, по субъектному составу: договоры с участием спортсменов-профессионалов и договоры без их участия; по видам спорта (например, договоры в футболе, хоккее, баскетболе и т. д.); договоры, заключаемые со спортсменами-профессионалами мужчинами и со спортсменами-профессионалами женщинами.

Однако нам представляется не полной классификация, предложенная В. П. Васькевичем, по субъектному составу, так как в соответствии с ч. 1 ст. 57 Закона о спорте субъектом указанных договоров могут быть не только профессиональные спортсмены, но и профессиональные тренеры, профессиональные судьи.

Вторую группу договоров В. П. Васькевич называет «зависимые» договоры, т. е. договоры, обслуживающие профессиональную спортивную деятельность [5]. Отметим, что эти договоры представлены всем обширным набором гражданско-правовых договоров, допускаемым в ГК Республики Беларусь. Например, договоры купли-продажи спортивной экипировки, спортивного инвентаря и т. д., договоры аренды спортивных залов, площадок, тренажерных залов.

Отдельно В. П. Васькевич выделяет группу посреднических договоров, применяемых в области профессионального спорта. Посреднические договоры широко используются в данной сфере. Посреднический договор (обслуживающий договор) всегда является гражданско-правовым договором. К посредническим договорам в сфере профессионального спорта нужно отнести договоры поручения, комиссии, агентский и смешанный. Следовательно, по его мнению, смешанный договор относится как к первой группе, так и ко второй [5].

Заключение. Полагаем, взяв за основу систему договорного регулирования отношений, возникающих в области профессионального спорта, предложенную В. П. Васькевичем, мы можем предложить классификацию гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта.

Так, по нашему мнению, основное деление гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта должно осуществляться на две группы в зависимости от того, какую деятельность в сфере профессионального спорта они оформляют: договоры, оформляющие профессиональную спортивную деятельность, или договоры, обслуживающие профессиональную спортивную деятельность.

Так, в первой группе можно выделить следующие основания классификации:

- в зависимости от юридической направленности: основной договор; трансферный договор;
- в зависимости от прямого закрепления договорных конструкций в ГК Республики Беларусь: именованные (например, возмездного оказания услуг); неименованные (трансферный договор); смешанные договоры (гражданско-правовой договор с элементами трудовых);

- в зависимости от субъектного состава следует выделить гражданско-правовые договоры, которые заключаются с участием профессиональных спортсменов, профессиональных тренеров, профессиональных судей по спорту;

- в зависимости от того, что является предметом гражданско-правового договора: профессиональная спортивная деятельность; услуга; денежная компенсация;

- в зависимости от их отношения к предпринимательской деятельности: предпринимательские; не связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

Во второй группе можно выделить следующие основания классификации:

- в зависимости от момента заключения: консенсуальные (существенная часть); реальные (например, договор страхования);

- в зависимости от критерия «возмездность/безвозмездность» в профессиональном спорте выделяют как возмездные, так и безвозмездные договоры;
- в зависимости от субъектного состава следует выделить гражданско-правовые договоры, которые заключаются с рекламодателями, спонсорами, страхователями и др.;
- иные договорные конструкции, закрепленные в ГК Республики Беларусь (купли-продажи, аренды, перевозки и др.);
- отдельно следует выделить посреднический договор (например, агентский).

В сфере профессионального спорта происходит постепенный «поворот» к повышению роли договоров при регулировании спортивных правоотношений. Полагаем, что исследование всех гражданско-правовых договоров, заключаемых в сфере профессионального спорта, в качестве единой системы позволит рассмотреть их не как разрозненную массу отдельных, не имеющих связи между собой видов договоров, а как определенную их совокупность, обладающую внутренней целостной структурой, в основе которой лежат единство и взаимосвязь между отдельными договорами, единой целью которых является совершенствование правового регулирования договорных отношений в профессиональном спорте.

В связи с вышеизложенным можно говорить о целесообразности закрепления в постановлении № 26 системы и основных случаев применения гражданско-правовых договоров в области профессионального спорта. На основании принципа свободы договора предложенный перечень гражданско-правовых договоров должен быть открытым. При этом необходимо провести разграничение области использования гражданско-правовых и трудовых договоров в профессиональном спорте, а также ситуации применения смешанных договоров. Представляется, что все эти дополнения в действующее законодательство не только в целях совершенствования постановления № 26, но и в рамках процесса по созданию Спортивного кодекса Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2018 г. № 92-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Об особенностях заключения гражданско-правовых договоров в сфере профессионального спорта [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь, 14 июля 2014 г., № 26 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. Каменков, В. С. Спортивные договоры [Электронный ресурс] : [по сост. на 15.11.2018 г.] / В. С. Каменков // ЮСИАС. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
4. Правовое регулирование предпринимательской деятельности: общее и особенное : монография / ред.: М. Ю. Чельшев, А. С. Панова. — Казань : Познание, 2010. — 324 с.
5. Васильевич, В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. П. Васильевич. — Казань, 2006. — 216 л.
6. Радыно, Т. В. Заключение договоров в профессиональном спорте [Электронный ресурс] : [по сост. на 31.12.2014 г.] / Т. В. Радыно // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 № 135-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

Поступила в редакцию 25.09.2020

УДК 347.61

А. Г. Кирмель

Учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь»,
ул. Казинца, 4, 220070 Минск, Республика Беларусь, +375 (17) 294 15 94, nastyonakirmel@yandex.ru

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛИЦ, СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ

В статье рассматривается порядок и правовые последствия изменения половой принадлежности лиц, достигших совершеннолетнего возраста, а также лица, состоящего в браке, в Республике Беларусь. Акцентируется внимание на том, что изменение половой принадлежности одним из лиц, состоящих в браке, противоречит правовым и морально-этическим нормам и должно быть рассмотрено как основание прекращения брака.

На основании анализа норм действующего законодательства Республики Беларусь, международных нормативных правовых актов, статистических данных и существующей практики автор делает вывод о необходимости внесения изменений в ч. 1 ст. 34 «Прекращение брака» Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Ключевые слова: брак; условия вступления в брак; лица, вступающие в брак; супруги; однополые браки; отрицания пола; смена половой принадлежности.

Библиогр.: 20 назв.

A. G. Kirmel

Establishment "The Main Information and Analytical Center of the Ministry of Education of the Republic of Belarus",
4 Kazinca St., 220070 Minsk, Republic of Belarus, +375 (17) 294 15 94, nastyonakirmel@yandex.ru

FAMILY AND LEGAL CONSEQUENCES OF CHANGING THE GENDER OF MARRIED PERSONS

The article examines the procedure and legal consequences of gender reassignment by persons who have reached the age of majority and a person who is married in the Republic of Belarus. Change of gender by one of the married persons is contrary to legal and moral and ethical standards and should be considered as grounds for termination of marriage.

Based on the analysis of the norms of the legislation of the Republic of Belarus, international normative legal acts, statistical data and existing practice, the author concludes that it is necessary to amend part 1 of article 34 "Termination of marriage" of the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family.

Key words: marriage; conditions of marriage; persons entering into marriage; married couple; gay marriage; denial of sex; change of gender.

Ref.: 20 titles.

Введение. По данным Республиканского научно-практического центра психического здоровья, около 30—40 белорусов ежегодно пытаются официально изменить пол, в 2019 году в Республике Беларусь проведено около 10 операций по смене пола [1].

Представленные данные подтверждают актуальность выбранной темы, а также указывают на необходимость совершенствования семейного законодательства Республики Беларусь путем закрепления в нормативных правовых актах государства норм, регулирующих брачные отношения в случае изменения пола одним из супругов.

Методология и методы исследования. Основой проведенного исследования послужили труды ученых, международные нормативные правовые акты, законодательство Республики Беларусь, регулирующие разнополость лиц, вступающих в брак и находящихся в браке.

При написании статьи автором были использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из условий заключения брака является разнополость лиц, вступающих в брак. Данное условие, хотя прямо и не указано в ст. 19 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС Республики Беларусь), но его можно сформулировать

исходя из текста ст. 12 КоБС Республики Беларусь: «Брак — это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных настоящим Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности» [2].

Также положение о вступлении в брак исключительно мужчины и женщины предусмотрено в ст. 1 КоБС Республики Беларусь, устанавливающей, что одной из задач законодательства Республики Беларусь о браке и семье является построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, равенстве прав супругов в семье, на взаимной любви, уважении и взаимопомощи всех членов семьи [2].

Помимо закрепления идеи о разнополости лиц, вступающих в брак в общих началах семейного законодательства Республики Беларусь, данное положение закреплено и в международных нормативных правовых актах. Так, в ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах право на вступление в брак и право основывать семью признается именно за мужчинами и женщинами [3], а ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод прямо предусматривает возможность создания семьи в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права [4].

Таким образом, возможность заключения брака только между мужчиной и женщиной всегда была предполагаемым условием заключения брака [5, с. 276].

Однако в процессе развития общества и стремления следовать принципам, направленным на обеспечение реализации прав и интересов сексуальных меньшинств в вопросе регулирования брачно-семейных отношений, ряд государств легализовали однополые семейные союзы путем закрепления для однополых пар институтов зарегистрированных партнерств (Швеция, Исландия, Германия, Дания) и однополого брака (Нидерланды, Испания, Бельгия).

Впервые институт зарегистрированного однополого партнерства появился в 1989 году в Дании, затем в 1993 году в Норвегии [6].

24 мая 2019 года в Китайской Республике вступил в силу закон об однополых браках, принятый парламентом 17 мая 2019 года. Китайская Республика стала первым государством в Азии, принявшим подобное решение [7].

В настоящее время 29 стран мира с населением более одного миллиарда человек узаконили доступ однополых пар к браку.

Однако различные конфессии, в частности Римско-католическая церковь и Русская православная церковь, выступают за недопустимость разрешения вступления в брак лиц одного пола, а также смену половой принадлежности, так как данные отношения противоречат морально-этическим нормам.

Официальная позиция католической церкви, изложенная в Катехизисе католической церкви, осуждает гомосексуальные акты как противоречащие естественному закону, функции деторождения и взаимодополняемости мужчины и женщины [8].

Данное положение закреплено и в «Основах социальной концепции Русской православной церкви»: «Священное Писание и учение Церкви недвусмысленно осуждают гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочное искажение богоданной природы человека. Если кто ляжет с мужчиной, как с женщиной, то оба они сделали мерзость» [9].

Следует отметить, что положение о недопустимости однополых браков, закрепленное в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», нашло отражение и в законодательстве Республики Беларусь: в государстве однополые браки не допускаются, как и однополые партнерства.

Также в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых Священным Архиерейским собором Русской православной церкви 13—16 августа 2000 года выражена позиция Русской православной церкви по вопросам трансгендерности: «Стремление отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Создателем, может иметь лишь пагубные последствия для дальнейшего развития личности. “Смена пола” посредством гормонального воздействия и проведения хирургической операции во многих случаях приводит не к разрешению психологических проблем, а к их усугублению, порождая глубокий внутренний кризис. Церковь не может одобрить такого рода “бунт против Творца” и признать действительной искусственно измененную половую принадлежность» [9].

Отметим, что в соответствии с Международной классификацией болезней МКБ-10 F 64.0 транссексуализм определяется как «желание жить и восприниматься окружающими как лицо противоположного пола, обычно сопровождаемое ощущением дискомфорта от своего анатомического пола или чувством неуместности своей половой принадлежности. Желание подвергнуться хирургическому вмешательству или получить гормональное лечение с тем, чтобы достичь, насколько это возможно, соответствия предпочитаемому полу» [10].

Согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» изменение и коррекция половой принадлежности проводятся в государственных организациях здравоохранения по желанию совершеннолетнего пациента при наличии медицинских показаний на основании решений Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь в порядке, установленном Министерством здравоохранения Республики Беларусь [11].

9 декабря 2010 года Министерством здравоохранения Республики Беларусь было принято постановление № 163 «О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности» [12]. В данном постановлении утверждены Положение о Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь, а также Инструкция о порядке изменения и коррекции половой принадлежности по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения.

В соответствии с Инструкцией о порядке изменения и коррекции половой принадлежности по желанию совершеннолетнего пациента в государственных организациях здравоохранения пациент, достигший совершеннолетия и желающий изменить половую принадлежность, указанную в паспорте гражданина Республики Беларусь или ином документе, удостоверяющем личность, обращается на консультативно-диагностический (первичный) прием к заведующему сексологическим отделением учреждения здравоохранения «Городской клинический психиатрический диспансер», который одновременно является секретарем Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь [12].

Следует отметить, что первая операция по смене пола, о которой официально проинформирована общественность, была осуществлена в 1953 году в Марокко и Дании: американец сменил мужской пол на женский [13, с. 55].

В Советском Союзе в 1970 году в Риге в НИИ травматологии и ортопедии профессор В. Калнберз произвел операцию по перемене пола женщине и получил авторское свидетельство на способ осуществления операции как изобретение [14, с. 48].

В Республике Беларусь первая операция по смене пола была проведена в 1992 году [15]. В год в нашей стране проводится около 10 подобных операций [16].

С проблемой отрицания пола к специалистам чаще всего приходят в возрасте 20—22 лет, когда личность человека еще формируется. Также встречаются единичные случаи, когда на подобный шаг решаются в зрелом возрасте. При этом чаще сменить пол желают мужчины: примерно 60 % желающих против 40 % женщин [1]. В 2019 году в Беларуси сменили пол четверым иностранцам, это были граждане России и Украины [17].

В научной литературе представлены различные подходы к вопросу регулирования брачно-семейных отношений в случае смены пола одним из супругов. Так, Д. И. Степанова предлагает рассматривать факт смены пола как социальную смерть и объявление такого гражданина умершим в судебном порядке. В этом случае прекращение брака будет обусловлено решением суда об объявлении гражданина (супруга) умершим [18, с. 77].

Считаем, что предложение, высказанное Д. И. Степановой, нарушает законные интересы как гражданина, сменившего пол, так и других граждан, в первую очередь детей. В случае объявления судом лица, сменившего пол, умершим, он будет освобожден от уплаты алиментов, а имущество такого гражданина подлежит наследованию.

Другого мнения придерживается М. Н. Малейна, полагающая, что в случае смены пола одним из супругов брак должен быть прекращен путем расторжения по причине невозможности сохранения семьи. Однако автор допускает и сохранение брака, в котором однополые люди ведут общее хозяйство, воспитывают детей, но не выполняют роль мужа и жены по отношению друг к другу [13, с. 57].

Исходя из определения «партнер», изложенного в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, под которым следует понимать участника какой-нибудь совместной деятельности, а под партнерством — взаимоотношения, существующие между партнёрами; сотрудничество [19, с. 871], считаем, что отношения, в которых однополые люди ведут общее хозяйство, воспитывают детей, но не выполняют роль мужа и жены по отношению друг к другу, следует называть не браком, а партнерством, а данных лиц — не супругами, а партнерами.

Позицию, изложенную М. Н. Малейной, поддерживает и Т. Н. Палькина: «Изменение пола должно привести к прекращению брака, так как данная семья полноценной семьей считаться не может» [20, с. 20].

Заключение. В целях совершенствования действующего брачно-семейного законодательства Республики Беларусь считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 34 «Прекращение брака» КоБС Республики Беларусь словами «а также изменении пола одним из супругов» и изложить ее в новой редакции: «Брак прекращается вследствие смерти или объявления в судебном порядке умершим одного из супругов, а при жизни супругов — вследствие расторжения брака, а также изменении пола одним из супругов».

Список цитируемых источников

1. Белорусские мужчины чаще женщин желают сменить свой пол [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорусские новости. — Режим доступа: <https://naviny.by/new/20171108/1510160107-belorusskie-muzhchiny-chashche-zhenshchin-zhelayut-smenit-svoy-pol>. — Дата доступа: 21.08.2020.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. — Дата доступа: 15.03.2020.
4. Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : [заключена в г. Рим, 4 нояб. 1950 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2020.
5. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / М. А. Антокольская [и др.] ; отв. ред. И. М. Кузнецова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2000. — 568 с.
6. Le Danemark autorise le mariage homosexuel à l'Eglise d'Etat [Electronic resource] // Los Angeles Times. — Mode of access: https://www.liberation.fr/planete/2012/06/07/le-danemark-autorise-le-mariage-homosexuel-a-l-eglise-d-etat_824405. — Date of access: 26.08.2020.
7. Taiwan's new same-sex marriage law to be enacted on May 24 [Electronic resource] // Taiwan news. — Mode of access: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3708500>. — Date of access: 26.07.2020.
8. Катехизис католической церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ccconline.ru/>. — Дата доступа: 12.03.2020.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриарха. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. — Дата доступа: 10.07.2020.
10. Международная классификация болезней [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4352>. — Дата доступа: 12.03.2020.
11. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
12. О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, 09 дек. 2010 г., № 163 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
13. Малеина, М. Н. Изменение биологического и социального пола: перспективы развития законодательства / М. Н. Малеина // Журн. рос. права. — 2002. — № 9. — С. 52—59.
14. Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Статут, 2008. — 302 с.
15. В Беларуси около 70 человек сменили свой пол [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-belarusi-okolo-70-chelovek-smenili-svoy-pol.html>. — Дата доступа: 21.08.2020.
16. В Беларуси проводится около 10 операций по смене пола в год [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. — Режим доступа: <https://lady.tut.by/news/tips-lawyer/483785.html>. — Дата доступа: 19.07.2020.
17. Раза в три-четыре дешевле [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. — Режим доступа: <https://news.tut.by/society/651434.html>. — Дата доступа: 19.07.2020.
18. Степанов, Д. И. Правовые проблемы, связанные с изменением пола человека / Д. И. Степанов // Законодательства. — 2000. — № 11. — С. 76—79.
19. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 27-е изд., перераб. и доп. — М. : АСТ, 2012. — 1360 с.
20. Палькина, Т. Н. Проблемы реализации права на изменение пола / Т. Н. Палькина // Семейное и жилищ. право. — 2010. — № 6. — С. 20—24.

Поступила в редакцию 07.09.2020

УДК 340.115

Н. А. ПетровскийУчреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет “МИТСО”»,
ул. Казинца, 21/3, 220099 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 567 27 46, petrovsky330@yandex.com**ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматриваются современные проблемы развития Беларуси, которая нуждается в формировании оптимальной устойчивой системы государственного управления. Эта система, отвечая главным вызовам современности, в идейном аспекте должна быть проникнута ситуационным анализом диалектики соотношения правопорядка, безопасности и стабильного развития. В качестве приоритетных направлений должна осуществляться реализация законов социального управления на основе подлинных демократических процедур. На результативность управленческого концепта в реализации национального развития Беларуси влияет включенность социальных институтов в контекст безопасности. Статья посвящена анализу данных институтов, их функций и возможностей.

Ключевые слова: государственное управление; национальное развитие; безопасность; социальный институт; правовое обеспечение.

Библиогр.: 6 назв.

N. A. PiatrowskiEducational institution of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University ‘MITSO’”,
21/3 Kazints St., 220099 Minsk, Republic of Belarus, +375 (29) 567 27 46, petrovsky330@yandex.com**STATE MANAGEMENT CONCEPT IN MODERN CONDITIONS
OF THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article examines the current problems of the development of Belarus, which needs to form an optimal stable system of public administration. This system, responding to the main challenges of our time, in the ideological aspect should be imbued with a situational analysis of the dialectics of the relationship between law and order, security and stable development. As a priority, the implementation of the laws of social administration should be carried out on the basis of genuine democratic procedures. The effectiveness of the management concept in the implementation of the national development of Belarus is influenced by the inclusion of social institutions in the security context. The article is devoted to the analysis of these institutions, their functions and capabilities.

Key words: public administration; national development; security; social institution; legal support.

Ref.: 6 titles.

Введение. Современные условия развития белорусского общества и государства объективно подвигают к осмыслению важности и ценности тех важнейших организующих факторов, которые призваны упорядочивать и регулировать жизнь граждан. Развитие государства как сложной социально-правовой системы, понимание ее особого цивилизационного статуса, геополитического пространственного формата актуализируют на концептуальном уровне вопросы своеобразного пути национального развития, отвечающей глобализационным вызовам и процессам [1, с. 7].

Даже если страна будет обладать всеми ресурсами для развития, но не будет иметь современной системы управления, основанной прежде всего на интеллектуальной стратегии, она будет автоматически отброшена в разряд отсталых [2, с. 8]. В современных условиях определяющим фактором эффективности государственного управления становится именно управленческий ресурс как интегрально-интеллектуальный. Это обусловлено тем, что управленческий ресурс — это интегратор всех общественных ресурсов: правовых, интеллектуальных, информационных, социальных, культурных.

Методология и методы исследования. В процессе анализа оптимальной модели современного государственного управления, функций и специфики инструментального и ресурсного обеспечения в деятельном формате национального развития автор опирался на общенаучные и частнонаучные ме-

тоды. При анализе исследуемых государственных, социальных и правовых явлений были применены общелогические методы. Это позволило определить основные функции и инструментарий оптимальной модели современного государственного менеджмента и определить направления его дальнейшего научного исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ современного этапа государственного развития Беларуси показывает, что несмотря на то, что наше сообщество испытывает давление информационное, психологическое, гибридных войн, технологии «цветных революций» [3], нарковойны как войны особого вида (войны нетрадиционной), стабильность и прогрессивное развитие государства должны основываться на формировании устойчивой системы обновленного (не традиционного) государственного управления.

Исследование современного этапа развития Беларуси позволяет утверждать, что эта система государственного менеджмента должна формироваться прежде всего из следующих факторов.

Во-первых, система должна оперативно отвечать главным вызовам современности: усилению глобальной конкуренции, значительному усилению роли инноваций, возрастанию роли человеческого капитала.

Во-вторых, в идеологическом аспекте обновленная система государственного управления должна быть проникнута детальным ситуационным анализом диалектики соотношения безопасности и эффективного развития в быстро меняющихся реалиях, при этом развитие — первично, а безопасность должна обеспечивать развитие [4, с. 14—15].

В-третьих, в качестве приоритетных направлений должна осуществляться реализация законов социального управления на основе правовой и управленческой культуры и подлинных демократических процедур [5, с. 66—67]:

- закона интеграции системы управления, предусматривающего объединение различных действий на разных уровнях в единый управленческий процесс, в том числе для поддержания жизнедеятельности и развития общества как сложной социальной системы;
- закона экономии времени, характеризующего эффективность управления;
- закона приоритетности социальных целей, направленного на развитие личности, повышение общественного благосостояния;
- закона возрастающей интеллектуальности в управлении, определяющего своевременный характер управленческого воздействия в различных сферах общественных отношений.

На результативность государственного управленческого концепта в реализации современного национального развития Беларуси особенно влияет включенность в контекст безопасности социальных институтов (экономических, политических, правовых, семейных, культурных, воспитательных), способных упорядочивать общественные отношения. Среди таких социальных институтов в ценностном аспекте следует выделить следующие:

– общественный порядок, формирующийся нормами социального поведения, создающий основу для упрочения государственной и социальной жизни, многостороннего развития общественной системы. При этом важнейшей составной частью общественного порядка остается правопорядок, установление которого обусловлено реализацией правовых норм и правомерным поведением субъектов права.

На современном историческом этапе крайне важно последовательно преодолевать те негативные стороны социально-политического развития, которые дезорганизуют общество, способствуют противоправному поведению, преступности. Необходимо значительно активизировать (обновить) комплексную социальную профилактику правонарушений. Важным направлением является включенность народа и гражданских институтов в сферу взаимодействия с правоохранительными органами и структурами государственного управления в целях создания наступательных превентивных форм противодействия беззаконию, дезорганизации, преступности. Формирование у граждан позитивного восприятия атмосферы взаимодействия общественного и правового порядка является сегодня одной из самых насущных проблем;

– общегражданская и правовая культура, позволяющая утверждать высокое место права в общественной жизни, в работе правотворческих и правоприменительных органов, в формировании достаточного уровня правосознания граждан, в сбережении ценных традиций отечественного опыта, народного патриотизма, духовности. В данном институте находит свое актуальное отражение понимание упрочения самой человеческой природы, духовных ценностей, социальных и конституционных устоев, сохранения образования с отечественными педагогическими традициями воспитания, рационального использования культурного и патриотического наследия, народного опыта в государственности, законности, экономике, жизни общества;

– социальная защита, представляющая прозрачную направленность политики и действий государства и общества на решение актуальных социальных проблем, защиту прав и законных интересов граждан, способствующая поддержанию правопорядка, а также социального благополучия малообеспеченной части населения Беларуси;

– социальная практика, основанная на теоретической обоснованности социальных преобразований, способствующая реальной активности людей в демократических преобразованиях. Включенность в социальную практику, способность людей определять пути дальнейшего развития предполагают широкое участие народа в решении любых социально значимых проблем;

– социальное управление, целенаправленно осуществляемое путем основательной проработки принимаемых решений, ясного соизмерения перспективных целей социально-правового реформирования с практическими результатами деятельности управленческих субъектов;

– постоянный общественный контроль, обеспечивающий универсальность функции управления, оптимальный баланс взаимодействия государственного (политического, административного, судебного) и общественного (гражданского) контроля, а также регулирующее воздействие общества на поведение индивидов. Благодаря общественному контролю обеспечивается принцип обратной связи в управлении социальными процессами. Действенность широкого общественного контроля необходима для организации безопасной общественной жизни, которая оценивается адекватностью поведения членов общества ценностям, нормам и традициям, характеризующим данный конкретный уровень культуры социума, правовой и социальной активности граждан;

– социальное мышление, представляющее важную функцию познания, позволяющее конструировать развитие социума, влиять на предметную сферу права и законодательства. Помимо гносеологических аспектов социальное мышление способно активизировать ответственную, общественно полезную деятельность институтов гражданского общества, экономических субъектов хозяйствования и увеличить их вклад в социальную политику и развитие государства;

– социальная наука, отвечающая запросам теории и практики государственно-правового строительства, осуществляющая комплексную проработку сложных проблем отечественного развития, выполняющая институциональную роль в подготовке кадров в области социальной политики и социальной работы. Усиление роли социальной науки вызвано объективными потребностями повышения эффективности управления всей социальной сферой в связи с современной трансформацией белорусского социума. Решение актуальных проблем дальнейшего развития общества как целостного социального организма невозможно без социализации научного знания, а также превращения науки в производительную общественную силу.

В практической возможности выбора наиболее оптимального варианта для перехода белорусского общества на путь прогрессивного безопасного развития наука и власть должны действовать совместно и, как показала практика, на опережение возникающих рисков и угроз. Продуманное инструментальное и ресурсное обеспечение в деятельном формате национального развития позволит достичь главного качества — достоинства государства [6, с. 45—51].

В спектре инструментария заслуживает внимания:

а) научно-методологический инструментарий, который должен включать доктрину социальной безопасности Республики Беларусь, научные разработки прогнозного развития государства и общества, социальных процессов, особенно в трудовой, демографической, духовно-гуманитарной сферах;

б) функциональный инструментарий — направленность социально-экономической политики, проводимых модернизаций, совершенствование и коррекция внутренних функций государства и органов местного самоуправления в различных сферах жизнеобеспечения социума;

в) юридический инструментарий, включающий развитие и совершенствование социального права, своим назначением способствующий реализации социальной политики государства.

В ресурсном обеспечении современного развития Беларуси наиболее эффективными ресурсами являются:

– социально-статусный ресурс, характеризующий мобильность граждан Беларуси, их способность сохранять свой потенциал, осмысленно определять собственное развитие и место в мировой системе;

– идеологический ресурс, определяющий принцип движения к историческому прогрессу, реально влияющий на достижение того состояния общественных отношений, при котором расширяются возможности для развития способностей всех граждан, их участия в социальном управлении и общественном контроле;

- материальный ресурс, включающий всю гамму объектов народно-хозяйственного комплекса, природные, исторические, духовные, национальные ценности;
- управленческо-кадровый ресурс, позволяющий формировать должный управленческий профессионализм на всех уровнях, вовремя находить адекватные решения общественных проблем. Новизна подходов и актуализация деятельности данного ресурса закономерно подводят к необходимости в современных условиях усилить правовую (создание качественно профессионального кадрового состава белорусского чиновничества и новой атмосферы управленческого труда) и организационную (разработка критериев социальной эффективности работы аппарата) составляющие управленческой сферы;
- информационно-аналитический ресурс, обеспечивающий объективный и всесторонний анализ состояния общества и социальных процессов, а также выбор приоритетов дальнейшего развития отечественной государственности и системы права.

Заключение. Детерминантой успешного развития белорусского государства становится эффективная система государственного управления на основе обновления функционирования действующих социальных институтов. Политическое руководство страны призвано разработать такую модель государственного управления, которая бы максимально отвечала запросам общества. В процессе формирования данной модели в определенной мере возможно, на наш взгляд, первоначально опираться на положительные аспекты прошлого опыта традиционного государственного администрирования, а также учитывать иные теоретические концепции и обобщать практику государственного управления других стран. Однако важно понимать, что не всегда результат подобного обобщения (иногда копирования) приводит к ожидаемым последствиям.

Современное развитие белорусского государства, является сложным социальным, политико-правовым процессом и представляет собой переход от прежнего состояния к новому. При этом переходе следует учитывать, что «единство и равновесие, достигнутые на базе старого центра, должны уступить место единству и равновесию, опирающимся на новое объединяющее начало», но динамичное равновесие (гомеостазис) должно оставаться ключевой категорией диалектики развития.

Только диалектическая взаимосвязь теоретического и практического начал, продуманность и последовательность проводимых сегодня модернизаций смогут дать необходимые для современного этапа развития Беларуси качество и стабильность результатов при возрастающей поддержке со стороны общества.

Список цитируемых источников

1. Повестка действий в целях устойчивого развития : доклад, представленный Генер. секретарю ООН / пер. с англ. — М. : Издат. дом «Дело», 2013. — 57 с.
2. Мальцев, Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой : монография / Г. В. Мальцев. — М. : Изд-во МЮИ при Минюсте России, 2005. — 200 с.
3. Гапич, А. Э. Технологии цветных революций / Technology Of Color Revolutions / А. Э. Гапич, Д. А. Лушников. — М. : ИНФРА-М : РИОР, 2016. — 126 с.
4. Общая теория национальной безопасности : учебник / А. А. Прохожев [и др.] ; под общ. ред. А. А. Прохожева. — М. : РАГС, 2002. — 318 с.
5. Иванов, В. Н. Новая цивилизация XXI века: технологии становления / В. Н. Иванов. — М. : Знание : Муницип. мир ; Ульяновск : Ульян. Дом печати, 2006. — 295 с.
6. Фролова, Н. А. Идеология социальной безопасности и правовая политика государства: теоретический и исторический аспект : монография / Н. А. Фролова. — М. : АВА-БЕСТ, 2007. — 144 с.

Поступила в редакцию 27.08.2020

УДК 328.185/343

В. И. Резюк

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Министерство образования Республики Беларусь, б-р Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь, +375 (29) 203 51 02, rezyuk@tut.by

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШЕННОЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ПРИ РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИИ, ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ, ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

В статье рассматривается уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности. Автор статьи выделяет становление и развитие, особенности современного состояния соответствующих норм. Предлагаются направления совершенствования законодательства об уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности, в целях устранения пробелов и согласованности норм уголовного и законодательства о разгосударствлении и приватизации государственной собственности.

Ключевые слова: коррупция; уголовная ответственность; злоупотребление властью или служебными полномочиями; разгосударствление; приватизация; преобразование государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества; бюджет.

Библиогр.: 20 назв.

V. I. Rezyuk

Brest State University Named After A. S. Pushkin, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
21 Cosmonavtov Boul., 224016 Brest, Republic of Belarus, +375 (29) 203 51 02, rezyuk@tut.by

CRIMINAL LIABILITY FOR THE ABUSE OF POWER OR OFFICIAL AUTHORITY COMMITTED BY AN OFFICIAL DURING THE DENATIONALIZATION AND PRIVATIZATION OF STATE PROPERTY: FORMATION, DEVELOPMENT, FEATURES OF THE CURRENT STATE

The article deals with criminal liability for the abuse of power or official authority committed by an official during the denationalization or privatization of state property. The author of the article highlights the formation and development, features of the current state of the relevant norms. The author suggests ways to improve the legislation on criminal liability for abuse of power or official authority committed by an official during the denationalization and privatization of state property in order to eliminate gaps and harmonize the norms of criminal and legislation on denationalization and privatization of state property.

Key words: corruption; criminal liability; abuse of power or official authority; denationalization; privatization; transformation of state unitary enterprises into open joint-stock companies; state budget.

Ref.: 20 titles.

Введение. Злоупотребление властью или служебными полномочиями является одной из самых опасных форм коррупции и сложно, хотя и нередко, выявляемым коррупционным преступлением.

Особой спецификой характеризуются преступления, совершаемые должностными лицами при осуществлении функций по разгосударствлению, приватизации государственного имущества, преобразованию государственных организаций, также имеющих имущество (имущественный комплекс), — действий, связанных с переходом государственной собственности в собственность иных лиц, как физических, так и юридических, особенно актуальных и проблемных для постсоветских экономик, в том числе белорусской.

Злоупотребления властью или служебными полномочиями, совершенные должностными лицами при разгосударствлении, приватизации государственной собственности, способны причинить не только прямой имущественный ущерб, вред правам и законным интересам граждан, государственным или общественным интересам, также они могут негативно сказаться на поступлениях в бюджет, благосостоянии общества и государства, в перспективе — сбалансированности доходной и расходной частей бюджета, эффективности функционирования финансовой системы, способности государства развиваться, на должном уровне исполнять свои социальные и иные обязательства.

По мнению В. П. Шиенка, повышенный интерес к проблеме коррупции связан с широким кругом затрагиваемых общественных отношений и сфер жизни общества, острой негативной реакцией общества на отдельные коррупционные проявления, а также в контексте противодействия коррупции необходимостью повышения эффективности управления по многим направлениям [1, с. 20].

Указанное обуславливает научный и практический интерес к уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности, а его специфика, недостаточная исследованность темы и большое социальное значение дополнительно актуализируют внимание к становлению, развитию, особенностям современного состояния.

Методология и методы исследования. Вопросы методологии проблемы коррупции и ее причин В. П. Шиенка [1], а также уголовно-правовой характеристики преступлений против интересов службы, непосредственно злоупотреблений властью или служебными полномочиями, совершаемых должностными лицами, выделенные Э. А. Саркисовой [2], В. М. Хомичем [3], В. В. Лосевым [4], лежат в основе исследования по теме настоящей статьи.

Автор статьи при написании статьи использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Вопрос приватизации и разгосударствления государственной собственности стал особенно актуальным в конце XX века. С вытекающими из этого проблемами столкнулись многие государства на различных континентах, практически все страны Восточной Европы, но особенно — постсоветского пространства.

Однако если многие государства бывшего СССР провели интенсивные разгосударствление и приватизацию (например, в России в 1992—1994 годах было приватизировано 70 % государственных активов [5, с. 23; 6, с. 60]), то в Республике Беларусь до настоящего времени «государство продолжает контролировать национальные богатство и производственные мощности», хотя в начале 1990-х, а также особенно с 2008 года, в 2011, 2013 годах, в частности, отмечалась наибольшая приватизационная активность [7].

По мнению М. Ю. Акуловой, в мировой практике немало примеров реформирования государственного сектора, приватизации государственных предприятий, в результате чего привлекалось дополнительное финансирование, а также переход на новый уровень экономического развития за счет внедрения более эффективных процессов управления и производства [5, с. 1], при этом бюджет пополнялся не только непосредственно при разгосударствлении и приватизации, но и в дальнейшем от эффективно функционирующих уже негосударственных организаций.

Особое место в регулировании процесса разгосударствления, приватизации государственной собственности занял Закон Республики Беларусь от 19.01.1993 № 2103-ХІІ «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь», в котором закреплялось, что приватизация — это «приобретение физическими и юридическими лицами права собственности на объекты, принадлежащие государству», осуществляемые путем продажи и путем безвозмездной передачи государственной собственности, в результате чего «государство полностью или частично утрачивает права владения, пользования и распоряжения государственной собственностью, а государственные органы утрачивают права непосредственного управления ею», а разгосударствление — это «передача от государства физическим и юридическим лицам частично либо полностью (в том числе посредством приватизации) функций непосредственного управления хозяйствующими субъектами» [8].

Однако общей чертой приватизации в течение указанных десятилетий является наличие спорных вопросов об объективности процесса из-за (возможных) злоупотреблений должностных лиц, принимающих соответствующие решения.

Факторами, способствующими распространению коррупции, актуальными для постсоветского пространства, Беларуси в том числе, стали изменения в обществе, вызванные изменением государственных механизмов после распада союза [9, с. 20].

Как весьма актуальный стал вопрос уголовной ответственности за злоупотребления должностных лиц при разгосударствлении, приватизации государственной собственности.

В Модельном уголовном кодексе для государств — участников СНГ в раздел XIII «Преступления против государственной власти» была включена глава 32 «Преступления против интересов публичной службы» [10]. Развитие национальных уголовных законодательств охватывало и введение норм об уголовной ответственности за различного рода злоупотребления при приватизации и иных близких ей процедурах, однако подобные нормы имели общий характер по отношению к указанным злоупотреблениям.

Одной из существенных особенностей развития уголовного права Республики Беларусь стала не просто криминализация в отдельных нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) злоупотребления властью или служебными полномочиями (было обозначено как «умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам»), но и закрепление специальной нормы об уголовной ответственности за рассматриваемые злоупотребления, связанные с разгосударствлением и приватизацией государственной собственности: в ч. 3 ст. 424 УК (злоупотребление властью или служебными полномочиями) были включены особо квалифицирующие признаки, в том числе совершение преступления «при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества» [11].

Э. А. Саркисова выделила высокую общественную опасность злоупотребления властью или служебными полномочиями при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества: должностные лица, используя свою власть или полномочия и злоупотребляя ими, имеют широкие возможности решить указанные вопросы в свою пользу, в пользу близких родственников, знакомых и др. Указанные злоупотребления в этой сфере могут выразиться как в безвозмездной передаче государственного имущества, подлежащего продаже за определенную цену (в результате чего нарушаются государственные интересы), так и в продаже имущества, которое подлежит безвозмездной передаче (в результате чего нарушаются интересы уже граждан или юридических лиц, участвующих в приватизации) [2].

В. В. Лосев также отметил повышенную ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом, в частности, при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества [4].

С учетом непосредственного объекта преступления, признаков объективной стороны, в частности, стала очевидной связь нормы ч. 3 ст. 424 УК и норм Закона Республики Беларусь от 19.01.1993 «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» — указанную позицию обозначили также Э. А. Саркисова [2], В. М. Хомич [3]: именно законом от 19.01.1993 «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» (с последующими изменениями и дополнениями) определены объекты и субъекты приватизации, органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять разгосударствление и приватизацию государственного имущества, установлен порядок их осуществления [2; 8].

Даже после изменений в уголовном законе, связанных с исключением в 2009 году ч. 1 ст. 424 УК, и формального перехода признака «при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества» в группу квалифицирующих, законодатель акцентирует внимание на повышенной общественной опасности указанного вида злоупотребления, что отражается, в частности, в санкции данной нормы: если в первоначальной редакции УК санкция предусматривала такой вид наказания, как лишение свободы «на срок до восьми лет», то в настоящее время — «от трех до десяти лет» [11; 12].

Существенной особенностью с 2009 года стало то, что уголовная ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями наступает исключительно при совершении преступления из корыстной или иной личной заинтересованности [12].

Согласно действующему законодательству, уголовная ответственность по ч. 3 ст. 424 наступает, в частности, за умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (злоупотребление властью или служебными полномочиями), при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества [12].

Альтернативный состав преступления, охватывающий признаки злоупотребления властью или служебными полномочиями при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, имеет следующую характеристику:

1) непосредственный объект преступления:

- основной объект — отношения, связанные с интересами службы;
- дополнительный объект — права и законные интересы граждан, государственные и общественные интересы, отношения собственности, а также отношения по разгосударствлению и приватизации;

- 2) объективная сторона преступления включает следующие признаки:
 - общественно опасное деяние в форме действия, совершенного вопреки интересам службы с использованием служебных полномочий при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества;
 - общественно опасное последствие в виде: причинения ущерба в крупном размере; существенного вреда правам и законным интересам граждан, государственным, общественным интересам;
 - причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием;
 - способ — использование служебных полномочий;
- 3) субъект преступления — специальный (должностное лицо);
- 4) субъективная сторона преступления охватывает следующие признаки:
 - умышленная форма вины, умысел — прямой;
 - мотив: корыстная заинтересованность; иная личная заинтересованность.

До принятия Закона Республики Беларусь от 16.07.2010 № 172-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросу приватизации государственного имущества» нормы ч. 3 ст. 424 УК и соответствующего специального закона о разгосударствлении и приватизации коррелировали и были согласованными. Однако после внесения изменений и дополнений указанный специальный законодательный акт был обозначен как Закон Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества», из него было исключено понятие разгосударствления, приватизация стала обозначаться как «продажа объектов приватизации субъектам приватизации в порядке и на условиях настоящего Закона» [13; 14]. При этом, во-первых, понятие «разгосударствление» утратило характер нормативно закрепленного, так как после исключения из специального законодательного акта не нашло закрепления в ином, а во-вторых, диспозиция соответствующей нормы УК не претерпела логичных и последовательных в этом случае изменений, была утрачена согласованность норм двух законов. Фактически с момента начала действия (новой редакции) Закона Республики Беларусь «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» отношения, связанные с преобразованием государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества, приобрели характер нормативно регулируемых, при этом их нельзя считать тождественными с отношениями по разгосударствлению.

В настоящее время указанные отношения, помимо иных актов, регулируются также Декретом Президента Республики Беларусь от 20.03.1998 № 3 «О приватизации государственной собственности» (в ред. 1998 года — «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь») [15; 16], постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.12.2010 № 1929 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам приватизации государственного имущества» [17], однако и в них понятие разгосударствления не раскрывается.

Таким образом, появился пробел, касающийся объекта уголовно-правовой охраны (отношения по разгосударствлению государственного имущества утратили точность и юридическую нормативную определенность), а также признаков объективной стороны — нормы ч. 3 ст. 424 УК и соответствующих нормативных правовых актов не полностью коррелируют между собой и не являются согласованными, что не способствует качеству уголовно-правового регулирования и эффективности уголовно-правовой охраны такой важной группы отношений, как отношений, связанных с разгосударствлением, приватизацией государственной собственности.

Показательно при этом, что в источник официального толкования — постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424—428 УК)» — было внесено соответствующее изменение (абзац 1 п. 22 изложен в редакции: «правила и порядок приватизации объектов, находящихся в государственной (республиканской и коммунальной) собственности, определены Законом Республики Беларусь от 19.01.1993 «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества», другими нормативными правовыми актами») [18].

Наличие указанных противоречий в условиях, когда приватизационные процессы в Беларуси продолжаются (только в 2019 году было проведено 8 аукционов по продаже 14 предприятий с государственной долей [19]), безусловно, не способствует качеству нормативно-правового регулирования и эффективности уголовно-правовой охраны важной группы общественных отношений.

Заключение. Оценка становления и развития уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности, позволяют констатировать особенность нормативно-правового регулирования в Беларуси — наличие специальной нормы об уголовной ответственности за умышленные преступные посягательства должностных лиц (в форме злоупотребление властью или служебными полномочиями) на не снижающие своей актуальности для государства и общества отношения, связанные с разгосударствлением и приватизацией. Также следует обозначить определенную теоретико-практическую проработанность [20, с. 84] проблемы противодействия отдельному коррупционному преступлению.

Анализ современного состояния норм об уголовной ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности, позволяют выделить несогласованность норм уголовного и законодательства о разгосударствлении, приватизации государственной собственности.

Принимая во внимание изложенное, представляются необходимыми и возможными следующие направления совершенствования законодательства.

1. Внесение изменений в УК и изложение диспозиции ч. 3 ст. 424 в следующей редакции:

«Действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо при осуществлении функций по приватизации государственного имущества или преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества, либо повлекшие тяжкие последствия».

В этом случае решаются проблемы пробела в законодательстве и несогласованности нормативных правовых актов, однако при этом необходима дискуссия о достаточности подобной формулировки — понятие «разгосударствление» является более широким, чем «преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества».

2. Внесение изменений и дополнений в законодательные акты, регулирующие отношения по разгосударствлению и приватизации государственной собственности, а также, возможно (учитывая, что обозначенные вопросы касаются уголовно-правового регулирования), в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

В этом случае не только решаются проблемы пробела в законодательстве и несогласованности нормативных правовых актов, но также осуществляется нормативное закрепление отдельных форм разгосударствления (в том числе «преобразование государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»), однако при этом необходима дискуссия о приемлемости и эффективности подобного решения, учитывая особенности регулирования и развития отношений по разгосударствлению и приватизации государственной собственности, а также специфику уголовного-правового регулирования.

Реализация указанного способствует совершенствованию норм об уголовной ответственности за актуальную и опасную форму коррупции — злоупотребление властью или служебными полномочиями, совершенное должностным лицом при разгосударствлении, приватизации государственной собственности.

Список цитируемых источников

1. *Шиенок, В. П.* Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предварит. расследование. — 2017. — № 1. — С. 19—24.
2. *Саркисова, Э. А.* Интересы службы под охраной уголовного закона / Э. А. Саркисова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
3. *Хомич, В. М.* Преступления против интересов службы (статьи 424—433) [Электронный ресурс] / Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
4. *Лосев, В. В.* Субъективная сторона злоупотребления властью или служебными полномочиями / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

5. Акулова, М. Ю. Мировой опыт приватизации предприятий госсектора [Электронный ресурс] / М. Ю. Акулова // Центр экономических исследований BEROC. — Режим доступа: <http://www.beroc.by/upload/iblock/a71/a71eb8342c9ad360395796160b05e9cd.pdf>. — Дата доступа: 01.09.2020.
6. Разуваева, Н. Н. Приватизация в России: национальные особенности / Н. Н. Разуваева // Вестн. ВЭГУ. — 2009. — № 4 (42). — С. 52—64.
7. Сологуб, М. В. Способы приватизации госпредприятий / М. В. Сологуб, Н. И. Фоменок // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
8. О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 15 янв. 1993 г., № 2103-XII : ред. не действует // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
9. Резюк, В. И. Противодействие коррупции : учеб.-метод. комплекс / В. И. Резюк, В. П. Шиенок ; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. — Брест : БрГУ, 2020. — 248 с.
10. Модельный уголовный кодекс : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников СНГ, 17 февр. 1996 г. // Антитеррористический центр государств — участников Содружества Независимых Государств. — М., 2020.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : ред. не действует // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
13. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам приватизации государственного имущества : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2010 г., № 172-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
14. О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества : Закон Респ. Беларусь, 15 янв. 1993 г., № 2103-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 июля 2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
15. О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь : Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2019 г., № 3 : ред. не действует // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
16. О приватизации государственной собственности : Декрет Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2019 г., № 3 : ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 2 сент. 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
17. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Беларусь и их отдельных положений по вопросам приватизации государственного имущества : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 1929 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 16 авг. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
18. О предложении Генерального прокурора Республики Беларусь о внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424—428 УК)» : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 2 нояб. 2011 г., № 2 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
19. Приватизация предприятий с госдолей менее 25 % продолжается: проданы акции ОАО «Ресторан “Арбат”» и ОАО «Обувьторг» [Электронный ресурс] // Экон. газ. — Режим доступа: <https://neg.by/novosti/kategorija/privatizaciya>. — Дата доступа: 01.09.2020.
20. Резюк, В. И. Коррупция и ее общественная опасность : учеб.-метод. комплекс / В. И. Резюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. — Брест : БрГУ, 2019. — 158 с.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 347.1; 342.7

В. Д. Рузанова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ул. Московского шоссе, 34, 443086 Самара, Российская Федерация, +7 906 343 07 07, vd.ruz@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ СИСТЕМ

Стремительное развитие информационного законодательства, его количественный и качественный рост ставят перед наукой задачу разработки концептуальных основ его формирования как системы. В связи с этим возникает необходимость изучения указанного нормативного массива через призму теории систем. Целью настоящего исследования является с позиции теории систем определение факторов, влияющих на построение информационного законодательства, установление тенденций его развития и формулирование основных правил его функционирования как системного объекта. Исходя из положения теории систем, охарактеризованы особенности структуры информационного законодательства как комплексного массива, его взаимодействия со смежными отраслями и применения публично-правовых и частноправовых методов правового регулирования информационных отношений. В результате выявлена необходимость осуществления научно обоснованной классификации информации в качестве доктринальной основы для определения вектора преобразования информационного законодательства, установлены формы взаимодействия информационного законодательства с отраслевыми «информационными» блоками и отраслевыми кодексами, наличие «двойной» зависимости указанных блоков и особенности действия правил о соотношении общих и специальных норм в этой сфере.

Ключевые слова: теория систем; информация; информационное законодательство; структура и состав законодательства; персональные данные; общий и специальный правовые режимы.

Библиогр.: 15 назв.

V. D. Ruzanova

Samara National Research University, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 34 Moskovskoye Shosse St., 443086 Samara, Russian Federation, +7 906 343 07 07, vd.ruz@mail.ru

PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE INFORMATION LEGISLATION IN THE ASPECT OF THE SYSTEMS THEORY

The rapid development of the information legislation, its quantitative and qualitative growth, set before science the task of developing the conceptual foundations of its formation as a system. In this regard, it becomes necessary to study this normative array through the prism of systems theory. The purpose of this research paper in terms of systems theory is to determine the factors influencing the construction of information legislation, to establish trends in its development and to formulate the basic rules for its functioning as a systemic object. Based on the position of systems theory, the features of the structure of information legislation as a complex array, its interaction with related industries and the use of public and private law methods of legal regulation of information relations are characterized. As a result, the need for a scientifically grounded classification of information as a doctrinal basis for determining the vector of transformation of information legislation is identified. The author also has established the forms of interaction of information legislation with sectoral "information" blocks and sectoral codes and has revealed the presence of a "double" dependence of these blocks and the features of the rules on the ratio of general and special norms in this area.

Key words: systems theory; information; information legislation; structure and composition of legislation; personal data; general and special legal regimes.

Ref.: 15 titles.

Введение. В современных условиях российское законодательство переживает процесс интенсивного совершенствования, что с неизбежностью актуализирует необходимость теоретического осмысления вопросов его системности. Системность законодательства является важнейшим фактором, определяющим эффективность правового регулирования, поэтому обеспечение содержательной согласованности разноотраслевых норм, новых норм между собой, а также последних с существующими нормами приобретает первостепенное значение. Концептуальной основой решения данной задачи, по нашему мнению, должна стать теория систем, применение положений которой позволит с учетом специфики правовой материи в значительной мере продвинуться в достижении указанной цели. Форми-

рование законодательства как системы предполагает приобретение им признаков системного объекта как единого целого, а также его составляющими — отраслями законодательства, в том числе комплексными. Данный процесс имеет свою специфику применительно к отдельным элементам системы и постоянно сталкивается с целым рядом трудностей.

Превращение информационного законодательства как комплексной отрасли в систему сопряжено с целым рядом сложностей, связанных, прежде всего, с многообразием информации как объекта, чрезвычайной динамичностью возникающих при этом отношений, а также с необходимостью урегулирования последних как публично-правовыми, так и частноправовыми методами. Поскольку информация проникла буквально во все области жизни общества, то для информационной сферы наряду с формированием единого комплексного нормативного массива характерно и образование отраслевых «информационных» блоков. В связи с этим разработка основных правил функционирования рассматриваемого законодательства приобретает высокую степень актуальности. До настоящего времени комплексный анализ информационного законодательства в аспекте теории систем не проводился.

Методология и методы исследования. Целью настоящего исследования является с позиции теории систем определение факторов, влияющих на построение информационного законодательства, установление тенденций его развития и формулирование основных правил его функционирования как системного объекта. Доктринальной основой для написания статьи послужили труды известных ученых по общей теории систем, а также по правовым проблемам, связанным как с общетеоретическими вопросами построения системы нормативного регулирования, так и с анализом состояния и перспектив развития информационного законодательства как комплексной отрасли.

В процессе исследования были использованы как общенаучные, так и частнонаучные методы познания: диалектический, системный, межотраслевой и др.

Результаты исследования и их обсуждение. В современной литературе все активнее обсуждаются проблемы системности законодательства. Полагаем, что в качестве методологической основы их разрешения должна быть использована теория систем, поскольку законодательство представляет собой вид системного объекта [1, с. 105; 2, с. 401—402]. Вслед за Л. фон Берталанфи под системой мы понимаем комплекс элементов, находящихся во взаимодействии, обладающий такими его обязательными признаками системы, как наличие множественности элементов и связей (отношений, взаимодействия) между ними [3]. По справедливому утверждению Ю. А. Тихомирова, забвение системного подхода к иерархическому построению права и законодательства приводит к нарушению последовательности в принятии разных правовых актов [4].

Превращение законодательства в целом, а также его отраслей (в том числе и комплексных) в систему само по себе является сложнейшей задачей, однако трудность ее решения применительно к информационному законодательству в значительной мере усиливается, поскольку сегодня ни одна отрасль права (законодательства) не обходится без использования информационных технологий. В связи с этим наблюдаются две тенденции: с одной стороны, идет интенсивный процесс формирования информационного законодательства как комплексной отрасли, с другой — происходит усиление и разрастание отраслевых нормативных «информационных» блоков. В условиях «разноотраслевого переплетения» норм трудно установить действительный объем и, как справедливо отмечает Л. К. Терещенко, границы собственно информационного законодательства. При этом автор справедливо возражает против включения в его состав так называемых смежных областей, иначе «теряется смысл разработки направления модернизации конкретной сферы законодательства, в частности информационного». При этом мы исходим из предложенной ею идеи об условном делении информационного законодательства на три основных блока: законодательство собственно об информации; законодательство в сфере современных информационных технологий; телекоммуникационное законодательство [5]. По нашему мнению, главным вектором структурного преобразования информационного законодательства должно стать проведение научно обоснованной классификации информации и на этой базе разработка соответствующих общих положений и установление специальных правовых режимов.

С позиции данной теории система имеет как внутренний, так и внешний аспект. Первый аспект выражается в наличии множества элементов (состава системы), связей (отношений) между ними (структуры), целостности (единства), второй — в связи со средой, в которой система существует. Строем российской законодательной системы, как известно, состоит из вертикальной (расположение ее уровней) и горизонтальной (наличие подотраслей, институтов и субинститутов) структур.

Как вытекает из легальных положений, вертикальная структура (состав) информационного законодательства является одноуровневой: согласно ст. 4 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации) [6] оно состоит исключительно из федеральных законов. Однако особенностью информационного законодательства является своеобразное переплетение в нем вертикальной и горизонтальной структур, состоящее в наличии у отдельных его элементов, составляющих горизонтальную структуру, собственной вертикальной структуры (отличной от вертикальной структуры системы). Например, институт персональных данных является многоуровневым, несмотря на то, что в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (Закон о персональных данных) [7] он понимается как совокупность только федеральных законов. Согласно п. 2 и 3 ст. 4 Закона о персональных данных, по отдельным вопросам допускается издание и иных нормативных правовых актов. Считаем, что в Законе об информации следует предусмотреть более широкую формулировку состава информационного законодательства, учитывающую особенности отдельных его структурных элементов, обусловленные «повышенной» самостоятельностью последних. Специфика вертикальной структуры информационного законодательства налагает свой «отпечаток» и на горизонтальную структуру: соотношение «отрасль—институт» не является прямой и однозначной. Здесь может быть только одно «объяснение»: рассматриваемая отрасль в настоящее время находится на стадии становления и развития [8] и ей только предстоит стать системой.

В информационном законодательстве внешний аспект выражается в его связи с другими отраслями законодательства (конституционным, гражданским, трудовым, административным и другими), в составе которых активно создаются отраслевые «информационные» блоки. Здесь имеет место так называемое «пересечение отраслей» [9] и, как следствие, образование «зон совместного регулирования». Однако в рассматриваемой сфере «пересечение» не всегда приводит к «совместному» регулированию. Так, правовые режимы защиты персональных данных (Закон о персональных данных) и неприкосновенности частной жизни (Гражданский кодекс Российской Федерации) носят параллельный характер [10]. Между тем связь названных правовых блоков вполне очевидна и, безусловно, требует установления «точек соприкосновения» путем осуществления согласования соответствующих норм.

При построении системы информационного законодательства необходимо учитывать, что эти «информационные блоки» находятся в некоем «двойном подчинении», поскольку они должны отвечать требованиям как отраслевого, так и информационного законодательства. Это означает, что вертикальная структура последнего осложняется влиянием отраслевых кодексов (Гражданского кодекса Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации и др.), которые при «столкновении» норм должны иметь приоритет. Последний тезис основывается на разработанном нами концептуальном положении о том, что отраслевые кодексы в отношении норм своей отраслевой принадлежности, содержащихся в комплексном нормативном правовом акте, имеют приоритет [11].

Внутренний и внешний аспекты информационного законодательства как системы проявляются и в соотношении общего и специального правового регулирования, имеющего здесь более широкое значение. Дело в том, что специальные правовые режимы (например, режим генетической информации) включают в себя не только нормы, которые собственно «детализируют, конкретизируют положения общих норм» [12] Закона об информации, но и нормы, выходящие по своему содержанию за рамки общего правового регулирования. Сказанное также свидетельствует о «повышенной» самостоятельности элементов информационного законодательства. С теоретической точки зрения этот феномен требует своего осмысления, и методологической основой для его изучения может стать именно теория систем (в части использования положений о многообразии связи «система—элемент» и функциональной роли элемента). Вместе с тем важно на основе серьезного доктринального анализа определить, вызван ли такой уровень самостоятельности институтов действительной необходимостью или же это связано с несовершенством законодательства.

Как отмечалось, одним из факторов, влияющих на построение системы информационного законодательства, является использование в этой сфере как публично-правовых, так и частноправовых методов регулирования, что требует их разграничения и определения формы взаимодействия [13]. Так, применительно к персональным данным в доктрине дискутируется вопрос о расстановке приоритетов при регулировании, между тем, с нашей точки зрения, необходимо вести речь о путях достижения баланса между публичными и частными интересами [14].

Для формирования информационного законодательства важное значение имеют и положения общей теории систем о распределении ролей элементов в зависимости от их влияния на свойства системы. Безусловно, центром здесь выступает Закон об информации, однако его влияние «ограничивается» указанным приоритетным действием отраслевых кодексов, «повышенной» самостоятельностью институтов информационного законодательства, правилами о соотношении общих и специальных норм.

Не менее важным является и использование принципа минимизации числа элементов системы, так как не вызванное действительной необходимостью разрастание нормативного массива выступает одной из причин «сбоев в системе». Считаем необходимым провести «ревизию» имеющейся нормативной базы, устранив ненужное дублирование и рассогласованность правового регулирования.

Важное методологическое значение имеет и решение вопроса о модели построения информационного законодательства. Полагаем, что здесь нужно ориентироваться не на кодификационную модель, как это иногда предлагается в литературе, а на издание «главного» закона, включающего в себя соответствующие общие положения и основы специальных правовых режимов, содержание которых может раскрываться в отдельных законодательных актах [15].

Несмотря на сложность формирования российского информационного законодательства, уже сегодня можно утверждать, что эта комплексная отрасль постепенно, но уверенно приобретает черты системного объекта.

Заключение. Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов:

1) выявлена необходимость осуществления научно обоснованной классификации информации в качестве доктринальной основы для определения вектора преобразования информационного законодательства как системного объекта. Предложено двигаться по пути формирования общих положений об информации и специальных правовых режимов отдельных ее видов;

2) определены основные тенденции развития законодательства в сфере информации: активное формирование информационного законодательства как комплексной отрасли и одновременное усиление нормативных «информационных» блоков в структуре отраслевого законодательства. При этом установлено, что последние находятся в некой «двойной» зависимости: они должны подчиняться требованиям не только отраслевого, но и информационного законодательства;

3) охарактеризована главная структурная особенность информационного законодательства, состоящая в своеобразном переплетении в нем вертикальной и горизонтальной структур, проявляющемся в наличии у отдельных его элементов собственной вертикальной структуры, свидетельствующей о «повышенной» их самостоятельности;

4) сформулированы основные правила функционирования информационного законодательства как системы:

- отраслевые кодексы в отношении норм своей отраслевой принадлежности, содержащихся в актах информационного законодательства как комплексного образования, имеют приоритет;
- правовые режимы отдельных видов информации включают в себя не только нормы, которые собственно «детализируют, конкретизируют положения общих норм» Закона об информации, но и нормы, выходящие по своему содержанию за рамки общего правового регулирования, что говорит об особенностях действия правил о соотношении общих и специальных норм;
- влияние Закона об информации как центрального элемента информационного законодательства «ограничивается» приоритетным действием отраслевых кодексов, «повышенной» самостоятельностью институтов информационного законодательства и правилами о соотношении общих и специальных норм;
- использование при регулировании информационных отношений публично-правовых и частно-правовых методов предполагает необходимость их разграничения и определения форм взаимодействия;

5) высказана мысль о том, что, несмотря на сложность формирования информационного законодательства, эта комплексная отрасль постепенно, но уверенно приобретает черты системного объекта.

Список цитируемых источников

1. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / В. Н. Садовский. — М. : Наука, 1974. — 280 с.
2. Кузьмин, В. П. Очерки по диалектическому материализму / В. П. Кузьмин ; отв. ред. Л. Я. Станис. — М. : Наука, 1985. — 479 с.
3. Берталанфи, фон Л. Общая теория систем — критический обзор / Л. фон Берталанфи ; пер. Н. С. Юлиной // *General Systems*. — 1962. — Vol. VII. — P. 1—20.
4. Тихомиров, Ю. А. Нормативное регулирование: взлет или кризис? / Ю. А. Тихомиров // *Журн. рос. права*. — 2006. — № 4. — С. 96—102.
5. Терещенко, Л. К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства : монография / Л. К. Терещенко. — М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2013. — 227 с.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ : в ред. от 03.04.2020 // *Рос. газ.* — 29.07.2006. — № 165.
7. О персональных данных : Федер. закон Рос. Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ : в ред. от 24.04.2020 // *Рос. газ.* — 29.07.2006. — № 165.
8. Михайлова, И. А. Персональные данные и их правовая охрана: некоторые проблемы теории и практики / И. А. Михайлова // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2017. — № 10. — С. 11—18.
9. Кабрияк, Р. Кодификации / Р. Кабрияк ; пер. с фр. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2007. — 476 с.
10. Савельев, А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — М. : Статут, 2017. — 320 с.
11. Рузанова, В. Д. Теоретические основы иерархической зависимости гражданско-правовых законодательных актов / В. Д. Рузанова // *Власть закона*. — 2012. — № 1 (9). — С. 154—167.
12. Поленина, С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / отв. ред. Р. О. Халфина — М. : Наука, 1979. — 205 с.
13. Яковлев, В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) В. Ф. Яковлев. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. — 224 с.
14. Петрыкина, Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных: теория и практика / Н. И. Петрыкина. — М. : Статут, 2011. — 134 с.
15. Иванцова, Ю. Г. Сближение информационного законодательства с информационным правом — основное направление совершенствования информационного законодательства / Ю. Г. Иванцова // *Административ. право и процесс*. — 2018. — № 3. — С. 161—169.

Поступила в редакцию 25.09.2020

УДК 347.6

Е. Я. Рутман

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 235320 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 800 13 43, Rutya@tut.by

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: НЕКОТОРЫЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ

Современный период характеризуется недостаточной изученностью правового статуса отдельных субъектов. В их числе несовершеннолетние. Правовой статус личности является интегративной категорией, включающей в себя различные элементы. В настоящее время в юридической науке нет единой точки зрения на структуру правового статуса личности в целом и несовершеннолетнего в частности. Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных теоретических положений и выводов, практических предложений и рекомендаций, способствующих разрешению проблем, связанных с определением правового статуса несовершеннолетнего с учетом межотраслевого подхода. В результате установлены потенциальные возможности по дальнейшей модернизации законодательства, регулирующего порядок определения содержания правового статуса несовершеннолетнего как участника отдельных гражданских и семейных правоотношений. Разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства и углублению теоретических положений, касающихся статуса несовершеннолетнего как субъекта наследственных правоотношений. Определена отличительная видовая особенность семейного статуса ребенка, обозначены его возрастные границы. Выделены дополнительные элементы сепаратного статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний; правовой статус; межотраслевые аспекты; семейные правоотношения; наследственные правоотношения; дети-сироты; дети, оставшиеся без родительского попечения.

Библиогр.: 7 назв.

E. Y. Rutman

Baranavichy State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavičy, Republic of Belarus, +375 (29) 800 13 43, Rutya@tut.by

LEGAL STATUS OF A JUVENILE: SOME CROSS-SECTORAL ASPECTS

The modern period is characterized by insufficient knowledge of the legal status of individual subjects. They include minors. The legal status of an individual is an integrative category that includes various elements. Currently, legal science does not have a single point of view on the structure of the legal status of an individual in General and a minor in particular. The purpose of this study is to develop scientifically-based theoretical positions and conclusions, practical proposals and recommendations that contribute to solving problems related to determining the legal status of a minor, taking into account the intersectoral approach. As a result, potential opportunities for further modernization of the legislation regulating the procedure for determining the content of the legal status of a minor as a participant in certain civil and family legal relations have been identified. Recommendations for improving legislation and deepening theoretical knowledge were developed. A distinctive specific feature of the child's family status is defined, and its age limits are indicated. Additional elements of the separate status of orphans and children left without parental care are highlighted.

Key words: minor; legal status; intersectoral aspects; family legal relations; inheritance legal relations; orphaned children; children left without parental care.

Ref.: 7 titles.

Введение. Вопросы, связанные с правовым статусом личности, получили разработку и закрепление во второй половине XX века, однако и сегодня они не утратили своей актуальности как с теоретических, так и с практических позиций. Как известно, правовой статус личности является интегративной категорией, включающей в себя различные элементы. В юридической науке нет единой точки зрения на структуру правового статуса личности в целом и несовершеннолетнего в частности. Одной из важнейших тенденций в сфере законодательства, регулирующего правоотношения с участием несовершеннолетнего, является стремление рассматривать его как самостоятельный субъект права [1, с. 123].

Следует согласиться с мнением И. В. Савиной, отмечающей, что соответствующие нормы «разбросаны» по всему правовому массиву (административное право, трудовое право, гражданское право, семейное право, право социального обеспечения, уголовное право и др.), а их созданием, контролем над исполнением занимается значительное число государственных органов, что порождает проблемы «дублирования». Следовательно, комплексное исследование правового статуса ребенка и системы охраны прав и интересов детей в Республике Беларусь должно носить межотраслевой характер [2].

В целом можно утверждать, что институт правового статуса ребенка является межотраслевым. При этом особое место среди отраслей, включающих соответствующие нормы, занимает гражданское и семейное право.

Как известно, ст. 44 Конституции Республики Беларусь наделяет каждого гражданина правом иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как лично, так и совместно с другими лицами [3]. Как и Основной закон, Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее — ГК) не делает исключений для несовершеннолетних, которые могут приобретать право собственности, в том числе на наследственное имущество, на общих основаниях. Так, к наследникам по закону первой очереди всегда относились дети, в том числе не достигшие 18 лет. Часть 1 ст. 1037 ГК содержит положение о том, что наследниками по завещанию и по закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [4]. Итак, основываясь на положениях гражданского права, необходимо отметить, что ребенок имеет право собственности на имущество, полученное в порядке наследования, однако закрепляя права ребенка имущественного характера, ГК не подчеркивает, что ребенок является самостоятельным субъектом наследственных прав.

Перечисляя основные задачи законодательства о браке и семье, Кодекс о браке и семье Республики Беларусь (далее — КоБС) в ст. 1 называет среди них такие, как охрана материнства и отцовства, охрана прав и законных интересов детей, обеспечение благоприятных условий для развития и становления каждого ребенка [5]. В соответствии со ст. 191 КоБС каждый ребенок, независимо от того, проживает он совместно с родителями или раздельно, имеет право на такое материальное обеспечение со стороны семьи и государства, которое необходимо для его полноценного физического и умственного развития, реализации природных наклонностей и талантов, получения образования в соответствии с его способностями в целях содействия гармоничному развитию личности и воспитанию достойного члена общества [2].

Обращаясь к вопросу об определении правового статуса несовершеннолетних, относящихся к отдельным категориям, считаем необходимым уделить определенное внимание деинституализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Принятие комплекса мер по организационной, педагогической, психологической и, прежде всего, правовой поддержке таких детей позволит разрешить ряд проблем, возникающих в определении их правового статуса при передаче на усыновление, под опеку (попечительство), в патронатную семью. Разрешение обозначенных проблемных вопросов представляет не только теоретическое, но и практическое значение.

Таким образом, теоретическое исследование некоторых межотраслевых аспектов определения правового статуса несовершеннолетнего как участника отдельных гражданских и семейных правоотношений представляется актуальным в настоящее время в целях осуществления должной правовой защиты несовершеннолетнего, а также функционирования целостной системы механизмов для использования всей совокупности правовых связей с участием несовершеннолетнего, возникающих в процессе реализации норм гражданского и семейного права.

Методология и методы исследования. Настоящее исследование базируется на диалектическом познании правовых явлений в единстве их социального содержания и юридической формы, обеспечивающем научный подход к изучению явлений и процессов общественной жизни и позволяющем рассматривать их во взаимосвязи и постоянном развитии.

Методологической основой исследования явился технико-юридический метод комментирования, научной систематизации и доктринального толкования норм гражданского и семейного права, применение которого «дает осязаемый позитивный эффект, представляющий собой постоянную, реальную, значительную теоретико-прикладную ценность» [1, с. 31].

Автор использовал как общие методы научного исследования, в том числе системный и диалектический методы познания, так и частно-научные приемы — формально-логический и аналитический, а также специально-юридические методы — нормативный, сравнительно-правовой и метод правового моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с главами 69—73 ГК несовершеннолетний вправе наследовать как по завещанию, так и по закону.

Право ребенка наследовать имущество является элементом его правоспособности. Системный анализ законодательства позволяет утверждать, что возможность принятия ребенком наследства не обусловлена какими-либо формальными ограничениями, однако приобрести статус наследника, а также принять наследство он может только при помощи законных представителей [6, с. 47].

Необходимо различать статус единственного наследника и наследника, призванного к наследованию наряду с другими наследниками, т. е. когда ребенок является одним из числа равноправных наследников. В первом случае правовой статус ребенка является самостоятельным, не зависит от воли иных лиц, а во втором — «факультативным», зависимым от воли иных наследников, призванных к наследованию [6, с. 53].

Представляется, что самостоятельно защитить свои имущественные права единственному несовершеннолетнему наследнику будет затруднительно. Если же наряду с ним к наследованию призываются другие наследники как по завещанию, так и по закону, его интересы должны быть учтены этими лицами и могут быть защищены законными представителями.

Заслуживает внимания анализ норм, предусматривающих ограничение свободы завещания правилами об обязательной доле в наследстве. Так, в соответствии со ст. 1064 ГК несовершеннолетние дети наследодателя наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону [4]. Из содержания указанной статьи следует, что реализация ребенком наследственных прав в соответствии с его правовым статусом в такой ситуации поставлена в зависимость от воли наследодателя, выраженной в завещании и не учитывающей интересов несовершеннолетнего законного наследника. В то же время право наследования несовершеннолетнего защищено императивной нормой анализируемой статьи. Таким способом закон не только учитывает имущественные интересы несовершеннолетнего, но и содействует реализации ребенком наследственных прав.

При необходимости управления долей в недвижимом и ценном движимом имуществе, входящем в состав наследства, в целях обеспечения прав ребенка на наследственное имущество может быть заключен договор о доверительном управлении имуществом несовершеннолетнего, перешедшим к нему по завещанию или по закону. Субъектом договора с одной стороны является орган опеки и попечительства, с другой — законный представитель, исполнитель завещания. Если ребенок достиг 14 лет, он вправе самостоятельно заключить такой договор с законным представителем, исполнителем завещания с согласия органа опеки и попечительства. В связи с изложенным представляется возможным дополнить ч. 1 п. 1 ст. 36 ГК формулировкой следующего содержания: «Несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе с согласия органа опеки и попечительства заключить договор доверительного управления недвижимым и ценным движимым имуществом, входящим в состав наследства». Следует предусмотреть также возможность нотариуса в рамках осуществления мер по охране наследственного имущества, перешедшего к несовершеннолетнему, заключить договор доверительного управления имуществом. С этой целью предлагаем дополнить п. 1 ст. 1068 ГК ч. 2 в следующей редакции: «Если в составе наследства, перешедшего к несовершеннолетнему, имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления, нотариус от имени несовершеннолетнего и в соответствии со ст. 909 настоящего Кодекса в качестве вверителя заключает договор доверительного управления этим имуществом». Договор будет действовать до момента принятия наследства (приобретения ребенком полной дееспособности в связи с достижением совершеннолетия или эмансипацией). На наш взгляд, это обеспечит реализацию наследственных прав ребенка, а также подчеркнет не только его личную независимость, но и имущественную самостоятельность.

В целях надлежащего обеспечения наследственных прав и интересов несовершеннолетнего в случае его отказа от наследства считаем целесообразным п. 4 ст. 1074 ГК изложить в новой редакции: «Отказ от наследства в случаях, когда наследником является несовершеннолетний либо гражданин, признанный недееспособным или ограниченно дееспособным, допускается с предварительного разрешения органа опеки и попечительства, а также согласия родителей, усыновителей, опекунов и попечителей». Включение в число заинтересованных лиц родителей, усыновителей, опекунов, попечителей в большей степени будет содействовать всесторонней охране и защите имущественных интересов несовершеннолетнего при принятии им решения об отказе от наследства.

Исследуя особенности правового статуса ребенка в семейных правоотношениях, целесообразно опираться на общие представления о правовом статусе ребенка. Так, в правовом статусе ребенка, на наш взгляд, его права, интересы и правосубъектность представляют собой элементы особой важности, поскольку отличаются своим происхождением, содержанием и значением. Так, правоспособность, дееспособность и деликтоспособность несовершеннолетнего — элементы правосубъектности, которая, как юридическая категория, представляет собой предусмотренную нормами права его способность (возможность) быть участником правоотношений. Правоспособность — это предусмотренная нормами права способность (возможность) лица иметь субъективные права и юридические обязанности. Деликтоспособность — способность нести ответственность за причиненный вред. При этом в гражданском и семейном праве предусмотрены процедуры постепенного расширения дееспособности и деликтоспо-

способности, причем именно в отношении несовершеннолетних. Думается, в основании правового статуса должны лежать права, обязанности, интересы и правосубъектность. Остальные элементы — гражданство, юридическую ответственность, гарантии — целесообразно рассматривать как околостатусные, расширяющие исследуемую категорию до «правового положения несовершеннолетнего» [1, с. 124].

В этом смысле можно говорить о специфике правоспособности ребенка, рассматривая ее как специальную по отношению к общей правоспособности. Теоретическая необходимость и практическая целесообразность в выделении специальной правоспособности заключаются в выявлении такой самостоятельной разновидности правового статуса ребенка, как семейно-правовой. В таком случае прослеживается взаимосвязь этих категорий, специфика семейно-правового статуса ребенка предопределена наличием у него семейной правоспособности. К сожалению, вопрос о семейной правосубъектности в теории семейного права практически не исследуется: традиционно для характеристики данной категории применяются дефиниции гражданского права (правоспособность и дееспособность) [6, с. 323].

Таким образом, отечественное семейное законодательство не содержит определения понятий «правоспособность» и «дееспособность». Указанное обстоятельство не позволяет четко отграничить и определить их отраслевую природу, а также затрудняет поиск базиса для обладания ребенком конкретными субъективными семейными правами и исполнения семейных обязанностей. Данный пробел неблагоприятно сказывается на семейно-правовом статусе ребенка.

Поскольку семейная правоспособность и дееспособность ребенка выступают как специальные правовые конструкции, служащие основаниями для приобретения и осуществления ребенком самостоятельно либо с участием законных представителей конкретных субъективных семейных прав и исполнения семейных обязанностей, представляется целесообразным дополнить КоБС положениями о семейной правоспособности и дееспособности в целом и ребенка в частности. С этой целью следует дополнить ст. 180 КоБС ч. 2 и 3 в следующей редакции: «Семейная правоспособность ребенка есть установленная законом способность несовершеннолетнего лица быть носителем субъективных семейных прав и юридических обязанностей в семейных правоотношениях».

Семейная дееспособность ребенка есть способность лица своими действиями приобретать и осуществлять семейные права и обязанности. Семейная дееспособность в полном объеме возникает у ребенка с достижением им совершеннолетия».

Подробно рассматривая семейно-правовой статус ребенка, нельзя не обратить внимание на необходимость исключения из него некоторых составляющих либо, напротив, дополнения такого отраслевого статуса отдельными элементами с учетом специфики семейных правоотношений. Исходя из гражданско-правового характера деликтоспособности, считаем возможным не рассматривать и не включать данную категорию в качестве элемента семейной правосубъектности.

Значительное влияние на формирование семейно-правового статуса ребенка имеет его возраст. Возникновение наиболее важных для ребенка правовых последствий имеет место по достижении им 10-летнего возраста, когда мнение ребенка и его интерес выступают в качестве определяющих условий, необходимых для реализации правовых норм, входящих в содержание его семейно-правового статуса. Так, ребенок, способный выразить свое мнение, имеет право быть заслушанным при решении любого вопроса, затрагивающего его интересы, в ходе судебного или административного разбирательства. Изменение фамилии и имени собственного ребенка, достигшего 10 лет, во всех случаях производится с его согласия, которое выявляется органами опеки и попечительства (ст. 70, 71 КоБС). При отсутствии согласия между родителями спор о том, с кем будет проживать ребенок, разрешается судом исходя из интересов ребенка и с учетом его пожелания (ст. 74 КоБС). В случае отобрания ребенка у родителей без лишения родительских прав при вынесении решения о его возвращении также учитывается желание ребенка, достигшего 10 лет (ст. 85 КоБС). На основании ст. 130 КоБС для усыновления ребенка, достигшего 10 лет, необходимо его согласие. Ребенок, достигший 10 лет, может быть передан в приемную семью только с его согласия (ст. 170 КоБС) [5]. Для усыновления ребенка, достигшего 10 лет, также необходимо его согласие. Усыновление такого ребенка против его воли не допускается [7, с. 89]. Учет мнения ребенка, достигшего 10-летнего возраста, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам, обязателен для лиц, принимающих решение по спорному вопросу. Право на публичное выражение своих взглядов по вопросам общественного устройства, морали и права возникает по мере появления гражданской дееспособности. Так, норма ст. 18 КоБС позволяет несовершеннолетнему вступить в брак уже по достижении им 15-летнего возраста [5].

Семейные правоотношения различны, сложны и многогранны по видам и своей структуре. Это обуславливает специфику правового статуса ребенка, который определяется его особым, отличным от иных субъектов обозначенных правоотношений положением, где он является не только их участни-

ком, но прежде всего членом семьи. Полагаем, семейный статус ребенка во многом определяется не только такими личностными характеристиками, как возраст, собственное имя, отчество, фамилия, гражданство, но и наличием или отсутствием у него семьи, нахождением ребенка на воспитании иных лиц, заменяющих родителей, либо на государственном попечении.

Говоря о семейных правах и интересах ребенка, следует учитывать классическое их деление на личные неимущественные и имущественные. Если реализация личных неимущественных прав и интересов не вызывает затруднения у ребенка, то специфика правового положения ребенка в семейных отношениях имущественного вида обусловлена тем, что ребенок участвует в них не самостоятельно, а при участии своих законных представителей и в зависимости от объема его дееспособности.

Отличительная видовая особенность семейного статуса ребенка проявляется в его содержании. С одной стороны, его составляют права ребенка, которые относятся к семейным по своему виду, с другой стороны, обязанности ребенка, образующие содержание семейного статуса.

Предлагаем закрепить данную дефиницию в ч. 3 ст. 180 КоБС.

В процессе семейного устройства наглядно проявляется влияние семейно-правовых юридических фактов на содержание гражданско-правовых норм, что доказывает взаимосвязь прав и обязанностей ребенка, регламентируемых нормами различных отраслей права. При этом, так или иначе, но независимо от отраслевой принадлежности отношений ученые признают, что правовой статус ребенка (прежде всего специальный или отраслевой) определяется его семейно-правовым положением [7, с. 54].

В правовом статусе ребенка его права, интересы и правосубъектность представляют собой элементы особой важности, поскольку отличаются своим происхождением, содержанием и значением. Так, правоспособность, дееспособность и деликтоспособность несовершеннолетнего — элементы правосубъектности, которая, как юридическая категория, представляет собой предусмотренную нормами права его способность (возможность) быть участником правоотношений [1, с. 124]. В данном случае речь идет об общем правовом статусе несовершеннолетнего. Между тем в числе иных элементов правового статуса ребенка можно выделить не только основные, но и дополнительные, определяемые, в частности, в зависимости от его семейного положения. При этом элементы общего правового статуса ребенка характерны для всех категорий детей без исключения. Дополнительные же возникают у ребенка с учетом отнесения его лишь к указанной категории детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, и генерируют в рамках особого статуса, который с учетом его специфики предлагаем именовать сепаратным (лат. *separatus* — отделенный, обособленный от других).

Под сепаратным статусом ребенка следует понимать зафиксированные в юридической форме его структурные элементы, а именно совокупность установленных законом прав, законных интересов и обязанностей, принадлежащих ребенку, относящемуся к определенной социальной группе несовершеннолетних, включающей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и конкретизирующих его правовое положение по отношению к другим категориям несовершеннолетних.

Отнесение ребенка к числу детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является переходным и трансформирует его из общего правового статуса в сепаратный. Реализация элементов, лежащих в основе сепаратного статуса, позволяет ребенку выступать равноправным участником, прежде всего, семейных правоотношений. Поскольку участники этих правоотношений обладают специальной семейной право- и дееспособностью, это также оказывает влияние на формирование статуса ребенка, относящегося к указанной категории.

Поскольку реализация элементов, лежащих в основе правового статуса ребенка, относящегося к рассматриваемой категории, не может осуществляться им самим, а защита его прав и законных интересов возлагается на специальные органы, считаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 116 КоБС формулировкой следующего содержания: «Органы опеки и попечительства, а также на иные организации, уполномоченные законодательством Республики Беларусь, обязаны обеспечить детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, условия для реализации их прав и законных интересов с учетом их сепаратного правового статуса». При этом следует учитывать, что данный статус может носить многоотраслевой характер, поскольку он способен гарантировать ребенку реализацию норм не только материальных (гражданского, семейного, наследственного, жилищного и др.), но и процессуальных отраслей права.

Заключение. Специфика норм наследственного права проявляется в том, что они по своей правовой природе являются гражданско-правовыми, при этом механизм их реализации обусловлен наличием у участников наследственных отношений семейно-правового статуса.

Особенности правового статуса ребенка как субъекта наследственных правоотношений заключаются в возможности ребенка быть наследником в рамках его правоспособности и невозможности са-

мостоятельно представлять свои имущественные интересы в отношении наследственной доли. Эти функции выполняют его законные представители. Важная роль в наследственных правоотношениях с участием несовершеннолетнего принадлежит юридическим фактам, носящим семейно-правовой характер.

Итак, в основе правового статуса ребенка как субъекта наследственных правоотношений лежит совокупность имущественных прав и обязанностей, а также интересов имущественного характера, направленных на приобретение наследственного имущества несовершеннолетнего с учетом объема его дееспособности, правоспособности, семейного положения, возраста, трудоспособности и иных критериев, оказывающих влияние на механизм реализации норм о праве наследования ребенка.

Содержание правового статуса несовершеннолетнего в семейных правоотношениях определено неоднозначно, что свидетельствует об отсутствии системного подхода к определению семейно-правового статуса ребенка и не позволяет обеспечить в полной мере действие принципа приоритетной заботы государства о правах и интересах ребенка.

Специфика правового статуса ребенка в семейных правоотношениях обусловлена отраслевой принадлежностью этих прав. Ребенок по сравнению с другими субъектами семейных правоотношений, несомненно, является совершенно особым их участником, что обусловлено такими факторами, как возраст ребенка, его личностные характеристики, участие законных представителей несовершеннолетнего в реализации его прав и интересов для восполнения дееспособности ребенка.

Семейно-правовой статус ребенка — комплексная категория, отражающая взаимоотношения ребенка и иных членов семьи, включающая зафиксированные в юридической форме его структурные элементы, в том числе личные неимущественные (право на жизнь в семье, право выражать свое мнение в семейных правоотношениях, право на защиту) и имущественные (право на получение содержания от родителей и других членов семьи, право собственности на имущество) права; обязанности; семейную право- и дееспособность. Границы семейно-правового статуса ребенка определяются его возрастом.

Особенности правового статуса несовершеннолетнего в семейных правоотношениях заключаются в возможности ребенка реализовать свои личные неимущественные права и интересы в рамках его семейной право- и дееспособности и невозможности самостоятельно представлять свои имущественные интересы, носящие семейно-правовой характер, без участия его законных представителей.

Правовой статус несовершеннолетних, относящихся к категории детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, с учетом его специфики предлагаем именовать сепаратным, позволяющим конкретизировать их правовое положение по отношению к другим категориям несовершеннолетних. Данный статус может носить многоотраслевой характер, поскольку он способен гарантировать ребенку реализацию норм не только материальных (гражданского, семейного, наследственного и др.), но и процессуальных отраслей права.

Список цитируемых источников

1. Рутман-Шиндина, Е. Я. К вопросу о правовом статусе несовершеннолетнего / Е. Я. Рутман-Шиндина // Идея правового государства в юридической доктрине и конституционной практике Беларуси: история и современность (к 20-летию принятия Конституции Республики Беларусь (1994 г.) и 15-летию образования Союзного государства Беларуси и России) : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 27—29 нояб. 2014 г.) / редкол.: Д. М. Демичев (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Экоперспектива, 2014. — С. 123—125.
2. Савина, И. В. Формирование института правового статуса ребенка в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / И. В. Савина // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. — Гродно : ГрГУ, 2009. — Ч. 1 : Проблемы гражданского и хозяйственного права. — Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/25643/1.pdf>. — Дата доступа: 09.01.2020.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2019. — 48 с.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 277-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.12.2019. — 2/2715.
5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июл. 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 277-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 28.12.2019. — 2/2715.
6. Летова, Н. В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Летова ; Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. — М., 2013. — 463 л.
7. Кеник, А. А. Защита прав несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. — Минск : Дикта, 2005. — 252 с.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 343.41

О. И. Скок¹, И. В. Шуленкова²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 826 98 97, ksyu.skok@mail.ru, ²+375 (29) 524 80 30, shuarina@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТРАКТОВКА ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ В СОСТАВЕ УБИЙСТВА

Несмотря на то, что тема насильственных преступлений изучается достаточно широко, в частности, при квалификации убийства возникают сложности и могут допускаться ошибки. В этой связи необходимо обратить внимание на некоторые из вопросов, возникающих непосредственно на практике относительно применения п. 6 ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК). Состав убийства, совершенного с особой жестокостью, обладает целым рядом особенностей. Главная из них заключается в том, что понятие «особая жестокость» относится к оценочным признакам. Избежать оценочных понятий в уголовном праве, в принципе, невозможно, однако применение их традиционно вызывает значительные сложности. Трудности квалификации убийства с особой жестокостью связаны с определением критериев анализируемого понятия, а также необходимости составить примерный перечень обстоятельств, свидетельствующих о совершении убийства с особой жестокостью.

Ключевые слова: право на жизнь; убийство; насилие; страх; жертва; агрессия; жестокость; особая жестокость.
Библиогр.: 15 назв.

O. I. Skok¹, I. V. Shulenkova²

Baranavichy State University, Republic of Belarus, Ministry of Education of Republic of Belarus, 21 Voikov St.,
225404 Baranavichy, Republic of Belarus, ¹+375 (29) 826 98 97 ksyu.skok@mail.ru,
²+375 (29) 524 80 30, shuarina@yandex.ru

CRIMINAL LAW INTERPRETATION OF SPECIAL CRUELTY IN MURDER

Despite the fact that the topic of violent crime is studied quite widely, in particular, in the qualification schemes of complexity and mistakes are made. In this regard, it is necessary to pay attention to some of the issues. 6 h. 2 tbsp. 139 of the Criminal Code. The composition of a murder committed with extreme cruelty has a number of properties. The main one is that the concept of “special cruelty” refers to evaluative features. In principle, it is impossible to avoid evaluative concepts in criminal law, but their application traditionally causes considerable difficulty. Difficulties in qualifying a murder with particular cruelty are associated with particular cruelty.

Key words: right to life; murder; violence; fear, the victim; aggression; cruelty; extreme cruelty.
Ref.: 15 titles.

Введение. В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 139 УК одним из отягчающих обстоятельств убийства является особая жестокость [1].

Неразрешенность злободневных социально-политических, национальных, идеологических, религиозных и других вопросов государственной и общественной жизни современности ведет к тому, что насилие становится одним из основных способов выхода из любой конфликтной ситуации либо с помощью насилия лицо добивается определенной цели. Однако в ряде случаев насилие может использоваться и ради него самого, чтобы продемонстрировать собственную силу и власть, насладиться, упиться ими [2, с. 3—4].

Во Всеобщей декларации прав человека провозглашаются «ценность человеческой личности» и право каждого человека на жизнь (ст. 3) [3]. В ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах обращено внимание на неотъемлемость данного права, его охрану законом, недопустимость произвольного лишения жизни [4]. Конституция Республики Беларусь исходит из этих же положений, указывая в ст. 24 о том, что «каждый имеет право на жизнь» [5].

В правоприменительной деятельности квалификация преступлений, совершенных с особой жестокостью, характеризуется многочисленными противоречиями и коллизиями. В частности, это обусловлено тем, что особая жестокость может выступать и как признак объективной стороны преступления и в качестве мотива преступления, посягающего на различные объекты.

По официальным данным МВД Республики Беларусь, за истекший период 2020 года зарегистрировано 396 убийств, 153 из них совершены при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139 УК), по Брестской области совершено 15 убийств при отягчающих обстоятельствах [6].

Помимо данных официальной статистики и качественных характеристик криминального насилия актуальность исследования проблем совершения убийства с особой жестокостью подтверждается тем, что данные насильственные преступления посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны и, по сути, разрушают нравственные устои общества, создают сильный негативный общественный резонанс, вызывая у граждан страх, неуверенность, недоверие к власти, неспособной защитить своих граждан. Все это в конечном итоге дестабилизирует деятельность общества и может привести к массовым беспорядкам или самосуду; кроме того, нередко лицо, совершившее преступление с особой жестокостью, становится серийным преступником.

Материалы и методы исследования. Применялись общепринятые методы научного исследования: системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический анализ, исследование документов и печатных изданий, диалектический метод познания.

Результаты исследования и их обсуждение. На бытовом уровне все чаще прослеживается ничем не объяснимое насаждение в средствах массовой информации культа насилия и внедрение на уровень межличностных взаимоотношений модели жестокого поведения. Современному периоду характерно ужесточение совершаемых преступлений. Нередко жертвами таких посягательств становятся наименее виноватые и наименее защищенные лица — старики, женщины, дети, инвалиды. В связи с этим необходимо вести усиленную борьбу с данными деяниями, так как успешная борьба с ними является важнейшей составляющей частью нравственного облика нашего общества. И чем глубже знания о жестокости, тем успешнее с ней можно бороться [7, с. 3—4].

Анализируя убийство с особой жестокостью, необходимо отметить, что прежде чем определиться с понятием «особая жестокость», следует обратить внимание на то, что закон не содержит критериев данной категории, в связи с чем в судебно-следственной практике и юридической литературе возникает много спорных вопросов, что затрудняет квалификацию данного преступления.

Многие исследователи при толковании понятия «особая жестокость» отсылают к толковым словарям русского языка. В частности, в словаре С. И. Ожегова жестокость раскрывается через понятие «жестокий», т. е. крайне суровый, безжалостный, беспощадный [8, с. 195]. Вызывает значительные затруднения выделить отличительные черты «обыкновенной» жестокости от особой жестокости при убийстве. Однако сделать это необходимо, так как только наличие в деянии виновного особой жестокости образует состав квалифицированного убийства.

В специальной литературе отмечается, что отнесение того или иного деяния к «просто» или «особо жестокому» или «вообще не жестокому» зависит не только от оценок субъекта, но и от многих других факторов. «Жестокость, как указывает Ю. М. Антонян в своей монографии, это разрушение, гибель, уничтожение. Это отвращение к жизни» [9, с. 21].

В юридической литературе высказан ряд других суждений относительно понятия «особая жестокость». Так, С. К. Питерцев утверждал, что убийство, признаваемое особо жестоким, должно характеризоваться крайней степенью жестокости — жестокостью сверхобычной, из ряда вон выходящей, исключительной [10, с. 18—19]. В. С. Ковальский определяет особую жестокость как совокупность юридических признаков физического или психического насилия, указывающего на изощренное или безжалостное причинение страданий потерпевшему или его близким [11, с. 8]. По мнению А. Н. Попова, особая жестокость при убийстве заключается в причинении потерпевшему особых физических и (или) нравственных страданий, т. е. сильных, достаточно продолжительных, многократных или однократных страданий [12, с. 898]. На взгляд Ж. В. Тришиной, под особой жестокостью следует понимать пытки, мучения, истязания и иное воздействие на человека, причиняющее пожизненные страдания физическому или психическому состоянию потерпевшего [2, с. 21]. Анализируя мнения ученых, представляется, что формулировка термина через понятия «сверхобычная жестокость», «исключительная жестокость», «бессердечность», «беспощадность», «безжалостность», «крайняя суровость» чрезвычайно расплывчата и неопределенна, не раскрывает содержания понятия «особая жестокость» точно и единообразно. Применение подобных понятий приведет к значительным трудностям в квалификации убийств на практике.

Рассмотрев различные точки зрения, можно сделать вывод, что в теории и практике уголовного права признаки особой жестокости делят на объективные и субъективные. К первым относятся: 1) множественность нанесения побоев и ранений потерпевшему; 2) длительный характер их нанесения; 3) последовательность причинения телесных повреждений. Субъективным признаком является умысел виновного лица на причинение мучений и страданий потерпевшему в процессе лишения его жизни. Авторы разделяют мнение Н. В. Борисенковой, которая полагает, что ключевыми в понятии «особая жестокость» представляются следующие его интерпретации: 1) как свойства личности; 2) как свойства деяния. В первом случае это форма отрицательной агрессивности, заключающаяся не только в наличии деструктивных тенденций в области субъектно-объектных отношений, готовности и предпочтении использования насильственных средств для реализации своих целей, но и осознанном стремлении причинить жертве какие-либо страдания, либо внутренней готовности к этому. Во втором — жестокость можно определить как форму отрицательной агрессии, целенаправленное нанесение вреда живому существу, осознанное причинение ему страданий при условии нарушения общепринятых норм поведения [7, с. 25].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 года № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» понятие особой жестокости при квалификации убийства по п. 6 ч. 2 ст. 139 УК связывается как со способом лишения жизни, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявленной виновным такой жестокости [13].

Уголовно-правовое понимание жестокости связано с понятием насилия. Будучи одним из его проявлений, оно отличается лишь обязательным наступлением страданий потерпевшего.

Теория уголовного права, законодатель и правоприменительная практика, говоря о составе убийства с особой жестокостью, вкладывают в его смысл те положения, которые отвечают нравственным, психологическим, филологическим, правовым, уголовно-правовым, медицинским и житейским реалиям современности.

Различное понимание понятия «жестокое обращение» связано с особенностями основных объектов соответствующих преступлений, но в целом это явление обладает единым содержанием во всех статьях, где упоминается. Это связано с широким кругом физического и психического воздействия, причиняющего потерпевшему физические и психические страдания [14, с. 163]. В ряде статей упомянуты издевательства и мучения для потерпевшего. Может проявляться особая жестокость в способах его совершения: нанесении большого количества телесных повреждений, использовании мучительно действующего яда, сожжении заживо, длительном лишении пищи, воды и т. п. Перечень способов является открытым. Кроме того, об особой жестокости может свидетельствовать обстановка совершения убийства: когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялось истязание, в том числе пытки или глумление над жертвой. Страдания «близких лиц» могут повлиять на квалификацию убийства как особо жестокое лишь опосредованно, через отношение к этому «настоящего» потерпевшего. Если он осознает, что его лишают (будут лишать) жизни на глазах близких ему людей, что причинит им сильные душевные страдания, что, в свою очередь, усиливает муки самого потерпевшего, убийство можно расценивать как совершенное с особой жестокостью [15, с. 16]. Зачастую из всего списка убийств выделяются продуманные, заранее спланированные убийства, совершенные с особой жестокостью, порой носящие серийный характер, связанные с сексуальными отклонениями.

Таким образом, убийство следует считать совершенным с особой жестокостью в тех случаях, когда жертве преступления непосредственно перед лишением жизни либо в процессе убийства путем истязания умышленно причинялись особая мучительная боль и страдания, а также в тех случаях, когда близким потерпевшему, присутствующим на месте преступления, заведомо для виновного причинялись особые страдания.

Заключение. Убийства с особой жестокостью характеризуются рядом особенностей, выделяющих их из числа других убийств. Несмотря на незначительную их долю в общем числе убийств, они представляют повышенную опасность для граждан и общества. Эти особенности заключаются, прежде всего, в специфике способов совершения убийств, обстановки их совершения, типологическими особенностями личности убийцы и потерпевшего и других элементов.

Выяснение содержания таких понятий, как «издевательства», «мучение», «истязание», «пытка», «садизм», «жестокое обращение», а также соотношения их друг с другом показывают, что все они являются частными случаями проявления особой жестокости. В связи с этим полагаем целесообразным объединить все понятия в одно — «особая жестокость», поскольку таковое охватывает своим содер-

жанием все перечисленные способы причинения физического или психического вреда здоровью потерпевшему или его близким либо иным лицам.

Предлагаем под особой жестокостью понимать умышленное причинение потерпевшему исключительных физических или психических страданий путем издевательства, мучения, истязания потерпевшего либо применения к нему пыток или садистских методов при совершении противоправного деяния.

На наш взгляд, особая жестокость в составе убийства, ответственность за которое предусмотрена в п. 6 ч. 2 ст. 139 УК, выполняет роль обязательного элемента объективной стороны — способа совершения убийства — и выступает одним из оснований законодательной дифференциации уголовной ответственности за умышленное и противоправное лишение жизни другого человека.

Особо жестокий способ совершения убийства выражается в осознанном и (или) целенаправленном причинении потерпевшему, а также его близким лицам особых физических и психических страданий ради них самих или для достижения иных целей, имеющих своим следствием причинение потерпевшему смерти либо вреда здоровью. Результатом таких действий при совершении убийства с особой жестокостью являются: 1) истязание или пытка потерпевшего непосредственно до лишения жизни; 2) мучительный способ причинения смерти либо 3) присутствие близких потерпевшему лицу. Исходя из вышесказанного, считаем, что объективный характер особой жестокости в составе убийства предполагает его субъективную «огранку»: совокупность вины, мотива, цели и эмоций при совершении преступления.

Список цитируемых источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2019 г. № 253-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 23.11.2019. — 2/2691.
2. Тришина, Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступлений против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ж. В. Тришина. — М., 2009. — 31 с.
3. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Суд. вестн. — 1992. — № 1. — С. 39—41.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Организацией Объединенных Наций 16 дек. 1966 г. : вступил в силу 23 марта 1976 г. // ООН: права человека и борьба с преступностью : сб. междунар. док. — Минск, 1990. — С. 226—237.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — 10-е изд., стер. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. — 62 с.
6. Общая статистика за 2020 год [Электронный ресурс] / М-во внутр. дел Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=342713>. — Дата доступа: 19.09.2020.
7. Борисенкова, Н. В. Уголовно-правовая оценка жестокости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Борисенкова. — М., 2005. — 28 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Винадова. — 20-е изд. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
9. Антонян, Ю. М. Преступная жестокость : монография / Ю. М. Антонян ; ВНИИ МВД России. — М. : ВНИИ МВД России, 1994. — 217 с.
10. Питерцев, С. К. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь / С. К. Питерцев // Совет. юстиция, 1973. — № 19. — С. 18—19.
11. Преступления, совершаемые с особой жестокостью / А. П. Закалюк [и др.]. — Киев, 2007. — 32 с.
12. Попов, А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом / А. Н. Попов. — СПб., 2001. — 212 с.
13. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г. № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31 марта 2016 г. № 2 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 09.04.2016. — 6/1534.
14. Батищев, В. И. Характеристика группы и особенностей расследования, совершенных ею неоднократных преступлений против личности / В. И. Батищев // Воронеж. криминалист. чт. Вып. 1. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. — С. 160—172.
15. Тимошенко, И. И. Теоретические и практические проблемы расследования убийств, совершенных с особой жестокостью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. И. Тимошенко. — М., 2009. — 31 с.

Поступила в редакцию 28.09.2020

УДК 342(476)

П. В. Соловьёв

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Блохина, 29, 211440 Новополоцк, Республика Беларусь, +375 (214) 59 04 07, p.solovjov@psu.by

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КОНСТИТУЦИОННОСТИ НА СТАДИЯХ ПЛАНИРОВАНИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

В статье рассматривается вопрос реализации принципа конституционности на начальных стадиях нормотворческого процесса: на стадии планирования нормотворческой деятельности и на стадии нормотворческой инициативы. Исследование представляет собой поиск новых инструментов воплощения в жизнь принципа конституционности на данных стадиях в целях дальнейшей конституционализации системы нормативных правовых актов. В работе предложены направления совершенствования конституционно-правового планирования и нормотворческой инициативы Конституционного Суда Республики Беларусь.

Ключевые слова: нормотворчество; нормотворческая деятельность; нормотворческий процесс; принципы нормотворчества; принципы нормотворческой деятельности; принцип конституционности; планирование нормотворческой деятельности.

Библиогр.: 11 назв.

P. V. Soloviev

Polotsk State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 29 Blokhin St.,
211440 Navapolack, Republic of Belarus, +375 (214) 59 04 07, p.solovjov@psu.by

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF CONSTITUTIONALITY AT THE STAGES OF PLANNING RULE-MAKING ACTIVITY AND RULE-MAKING INITIATIVE

The article discusses the issue of implementing the principle of constitutionality at the initial stages of the rule-making process: at the stage of planning the rule-making activity and at the stage of the rule-making initiative. This article is a search for new tools for the implementation of the principle of constitutionality at these stages. It was proposed directions for improving constitutional planning and rule-making initiatives of the Constitutional Court of the Republic of Belarus.

Key words: rule-making; rule-making activity; rule-making process; principles of rule-making; principle of constitutionality; planning of rule-making activities.

Ref.: 11 titles.

Введение. Одним из основных принципов нормотворческой деятельности является принцип конституционности. Это признает как юридическая наука [1, с. 32; 2, с. 14], так и действующее белорусское законодательство о нормотворческой деятельности, соответствующее положение закрепляет ст. 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [3]. В нормотворчестве данный принцип, как правило, рассматривается в качестве юридической характеристики нормативного правового акта, которая отражает его соответствие действующей Конституции (или Конституции и иным нормативным актам большей юридической силы). При этом соответствие должно быть формальным и материальным. Первое предполагает, что нормативные правовые акты приняты в соответствии с процедурой, установленной Конституцией, второе — что нормативные правовые акты соответствуют Конституции по содержанию. Данный принцип является широко исследуемым предметом в современной юридической науке. Проблемы понятия, содержания, реализации данного принципа в нормотворческой деятельности рассматриваются в публикациях Г. А. Василевича, Н. В. Витрука, Т. М. Пряхиной, А. Н. Пугачева, А. Г. Тиковенко, Ю. А. Тихомирова и др.

Нормотворческий принцип конституционности исследуется в юридической науке в основном в контексте его реализации на таких стадиях нормотворческого процесса, как подготовка текста проекта нормативного правового акта [4, с. 30], проведение нормотворческих экспертиз, принятие нормативного правового акта. Также достаточно широко представлены исследования вопросов реализации принципа конституционности при осуществлении предварительного и последующего конституционного контроля органами конституционной юстиции [5, с. 39; 6, с. 13].

Однако проблема воплощения в жизнь принципа конституционности на начальных стадиях нормотворческого процесса является малоисследованной. Под начальными стадиями нормотворческого процесса мы понимаем стадию планирования нормотворческой деятельности и стадию нормотворческой инициативы. Необходимость их исследования в контексте реализации принципа конституционности мы обосновываем тем, что для нормотворческой деятельности, как и для любого стадийного процесса, действует правило: начальные стадии процесса главным образом предопределяют конечный результат.

Методология и методы исследования. Методологически настоящее исследование представляет собой научное осмысление конституционности как основополагающего принципа нормотворческой деятельности, который охватывает собой всю нормотворческую деятельность, а значит, должен находить своё воплощение и на начальных стадиях нормотворческого процесса. Отправной точкой настоящего исследования является гипотеза: нормотворческий принцип конституционности должен быть обеспечен механизмом реализации на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе и на начальных, что в конечном счёте будет способствовать укреплению конституционного правопорядка. При этом настоящее исследование ограничивается лишь материальным аспектом реализации принципа конституционности. Автором статьи при её написании использованы общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Принципы нормотворческой деятельности представляют собой руководящие положения, определяющие организационные начала нормотворческой деятельности и базовое содержание нормативных правовых актов. Воплощение в жизнь нормотворческих принципов, в том числе и принципа конституционности, осуществляется через различные организационные и правовые механизмы их реализации. Рассмотрим проблему реализации принципа конституционности в материальном аспекте на стадиях планирования нормотворческой деятельности и нормотворческой инициативы.

1. Нормотворческий принцип конституционности на стадии планирования нормотворческой деятельности реализуется в первую очередь через планирование и подготовку нормативных правовых актов, необходимость принятия которых прямо определена конституционным текстом. В Республике Беларусь это, например, ч. 4. ст. 10 Конституции Республики Беларусь [7], предусматривающая необходимость принятия Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», ч. 2 ст. 57 Конституции о необходимости принятия Закона Республики Беларусь «Об альтернативной службе», ч. 3. ст. 108 Конституции о необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» и др. Наравне с данными актами также должна планироваться первоочередная подготовка проектов нормативных правовых актов, направленных на развитие конституционных норм, требующих дополнительной регламентации для их реализации на практике. Например, ч. 1 ст. 48 Конституции предусматривает положение о том, что «граждане Республики Беларусь имеют право на жилище». Данная норма Конституции, исходя из её смысла, требует дополнительного правового развития и не может быть прямо реализована без принятия соответствующего законодательства, в том числе и Жилищного кодекса. Можно заключить, что конституционный текст выступает планом подготовки законопроектов первой необходимости, что и является базовым инструментом реализации принципа конституционности с точки зрения планирования нормотворческой деятельности. На сегодня в белорусском законодательстве, на наш взгляд, в полной мере реализованы те задачи, которые закреплены текстом Конституции Республики Беларусь, в части подготовки и принятия первоочередных нормативных правовых актов.

В дальнейшем принцип конституционности в контексте планирования нормотворческой деятельности должен реализовываться через разработку долгосрочных и краткосрочных планов подготовки проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение будущих потребностей в конституционно-правовом регулировании. При этом планы должны охватывать как отношения, которые только складываются, так и те, появление которых прогнозируется в будущем. К числу таких отношений, например, можно отнести вопросы в сфере цифровизации всех видов общественных отношений (электронная демократия, криптовалюты, электронные общественные организации, роботизация и др.), вопросы в сфере соматических прав, геномной инженерии и др. В основе таких планов должна лежать цель — обеспечение устойчивого конституционно-правового развития общества, охрана конституционных ценностей, конституционно-правового статуса личности, общества, государства.

Планирование конституционно-правового регулирования, которое будет отвечать вызовам будущего, — это прямая обязанность всех нормотворческих органов, а также гражданский долг всех иных участников нормотворческих отношений, в том числе и научного сообщества. Однако, на наш взгляд, можно предложить специальный механизм реализации принципа конституционности на стадии планирования нормотворческой деятельности.

Ориентиром для планирования нормотворческой деятельности в части реализации принципа конституционности должны стать правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, в которых суд обращает внимание на перспективы конституционно-правового развития, будущие потребности в конституционно-правовом регулировании общественных отношений. Такие правовые позиции можно отыскать в ежегодных посланиях Конституционного Суда. Например, в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году [8] Конституционный Суд обращает внимание законодателя на необходимость развития корпоративного права, а также законодательства, определяющего правовой статус наднационального права в белорусской правовой системе. В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году — на необходимость принятия нормативных правовых актов о саморегулируемых организациях, а также на потребность в модернизации законодательства о местном самоуправлении [9]. В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году — на необходимость адаптации правового регулирования института собственности к цифровым технологиям и инновациям [10].

В целях реализации идеи о конституционно-правовом планировании Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» [11] в части регулирования вопросов о содержании ежегодного Послания Президенту Республики Беларусь и палатам Национального Собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности должен быть дополнен формулировкой о том, что Конституционный Суд не только излагает выводы и предложения Конституционного Суда на основе рассмотренных в текущем году дел и материалов, но и формулирует концептуальные нормотворческие предложения, которые подлежат отражению нормотворческими органами в своих планах подготовки проектов нормативных правовых актов в целях реализации принципа конституционности. Нормотворческие предложения Конституционного Суда должны быть адресованы конкретным нормотворческим органам, содержать концептуальную позицию суда относительно содержания будущего нормативного правового акта, основанную на нормах Конституции. В свою очередь, практика применения положений Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» о планировании нормотворческой деятельности должна пойти по пути оперативного отражения в государственных программах, планах подготовки законопроектов и планах подготовки проектов нормативных правовых актов позиций Конституционного Суда Республики Беларусь, содержащих предложения по планированию и подготовке нормативных правовых актов.

Предложенный нами механизм будет формировать новый институт конституционного права — конституционно-правовое планирование.

2. Нормотворческий принцип конституционности на стадии нормотворческой инициативы должен реализовываться через внесение в нормотворческие органы проектов нормативных правовых актов или мотивированных нормотворческих предложений, являющихся результатом конституционно-правового планирования или ответом на текущие конституционно-правовые проблемы, выявленные нормотворческими органами. Использовать нормотворческую инициативу для решения текущих конституционно-правовых проблем — обязанность всех субъектов нормотворчества. Однако здесь, как и в случае с конституционно-правовым планированием, можно предложить специальный механизм.

Основным нормотворческим органом, работающим в сфере выявления конституционно-правовых дефектов в нормативных правовых актах, является Конституционный Суд. Правовые позиции Конституционного Суда, указывающие на конкретные конституционно-правовые недостатки нормативного правового акта, должны признаваться нормотворческой инициативой, которая должна быть в обязательном порядке рассмотрена нормотворческим органом и своевременно принято решение. Потенциал данной модели состоит в том, что Конституционный Суд может формулировать правовые позиции об устранении в нормативных правовых актах конституционно-правовых недостатков в рамках всех видов производств, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве».

На данный момент Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» реализовывает этот потенциал лишь частично, в рамках производства по делам об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключения в них коллизий и правовой неопределённости (глава 24).

Согласно ст. 160 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», если Конституционный Суд приходит к выводам о наличии в нормативных правовых актах пробелов или иных форм правовой неопределённости, то он принимает решение, где формулируется предложение конкретному государственному органу, должностному лицу о необходимости устранения в этих актах в соответствии с их компетенцией пробелов, исключения в них коллизий и правовой неопределённости. В соответствии со ст. 85—86 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» решение Конституционного Суда об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключения в них коллизий и правовой неопределённости является обязательным для рассмотрения государственными органами, должностными лицами в соответствии с их компетенцией. При этом данные государственные органы, должностные лица не позднее одного месяца после принятия решения Конституционного Суда обязаны рассмотреть его в соответствии с их компетенцией и письменно сообщить Конституционному Суду о результатах рассмотрения.

Как представляется, необходимо предусмотреть право Конституционного Суда Республики Беларусь формулировать мотивированное нормотворческое предложение конкретному государственному органу о необходимости устранения в нормативных правовых актах конституционно-правовых дефектов не только в рамках производства, предусмотренного главой 24, но и в рамках иных производств, предусмотренных главами 14—23 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». Например, в рамках производства по делам о проверке конституционности закона, принятого Парламентом Республики Беларусь, в порядке обязательного предварительного контроля, когда нет оснований принять решение о несоответствии такого закона Конституции Республики Беларусь, но есть необходимость устранить имеющийся в тексте закона пробел правового регулирования, имеющий конституционно-правовое значение.

Также данный механизм должен быть усилен, чтобы быть эффективным инструментом устранения дефектов правового регулирования, влекущих существенное нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Считаем, что вынесение Конституционным Судом решения, содержащего мотивированное нормотворческое предложение конкретному государственному органу о необходимости устранения в нормативных правовых актах конституционно-правовых дефектов, должно признаваться нормотворческой инициативой. Нормотворческий орган должен не только рассмотреть решение Конституционного Суда, но и начать соответствующий нормотворческий процесс, который должен быть завершён в двухмесячный срок принятием (изданием) нормативного правового акта. При этом применительно к специфике законодательного процесса это должно выражаться в обязанности субъекта законодательной инициативы, к которому Конституционный Суд направил решение, реализовать своё право законодательной инициативы в двухмесячный срок посредством внесения в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь законопроекта.

При этом важно, чтобы решение Конституционного Суда, содержащее требование об устранении в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и других случаев правовой неопределённости также содержало позицию суда, основанную на нормах Конституции, о том, как действовать правоприменителям при разрешении данных ситуаций до устранения конституционно-правового дефекта в правовом регулировании.

Заключение. Нормотворческий принцип конституционности должен получить своё развитие на стадии планирования и инициирования нормативных правовых актов через механизм конституционно-правового планирования и нормотворческой инициативы Конституционного Суда Республики Беларусь.

В этой связи можно сделать следующие предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Статью 162 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» необходимо дополнить положением о том, что ежегодные послания Конституционного Суда Республики Беларусь должны содержать концептуальные нормотворческие предложения, адресованные нормотворческим органам и направленные на дальнейшую конституционализацию белорусского законодательства. В свою очередь, практика применения ст. 38 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» должна предполагать, что при разработке программ и планов подготовки проектов нормативных правовых актов нормотворческие органы должны учитывать правовые позиции Конституционного Суда, содержащие предложения по планированию и подготовке нормативных правовых актов.

Необходимо предусмотреть право Конституционного Суда формулировать мотивированное нормотворческое предложение конкретному государственному органу о необходимости устранения в нормативных правовых актах конституционно-правовых дефектов в случае выявления таковых в рамках всех видов производств, предусмотренных главами 14—25 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». В свою очередь, ст. 40 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» следует дополнить положением о том, что вынесение Конституционным Судом акта, содержащего мотивированное нормотворческое предложение о необходимости устранения в нормативных правовых актах конституционно-правовых дефектов, является нормотворческой инициативой, подлежащей рассмотрению нормотворческим органом (нормотворческим должностным лицом). При этом в двухмесячный срок нормотворческий орган (нормотворческое должностное лицо) должно принять (издать) соответствующий нормативный правовой акт, направленный на устранение конституционно-правового дефекта. Если такое предложение связано с принятием, изменением (дополнением), отменой закона, то оно направляется соответствующему субъекту законодательной инициативы, на которого возлагается обязанность в двухмесячный срок реализовать своё право законодательной инициативы путём внесения в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь законопроекта.

Список цитируемых источников

1. Пугачев, А. Н. Правотворческий процесс / А. Н. Пугачев. — Новополоцк : ПГУ, 2010. — 387 с.
2. Правотворческий процесс : учеб. пособие / А. Н. Бодак [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича. — Минск : Выш. шк., 2015. — 271 с.
3. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 : принят Палатой представителей 27 июня 2018 г. : одобр. Советом Респ. 29 июня 2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. — 26.07.2018. — 2/2568.
4. Василевич, Г. А. Комментарий к закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г. А. Василевич. — Минск : Интерпрессервис, 2003. — 256 с.
5. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие / Н. В. Витрук. — Изд. 3-е. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. — 592 с.
6. Василевич, Г. А. Конституционное правосудие : учеб. пособие / Г. А. Василевич. — Минск : Издат. центр БГУ, 2014. — 277 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
8. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2014 г., № 124-3 : с изм. и доп. от 22 дек. 2016 г. № 13-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
9. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] : решение Конституцион. Суда Респ. Беларусь от 23 янв. 2018 г. № Р-1120/2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
10. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году [Электронный ресурс] : решение Конституцион. Суда Респ. Беларусь от 14 марта 2019 г. № Р-1166/2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
11. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019 году [Электронный ресурс] : решение Конституцион. Суда Респ. Беларусь от 11 марта 2020 г. № Р-1211/2020 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

Поступила в редакцию 25.09.2020

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная на основании заключённого договора о передаче исключительных прав на объект авторского права.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free of charge in accordance with the existing contract on transfer of authority to the subject matter of copyright.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU: <http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>.